

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Серия самых выдающихся книг, рассказывающих о борьбе русского народа с силами мирового зла, русофобии и расизма:

- Булацель П.Ф.** Борьба за правду
- Бутми Г.В.** Кабала или свобода
- Вязигин А.С.** Манифест созидательного национализма
- Грингмут В.А.** Объединяйтесь, люди русские!
- Достоевский Ф.М.** «Царство антихриста»
- Дубровин А.И.** Черная сотня
- Жевахов Н.Д.** Еврейская революция
- Иванов В.Ф.** Русский мир и масонство
- Ильин И.А.** Национальная Россия
- Марков Н.Е.** Лики Израиля. Войны темных сил
- Меньшиков М.О.** Письма к ближним
- Нилус С.А.** «Близ есть, при дверех...»
- Осипов В.Н.** Записки националиста
- Пасхалов К.Н.** Русский вопрос
- Тихомиров Л.А.** Битва за Россию
- Шарапов С.Ф.** После победы славянофилов
- Шафаревич И.Р.** Русофобия
- Шевцов И.М.** Бородинское поле
- Шмаков А.С.** Еврейские речи

АНДРЕЙ ВЯЗИГИН

**МАНИФЕСТ
СОЗИДАТЕЛЬНОГО
НАЦИОНАЛИЗМА**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2008**

Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма / Составление и комментарии А. Каплина и А. Степанова; Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 400 с.

Автор этой книги известный русский ученый Андрей Вязигин был зверски замучен большевиками в 1919 г. Враги убили его за убеждения, что русский народ должен жить по своим национальным обычаям, традициям и идеалам. Никто в мире не вправе навязывать русским чуждый им образ жизни. В своих трудах А. Вязигин отстаивает идеи созидательного национализма, который обеспечит русским мирный труд, духовное здоровье и благосостояние. После убийства автора книга публикуется впервые.

ISBN 978-5-902725-11-4

© Институт русской цивилизации, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Андрей Сергеевич Вязигин родился 15 октября (здесь и в дальнейшем все даты приводятся по ст. ст.) 1867 года в дворянской семье в родовом имении на хуторе Федоровка (Волчанского уезда Харьковской губернии), расположенном у самой границы Харьковского уезда. Огромную роль в воспитании А. С. Вязигина, выработке его мировоззрения, интереса к истории сыграла бабушка — М. А. Худашова, «умная старуха, крепкая в своих нравственных устоях. Она сумела внушить своему внуку с раннего детства твердые религиозные убеждения и непоколебимое чувство долга».

С детства полюбив деревню, А. С. Вязигин впоследствии «всегда близко принимал к сердцу нужды и запросы крестьянской и мелкопоместной Руси». И несмотря на то, что уже в ранние годы он оказался в Харькове, тем не менее не только на каникулах, но и в другое свободное время он часто приезжал на хутор.

Обучаясь в 3-й Харьковской гимназии, А. С. Вязигин обнаружил недюжинные способности к истории, нашел поддержку в лице преподавателя прот. Тимофея Павлова и инспектора гимназии М. В. Алексеева, который называл гимназиста Вязигина «выдающимся учеником». В этом убедился и молодой приватдоцент Императорского Харьковского университета (а впоследствии университета) В. П. Бузескул, который тогда временно преподавал в гимназии.

В 1886 году А. С. Вязигин поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета, где его способности, отношение к учебе и успехи вы-

зывали восторг у декана — профессора В.К. Надлера. Сохранилось несколько тетрадей — конспектов лекций студента Вязигина, которые свидетельствуют и о его старательности и аккуратности.

В 1890 году А. С. Вязигин был удостоен золотой медали за сочинение на предложенную факультетом тему: «Борьба Генриха IV с Григорием VII до избрания Рудольфа Швабского (По источникам)». Автор проявил себя здесь не только как талантливый историк, но и как знаток иностранных языков. В. К. Надлер в своем официальном отзыве констатировал: «Труд этот во всех отношениях выдающийся... он обнаруживает в авторе не только необыкновенное прилежание, но и недюжинные способности. Напечатанный с небольшими изменениями, он мог бы смело служить магистерской диссертацией». Еще студентом А. С. Вязигин подготовил в павленковской серии «Жизнь замечательных людей» книжку «Григорий VII, его жизнь и общественная деятельность», которая вышла в свет в 1891 году и быстро разошлась.

Выдержав в том же году государственный экзамен с дипломом первой степени, А. С. Вязигин был оставлен с 1 января 1892 года стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории. Это были годы напряженнейшего труда, когда появляется целый ряд его научных работ. В 1894 году он выдерживает установленные экзамены на степень магистра всеобщей истории и получает звание приват-доцента по кафедре всемирной истории, где стал читать лекции по истории Средних веков. Однако научная работа не только не затормозилась, но становилась все более интенсивной. Причем А. С. Вязигина признают (не только русские ученые, но и западноевропейские) как «выдающегося знатока вопроса с независимыми взглядами», выводы его считают «очень основательными», а критику «компетентной».

В 1898 году А. С. Вязигин блестяще защитил магистерскую диссертацию на тему «Очерки из истории папства в XI веке», которая, как и прежние труды, получила высокие оценки научной общественности, в том числе авторитетнейшего специалиста по Средневековью Е. Н. Трубецкого (переписка с которым частично сохранилась), который отметил такие качества автора как: «богатая эрудиция, тонкое историческое чутье и завидное умение пользоваться тем обширным материалом источников, которыми он располагает».

И еще нельзя не отметить одну отличительную сторону ученой деятельности А. С. Вязигина. В его трудах Средние века не являлись чем-то мертвым или чуждым современному человеку. «Наиболее жизненной стороной» в «возрождении средневекового настроения», с точки зрения автора, является «возврат к вере, признание за ней ее прав и необходимости для разумного миропонимания». «Без веры, — констатирует он, — жизнь пустыня, наполненная ужасами, возбуждающая отчаяние». И он уверен, что «возврат к вере поведет к возвращению блудных сынов в лоно любящей матери, св. Церкви, под руководством которой единственно может произойти полное обновление общества; иначе течение останется раздробленным на мелкие ручейки, вызовет частичные, местные улучшения, но не превратится в мощный поток, разносящий во все концы мира глубокую преданность заветам Спасителя и полную готовность осуществить свои верования на деле».

Несмотря на активную научную деятельность и уже будучи магистром А. С. Вязигин по-прежнему оставался приват-доцентом. В 1899 году ему поступило предложение перейти в Юрьевский, а затем в Киевский университеты с гораздо лучшими для него условиями, но А. С. Вязигин остался в Харькове (хотя и.о. экстраординарного профессора он был утвержден лишь 22 декабря 1901 года).

В Харьковском университете среди преподавательского, студенческого состава и среди представителей так называемых свободных профессий все заметнее становилось, что «инородцы ощутительно» проявляли «противоречащую исконно русским началам деятельность». В 1899–1901 годах активизируются антиправительственные студенческие выступления. К этому времени в Харькове социал-демократами был уже создан комитет (1898 год). Харьков был одним из центров эсеров. Здесь действовало ядро их боевой организации. Городскую Думу возглавлял либерал.

Поэтому наиболее выдающаяся русская часть харьковской профессуры принимает решение более активно включиться в общественную деятельность. В 1902 году они направили заявление в Совет Русского Собрания с просьбой открыть Харьковский Отдел. «...Основанием для возбуждения ...ходатайства, — писал профессор-историк П.Н. Буцинский, — послужила настоятельная необходимость в борьбе с надвигающимися силами космополитизма, влияние которого становится столь ощутительно в жизни русского провинциального общества».

Весной 1902 года во время Великого поста между студентами Харьковского университета образовалась группа лиц (около 50 чел.), «пожелавших противодействовать возникавшим в то время забастовкам учащейся молодежи и успевших воспрепятствовать студенческим сходкам и прекращению учебных занятий. На этот добрый почин отозвались некоторые профессора университета, принявшие под свое покровительство благонамеренную группу студентов... Но для достижения существенных результатов как в области духовного воздействия на молодежь», так и с целью влияния на общественные настроения необходима была организация русских людей.

Естественно, что А. С. Вязигин не мог оставаться равнодушным к тому, что происходило в университете и

городе. Тем более, что он имел и организаторский талант и опыт (29 декабря 1899 года его отправили в Москву на заседания предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда в Харькове, который состоялся в 1902 году). Отличаясь широким историческим кругозором, «удивительно тонким критическим чутьем», свободно владея художественным словом, он пользовался «исключительным успехом у своих слушателей как лектор». Благодаря этим достоинствам преподавания аудитория А. С. Вязигина в конце года была «столь же многочисленной, как и вначале».

Первоначально предполагалось образовать в Харькове самостоятельное общество. Однако некоторые члены Русского Собрания, проживающие в Харькове, предложили создать отдел уже существующего Русского Собрания. Это позволяло ставить одни цели и получать поддержку из центра.

Учитывая местную специфику, решили выработать и некоторые особые положения. Для того чтобы не дать возможности провокаторам проникнуть в организацию, было решено просить Совет Русского Собрания:

«1) чтобы лица, проживающие в Харькове, могли быть принимаемы в действительные члены Русского Собрания не иначе, как по предложению Совета Харьковского Отдела, и 2) чтобы члены Совета Харьковского Отдела избирались из действительных членов Русского Собрания, а из числа членов названного Совета и председатель и делопроизводитель утверждались Советом Русского Собрания». Впоследствии к вышеназванному была добавлена просьба и об утверждении товарища председателя Отдела. Кроме этого, право решения о закрытии Харьковского Отдела предоставлялось Совету Русского Собрания.

23 февраля 1903 года Совет Русского Собрания в Петербурге получил разрешение учредить в г. Харькове первый Отдел, который должен был действовать на осно-

вании Устава «Русского Собрания» и «Особого к нему Добавления». Этот почин привел к тому, что вскоре отдели РС возникли практически во всех крупных центрах России. Ходатайство было одобрено и харьковским губернатором И.М. Оболенским, на которого в 1902 году было предпринято покушение.

22 марта 1903 года учредители выбрали из своей среды для управления делами Отдела Совет из 6 профессоров: председателем был избран А. С. Вязигин, товарищем председателя — Я.А. Анфимов, делопроизводителем — Я.А. Денисов, казначеем — В.И. Альбицкий, членами Совета П.Н. Буцинский и Н.К. Кульчицкий.

Следует обратить внимание, что Совет ХОРСа состоял из выдающихся профессоров университета, где Н.К. Кульчицкий, например, в 1897–1901 годах был деканом медицинского факультета, а в 1916 году стал последним министром народного просвещения Российской Империи; проф. Я.А. Анфимов возглавлял медицинские общества и т. д.

А. С. Вязигин с 1902 года начал издавать журнал «Мирный труд», ставший со временем лучшим провинциальным «толстым» журналом правого толка. Первый номер вышел в феврале 1902 года. Он открывался программной вступительной статьей редактора-издателя, которая представляла собой своего рода манифест. В полном соответствии с учением классиков славянофильства автор писал: «Вне народности нет мышления, нет познания, нет творчества. Стало быть, и каждый русский не может отрешиться от своей национальности, ибо еще ребенком, с первым своим лепетом, начал проникаться ею, постепенно все теснее и неразрывнее сливаясь всем существом с родной стихией». Причем, как и славянофилы, А. С. Вязигин специально оговаривался: «Нам нельзя поворачиваться спиной и к Западу – «стране святых чудес», по выражению родоначальника нашего славянофильства А. С. Хомякова». Редактор призывал читателя не преда-

ваться унынию и пессимизму, стеноя по поводу утраты русским народом самобытности: «Наш великий народ не утратит своего облика и своей духовной самобытности, пока на земле будет звучать живая русская речь».

В статье давалось объяснение и названию журнала. Редактор писал: «Не пустые и звонкие слова, не боевые кличи и громкие речи, способные сладким дурманом опьянить юные головы, нужны нашей дорогой, терзаемой столькими общественными недугами, родине... Наше Отечество прежде всего нуждается в скромных тружениках, делающих свое “маленькое дело” ради подъема общего культурного уровня, являющегося следствием настойчивой работы каждого из нас над самим собой, а не туманных стремлений к насильственным и коренным переворотам, заранее осужденным историей на полную неудачу: единственной зиждущей силой, выдержавшей вековые испытания, был и остается мирный труд».

В течение первого года вышло 5 выпусков журнала. Подводя итог первого года издания, в 5-м номере А. С. Вязигин отмечал, что журнал достиг своей цели, сплотив разрозненных доселе национально мыслящих представителей русского образованного слоя в Харькове. Свидетельством успеха, по мысли редактора, является, прежде всего, поход против нового журнала представителей либерального лагеря. Однако А. С. Вязигин был чужд победных реляций и откровенно говорил об ошибках. Во-первых, изначально ошибочно были ограничены только научно-литературными проблемами рамки журнала, что не позволяло высказываться по актуальным общественным вопросам. В результате журнал не мог иметь того звучания, какое нужно. Во-вторых, нужно было внести коррективы в периодичность издания. Чтобы быть эффективным органом печати, журнал должен быть ежемесячным.

В связи с этими соображениями редактор-издатель объявлял, что для решения этих вопросов он берет паузу.

зу и приостанавливает выпуск журнала, но с 1 января 1904 года журнал станет выходить в обновленной форме с постоянным штатом сотрудников (за этот год журнал «содержал в себе 2405 стр. убористого шрифта»). В письме к К.П. Победоносцеву от 10 октября 1904 года по поводу статьи Д.А. Хомякова «О классицизме» Н.М. Павлов высоко отзывается о А. С. Вязигине как о «достойном всякой поддержки» редакторе «очень симпатичного по направлению журнала «Мирный труд», «гонимому многокрайними недоброжелателями русско-православного направления».

В 1904–1906 годах «Мирный труд» выходил 10 раз в год, а с 1907 года и до конца 1914 года, когда издание было прекращено, выходил стабильно 12 раз в год, даже в то время, когда редактор-издатель А. С. Вязигин был депутатом Государственной Думы III созыва. В первые годы журнал печатался в типографии Губернского правления, затем начала работать электропечатня журнала «Мирный труд».

Издателю удалось привлечь к сотрудничеству многих видных духовных лиц, правых публицистов и ученых, причем не только из Харькова, но и всей Империи. На страницах журнала выступали архиепископ Антоний (Храповицкий), архиепископ Макарий (Невский), архиепископ Стефан (Архангельский), епископ Алексей (Дородницын), профессор-протоиерей Т. И. Буткевич, о русских древностях писал акад. А. И. Соболевский, барон М. Ф. Таубе публиковал философские трактаты, помещал свои сочинения проф. В. Ф. Залесский, депутаты Государственной Думы г. Г. Замысловский и г. А. Щечков регулярно высказывались по актуальным вопросам в контексте русской самобытности, А.П.Липранди исследовал национальные и окраинные проблемы. В журнале сотрудничали многие священники, а также И. И. Балаклеев, М. М. Бородкин, проф. Я. А. Денисов, Н. М. Павлов, Н. Н. Родзевич, проф. Н. Д. Сергеевский,

проф. Ф. С. Хлеборад, Д. А. Хомяков (сын А. С. Хомякова), Н. И. Черняев и другие известные люди.

Один из инициаторов создания ХОРСа М. А. Остроумов — заслуженный ординарный профессор по кафедре церковного права Харьковского университета, с марта 1903 года по апрель 1906 года являлся редактором «Харьковских губернских ведомостей», которым, по его же словам, «придал строго консервативный характер». За это время М. А. Остроумовым здесь было опубликовано около 250 собственных статей.

25 января 1904 года в Харькове открывается религиозно-просветительное общество «Братство Озерянской иконы Божией Матери», которую А. С. Вязигин приветствовал как «новый оплот Православия в Харькове». В этом же году при епархиальном училище было создано Братство святой Великомученицы Варвары. К исходу 2-го года существования ХОРС насчитывал 273 члена, из них 54 были иногородними.

Несмотря на рост активности русских людей в 1905 году в Харькове происходят довольно бурные события. В октябре 1905 года университет на несколько дней был захвачен вооруженными студентами и рабочими и окружен баррикадами.

Часть студенчества, поддерживаемая либеральной профессурой, решила бойкотировать членов ХОРС Т. И. Буткевича, А. С. Вязигина, М. А. Остроумова, Я. А. Денисова, не посещать и не записывать их лекции и требовать изгнания их из университета. Была выделена группа студентов, которые срывали лекции названных профессоров. Члены ХОРС подвергались различным притеснениям: отказ в приеме на работу, в кредите, в приемке к оплате векселей и т. д. Требовались срочные активные меры.

В декабре 1905 года А. С. Вязигин предложил записываться тем, кто хотел учредить в Харькове Союз Русского Народа. Именно А. С. Вязигин разработал устав и

уже 15 января 1906 года Харьковский отдел СРН (ХСРН) был торжественно открыт. На то время в ХСРН насчитывалось около 1100 чел. Под правление Отдела на первых порах А. С. Вязигин предоставил помещение в своем собственном доме, а затем правление разместилось в Покровском монастыре (где находилась резиденция правящего архиерея).

ХСРН благодаря усилиям А. С. Вязигина (хотя он не был его председателем, а только членом Совета) действовал весьма энергично. Стали поступать пожертвования. Союз начал издавать газету «Черная сотня», брошюры, листовки.

В первый год было осуществлено более 20 различных изданий общим тиражом 544 тысячи экземпляров. Распространялись различные монархические издания. Стали открываться чайные-читальни, отделы в губернии. На все это требовались немалые средства, поэтому в июле 1906 года А. С. Вязигин выдвинул идею о самообложении русских людей хотя бы одной копейкой в день. Впоследствии эта идея приобрела всероссийскую известность, вылившись в стройную систему сборов «Мининской копейки». В 1906 году активизируется деятельность «Кружка русских студентов». Открывается в декабре 1906 года Кружок ревнителей православия при Харьковском обществе русских людей под руководством членов ХСРН прот. П. Н. Скубачевского и прот. И. П. Знаменского.

А. С. Вязигин был активным участником практически всех всероссийских монархических форумов этого времени, открывал Отделы СРН в Харьковской губернии. На 1-м Всероссийском съезде Русских Людей в Санкт-Петербурге 8–12 февраля 1906 года (Всероссийский съезд Русского Собрания) он выступил с приветствием от имени ХОРС, в котором заверил делегатов, что в Слободской Украине нет сепаратизма, в его пользу здесь раздаются лишь отдельные голоса, но «древняя половецкая степь не думает и не желает отделения». На

2-м Всероссийском съезде Русских Людей в Москве 6–12 апреля 1906 года А. С. Вязигин был избран товарищем председателя Съезда.

На 3-м Всероссийском съезде Русских Людей в Киеве 1–7 октября 1906 года (Всероссийский съезд Людей Земли Русской) он был одним из самых активных участников, избирался членом двух комиссий — по выработке проекта постановления по вопросу об избирательном законе и по вопросу об объединении монархистов. Выступая в прениях по вопросу об объединении патриотических союзов, А. С. Вязигин заявил: «Наша история знает формы объединения: община и Собор. По этому типу возможно и наше объединение. Европейские партии с их дисциплиной нам невыносимы; да и кто будет у нас вождем нашей партии. У нас есть один — Самодержец Всероссийский. Никому другому мы при нашем свободолюбии подчиняться не можем, и нет никакой принудительной силы для такого подчинения. В нашем деле одна общая команда невозможна... Я предлагаю организовать девять, так сказать, военных округов в крупных центрах, как Петербург, Киев, Одесса и т. д., которые и служили бы средоточиями, а не командами». По вопросу об объединении Третий Съезд принял схему, близкую той, что предлагал вождь харьковских монархистов.

ХСРН был поддержан генерал-губернатором Н. Н. Пешковым. Правящий архиерей — архиепископ Харьковский и Ахтырский Арсений (Брянцев) в октябре 1906 года освятил хоругвь Совета в честь св. вмч. Георгия Победоносца и стал почетным членом ХСРН. Также почетными членами стали А. И. Дубровин, который в ноябре 1906 года посетил Харьков, св. прав. Иоанн Кронштадский и генерал Евг. Вас. Богданович.

Такая деятельность не могла не дать результатов. Во время выборов в I Государственную Думу победу в Харькове одержали кадеты, причем с нарушением действующего законодательства. Но в Государственный Совет (май

1906 года) прошел как представитель кадетов, так и представитель правых протоиерей Т. И. Буткевич.

Выборы во II Государственную Думу (начало 1907 года) кадеты в Харькове проиграли.

На выборах в III Государственную Думу А. С. Вязигину удалось грамотно организовать предвыборную кампанию. В частности, он привлек к составлению листовок и прокламаций для крестьян и рабочих черносоптенцев из простонародья, которым были понятны чувства и мысли представителей своих сословий (вот где и понадобилось знание деревенской жизни, приобретенное на хуторе Федоровка!). На стадии избрания выборщиков выборной кампании победили представители правых организаций. И 19 октября 1907 года А. С. Вязигин одержал убедительную победу и был избран в Думу. Победа кандидата от монархистов в крупном городе была редким явлением, поэтому известие об этом вызвало бурю энтузиазма.

22 октября 1907 года в день Казанской иконы Божией Матери состоялось чествование члена Государственной Думы А. С. Вязигина, превратившееся в крупную патриотическую манифестацию. Членом Государственного Совета прот. Т. И. Буткевичем в сослужении с о. П. Н. Скубачевским был отслужен молебен, по окончании которого о. протоиерей от имени Харьковского СРН благословил А. С. Вязигина образом Озерянской Божией Матери и сказал напутственное слово, отметив: «мы знаем, какую веру и какое благоговение Вы питаете к Матери Божией, теплой Ходатайнице нашей пред Богом».

С приветственными речами выступили председатель Харьковского СРН г. К. Уткин, член Совета Харьковского РС проф. Я. А. Денисов, харьковский судья, член СРН И. М. Бич-Лубенский, который передал А. С. Вязигину завет харьковчан: «Не отдавать ни пяди родной земли ни внешним, ни внутренним врагам». А. С. Вязигина приветствовали также ораторы

от русских женщин, студентов, рабочих и др. А один из активистов монархического движения И. А. Аносов прочитал стихотворение «Вождю», в котором сравнил лидера харьковских монархистов с «гранитным уте-сом». На патриотическом вечере были зачитаны также поздравительные телеграммы от епископа Белгородского Иоанникия (Ефремова), председателя Совета РС кн. М. Л. Шаховского, Н. Н. Родзевича, А. С. Шмакова, Д. А. Хомякова, руководителя Тамбовского Союза Русских Людей М. Т. Попова, прот. С. Городцова (будущего митрополита Варфоломея) и др. видных политических и общественных деятелей.

Растроганный проявлениями уважения и любви, А. С. Вязигин писал в своем прощальном послании: «Моя дорогая, многотысячная харьковская Черная Сотня! Еще раз шлю тебе свой низкий поклон и сердечную благодарность за ласку, за любовь, за неизменную поддержку и усердно прошу верно пестовать наше общее детище — “Харьковский Союз Русского Народа”. Ведь он еще не имеет и двух лет от роду, хоть и приобрел почетную известность по всей Руси Великой и Святой. Необходимо младенца-богатыря холить и лелеять, чтоб он стал славным и могучим богатырем, сокрушителем всякой неправды, смирителем всех темных сил — современных Соловьев-разбойников, Змеев-Горынычей и Жидовинов поганых». А. С. Вязигин просил своих соратников следовать завету апостольскому, — быть единомысленными и единодушными. Он выражал уверенность в конечном успехе борьбы монархистов: «Россию ждет много испытаний, но и конечное торжество, если все мы окажемся достойными сынами наших предков и сомкнутыми рядами дадим грозный отпор наглým притязаниям супостатов и недругов. Многократно они поднимались на Святую Русь, но каждый раз ложились под ее пята, повергнутые в прах. Та же участь ждет их и ныне».

Победа правых в Харькове была обеспечена еще и тем, что с конца 1906 года ХОРС и ХСРН совместно выступили против красносотенцев. К концу 1907 года в губернии действовало 26 отделов ХСРН с численностью не менее 10 тысяч человек.

Несмотря на активную общественную деятельность, А. С. Вязигин продолжал заниматься и научной, преподавательской деятельностью. Так, в 1906–1908 годах он обработал, дополнил и издал второй том (в 2-х частях) «Лекций по всемирной истории» своего покойного коллеги М. Н. Петрова. Как подчеркивал проф. Я. А. Денисов, «обработка чужого труда является делом неблагодарным и невидным и требует известного самопожертвования от того, кто за него берется. И эту жертву А. С. Вязигин принес и, несмотря на исключительно неблагоприятные обстоятельства... справился со своей задачей блистательно».

А. С. Вязигиным была опубликована целая серия научных статей по истории попыток осуществить на практике идеи Августина Блаженного (идеи Царства Божия на земле). Эти статьи должны были стать основой докторской диссертации. Но избрание автора в Государственную Думу помешало ее завершению. А. С. Вязигиным было написано и немало публицистических статей.

После отражения революции в 1905–1907 годах он призывал единомышленников не почивать на лаврах, но произвести, прежде всего, обстоятельный анализ причин смуты и современного состояния внутренних и внешних врагов России. Во вступительной статье к своему сборнику «В тумане смутных дней» (1908) А. С. Вязигин писал: «Пережитое недавно Россией “освободительное безумие” не было неожиданностью для многих, ибо подготовка революционного движения производилась у нас с редкой откровенностью: из года в год затапывались все глубже в грязь наши исторические святыни,

высмеивались народные верования... С ужасом и тревогой смотрели любящие Святую Русь люди на грозное будущее, сулившее великие потрясения для нашего Отечества, которое вдобавок ослаблялось экономическими нестроениями».

Он отмечал, что революция не стихийно созревала, но целенаправленно готовилась, десятилетиями «тайные общества и съезды работали над сплочением всех тех, кто с ненавистью и презрением относился к устоям русской жизни». Именно их лукавая пропаганда привела к тому, что русское юношество «лучшие годы своей жизни отдавало подготовке к революционным выступлениям, а не вдумчивому изучению родной земли». В результате «над Россией все гуще и гуще спускался сумрачный туман приближавшихся смутных дней».

Однако первый бурный натиск революции разбился о «черносотенную плотину, это неприхотливое оружие стихийных народных чувств». А. С. Вязигин считал, что именно с созданием Союза Русского Народа (СРН) произошло сближение до той поры разделенных и разрозненных «образованных русских людей, сознательных националистов с низами, носителями стихийного национализма». Однако опасность не миновала, революционный напор на Россию не прекратился. Поэтому он призывал своих единомышленников к бдительности и кропотливой работе: «Опасность отсрочена, но не миновала, и надо укрепить воздвигнутую народом преграду».

Призыв А. С. Вязигина к единомыслию и единодушию, обращенный к своим харьковским соратникам, оказался пророческим. 1907 год выявил несколько крупных недостатков ХСРН. Первый из них: крайне неблагоприятные материальные условия. В 1907 году касса ХСРН оказалась пуста. Более того, появились долги (свыше 1600 руб.), а также возникли трудности с выплатой кредитов по изданию «Черной сотни».

В итоге всю вторую половину 1907 года «Черная сотня» издается на деньги ХОРСа. Но это помогло лишь на время: к декабрю 1907 года «Черная сотня» прекратила свое существование. Из-за отсутствия средств пришлось закрыть чайные-читальни. Негативные последствия имели и разногласия в Совете ХСРН.

Об этом говорят следующие факты. В январе 1906 года Временный комитет ХСРН возглавил один из учредителей ХСРН проф. В. И. Альбицкий. 29 января 1906 года Постоянный комитет ХСРН избирает председателем князя М. Л. Шаховского. 22 сентября 1906 года Постоянный Совет избирается на 3 года и решением общего собрания председателем Совета ХСРН был избран генерал-лейтенант К. И. Радзишевский. На этой должности он оставался до марта 1907 года. В апреле 1907 года он вошел в состав вновь избранного Совета ХСРН, но вскоре выбыл из него в связи с отъездом из Харькова. 28 марта — 17 апреля 1907 года председательствует в ХСРН опять проф. В. И. Альбицкий. Но в апреле того же 1907 года его сменяет г. К. Уткин.

Несмотря на нестроения и отъезд (в конце 1907 года) А.С. Вязигина в 1908 году продолжается количественный рост харьковских монархических организаций. ХСРН в целом по губернии насчитывал 29 отделов с около 12 тысяч членов. В Харькове в это время действуют «Общество русских людей» (проф. В. И. Альбицкий); «Харьковский Национальный Русский Союз» (С.Д. Ильин, П.Н. Буцинский, В.Я. Воскресенский); «Кружок русских студентов» (В.В. Альбицкий), «Союз русских рабочих» (С. Наливайко, Ф. Коняев), Кружок ревнителей святой Православной веры, «Кружок (впоследствии «Общество») русских женщин» (М.Г. Клименко).

В 1908 году открылся Спасово-Скитский отдел ХСРН, членами которого были представители черного духовенства во главе с настоятелем монастыря игуменом Родионом. Кстати, значительным числом отделов СРН на

Украине руководили священники. Для координации монархических организаций в Харькове было создано губернское управление во главе с И. А. Аносовым.

В III Государственной Думе А. С. Вязигин играл заметную роль. 1 января 1908 года он награждается вторым орденом — Св. Владимира 4-й степени, а 22 октября того же года после смерти графа В. Ф. Доррера А. С. Вязигин был избран председателем фракции правых. От имени правых он резко выступал против посягательств Думы на права Монарха, против принятия законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое, внесенного октябристами и левыми и принятого Думой, за укрепление религиозного образования. Наиболее важными из его выступлений в Государственной Думе стали: «Незыблемость Самодержавия — основа государственного строя России», «Незаконность решения Государственной Думой религиозных вопросов», «Задача русского народного просвещения», «Цель похода против церковно-приходских школ». Во время одного из выступлений, когда А. С. Вязигин проводил анализ национального состава студенчества, отмечая непропорциональное преобладание в нем еврейского элемента, слева раздался выкрик, что выяснение национальности — это мракобесие, на что А. С. Вязигин спокойно ответил: «Если до меня говорили представители различных национальностей и отстаивали свои интересы, то мне, как русскому человеку, можно отстаивать интересы того народа, к которому я принадлежу».

В период работы в III Государственной Думе А. С. Вязигин входил в Бюро для взаимной осведомленности и совместных действий правых деятелей, которое состояло из трех членов Думы (А. С. Вязигин, Г. Г. Замысловский и граф А. А. Бобринский) и трех членов Государственного Совета (А. С. Стишинский, М. Я. Говорухо-Отрок и кн. А. Н. Лобанов-Ростовский) под председательством члена Государственного Совета

кн. А. А. Ширинского-Шихматова. Во время своего пребывания в составе Государственной Думы под влиянием В. М. Пуришкевича А. С. Вязигин наряду с другими правыми думцами сблизился с Русским Народным Союзом имени Михаила Архангела (РНСМА). В 1909–1912 годах он был членом Главной Палаты РНСМА, в 1913 году – членом редакционной комиссии «Книги русской скорби» и членом Комиссии РНСМА для подготовки празднования 300-летия Дома Романовых. 8 ноября 1909 года читал лекцию «Об основных законах Российской Империи» для членов 1-го Российского Экономического Рабочего Союза, созданного при Союзе.

В Харьковском СРН вскоре после отъезда А. С. Вязигина в столицу нестроения продолжились и перешли в 1909 году в открытый конфликт. 24 члена СРН написали жалобу на председателя отдела Хоменко, в их числе был давний соратник А. С. Вязигина проф. В. И. Альбицкий. Совет исключил авторов жалобы из Союза. Они в ответ попытались создать собственную организацию, тогда решением общего собрания они были снова приняты в организацию. В результате подал в отставку Совет в составе Вязигина, Хоменко, Ильина, Федоренко и Шенина. Собранием был избран новый Совет (председатель Е. Е. Котов-Коньшенко, члены: прот. П. Н. Скубачевский и прот. И. П. Знаменский, а также Иванчин и Юрковой). Однако это не привело к примирению двух Советов. После тяжелых переговоров конфликт был улажен, но ненадолго. В 1912 он снова обострился, когда к руководству Харьковским СРН вновь пришли противники А. С. Вязигина.

Внутренние неурядицы ослабляли ХСРН. Но различных взглядов придерживались отнюдь не самые недостойные. Так, протоиерея П. Н. Скубачевского (известного проповедника-миссионера) и протоиерея И. П. Знаменского (был редактором богословско-философского журнала «Вера и Разум», одного из лучших в России, в 1894–

1906 г. он — ректор Харьковской духовной семинарии) иногда в литературе называют «ультраправой частью СРН». Так что при вопросе о разногласиях в ХСРН требуется еще немало потрудиться, чтобы правильно понять причины внутренних нестроений.

В то же время внешние противники объединялись, укреплялись материально, стремилась занять ключевые посты в городе. С 1908 года против СРН активно выступал новый губернатор, стремясь его закрыть.

В это непростое время А. С. Вязигина начали приглашать к себе националисты В. В. Шульгин и П. Н. Балашов. Однако от их предложений он категорически отказался. 19 апреля 1912 года А. С. Вязигин сообщал жене: «К ним я не пойду, а значит остается один путь — полный уход с политической сцены».

Но он продолжал еще достаточно активно участвовать в деятельности монархических организаций. В 1911 году А. С. Вязигин был членом ревизионной комиссии СРН (сторонников Н. Е. Маркова), 19 апреля 1912 года был кооптирован в состав Устроительного Совета Монархических Съездов, 4 мая 1912 года в РС выступил с докладом памяти кн. М. Л. Шаховского, был также участником 5-го Всероссийского съезда Русских Людей в Санкт-Петербурге 16–20 мая 1912 года, а 9 сентября 1912 года выступил в Харькове с обстоятельным докладом об итогах III Государственной Думы.

В основу последнего доклада было положено выступление А. С. Вязигина в октябре 1911 года перед харьковскими монархистами на тему «Перед последней сессией». Этот доклад привлек внимание своей обстоятельностью и глубиной, и был опубликован в «Вестнике Русского Собрания». В докладе, который состоял из двух частей: о еврейских притязаниях в Государственной Думе I–III созывов; о современной расстановке политических сил, А. С. Вязигин проанализировал политическую ситуацию накануне выборов в IV Госу-

дарственную Думу. Говоря о требованиях ликвидации черты еврейской оседлости, он призвал к спокойствию и трезвомыслию. А. С. Вязигин убеждал, что «не нужно преувеличивать еврейские силы», ибо в России перевес всегда будет за русскими, нужно только просвещать народ и освободить его от экономической зависимости от евреев. Это, на его взгляд, является «неотложной, насущной задачей».

Во второй части доклада он констатировал, что раскол в СРН ослабляет позиции монархистов, и выдвинул идею объединения правых, националистов и октябристов (при отделении левых октябристов). По его убеждению, такая коалиция получит устойчивое большинство в Думе: «К такому объединению надо стремиться всюду, ибо иначе нельзя создать здание обновленной, свободной, в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия, преданной, как один человек, своему Государю — России». Однако эта идея А. С. Вязигина не была поддержана ни монархистами, ни умеренными октябристами.

А. С. Вязигин был одним из наиболее трезвомыслящих политиков-монархистов. Он не только понимал, какие силы выступают против России, но и не строил иллюзий относительно состояния русского общества, особенно его высших слоев. Так, еще в 1912 году он писал своей жене из Петербурга: «Убежден, что разложение “народного представительства” пойдет у нас с головокружительной быстротой, и нет людей, которые остановили бы падение России, давно разлагающейся. Тут непреодолимые действуют силы, и карающая десница Божия занесена над нашей Родиной. Впереди только чудо может спасти нас от общей участи — разложения государственности. Россия еще долго может сопротивляться, но ее мозг поражен болезнью, и эта болезнь главная. Сюда должны быть на-

правлены все заботы врачевные. Увы, этого не видят, или не хотят видеть!»

По окончании работ III Думы А. С. Вязигин принял решение не участвовать в новых выборах, а сосредоточить свои силы на научно-педагогической и общественной деятельности в родном городе. Он никогда не расставался с мыслью снова вернуться на кафедру, а потому даже в Петербурге продолжал свои научные занятия и издал в 1912 году книгу научных статей «Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого». С весны 1913 года А. С. Вязигин приступил к исполнению профессорских обязанностей. Однако из-за консервативных политических убеждений он получил должность ординарного профессора только в мае 1913 года, да и то с прибавкой «и. о.» (либеральная цензура была похлеще государственной).

С весеннего полугодия 1914 года А. С. Вязигин начал читать лекции и вести практические занятия по истории Средних веков на Высших женских курсах при Товариществе трудящихся женщин. Великолепно зная предмет по первоисточникам, не менее блестяще он вел и практические занятия, где с редким «терпением и настойчивостью» приучал своих слушателей «относиться вдумчиво к читаемым под его руководством памятникам давно угасшей жизни». Кроме того, он состоял членом Харьковской комиссии Народных чтений, выступая здесь в качестве лектора и составив краткий очерк ее деятельности.

В 1914 году он был избран гласным Харьковской городской Думы и работал в ряде комиссий. Продолжал он и активную работу в Русском Собрании, оставаясь владельцем типографии, где печатался журнал «Мирный Труд». Большой резонанс имела публикация в нем (в 1913 году) «Заметок по поводу убийства Андриюши Ющинского», которые перепечатывали многие издания.

Однако в № 11 за 1914 год было опубликовано объявление: «Редакция журнала “Мирный труд” доводит до сведения своих постоянных подписчиков, что по болезни редактора подписка на 1915 год открыта не будет». Такое объявление стало, видимо полной неожиданностью для многих читателей, потому что в следующем, последнем номере журнала, появилось более пространное объявление: «Редакция “Мирного труда” считает своим священным долгом принести сердечную благодарность всем своим сотрудникам и подписчикам, громадное большинство которых возобновило подписку и на 1915 год, даже после объявления о приостановлении издания. Из разных углов России редакцией получены многочисленные письма, выражающие твердую уверенность, что здоровье редактора вскоре восстановится и он снова сможет продолжать служение родине содействием духовному объединению русских людей, верных заветам нашего славного прошлого и желающих самобытного развития России в будущем». Однако журнал возобновлен не был.

В 1911–1915 годах А. С. Вязигин участвовал в издании и редактировании газеты «Харьковские губернские ведомости» («Харьковские ведомости»), где с 1909 года редактором-издателем была и его жена, но 31 декабря 1915 года и эта газета прекратила существование.

Не принимая формального участия в политической деятельности, А. С. Вязигин сохранил авторитет в кругах монархистов. В годы Первой мировой войны он вел обширную переписку с правыми деятелями, пытаясь через их посредство повлиять на ситуацию. 5 января 1915 года в письме к Н. Е. Маркову он предлагал способ снять аграрное напряжение, используя антигерманские настроения в обществе. А. С. Вязигин отмечал, что «народ тяготеет к земле, а не к ограничению власти Государя. Удовлетворение этой тяги Царем должно быть первым и очередным делом, ибо искалеченные, потерявшие

трудоспособность люди должны быть обеспечены не 2 руб. 50 коп. годовой пенсии, а по старинке — раздачей неотчужденной земли, отобранной у немецких колонистов, вознаграждение коих по мирному договору должно быть возложено на немцев. Иначе вся ненависть будет направлена на помещиков».

30 ноября 1915 года в письме к кн. Д. П. Голицыну (Муравлину) передавал настроения, царящие в среде простого народа в отношении власти: «Трудно сказать, кто более революционно настроен, правые ли низы или левые интеллигентские круги. Характерно, что недовольство объединяет и тех, и других, и сколько раз мне из правых уст приходилось слышать поговорку: рыба гниет с головы. В глазах русских людей власть имущие позорно оскандалились».

Монархические совещания 1915 года прошли без участия А. С. Вязигина. На Петроградское Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года, которое организовали сторонники Н. Е. Маркова, от Харькова были приглашены оппоненты А. С. Вязигина. В адрес Всероссийского монархического совещания в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций 26–29 ноября 1915 года, которое проводили сторонники А. И. Дубровина, он прислал доклад, но лично не поехал. В период подготовки к общемонархическому съезду в 1916–1917 годах Н. Н. Тиханович-Савицкий включал А. С. Вязигина, как одного из самых авторитетных местных деятелей, в состав предполагаемого Монархического Совета, но Съезд так и не состоялся. В январе 1917 года А. С. Вязигин получил предложение от председателя Государственного Совета И. Г. Щегловитова войти в состав Совета с целью укрепления фракции правых, но он отказался, сославшись на то, что желает продолжить преподавательскую деятельность. И это была не дежурная отговорка.

А. С. Вязигин был убежден: «Чтобы справиться с выдвигаемыми жизнью жгучими и острыми вопроса-

ми, надо прежде всего знать. Ни одна наука не имеет в этом отношении такого значения, как история, дающая нам опыт длинной вереницы поколений. Наблюдаемое здесь пестрое разнообразие учреждений и характеров, сталкивающихся идей, страстей, руководящих побуждений и сложных отношений помогает лучше и сознательнее разобраться в настоящем, избегать множества уже сделанных ошибок и неудачных попыток. Но чтобы быть благотворным, знание должно быть сознательным и точным.

Отсюда вытекает насущная необходимость обращения к первоисточникам, к человеческим документам... Они переносят нас в давно исчезнувшую среду, они позволяют постичь ее особенности, выработать собственное о ней суждение, они развивают такое драгоценное и необходимое качество, как самостоятельность. Обогадив себя знанием, приучившись вдумчиво и самостоятельно относиться к прошлому, человек спасает свою духовную свободу от тяжелых оков партийности <...>. Такова назревшая, признанная русским обществом потребность переживаемого нами момента».

Исходя из такого понимания науки, А. С. Вязигин задумал издать хрестоматию по истории Средних веков (пособие к лекциям и практическим занятиям). За 1916 год им было издано 3 выпуска, которые были встречены словами самой высокой похвалы как о внутреннем содержании, так и о полиграфическом оформлении. Первую часть четвертого выпуска он успел издать в 1917 году.

1 января 1917 года исполнилось 25 лет его научно-педагогической деятельности. Учитывая обстоятельства переживаемого «времени кровавой борьбы за родину», решили придать торжеству самый скромный, «чисто семейный факультетский характер». После Рождественских каникул, 26 января это чествование и состоялось. А 12 февраля была издана брошюра, посвя-

щенная юбиляру, автором которой выступил Я. А. Денисов.

В ней подчеркивалось, что А. С. Вязигин исходил из того, что наука должна не чуждаться жизни, но готовить к ней, помогать в неизбежной борьбе с ее превратностями. И они в самом скором времени наступили. После февральского переворота, как и большинство монархистов, А. С. Вязигин не участвовал в политической деятельности.

С приходом к власти большевиков он не собирался покидать Харьков и продолжал работать в университете, хотя и был отстранен от преподавания в народном университете. В различного рода изданиях (вплоть до сего дня) там, где упоминается А. С. Вязигин, общепринятым стало выражение «расстрелян за антисоветскую контрреволюционную деятельность». В советское время это по сути означало законность и правомерность такого «суда истории».

В начале апреля 1919 года советом комиссаров высших учебных заведений («сквюзом») А. С. Вязигин был отстранен от преподавания, лишен профессуры, а с 13 мая (по старому стилю) заключен в тюрьму. И хотя революционный трибунал не нашел за ним вины (по свидетельству В. П. Бузескула, «уже несколько лет, как он со свойственным ему пылом и рвением всецело отдавался науке и преподаванию в университете и на высших женских курсах»), тем не менее его продолжали держать в заключении. О зверствах харьковской ЧК известно немного. Именно она являлась главным распределителем арестованных советской властью. Отсюда жертвы направлялись в концлагерь, каторжную тюрьму и особый отдел.

В июне 1919 года перед отступлением красных из Харькова большая часть узников тюрьмы и концлагеря была уничтожена, трупы были сброшены в яр и слегка присыпаны землей. Деникинская комиссия три дня

извлекала их из земли для передачи родственникам и перезахоронения. Оставшаяся часть узников была вывезена в качестве заложников. В их числе оказались прежде всего члены Русского Собрания, представители дворянства, члены семей промышленников, купцов (в том числе женщины, молодые девушки), «группа лиц судебного ведомства». Среди них находились и А. С. Вязигин, профессор-протоиерей Н. С. Стеллецкий, Я. А. Денисов.

Сохранилось архивное дело «О лицах, арестованных губисполкомом и губернской чрезвычайной комиссией», из которого видно, что «профессор всеобщей истории, домовладелец, семейный» А. С. Вязигин был взят в заложники именно за свою прежнюю политическую деятельность как активный деятель Харьковского Союза Русского Народа, о чем свидетельствует сохранившийся протокол допроса Чрезвычайного Военно-Революционного Трибунала, произведенного в Орле, (куда из Харькова через Сумы отправили заложников). Протокол представляет собой машинописный лист без даты, без номера и названия дела, без предъявления обвинения, с вписанными от руки краткими сведениями (никак не могущими быть основанием для расправы) с резолюцией Фельдмана: «Заложник».

Еще в Сумах часть заложников (22 человека) была зверски казнена. Их закопали вблизи вокзала. Как сообщала газета «Новая Россия» (11 августа 1919 года), в одной из могил, помещающейся среди огородов, были зарыты 10 заложников, расстрелянных еще в июне. «Все трупы, кроме г-жи Акименко, раздеты. Многие с раскрытыми ртами в позах, вызывающих подозрение, что они брошены в могилу и зарыты еще живыми. Один из трупов весь изрублен. Остальные, кроме двух расстрелянных ... зарублены (следы сабельных ударов на шее). В другой могиле найден труп без головы, рук и ног; по остаткам одежды — военный. По

указаниям жителей есть еще могилы вблизи того места, где стоял вагон с заложниками и в других местах. Точно установлено, что большевики увезли с собой проф. Вязигина, Денисова и Орлова». Оставшихся харьковских заложников в Орле вначале поместили в центральной тюрьме, а потом в концентрационном лагере. По свидетельству чудом спасшихся заложников, на допросах в тюрьме, лагере А. С. Вязигин «держал себя с достоинством, с непоколебимым мужеством, как герой».

8 октября 1919 года в газете «Новая Россия» в статье «Чудом спасенные» сообщалось, что А. С. Вязигин был зарублен в Орле 11 сентября (24 сентября. — А. К., А. С.). А 10 октября в той же газете была опубликована статья проф. В. П. Бузескула «Памяти ученика, профессора-страдальца», где он сообщил о некоторых ставших известными ему фактах последних месяцев жизни своего ученика.

Перед нами предстает стойкий православный христианин. По словам В. П. Бузескула, накануне своей кончины, с 3 по 10 сентября (по старому стилю. — А. К., А. С.), А. С. Вязигин вел дневник («несколько маленьких листков, исписанных карандашом твердым, убористым почерком, самая большая запись — под роковым 10 сентября»), где излагал свои мысли о Боге, науке и университете, семье... В тюрьме А. С. Вязигин читал лекции по средней истории своим «соузникам». Один из них, его многолетний друг, проф. Я. А. Денисов шутливо замечал, что в качестве гонорара А. С. Вязигин получал от них «гнилое яблоко и, кажется, кусочек полусырого бурака».

Еще в одной из статей 1899 года А. С. Вязигин высказал убежденность в том, что «только вера дает силу жить, зарождает упование на милость Творца, не оставляя человека беспомощным и одиноким». Эту веру и пронес А. С. Вязигин до последних земных дней.

К сожалению, нам пока не довелось узнать судьбу этих последних листков (хотя представить их вид, пожалуй, можно — сохранились записки некоторых заложников для своих родных, в том числе и зверски убитого несколько ранее о. Николая Стеллецкого, тело которого так и не было найдено).

Вместе со своим другом прошел весь путь до конца и проф. Я. А. Денисов. И был зарублен в Орле 11 (24) сентября 1919 года. Установившейся в Харькове власти большевиков (как следует из протокола дознания, произведенного 29 июня 1919 года) Я. А. Денисов подчинился «как верующий человек». Однако чекисты инкриминировали ему то, что в июле 1918 года Я. А. Денисов встречался с останавливавшимся в Харькове по пути в Киев В. М. Пуришкевичем (и сфотографировался с ним). И хотя следователю допрашиваемый заявил, что Пуришкевича он не считает серьезным человеком, и оценил его как человека, который далеко не оправдывал той репутации, которой он пользовался. Я. А. Денисов также заявил, что он «никогда не держался» принципа «бей жидов» и вообще не является сторонником преобладания какой-либо нации». Однако эти заявления не спасли его от расправы.

13 (26) октября 1919 года была отслужена панихида в Николаевской церкви (одной из красивейших в центре Харькова, впоследствии разрушенной) «по зверски убитом большевиками проф. Вязигине». А 17 (30) октября в Крестовой церкви харьковского Покровского монастыря «была отслужена торжественная панихида по замученным в Орле членам церковно-приходских советов в г. Харькове профессорам о. протоиерею Н. С. Стеллецком, А. С. Вязигине и Я. А. Денисове». Вскоре Харьков вновь оказался под властью большевиков, которые уже на следующий год закрыли столь любимый А. С. Вязигиным университет.

Не сохранилось сведений (по крайней мере, пока ничего не известно) о могиле А. С. Вязигина, на бывшем Городском кладбище устроен молодежный парк. Неизвестно до сих пор и о дальнейшей судьбе замечательной женщины — Т. И. Вязигиной — супруге, верном друге Андрея Сергеевича. Именно она, в числе других родственников заложников (с А. К. Денисовой и др.) продвигалась на север вслед за деникинскими войсками в поисках своего мужа. Не найдены пока и сведения о его двух сыновьях (1896, 1899 г.р.). Один из его братьев, полковник Владимир Сергеевич Вязигин (1863–1929), скончался в эмиграции в г. Нови-Сад (Югославия).

А. Каплин, А. Степанов

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Пережитое недавно Россией «освободительное безумие» не было неожиданностью для многих, ибо подготовка революционного движения производилась у нас с редкой откровенностью: из года в год затапывались все глубже в грязь наши исторические святыни, высмеивались народные верования, попиралась правда и царило беззаконие, так как иначе нельзя назвать преступное забвение долга и обязанностей, своекорыстное попустительство и равнодушное потворство власти имущих. С ужасом и тревогой смотрели любящие Святую Русь люди на грозное будущее, сулившее великие потрясения для нашего Отечества, которое вдобавок ослаблялось экономическими нестроениями в государственном и народном хозяйстве, развращалось отречением «интеллигенции» от прошлого и преклонением перед космополитическими идеалами, всесветной революцией и диктатурой пролетариата, утратившего веру, совесть, родину и честь; передовые журналы и газеты усиленно проповедовали «переоценку всех ценностей», восхваляли «непротивление злу», глумились над «ошибками исторического христианства», насаждали обожание «сверхчеловека», пресмыкались перед «новыми людьми», не знавшими ни добра, ни зла, ставили в образец для юных поколений или преступников, или скотоподобных босяков. «Капитал» Маркса¹ был своего рода Евангелием для юношества, которое лучшие годы своей жизни отдавало подготовке к революционным выступлениям, а не вдумчивому изучению особенностей родной земли. Оно готовилось не к служению Отечеству, но к его порабощению международным капиталом под личиной социалистического

рая. Тайные общества и съезды работали над сплочением всех тех, кто с ненавистью и презрением относился к устоям русской жизни. Народ, забытый и брошенный, дичал, пропитывался суевериями, присоединял, благодаря неправильно поставленной школе, верхоглядство невежества к наследственной темноте. Его не учили добру и христианской истине, а просвещали светом чело­веконенавистнических, противообщественных учений; его не лечили, а растлевали его душу пропагандой зависти, насилия и отрицания, оставляя гнить и голодать его тело. Всевозможные ухищрения пускались в ход, чтоб превратить в революционное «пушечное мясо» подрастающие поколения, темных крестьян и сбитых с толку рабочих. Дело их распропагандирования велось настойчиво, упорно, с большим напряжением, и, невзирая ни на что, бюрократическое правительство пребывало в сладкой уверенности: «все обстоит благополучно».

Над Россией все гуще и гуще спускался сумрачный туман приближавшихся смутных дней. Он заволакивал мало-помалу школу, суд, земство, городское самоуправление, деревню, заводы и фабрики; его волны проникали в среду пастырей церкви и захлестывали столпы нашей бюрократии. Нужно было очень хорошее зрение, чтоб уловить в этой надвигающейся мгле очертания подползавших к русским святыням врагов. Но даже голос зоркого стража терялся в густом воздухе, пропитанном тяжелыми испарениями, и предостережения пропадали даром для широких кругов. Впрочем, многие, имея уши, просто не слушали досадных разоблачений, требовавших от них живого дела вместо канцелярских отписок: спокойнее было получать свои оклады и утешаться мыслью о всеобщем благополучии, чем доискиваться причин нестроений и работать над их искоренением. Другие были до такой степени самоуверенны, что питали искреннее убеждение, будто ничто не может укрыться от бдительного взора начальства, которое слышит даже,

как «трава растет», а тем более знает все ходы подпольной крамолы.

Поэтому всякая попытка к общественной самодеятельности и пробуждению самосознания в народных глубинах встречала непримиримо враждебное отношение со стороны не только правящей бюрократии, слишком полагавшейся на свои силы, но и революционных кругов, которые не хотели допускать общественного отрезвления и дружной работы над улучшением условий народного труда и поднятием благосостояния русской деревни, ибо всякое изменение к лучшему портило задуманную игру и вырывало козыри у тех, кто, потирая руки, злорадно твердил: «чем хуже, тем лучше».

Все попытки к преобразованиям с высоты престола разбивались о косную неподвижность общества, привыкшего к постоянной опеке, о глухое и упорное противодействие внутренних врагов и тупое самоослепление самодержавных бюрократов, которые умели бросать препятствия на пути к осуществлению царских предначертаний, раз они шли вразрез с привычками канцелярий и ведомств. Достаточно припомнить все заботы Государя о религиозном и национальном воспитании русского юношества, чтоб убедиться в полнейшем пренебрежении исполнительной властью согретых искренней любовью к народу указаний Государя. Он не находил вокруг себя в достаточном числе преданных, понимающих Его намерения и самоотверженных работников, и потому Его манифесты оставались гласом вопиющего в пустыне. Из года в год все выше поднимались головы смутьянов, ободряемых безнаказанностью, явным усилением своей «партии» и духовным развалом русского общества.

Правда, в кровавую годину войны, казалось, солнце народной любви к Родине рассеет своими лучами ползущий туман смуты, но враг не дремал и воспользовался всем, чтоб сломить нежные ростки национального самосознания. Мало того, лучшие народные чувства были

поруганы вестями с полей битв: неподготовленность, бездарность, хищения, явная измена, преступная пропаганда, изнеженность и своекорыстие, воровство пожертвованных, собранных чистыми душами, и ни одной победы после бесконечных отступлений и даже горделивой похвальбы, а потом неожиданный, нежеланный, позорный, но прославленный мир...

Народное недовольство было ловко использовано руководителями нашей революции, но они, подражая примеру французского образца, забыли, что во Франции революцию не смогла произвести только космополитствующая интеллигенция: патриотически настроенный, но обманутый вожаками французский народ без стойкого противодействия, по своим национальным особенностям, ринулся в бездну смуты очертя голову.

Лжи и обмана было слишком много пущено в ход и на Руси, но все-таки русский народ стихийно, грубо понял, что «освободители и соблазнитель, будя жадность, зависть и ненависть, отрицая Бога, посягая на власть Царя и лишая первенства русский народ, покушаются на нечто высшее, составлявшее святыню ряда поколений, создавшее самые устои государственного бытия России. Наглость зарвавшихся инородцев, возомнивших себя господами положения и открыто глумившихся над горем и растерянностью русских людей, открыла глаза многим простодушным обывателям, и бурный поток «освободительного движения» был задержан черносотенной плотинкой, воздвигнутой наскоро, как попало, из груд жертв революционной злобы и пламенной любви к Родине.

Несомненно, что первый бурный натиск разбился об это неприхотливое сооружение стихийных народных чувств. Но напор не прекратился, и через плотину стали уже кое-где просачиваться предательские струйки. Опасность отсрочена, но не миновала, ибо надо укрепить воздвигнутую народом преграду. Надо детищу стихийного, оскорбленного чувства придать

стойкость убежденного сознания» и не позволить врагу обойти народное дело, подмыть и ослабить его устои. Каждый по мере сил обязан внести свою лепту в эту великую, всенародную работу, и да будет выпускаемый в свет сборник статей, речей и докладов, вызванных горячей любовью к Родине, скромным камушком, который закроет какое-либо опасное место в народном сооружении, укажет другим работникам на необходимость совместными усилиями и планомерным трудом отстаивать духовно то, что бурное народное движение вырвало из наглых и цепких рук.

Статьи, составившие эту книгу, написаны до 1906 года, т. е. до того времени, когда освободительное движение стало уже искать себе иное русло после октябрьских «погромов» и декабрьской революции в Москве. Первая из этих статей излагает программу журнала «Мирный Труд»², основанного в предвидении революционного брожения, в противовес гнету космополитических увлечений нашей передовой печати. В ту пору (1902 год) можно было достичь многого, если бы наше общество лучше понимало положение вещей и настоятельную необходимость духовного отпора разрушительным учениям. Хотя и тогда одни спали, возложив надежды на сыскные отделения, а другие боялись отступить от модного преклонения перед ложными кумирами, усиленно прославляемыми захваченной инородцами печатью, тем не менее уже давно замечались поиски иных путей*, и при большей самостоятельности и самодеятельности, при большей сплоченности русских людей борьба против развратителей приняла бы характер беспощадного обличения их ухищрений**. Надо было только правительству

* См. статью «Возрождение средневекового настроения». Она была напечатана в «Русской беседе» за 1896 г. (Здесь и далее постраничные примечания принадлежат А. С. Вязигину. — Ред.)

** См. статью «Программы чтения для самообразования», помещенную первоначально в «Русской беседе» за 1895 г.

и обществу всматриваться глубже в причины нестроений и, пробуждая дремлющее национальное самосознание русского народа, создать незыблемую идейную почву, на которой не проросли бы плевелы различных лжеучений, упорно насаждаемых российскими интеллигентами в мундирах первых сановников империи. Впрочем, вместо того, чтоб зорко следить за воспитанием юношества не путем неисполняемых циркуляров, а тщательным подбором лучших сил для учительской деятельности, наше правительство радело больше о процветании монополии, чем об участии злосчастных педагогов*.

Но на заре смутных дней в наших университетах и других высших и средних учебных заведениях все-таки не было такого увлечения революционным политиканством в ущерб научной правде, какое замечается впоследствии. Достаточно сказать, что сознательный национализм и отрицание плодотворности революционных переворотов, легшие в основу программы «Мирного Труда», встретили сочувствие в преподавательских кругах и, например, почти все профессора историко-филологического и юридического факультетов Харьковского Университета не только дали свои имена в качестве будущих сотрудников журнала с явным уклоном к славянофильству, но даже выступили открыто против нападков иудействовавшего «Харьковского Листка»³. Красноречивым показателем тогдашнего настроения огромного большинства профессорской семьи служит открытое и мужественное выступление на студенческой сходке в защиту необходимости самодержавия для России проф. Н. А. Гредескула, впоследствии одного из кадетских «лидеров» и героев печальной памяти «выборгской кумедии». И он дал хотя небольшую заметку для первой книжки «Мирного Труда».

* См. статью «Причины обострения университетских беспорядков», представляющую собой отрывок из письма к С. Ф. Шарапову, написанного в 1901 г. и напечатанного в «Бороздах».

Подобное отношение к этому журналу тем более знаменательно, что Харьков издавна пользовался славой крупного революционного центра, ибо в нем сосредоточились три высших учебных заведения, несколько крупных заводов и фабрик. Как торговый центр и железнодорожный узел он привлекал к себе много пришлого люда; свыше 20 тысяч иудеев, в большинстве «непрописанных», многочисленная польская колония, несколько десятков украинофильствующих чудаков оказывали заметное влияние на внутреннюю жизнь «столицы Слободской Украины». Но, несмотря на деятельную и многолетнюю пропаганду революционеров, именно в Харькове были условия, благоприятные для выступления, с исповеданием сознательного национализма, широкого и терпимого. В этом отношении благотворно действовало богатое духовное наследие покойного профессора А. А. Потемни⁴, учениками и слушателями которого явились все члены первоначальной редакции «Мирного Труда». Раздраженные его появлением враги русского дела пустили в ход клевету и злобные наветы, упрекая в человеконенавистничестве и ретроградстве. Известно, какое впечатление производят подобные упреки на наше образованное общество, безвольное и несамостоятельное. Многие испугались, что иудейские писаки причислят их к сонму реакционеров, и к новорожденному журналу стали относиться с недоброжелательством уже за то, что он ребром поставил национальный вопрос. Поборники революции понимали, что пробуждение русского самосознания сводит на нет их многолетнюю упорную работу, а потому «Мирный Труд» осужден был на смерть за свою дерзкую попытку создать идейное противотечение революционному космополитизму. Проступок был тем более тяжелым в глазах «интеллигентных читателей», что в журнале появились статьи, обличающие недостатки «угнетенного племени». Естественно, что вся еврейская и еврействующая печать должна была покарать издание,

виновное в оскорблении «невинного» и «безгрешного» народа. Первоначально пытались высмеять и оклеветать его в иудейской печати, но потом по всей линии был отдан приказ замалчивать самое существование «Мирного Труда», так как выяснилось, что высмеиваемые взгляды находят сторонников и получают таким образом нежелательное для иудеев распространение. Последствия не замедлили сказаться в остановке роста подписки, а потому и крайней убыточности издания. Никто из виновников его возникновения не располагал свободными средствами для покрытия убытков, и в издании произошел перерыв. Оно возобновилось через год и существует доселе единственно благодаря все растущим долгам издателя и полному бескорыстию гг. сотрудников. Тем временем Харьковский кружок поборников русских исторических идеалов вошел в более тесное общение со своими петербургскими единомышленниками, ставшими на первую стражу под стягом Русского Собрания. Плодом этого общения было учреждение профессорами и преподавателями местных высших учебных заведений первого его Отдела в Харькове и расширение круга деятельности учредителей. Им пришлось выступать с речами, докладами и статьями, разъясняющими цели и стремления нового общества. Естественно, что возобновленный «Мирный Труд» стал главным проводником воодушевлявших членов Отдела начал и, оставаясь верным своему идейному знамени, отстаивал под гул начавшейся войны необходимость национального пробуждения и широких преобразований на национальных основах. Патриотический подъем, несомненно пережитый Россией в начале войны, явственно показал, что ядро русского народа совершенно здорово и болезнь чужебесия привилась лишь поверхностно к русским людям. Но столкновение с внешним врагом и боевые неудачи окрылили надежды темных сил, которые употребили все усилия, чтоб бросить отзывчивую русскую молодежь на скользкую тропу

деятельного выступления против правительства. Крамольные посе́вы, брошенные вражеской рукой в предшествующие годы, стали всходить и своим буйным ростом начали заглушать нежные ростки национального самосознания. Естественно, что школьные нестроения должны были вызвать желание положить конец развращению юных душ, которые жаждали воды чистого знания и пламенели любовью к Родине. Их положение в высших учебных заведениях было невыносимо тяжелым, но они бодро стояли за свободу своих убеждений против «либеральных насильников» и находили в кругу «мирных тружеников» нравственную и духовную поддержку. Это идейное единение между наставниками и студентами, конечно, не нравилось «освободителям», и вот на «Мирный Труд» был сделан клеветнический извет, нашедший себе гостеприимный приют на страницах «опрятного» «Вестника Европы»⁵. На брошенный ему вызов никто, однако, не рискнул открыто выступить, ибо злонамеренность вымысла нетрудно было доказать, и тогда у клеветников вырвано было бы их жало. Они предпочли остаться «анонимными» и, распуская настойчиво заведомую неправду, отрывать студентов от общения с «мирными тружениками». Это сулило более успешное революционизирование студенчества и умаление влияния «русско-собранных», которым стали грозить бойкотом. Студентам воспрещалось посещать их лекции и записываться в число их слушателей. Началось открытое гонение на «правых» профессоров, причем застрельщиком выступил проф. Н. А. Гредескул⁶, уже превратившийся в яростного сторонника всяких «равноправий» и в конституционном увлечении забывший свои собственные слова о необходимости самодержавия для России. Когда постыдный Портсмутский мир⁷ подорвал доверие народа к правительству и смута подняла высоко голову, одной из ближайших задач было поставлено изгнание русско-собранных из университета, или, по крайней мере, лише-

ние их возможности читать лекции студентам. Нападению прежде других подверглись проф. Т. И. Буткевич⁸, ныне член Государственного Совета, проф. М. А. Остроумов⁹, вышедший вскоре в отставку за выслугой 25 лет, и проф. А. С. Вязигин, ныне член Государственной Думы. Последний воспользовался речью проф. Гредескула в Университетском Совете и добился гласного повторения распускаемых из-за угла обвинений. Для более полной характеристики клеветнических изветов следует заметить, что упоминаемый проф. Гредескулом учитель Сахаров был удален до появления в печати статьи «Обновление», а проф. Степанов добровольно сложил с себя обязанности директора II гимназии, так как ему не удалось «выкурить» черносотенного и прямолинейного «преподавателя истории, принадлежавшего к членам Русского Собрания. Статья «Мирного Труда» вовсе не имела в виду привлечь громы на главы отдельных лиц, но ставила целью обратить общественное внимание на ряд возмутительнейших попустительств со стороны «власть имущих». Прошло несколько лет, но и теперь, после освободительной передраги, можно только повторить, что отмеченные в статье «Обновление» явления недопустимы в здоровой школе, ибо благодаря им тысячи отцов и матерей оплакивают ныне грустную участь своих сыновей и дочерей, развращенных на школьной скамье освободителями, которые хладнокровно посылали на путь кровавых преступлений молодежь и втягивали ее в политическую борьбу.

Отповедь проф. Гредескулу вызвала в харьковском обществе живой интерес и сочувствие к «русско-собранцам». Тогда в иудейском «Харьковском Листке» стали появляться письма несчастных попугаев, которые никогда не читали ни одной строки находившегося под херемом «Мирного Труда» и все-таки заявляли о своей солидарности с проф. Гредескулом. Обозленные неудачей «освободители» уклонились от дальнейшей полемики, от рассмотрения затронутых в «Обновлении» во-

просов по существу и перешли к «активному бойкоту», вследствие которого проф. А. С. Вязигин и Я. А. Денисов¹⁰ не могли читать лекций в университете и подвергались заочным оскорблениям на студенческих сходках. Их имена были вывешены на «позорных плакатах», помещенных в окна университетского здания, и им выражено за подписями их слушателей «презрение» не за плохое чтение лекций, ибо даже враги признавали их сведущими и дельными специалистами, не за превращение кафедр в орудие пропаганды, ибо самое придиричье следствие, произведенное студентами, установило, что лекции читались вполне научно, без политики, а за их «деятельность в Русском Собрании». Условием снятия бойкота было поставлено прекращение чтения докладов и выход из «реакционного общества». Так проявлялась свобода слова, совести и убеждений, за которую распинались «либералы». Они вели себя подобно инквизиторам, и этот бессмысленный бойкот, конечно, не заставил гонимых изменить своим воззрениям. В ответ на запугивания они учредили Харьковский Союз русского народа и тем самым приобрели более обширную народную аудиторию. Таким образом, произошло сближение образованных русских людей, сознательных националистов, с низами, носителями стихийного национализма. Борьба получила чисто идейную окраску, и Харьков не знал «погромов» потому, что харьковская черная сотня научилась бороться словом и убеждением. В свою очередь, единение с народом отразилось и на литературной деятельности, ибо составленные по полномочию рабочих и крестьян-союзников листки получили широкое распространение во многих сотнях тысяч экземпляров, будучи перепечатываемы единомышленниками во всех концах России.

Так в самый разгар «освободительного движения» намечался и осуществлялся идейный отпор насильникам. Харьковское русское собрание устраивало заседания

несмотря на все запугивания и «смертные приговоры», даже в тяжелые осенние дни злополучного 1905 года и выступило, одним из первых, с объединяющей программой. Эти усилия не пропали даром. Несомненный успех выпал на долю стараний харьковских борцов за родные святыни. Правда, борьба далеко не кончена, но поле духовной битвы будет за нами:

Сплотимся лишь тесней
Вокруг родного дела.
Осветим правдой смело
Туманы смутных дней...

Установленная трудами великих лингвистов прошлого (XIX) века тесная и неразрывная связь между языком данного народа и его мировоззрением дает правильное и беспристрастное решение столь жгучего и спорного вопроса о национальной самобытности, ставя его на вполне научную почву: строй мышления каждого человека, угол его зрения, определяются, помимо его сознания, постоянным и могучим воздействием родного языка, хранителя мыслительной работы ряда угасших поколений; всякое заимствованное понятие неизбежно пропитывается национальным духом, приспособляется к его особенностям и подвергается творческой переработке.

Эти выводы точной науки наносят смертельный удар космополитическим мечтаниям и увлечениям: вне народности нет мышления, нет познания, нет творчества.

Стало быть, и каждый русский не может отрешиться от своей национальности, ибо еще ребенком, с первым своим лепетом, начал проникаться ею, постепенно все теснее и неразрывнее сливаясь всем существом с родной стихией.

От света науки исчезают не одни только призраки «мирового гражданства»: она решительно осуждает и не

в меру усердные старания рьяных охранителей, бьющих в набат перед мнимой опасностью: наш великий народ не утратит своего облика и своей духовной самобытности, пока на земле будет звучать живая русская речь.

«Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык»¹¹ сам по себе рождает глубокую веру в лучшее будущее для народа, его создавшего.

К двадцатому веку у нас накопился уже богатый и разнообразный материал для замены «стихийного национализма», свойственного и дикарям, признанием значения народности, присущим только культурным людям: за истекшее столетие русская литература приобрела мировое значение и стала предметом ревностного изучения и подражания для наших недавних «учителей»; русское искусство также пользуется общепризнанной славой; творения русских композиторов находят восторженную оценку со стороны знатоков музыки и за пределами нашей Родины; русские ученые внесли уже, на различных поприщах знания, свою, и притом не малую, лепту в общую научную сокровищницу; русская философская мысль проявляет вполне самостоятельное отношение к существующим построениям и намечает путь, ведущий к примирению крайностей.

Безвозвратно минуло время, когда даже передовым русским людям казалось, что нам, «отщепенцам человечества», нечего противопоставить блестящим и разносторонним успехам наших западных соседей! Мы вошли уже не как этнографическая величина, а как полноправный член в среду культурных народов.

Но, следуя завету нашего великого национального поэта, «на поприще ума нельзя нам отступить»¹²! Достигнутые крупные успехи возлагают на нас уплату великого долга перед родным народом, передавшим нам в языке плоды многовековых наблюдений и обобщений, обеспечившим своим потом и кровью возможность дальнейшего развития и преуспеяния.

Недостижимость полного отрешения от своей национальной стихии возлагает на каждого верного сына своего народа нравственную обязанность любить и лелеять, хранить и изучать все родное.

Однако расширенный наукой кругозор заставляет нас оставаться далекими от огульного осуждения всего чужого и кичливого превознесения всех народных свойств и даже недостатков. Только горделивое самомнение, только узкая исключительность возносит «превыше всего» свой народ и обрекает весь мир на рабское усвоение «истинной культуры», отождествляемой со своей собственной. Сознательный националист должен обнаруживать терпимость и уважение к особенностям иноплеменников, признавая право на существование и за другими нациями.

Недаром наш широко образованный мыслитель и поэт «все зовет народы в духовный мир, в Господень храм» и «благословляет всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное»¹³.

Да и наука показала, что истина лишь частично становится доступной отдельным народам: все они подходят к ней своим вековым путем; все открывают в ней особые стороны; все стремятся обладать ею, но никто не может схватить ее в совокупной цельности, постигаемой только «соборным сознанием». Народность служит для всего человечества лишь орудием для более глубокого и полного проникновения в тайны природы и мысли.

Отсюда вытекает для нас настоящая необходимость проверки своей отправной точки сличением ее с углом зрения других народов, необходимость дополнения и исправления своего плодами деятельности других.

Для нас немыслимо действительное самопознание помимо тщательного изучения наших ближайших родичей по крови и языку — славян. Всестороннее и внимательное ознакомление с их литературой и наукой, бытом

и историей, раздвигая наш кругозор, спасает от крайне нежелательной исключительности и самодовольства, пробуждает ясное сознание общеславянских интересов и дает возможность лучше понять и уяснить свои особенности и недостатки, присущие всему «опально мировому племени» и служащие помехой для осуществления упований и чаяний всех его лучших представителей.

Нам нельзя поворачиваться спиной и к Западу — «стране святых чудес», по выражению родоначальника нашего славянофильства А. С. Хомякова¹⁴. Пока мы выносили на своих плечах борьбу с кочевниками, вырабатывали свой государственный уклад и расширяли свои пределы, народы Запада проделали великий исторический опыт, следствие которого явственно сказывается на наших глазах. Они достигли неоспоримых успехов во всех отраслях науки и искусства; они взошли на высоты материальной культуры и явили миру великие образцы подвижников истины и художников слова. Но у них же с поразительной яркостью обнаруживаются зияющие общественные язвы, выясняющие всю односторонность западноевропейской цивилизации.

Нам нельзя, однако, в слепом ужасе перед ними вырывать, — как все еще приглашают иные ревнители, — глубокой, непроходимой пропасти между «гнилым Западом» и нашим «во благополучии пребывающем Отечеством». Все человечество связуется ныне слишком тесными и несокрушимыми узами, чтобы народы отгораживались друг от друга пресловутой «китайской стеной»; да и в ней сделан теперь незаполнимый пролом. Живое взаимодействие народов лишь облегчает их совместную работу на благо общечеловеческой семьи. Надо только каждому ее члену, оставаясь самим собой, не гоняться за недостижимым, не рвать со своим прошлым и не покидать устоев, воздвигнутых трудами длинной вереницы поколений. Нет оснований считать путь, избранный Западной Европой, единственно верным и для всех обяза-

тельным! Нельзя усматривать в ее недавнем прошлом и настоящем точный показатель нашего будущего.

Для избежания пережитых ею и грозящих ей превратностей необходимо с особым вниманием и осмотрительностью взвесить хорошее и дурное в общественном строе и укладе жизни наших западных соседей, а не требовать ускоренного им подражания, не видеть наше единственное спасение в простой пересадке их учреждений и нравов на нашу почву. Такое наивное и слепое увлечение западноевропейскими порядками доживает в настоящее время свои последние дни. Его несостоятельность непреложно обличена научными изысканиями, посвященными сравнительному изучению судеб всех отраслей человеческого рода.

Еще недавно «всеобщая история» считала в сущности только западноевропейскую культуру достойным предметом для научных занятий, признавая лишь за ней мировое значение; остальные народы считались сырым материалом, предназначенным для восприятия благ западноевропейской цивилизации. К концу XIX века «всеобщая история» сознает свою ошибку и начинает все более преобразовываться во «всемирную».

Прежние узкие рамки раздвинулись под влиянием обстоятельного изучения как угасших уже древних цивилизаций, так и существующих ныне самобытных культур, начало которых теряется в густом сумраке прожитых тысячелетий. Европейцы были еще истыми варварами, когда в Индии и Китае процветала уже своеобразная гражданственность, об которую, на наших глазах, разбиваются в прах все усилия насадителей «истинной культуры». Однако события последних лет вовсе не знаменуют собой приближение «конца всемирной истории». Нет! Перед нами загорается заря нового, длинного дня: разрозненные и обособленные потоки только начинают сливать свои воды в единое, общее русло и в стоячих, казалось, озерах Востока замечается жизнь и

движение. Человечество не исходило уже все дороги, не уперлось в глухую стену: народы только выходят, каждый со своим камнем, на постройку широкого и торного пути действительно мирового общения. И нам нечего ныть, отчаиваться в лучшем будущем и бессильно опускать руки; наоборот, мы должны приложить все старания, чтобы на этом мировом смотре наша кладка оказалась достойной великого народа.

К сожалению, в наше общество далеко еще не проникли твердые и ясные выводы современной науки. Оно все еще недостаточно знает свое родное и легковерно усваивает обобщения, без должных доказательств, как непреложную истину, как своего рода откровение. Запад по-прежнему остается поставщиком веяний и идей, заимствуемых без проверки и порождающих только умственный и нравственный сумбур. Крайности и извращения, встречающие стойкий отпор и дружное опровержение на месте своего происхождения, у нас принимаются за руководящие начала, за новые слова, вливающие жизнь в одряхлевший мир. Поклонники новизны пытаются водворить у нас культ силы, настроения и страсти, объявляют беспощадную войну «обанкротившемуся» разуму и суровой логике, усматривают спасение от наших болезней в скорейшем усвоении прелестей капитализма и кадят перед новым кумиром — босяками, выдавая их за носителей обновляющих идеалов...

Так заходит к нам с Запада сильное умственное течение, сулящее породить значительные осложнения, ибо оно обретает страстных поборников в среде нашего юношества, склонного, по самому возрасту, к увлечениям и совершенно неподготовленного к критическому рассмотрению, широкому, вдумчивому пониманию и борьбе за истину культурными средствами. У нас ему проповедуют быстрое и легкое усвоение готового мировоззрения по данной указке, окрашенной яркой исключительностью и нетерпимостью, а не выработку твердых убеждений

путем самодеятельности, тщательного искания правды, продолжительного изучения представителей различных направлений человеческой мысли. Дело клонится к вербовке борцов в ряды определенных партий, а не к воспитанию самостоятельно мыслящих граждан, дорожащих спокойствием и благом своего Отечества. У нас ни семья, ни школа обыкновенно не дают подрастающим поколениям достаточного знакомства с нашей Родиной, ее государственным строем и особенностями исторической жизни и быта других стран, не раскрывают перед пытливой, юной душой постепенного хода их развития, не внушают правильного понимания пагубного значения насильственных переворотов и разрыва с вековыми устоями. Слепая вера в чудодейственную и всеисцеляющую силу революций находит пламенных исповедников лишь между горячими и неопытными головами, хотя тает как воск от света, проливаемого точным знанием. Ни природа, ни история не делают скачков и только медленное, незаметное для поверхностного взгляда, накопление благоприятных условий создает прочное улучшение. Не насилия, не революции вели и ведут людей к благу! Прозорливейшие мыслители всех времен бесповоротно осудили преклонение перед грубой силой, неспособной стать, по своей сущности, выше права; почти два тысячелетия назад провозглашены пророческие слова: «взявший меч от меча погибнет».

Конечный исход всех революций ясно показывает, что они не приводили к намечаемым идеальным целям. Сознание непригодности насилия, как средства к достижению желанных преобразований, пустило глубокие корни в более культурной среде западных народов, и даже значительная часть представителей крайних партий открыто предпочитает эволюционный путь революционному.

Исступленные вопли горсти «непримиримых» фанатиков не помогут разрушительному началу, таящему

в себе самом собственное осуждение. Необходимо и нам постоянно помнить, что разум и труд — две руки, при помощи которых человечество в течение целых веков возводит величавое здание современной цивилизации.

Безвестные труженики завещали нам плоды, добытые их упорными усилиями, и тем самым возложили на нас священный долг сохранить и приумножить полученное наследие для потомства, расширить путь для счастья грядущих поколений.

Не пустые и звонкие слова, не боевые кличи и громкие речи, способные сладким дурманом опьянить юные головы, нужны нашей дорогой, терзаемой столькими общественными недугами, Родине. Ей нужна наша работа, медленная и утомительная, не показная и не блестящая, над искоренением упорной косности и грубого самомнящего невежества. Наше Отечество прежде всего нуждается в скромных тружениках, делающих свое «маленькое дело» ради подъема общего культурного уровня, являющегося следствием настойчивой работы каждого над собой, а не туманных стремлений к насильственным и коренным переворотам, заранее осужденным историей на полную неудачу: единственной зиждущей силой, выдержавшей вековые испытания, был и остается *мирный труд*.

Таковы основные воззрения, определяющие задачи журнала «Мирный Труд», подлежащие *дальнейшему раскрытию и обоснованию на его страницах*.

В БОРЬБЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

<...>

Как и следовало ожидать, «Мирный Труд» был предан торжественной анафеме и навеки отлучен от сонма «прогрессивных органов» людьми, которые, очевидно, не понимают, что отсутствие тупого и бессмысленного преклонения перед «модными учениями», признаваемыми за непреложный авторитет неосведомленной толпой, является залогом *поступательного движения* человечества в царство вечной истины, безусловного добра и нетленной красоты. Не наивная и явно недостижимая погоня за «самым наиновейшим», но неуклонное искание верных путей в эту бесконечную высь, указанную христианством, неустанное стремление к бессмертным его идеалам должны определять для всех нас цель и смысл жизни. Люди знания обязаны поднимать выше и очищать запросы своих сограждан, а не принижать все до уровня «точки зрения большинства». Нам надо дружно восстать против назойливого нытья и бесплодных поисков образцов где-то на дне или по ту сторону добра и зла. Ведь все слышнее раздается настойчивый призыв чутких сердцем и крепких духом к водворению возвещенного Евангелием Царства Божьего, т. е. к осуществлению великих христианских заветов во всех отраслях государственного и общественного строя, во всей обширной области международных отношений... Естественно, что все возомнившие себя полными господами положения, фанатики «культы новизны», не умеющие даже разграничить понятия: «истинное», «новое» и «лучшее», поклонники космополитизма и ревнители спасительности революций озлобились против «Мирного Труда» и не за-

медлили пустить в ход свои излюбленные, старые средства: замалчивание, извращение и запугивание путем приклейки разных ярлыков, не пользующихся популярностью. Но нынче и замоскворецкие купчихи перестали робеть перед «жупелом», тем более не побоится «страшных слов» убежденный в своей правоте человек, страстно ищущий торжества одной только правды. Он порадуетя даже, видя, что его противники, вместо того, чтобы во всеоружии знания изобличить «несостоятельное» мнение, им исповедуемое, вынуждены прикрывать свое бессилие такими избитыми способами. Значит, в тайнике души они сами сознают, что не могут опровергнуть его по существу. Заугольные возражения, «тонкие» расчеты и «дальновидные» подвохи не приводят в таких случаях к «желанным результатам»: не уныние, а бодрость духа и прилив свежих сил испытывают смелые борцы против угодничества толпе, подвергнувшиеся подобной травле; под ее напором не отказываются от выработанных убеждений, но укрепляются в них. Да и на независимо мыслящую часть русского общества она производит впечатление, как раз обратное видам мнимых изобличителей и «добровольных доносчиков»: крайняя нетерпимость даже к ошибочному взгляду на вещи совершенно чужда русской душе, вообще не склонной замыкаться в тесные партийные рамки; она остается глухой к проповеди всякого предвзятого «фобства», но и не мирится с искажением истины ради какого бы то ни было пристрастного «фильства», не принимает за «человеконенавистничество» и «мракобесие» указание на национальные пороки *любого народа*, но и не может не восстать против тяжелого гнета присвоенной известного рода «передовыми публицистами» монополии видеть черное и позорное *только во всем русском*. Нельзя молчать, когда систематически затаптывают в грязь наше прошлое, злобно осмеивают настоящее и отказывают даже в надежде на лучшее светлое будущее! И этот поход ведется с открытой наглостью и

явным издевательством, с диким злорадством по поводу многочисленных болезней, терзающих нашу дорогую Родину. Но где их нет? Где и когда не было никаких недочетов? Какая «просвещенная» страна осуществила на Западе идеал «общего блага»? Какой строй искоренил горькую нужду бедняков, изгнал неправду, невежество и преступления? Много у нас всяких зол, неурядиц и беззаконий, но необходимо их честное изобличение, а не огульное глумление; для целесообразной борьбы с общественными язвами нужно *знание* их происхождения и умение пользоваться *наличными* средствами, а не призывы к насильственным переворотам «непрощенных благодетелей», стремящихся переделать наш исторически сложившейся уклад и народный характер по какому-то отвлеченному образцу. Надо *будить* наше национальное самосознание, а *не усыплять* самодеятельность русского человека уверениями в необходимости предварительного его превращения в «гражданина мира», тем более что у нас *есть основания* не отворачиваться с омерзением от прошлого и смело смотреть в будущее.

Таковы наши руководящие воззрения, и открытое их заявление не осталось бесплодным: как камень, упавший в застоявшийся пруд, заставляет всколыхнуться его мертвую поверхность, так «Мирный Труд» *простой постановкой вопроса* натолкнул уже многих на сомнение в правильности усвоенных ими на веру ходячих воззрений. Слепое преклонение перед модными божками, по недоразумению поставленными на «святое место», сменилось у них стремлением к проверке и обоснованию своих мнений, началось наследование и искажение. Недаром мы видели появление особых докладов, посвященных вопросу о национальности, слышали вызванные ими жаркие прения в ученых обществах и студенческих кружках. Равным образом поколебалась и вера в необходимость насильственных переворотов, тогда как призыв к борьбе с общественными настроениями мирным

трудом нашел горячих сторонников в среде местной учащейся молодежи и вызвал живой обмен мыслей между этими «людьми будущего».

Но пробуждение стремления к самоопределению не остановилась у нас на почве словесных битвах: в Харькове образовалось сплоченное ядро из прежде разрозненных и даже не знакомых друг с другом убежденных поборников русских исконных начал и наших священных национальных устоев, завязались тесные связи с единомышленниками в других городах, и плодом этого общения явилось предстоящее открытие в Харькове Отдела «Русского Собрания». Таким образом, «Мирный Труд» содействовал учреждению в своем родном городе надежного оплота общерусского дела, задачи которого прекрасно и кратко намечены председателем «Русского Собрания» в Петербурге кн. Д. П. Голицыным¹ в его изящной сказке-шутке «Сон Услады»:

*«Себя в обычай мертвый не зароем,
Но продавать не станем старины.
Русь создалась своим домашним строем,
Им дорожить, что кладом, мы должны».*

О ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИИ

В тяжелую годину боевых невзгод и ужасов нежеланной войны выходит в свет первая книжка обновленного «Мирного Труда». Тысячи человеческих жизней понадобятся для отражения натиска японских язычников на далекую окраину нашего обширного Отечества, вынужденного взяться за оружие изменническим нападением во время мира и дерзким нарушением основных требований международного права. Но необходимость защиты чести и достоинства родной земли на кровавом поле брани только настоятельнее подчеркивает неотложную потребность в объединении всех сынов России на поприще мирного труда над обеспечением ее внутреннего спокойствия и благосостояния. Всякого рода разногласия и разномыслия должны смолкнуть в грозный час такого великого национального бедствия, каким является война. Как пчелы собираются вокруг матки, прикрывая ее собой, так всем русским надлежит сплотиться вокруг нашего Самодержавного Вождя, оскорбленного в своих высокочеловечных и миролюбивых стремлениях. Неслыханная дерзость надменных язычников заставляет вознести к Господу Браней смиренную молитву о «полагающих живот за други своя» и в освященном Православной Церковью учении о «справедливой войне» почерпнуть необходимое мужество, ибо, по слову Иоанна Златоуста¹, «Иисус Христос допустил нападения варваров на свое царство, дабы разбудить слабых, способных уснуть в своем нерадении».

Надвигающиеся события наглядно опровергают сладкие мечтания космополитов и заставляют в национальном самосознании искать опору против воодушев-

ленных идей национальности врагов наших. Недаром глубокий знаток вопроса о ее влиянии проф. А. А. Потебня утверждал, что «денационализацию можно заметить только на отдельных личностях; она сводится на дурное воспитание, на нравственную болезнь, на неполное пользование наличными средствами восприятия, на ослабление энергии мысли, на мерзость запустения на месте вытесненных, но ничем незамечаемых, форм сознания, на ослабление связи подрастающих поколений со взрослыми, на дезорганизацию общества, безнравственность, оподление». В свою очередь, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовский² приходит к убеждению, что «денационализация ведет к упадку личности, к ослаблению ее умственной деятельности, к нравственному разложению». По мнению почтенного ученого, «мы не замечаем психологического значения национальности для правильного развития, для нормального душевного отправления функций личности, как не замечаем своего здоровья, воздуха».

Названных ученых никто не может заподозрить в «мракобесии и человеконенавистничестве», качествах, столь усердно навязываемых разными невеждами всем сторонникам национального начала. Ряд веских соображений побудил этих представителей беспристрастного научного знания, подобно многим другим, засвидетельствовать, что измена своему народу отражается самым неблагоприятным образом на умственной и нравственной жизни личности. Наоборот, та же чуждая посторонних соображений наука устанавливает, что все великое в мире выросло на *национальной* почве; бессмертные памятники искусства, литературы, мощные религиозные, политические и общественные движения всегда коренились в глубоких народных слоях и отражали в себе, как в зеркале, народный характер. Новейшие изыскания в области истории мысли и психологии дают вполне незыбле-

мую почву положению, что, только укрепившись в своих национальных воззрениях, обусловленных языком, как орудием идейного обмена и творчества, возможно служить *общечеловеческим* запросам. «Племен святое братство» может быть осуществлено лишь при взаимном уважении, при сохранении за каждым членом мировой семьи его облика, его угла зрения, необходимого для познания истины, а не превращении всех народов в какую-то нелепую космополитическую смесь, превращении, равносильном гибели широкой и разносторонней культуры.

Стало быть, поборники национального самосознания являются первыми друзьями истинного просвещения, а слуги «космополитизма» — насадителями застоя и виновниками нравственного и умственного разложения.

Вот почему оказывается совершенно неуместным призыв к насильственным переворотам во имя неосуществимых «космополитических идеалов», отождествляемых, по глубокому заблуждению, с формами общежития, выработанными известными народами под влиянием особенностей их характера и исторической судьбы. Никогда и нигде революции не приводили к торжеству тех начал, которые были начертаны на знаменах насильников. Только национальное всегда было жизнеспособным, только широкий национализм совмещает общечеловеческое с народным, одинаково избегая двух противоположных крайностей, — беспочвенных мечтаний о мировом гражданстве и превознесения своего во что бы то ни стало над чужим. Примирение дано уже христианством, заповедавшим: *вся испытующе, добрая держите*.

«Мирный Труд», поставивший своей задачей сильное содействие пробуждению чуждого всякой нетерпимости русского национального самосознания, не может поэтому сделаться органом какого-либо узкого

кружка, рассадником партийных заветов. Нами выбрано лишь направление, ведущее, по глубокому убеждению нашему, к осуществлению столь необходимых улучшений, и намечены единственно надежные средства для их достижения — общественная дружная созидательная работа на заложенном нашими предками основании, а не возведение в заоблачной выси прекрасных замков, чуждых условий и потребностей нашей действительности.

РУССКОЕ СОБРАНИЕ

1.

Одним из знаменательнейших проявлений настроения современного нам русского общества необходимо признать быстрый рост и громкий успех, выпавший на долю юного Русского Собрания в Петербурге¹. Всего только 26 января 1901 года состоялось утверждение устава, выработанного *сорока учредителями* с князем Д.П. Голицыным во главе. Первое заседание Русского Собрания произошло 12 февраля того же года в зале Кредитного общества. Не прошло еще и трех лет, как Собрание насчитывает уже *2200 членов* и имеет прекрасное собственное помещение на одной из лучших улиц столицы. В его рядах объединились на почве служения вековым устоям русской жизни представители самых разнообразных положений, сословий и занятий. Рядом с первыми сановниками государства и членами Государственного Совета мы видим скромных чиновников различных ведомств; попечители округов, профессора университетов и академий, директора, учителя гимназий, преподаватели городских училищ; архипастыри и простые священнослужители, кровные и родовитые аристократы и серый люд мелких купцов и подрядчиков, фрейлины Их Императорских Величеств, классные дамы и домашние учительницы, выдающиеся артисты и артистки, певцы и певицы, художники, композиторы, писатели, редакторы повременных изданий, книгопродавцы и военные, начиная от генералов и начальников частей до молодых подпоручиков, люди свободного труда, инженеры, судьи, присяжные поверенные и представители земского и

городского самоуправления: предводители дворянства, городские головы, гласные, домовладельцы и помещики сливаются здесь в обширную семью, связанную единством чисто идейных стремлений, образуют собой как бы Россию в малом объеме, ибо от холодного севера и до благодатного юга, от Варшавы до Приморской области, по всему лицу нашей Родины рассеяны члены Русского Собрания; их сплотил широко захватывающий нужды и назревшие потребности России Устав, тщательно выработанный учредителями во время продолжительных и обстоятельных предварительных собеседований. По словам Устава (ст. 1), Русское Собрание «имеет целью содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведении в жизнь исконных *творческих* начал и бытовых особенностей русского народа». Известный знаток славянофильства, А. В. Васильев², в своей речи, произнесенной на первом общем заседании членов Русского Собрания и посвященной выяснению «исконных творческих начал и бытовых особенностей русского народа», раскрывает эти общие выражения устава и говорит: «Наше Русское Собрание, чтобы оправдать свое существование и свое имя, должно само идти и вести других вперед под знаменем не каких-либо иных, а именно *христианских, исконных творческих* вовеки непреложных и нерушимых начал, т. е. «начала христианской непреклонной и ничем необоримой свободы духа» и начала свободного подчинения себя игу Христову, свободного уважения ко всякой такой же свободной человеческой личности, свободного самоограничения и самопожертвования в пользу других — начала мирского, хорового, общественного и государственного, ибо без этих благодатных начал не может быть крепкого общества и крепкого государства». Председатель Русского Собрания, известный романист, кн. Д. П. Голицын, в своем прекрасном по мысли и выполнению сообщении, прочитанном весной текущего года («О своем доме»), заявляет:

«Мы служим тем заветам, которые создали Русь, которые по отношению к нашей Родине явились *творческими*. Мы считаем, что для каждого народа естественный путь к будущему идет от его прошлого, а не откуда-нибудь со стороны. Мы уверены в том, что не в убеждениях заграничного происхождения почерпается сила, что народный дух развивается и крепнет лишь на родной почве. Мы не строим китайской стены, но хотим, чтобы стены нашего дома остались целы». «Да поможет нам Бог быть живыми людьми, вдохновенными носителями заветов, создавших великую и могущественную Россию, отметающими лукавые учения, наваянные со стороны, творящими работу свою уверенно, сознательно, у священного стяга, на котором начертаны слова: *Православие, Самодержавие, Народность!*»

Вот в чем Русское Собрание видит устой порядка, мира и благоденствия для нашего Отечества; вот в чем оно усматривает, опираясь на опыт прошлого, залог лучшего, светлого будущего. Но учредители прекрасно понимали, что открытое признание верности этим началам лишь обязывает к неутомимому стремлению, на самых различных поприщах, к ясной и определенной цели — «укреплению их в общественном сознании и проведению их в жизнь». Ввиду этого и были намечены *ближайшие задачи деятельности Собрания*: а) изучение явлений русской и славянской народной жизни в ее настоящем и прошлом, б) разработка вопросов русской и вообще славянской словесности, художеств, народоведения, права и народного хозяйства, а также исследование всех других проявлений русской и славянской духовной и обиходной самобытности, в) охранение чистоты и правильности русской речи» (ст. 2 Устава).

Ни один беспристрастный человек не усмотрит в этих задачах «ни желанья повернуть назад колесо истории», ни проповеди косности и застоя, ни призыва к отказу от поступательного движения. Всякому ясно, что

для целесообразного шага вперед необходимо иметь надлежащую точку отправления и определить заранее, куда *надо* идти: иначе все сведется к бездельному шатанию да слепому подражанию «чужеземным образцам», пагубным для нас, способным, лишь в лучшем случае, осудить нас на бесполезное топтание на одном и том же месте.

Беря на себя изучение и разработку многосложных вопросов, выдвигаемых народной жизнью, Русское Собрание подготавливает их правильное решение и служит чисто культурным и высоким целям, не имеющим ничего общего с «охранительством», «подмораживанием» и так называемым «ретроградством».

Оно идет широким, торным путем просвещения и избирает для осуществления намеченных задач чисто культурные средства: Устав (ст. 3) предоставляет ему право: «а) устраивать членские общедоступные заседания, чтения, музыкальные вечера и зрелища, а также художественные и бытовые выставки, б) выпускать в свет повременные издания, сборники и книги, а также содействовать сбыту книг и произведений народного искусства, г) устраивать поездки и путешествия с научными и образовательными целями, д) основывать и содержать на средства Собрания книгохранилища и читальни, а также учреждения, имеющие целью распространение русского зодчества, русской одежды, русской утвари и т. п., е) входить с ходатайствами к правительству по предметам, имеющим отношение к целям «Собрания».

Смело можно утверждать, что в России нет ни одного Общества с такой обширной, чисто просветительной и разносторонней программой. Она посвящена не изучению или освещению одной какой-либо специальной области знания, но захватывает все культурные запросы нашей Родины, имеет в виду не только отдельные частности, но и все общие условия раскрытия русских начал во всей полноте и величии. Яркий светильник зажжен Русским Собранием, рассеивающим во все

стороны истинный, немеркнущий свет, а не гасящим просвещение, как склонны утверждать совершенно неосведомленные люди.

Возводить на Русское Собрание подобное ни на чем не основанное обвинение является величайшей несправедливостью и полным извращением действительности. Оно блистательно опровергается не только Уставом, но и всей деятельностью молодого Общества. На его заседаниях были прочитаны буквально целые сотни докладов и сообщений на самые живые и общеинтересные темы, было затронуто множество разнообразных и насущных вопросов, разрешение коих необходимо для каждого мыслящего русского, раз он хочет сознательно относиться к явлениям современности.

Тщетно искать в этих докладах проповеди национальной исключительности, человеконенавистничества и нетерпимости, хотя, порой в них высказывалась горькая правда, далеко не всем приятная. Но ведь искание истины, желание обрести правильный выход из данного положения неизбежно должны отметить ошибки, заблуждения и ложные притязания. По словам кн. Д. П. Голицына, «нам следует бороться с нерусскими течениями, но исключительно средствами мирными, просветительными, никого не оскорбляя, без нетерпимости и без раздражения, памятуя, что, по выражению апостола Иакова, гнев человека не творит правды Божией. Мы сошлись не для того, *чтобы разрушать чужое, а чтобы укреплять свое.* Мы считаем, что в пределах нашего Отечества первенствующее место должно принадлежать русским. *Для себя, а не для других мы строили свой дом.* Не для того переживали мы великие испытания в течение столетий, на пространстве которых создано наше Отечество, чтобы отказаться от своих прав. Но из этого не следует, что наше отношение к иностранцам должно быть враждебно. Напротив, если многие из них искренно обрусели, то это было достигнуто терпимостью, обдуманном гостепри-

имством, а не злобой. Враждебность и озлобление противоречат коренным чертам русского духа.

Естественно также, что Русское Собрание поставлено в необходимость давать отпор не только заносчивым притязаниям инородцев, направленным к ослаблению нашей Родины, но и тем попыткам, которые имеют в виду заглушить рост нашего самосознания. Всем известно, что всякого русского, осмелившегося сознаться в своей любви к Родине, спешат «мнимо передовые мыслители» объявить «отсталым». Можно подумать, что все русское — нечто прошлое, отжившее, не заслуживающее даже участия ископаемых. Нам стараются внушить, что все русское плохо, бесплодно, бесцельно, что служение ему противоречит поступательному движению человечества. Справедливы ли эти нарекания, можно ли и теперь смотреть на русский народ как на «тысячелетнюю обезьяну»? Ведь он создал одно из величайших в мире государств, он дал человечеству великих художников слова и мысли, он явил разнообразное творчество на поприще науки и искусства. Это неоспоримо и признано всем светом, кроме рабов узкопартийных заветов.

Даже наше далекое прошлое свидетельствует, что и тогда наши предки служили культуре. В образной и яркой речи талантливый проповедник и член Русского Собрания священник Григорий Петров³ отстраняет ходячие воззрения на нашу старину: в своем слове, перед молебствием, отслуженным по случаю возобновления занятий Собрания после летнего перерыва, он говорит: «Древнее арабское изречение гласит: «Кровь мученика и чернила мудреца равноценны, одинаково прекрасны и дороги»... В то время как остальная Европа чернилами книжной мудрости создавала просвещение, мы на рубеже Азии кровью сотен поколений охраняли его. Да и за этой внешней, порубежной борьбой с варварами мы не забывали и не прекращали внутренней, духовной борьбы с варварством в себе, со злом и неправдой в душе,

со зверем в человеке. В дремучих лесах Древней Руси, в дуплах отшельников, под сводами мрачных пещер совершалась не менее ценная просветительная работа, чем в древнейшем болонском университете... совершалась обработка, смягчение грубого человеческого духа, превращение человека-зверя в человека-христианина. И нам, право, не стыдно перед Западной Европой за культурную работу наших предков. Сопоставим два примера. В XVI веке просвещенный итальянец Макиавелли⁴ пишет книгу, в которой проповедует правителю, первому человеку страны, как лучшее средство управления — ложь, вероломство, предательство и убийство из-за угла.

Древняя Русь за 500 лет раньше имела книгу на ту же тему — «Поучение Владимира Мономаха⁵», где образ князя-правителя рисуется иными, дивными по красоте и величию духа чертами.

В том же XVI веке другой культурный работник Запада, английский философ Гоббс⁶, естественным положением вещей провозглашает «войну всех против всех» и основным законом жизни считает звериную борьбу за добычу: «человек для человека волк».

Перенесемся снова за пять веков в Древнюю Русь — и здесь в глухом селе видим трогательные проводы в жизнь крестьянского сына Ильи Муромца. Напутствуя сына на подвиг жизни, старики-родители завещают крепко Илье: «Не помысли злом на татарина, не убей в чистом поле христианина».

Американский моралист Эмерсон⁷ говорит: «Наиболее верным показателем истинной культуры народа является не величина и богатство городов, а качество жителей. Поэтому-то мы вправе не стыдиться за культурность наших предков сравнительно с современниками их на Западе и можем верить в правоспособность русского гения — сказать миру свое веское слово. Надо только народу осмыслить свой гений, уяснить свои самобытные силы, понять тайну своей души».

Другими словами, мы, русские, должны стремиться к *самопознанию*, а не подражанию чужеземным образцам, если только хотим внести свой ценный вклад в общечеловеческую сокровищницу на благо и пользу всем племенам и народам.

Над этим-то самоуглублением и работает Русское Собрание, встречающее сочувственный отклик в сердцах всех, кому дорога Родина и ее вековые устои. Не выгода, не погоня за почестями заставляет их вступать в его ряды, а глубокое убеждение в правильности и своевременности его многообразной и чисто просветительной деятельности. Оно может явиться тем живым родником обновления, откуда утолит свою духовную жажду наше общество, уставшее от поисков правды у разных зарубежных наставников. Оно пробуждает самодеятельность и заставляет произвести переоценку различных ходячих ценностей и отвлеченных построений. Сетью своих отделов оно должно покрыть Россию и послужить выработке настоящего русского общественного мнения, правильно понимающего интересы страны.

Сегодня открывается первый Отдел — Харьковский; на очереди стоит открытие Отдела в Варшаве. И в нашем городе, и в бывшей польской столице Отделы насчитывают много профессоров в числе своих членов. Это вещий признак возврата к русской национальной школе, потребность в которой так живо ощущается в наши смутные и лукавые дни.

Велика задача, преследуемая Русским Собранием, велик подвиг, на который оно зовет русское общество! Его отношение к этому призыву покажет степень нашей подготовленности к самосознанию. Пока нет оснований питать какие-либо сомнения. Русское Собрание все растет, шире развивает свою благую работу и смело может глядеть в будущее, где его ожидает ряд несомненных успехов. Порукой осуществления этих надежд является постоянное увеличение числа членов, прибывающих

целыми сотнями, так что Русское Собрание насчитывает вдвое больше членов, чем прожило дней. Но особенно внушает доверие не ослабевающая деятельность Собрания, сказывающаяся в устройстве *еженедельно*, по крайней мере, двух всегда интересных и поучительных докладов и одного литературно-музыкального вечера, посвящаемого ознакомлению с творениями русской музыки и новыми произведениями выдающихся литераторов, вошедших в состав Собрания. Естественно, что от такого напряженного труда должны получиться только благие плоды.

2.

Открытием Отдела в Харькове «Русское Собрание» оказало нам большое и возлагающее на нас великую ответственность доверие. Присутствие же полномочного представителя Петербургского Совета устанавливает нашу чисто идейную связь, полное единение в руководящих воззрениях и готовность рука об руку работать над общим делом — *пробуждением национального самосознания и посильным служением вековым устоям нашей исторической жизни.*

В этом служении ощущается настоятельная потребность, ибо национальная идея вдохновляет все народы мира, начиная от наших просвещенных соседей немцев и кончая исповедующими идеал панмонголизма японцами или мечтающими о восстановлении древнего Сиона евреями.

Все эти стремления признаются у нас законными, основательными, но только одним русским советуют превратиться в каких-то «общечеловеков», порвать с прошлым, покинуть те путеводные и живительные начала, которые сохранили и возвеличили наше Отечество среди многовековых испытаний. Одни мы должны быть слугами отвлеченных начал и рабами кабинетных теорий.

Однако никто из нас не захочет иметь дело с садовником, стремящимся превратить мощный дуб в «дерево вообще». Стройная береза, развесистый клен, плакучая ива, любимая славянами липа, вечнозеленые сосны и ели только увеличивают красоту Божьего мира. Скучен был бы он, если бы неосуществимый замысел садовника-теоретика удался и вся многообразная семья деревьев заменилась бы только «деревом вообще».

К чему же нам отказываться от своего народа и его святынь, *следуя внушениям неумелых духовных садовников, желающих превратить побеги национальной мысли в ростки несуществующего «общедерева?»* Всякому ясно, что эта попытка поведет только к искалечению целых поколений, но не к воплощению такого призрачного построения.

Нам надо усердно холить и лелеять родное, ибо оно дает нам возможность работать над общечеловеческими задачами, стремиться *по своему пути* к идеалам добра, правды и красоты.

Таким пестуном нашей еще не окрепшей национальной мысли является «Русское Собрание в Петербурге», с целями которого так прекрасно и обстоятельно познакомил нас глубокопочитаемый гость. Отделу остается идти по стопам Собрания и преследовать, в пределах своих сил и средств, такие же чисто просветительные стремления. Эта задача облегчается присутствием в рядах членов отдела представителей различных наук и работников в различных областях знания, что позволяет нам устроить вереницу общедоступных чтений; одновременно с заседаниями, посвященными более специальным докладам, мы намереваемся знакомить гг. членов с произведениями русской музыки и с забываемой, к сожалению, народной песней. Мы думаем выпускать в свет свои издания и книги, служащие русскому делу и разъясняющие с национальной точки зрения явления современности. В будущем перед нами рисуется читальня и школа Русского

Собрания, где бы наши дети учились любить Родину и проникались сознанием своего неоплатного перед ней долга. Наш успех и рост нашего Отдела будет всецело зависеть от сочувствия местного общества и его готовности дать нам необходимых работников и потребные средства.

Немногочисленна дружина учредителей, зато она тесно связана единством руководящих воззрений. Все мы считаем своей главной обязанностью собственным примером показать, что можно соединить *служение просвещению с глубокой верностью заветам наших предков, что можно и должно быть образованными людьми и в то же время оставаться сынами своего народа, подданными Самодержавного Царя и покорными детьми нашей общей матери — святой Православной Церкви.* Мы приложим все усилия, чтобы возможно ближе подойти к давно искомому и желанному сочетанию веры и знания, вносящему в жизнь устойчивость, определенность и душевный мир. [...]

ПО ЗАВЕТАМ СВЯТОЙ РУСИ

Дорогие сочлены! Недостаток времени и нежелание злоупотреблять вниманием гг. почетных гостей, пожаловавших на торжественное открытие Отдела, не позволили мне остановиться на его ближайших задачах с желательной обстоятельностью. Теперь мы в своей семье и я считаю уместным вернуться к уже затронутому вопросу. В сущности, каждый род деятельности должно рассматривать с двух точек зрения: во-первых, *направления*, или целей, ею преследуемых, во-вторых, *средств*, выбранных для их осуществления. Естественно, поэтому, что мне придется коснуться обеих сторон.

На предварительных заседаниях гг. учредители пришли к соглашению: положить в основу своей будущей деятельности программу, выработанную бесмертными представителями так называемого «славянофильского учения», которые сочетали верность исконным устоям нашего общественного уклада с исповеданием широких, истинно просвещенных и чело-веколюбивых воззрений.

Но мы далеки от призыва к рабскому усвоению всех мнений великого мыслителя А. С. Хомякова и его высокоодаренных и доблестных сподвижников — Киреевского¹, Самарина², Аксаковых³; мы прекрасно понимаем, что «на поприще ума нельзя нам отступить», мы отлично сознаем необходимость выделить из учения славянофилов проповедь «вселенской истины» и раскрытие наших народных идеалов, равно как тщательно устранить все то, что было или плодом их времени, для нас уже достояния истории, или следствием условий их

среды, столь изменившейся с тех пор, что зависело от уровня тогдашних научных знаний, бесспорно всегда растущих, что, наконец, вызывалось личными склонностями и увлечениями, борьбой с противниками, для нас только «великими покойниками».

Конечно, пересмотр богатого умственного и общественного сокровища, оставленного славянофилами, потребует от нас дружной, совместной работы, но зато обещает дать нам давно искомый ключ от заповедной двери, ведущей к дальнейшему национально-самобытному развитию и преуспеванию обширной державы Всероссийских Самодержцев. Наше лихолетие кончится, когда наука, вступив в тесный союз с Верой, позовет человечество в бесконечную высь идеала, указанного Божественным Основателем христианства, когда мы перестанем видеть свет только на Западе, озаренном — *нельзя же это забывать,* — Солнцем Правды, воссиявшим с высоты Востока. Ведь Запад был спасен от духовной смерти и нравственного разложения проповедью Евангелия и заимствованной у Эллинов богатой и разносторонней культурой. Да и знаменитое «Возрождение» обязано своим просветительным значением изучению людьми Запада «эллинской мудрости». Оно медленно и постепенно подготавливалось в темные будто бы Средние века живым общением с Византией при Каролингах⁴, Оттонах⁵, в славную эпоху крестовых походов. Успехи строго научного изыскания нанесли в последние годы смертельный удар ходячему мнению об империи царьградских властелинов: она не была царством косности и мертвящего застоя, а наоборот, являлась живым садником знаний, хранительницей культурного наследия древности, воспитательницей варварских народов Запада и Востока.

Да и великий идеал Царствия Божия, сохраняющего за каждым народом его язык, нравы, обычаи, на-

саждающего правду и мир на земле, воздающего каждому должное и связующего «всех единством духа в союзе мира», «доколе все прейдем в единство веры и познания Сына Божьего» — этот высочайший и вечный идеал вовсе не представляет собой исключительное достояние Запада. Мало того, именно на Западе он был извращен и принижен. В наши дни все крепнет сознание, что наша Православная Церковь свято сохранила вверенную ей истину. Красноречивым доказательством могут послужить попытки старокатоликов и последователей «англиканства» получить ее признание, воссоединиться с нами, равно как нередкие случаи перехода, по глубокому внутреннему убеждению, в лоно Православия католиков и протестантов. Чуткие сердцем и просвещенные люди Запада напряженно вглядываются теперь в Восток и ждут от него обновления...

Прежде можно было легкомысленно восклицать: «Ах Франция! нет лучше края», прежде можно было преклоняться перед Германией Гете⁶, Шиллера⁷, Гегеля⁸, Канта⁹, Бетховена, можно было, увлекаясь, видеть «совершенные учреждения» в английском общественном строе... Но *теперь*, какая страна Запада может послужить для нас образцом, не страдает сама от глубоких внутренних болезней? Где не видно зловещих признаков упадка истинной культуры? Где воплощен идеал общего блага? Всюду смута, ожесточенная борьба классов, драки и позорные перебранки продажных народных представителей, подкупность печати, страшный рост преступности и сумасшествия, всюду ясные знамения вырождения, глубокого нравственного падения и близкого крушения парламентаризма, мнимо всеисцеляющего средства, обманувшего наивные чаяния своих поклонников и не удовлетворившего запросов общества. Успехи социализма и неистовства анархистов предвещают бли-

зость событий, сулящих потрясти самые основы западноевропейской культуры.

«Ввиду этой грозной опасности нам надо с особым усердием искать *свой выход* и внимательно изучать творения, содержащие критику Запада и указующие для России самостоятельный путь. Тут нельзя забыть о подвиге первых славянофилов. Ведь они были со знательными исповедниками христианских начал, покорными сынами св. Православной Церкви и вместе с тем глубокообразованными, всесторонне развитыми людьми, а не самозваными пророками, дерзающими «исправлять» учение Спасителя мира своими невежественными измышлениями; они были убежденными верноподданными самодержавного Царя, но не уверяли, что нельзя одновременно делать «не за страх, а за совесть» государево и земское дело; они были вполне русскими людьми, но не проповедовали ни религиозной нетерпимости, ни национальной исключительности; они призывали нашу молодежь к изучению России и русской народности, но решительно осуждали всякое уклонение в область политики и скороспелого решения общественных запросов; они ратовали за свободу научного мнения и сомнения, за широкую гласность, а не за право болтать всякий вздор и, по недомыслию, сеять распущенность, всезнайство и самомнение, понижающие культурный уровень общества; они стояли за суд совести, усматривающей в законной каре искупление вины и начала обновления, но не улицы, склонной к оправданию заведомых преступников; они выяснили значение «общины» и «соборного сознания» в противовес произволу личности, нашедшему на наших глазах столь красноречивое выражение в учении о «сверхчеловеке», стоящем «по ту сторону добра и зла»; они считали Запад «страной святых чудес», но не холопствовали перед мнением «просвещенной Европы»; они не боялись критики, не

затыкали уши, чтобы не слышать слово обличения; они были горячими сторонниками самоуправления, истыми поборниками земщины, внимательно и рачительно обслуживающей местные нужды, но не посвягающей на решение общегосударственных вопросов. Они дали великий образец мужественной преданности долгу и благородной твердости убеждений, хотя им приходилось действовать при крайне неблагоприятных условиях: вспомним, что только благодаря истинно русскому Императору, незабвенному Царю Миротворцу, их сочинения получили право свободного обращения и распространения в России...

У нас нет ни малейшего основания отступать от столь возвышенных заветов и мы смело можем начертать их на знамени Отдела.

Поставив своей задачей дальнейшую разработку славянофильского учения, мы подготовим почву для примирения умеренных западников с представителями широкого национализма, не отвергающего братства всех народов. Служением «выяснению, укреплению в общественном сознании и проведении в жизнь наших исконных творческих начал» мы пытаемся в то же время дать посильный отклик на Державный призыв «всех верноподданных к содействию правительственным начинаниям, направленным к незамедлительному удовлетворению назревших нужд государственных», «к укреплению порядка и правды в русской земле в соответствии с возникающими потребностями народной жизни». Вместе с тем мы стараемся оправдать упование нашего великодушно-го Государя «на честное исполнение всеми и каждым своего служебного и общественного долга», ибо «содействуя *утверждению в семье, школе и общественной жизни нравственных начал*, при которых, под сенью самодержавной власти, только и могут развиваться *народное благосостояние и уверенность*

каждого в прочности его прав, мы выдвинем чисто идейный и вполне культурный отпор «замыслам, враждебным государственному порядку, и увлечениям началами, чуждыми русской жизни, которые препятствуют общей работе по улучшению народного благосостояния».

Проповеди насилия, изуверства и нетерпимости, призывам к переворотам мы противопоставим скромное маленькое *дело*, будучи убеждены, что только медленная и упорная работа над расширением собственного умственного кругозора и личным усовершенствованием может повести к желанной победе над невежеством, одичанием и новым варварством, грозящим похоронить под грудями развалин и утопить в потоках крови все культурное достояние человечества. Мы хотим не погасить, а ярче раздуть священный огонь истинного просвещения и духовной свободы.

Таково направление нашей деятельности, не имеющей ничего общего с «мракобесием» и «человеконенавистничеством». В чем же она может проявляться? В применении чисто культурных средств, в ознакомлении общества с забытыми ими поборниками русской национальной мысли, в преследовании широких общественных задач, намеченных нашим Уставом.

Так, ближайшее торжественное заседание мы предполагаем посвятить чествованию благороднейшего человека, истинного поэта и убежденного исповедника славянофильских воззрений *Ф. И. Тютчева*¹⁰. По православному обычаю мы отслужим по усопшему панихиду, потом прочтем доклад о его поэтической деятельности и политических идеалах. Желательно было бы ввести в программу этого заседания исполнение его стихотворений, положенных на музыку, например «Я очи знал». Затем готовятся доклады о современных представителях славянофильства А. А. Кирееве¹¹

и А. В. Васильеве. Отделу необходимо особенно торжественно отметить 100-летнюю годовщину рождения А. С. Хомякова (1 мая 1904 г.) и я предложил бы учредить премию за сочинение, кратко излагающее его значение для русского народа.

Ближайшее отношение к намеченной программе имели бы доклады, знакомящие гг. членов с выдающимися поборниками русской национальной идеи и посвященные Киреевскому, Самарину, Аксаковым, Леонтьеву¹², Каткову¹³, Достоевскому¹⁴, Крестовскому¹⁵, Данилевскому¹⁶, Страхову¹⁷ и их противникам Грановскому¹⁸, Герцену¹⁹, Белинскому²⁰, Чернышевскому²¹, Градовскому²², Вл. Соловьёву²³ и др.

Было бы уместно также почтить особыми сообщениями 250-летие присоединения Малороссии (январь 1654 г.), 850-летие кончины Ярослава Мудрого²⁴ (февраль 1054 г.), 1300-летие смерти Григория Двоеслова²⁵ (март 604 г.), 10-летие кончины В. К. Надлера²⁶ (апрель 1894 г.), 200-летие кончины царицы Софьи²⁷ (июль 1704 г.), 350-летие покорения Астрахани (июль 1554 г.), 200-летие взятия Дерпта (июль 1704 г.), 10-тилетие скорбной кончины Александра III (октябрь 1894 г.), 50-летие славной Севастопольской обороны и 100-летие Харьковского университета²⁸.

Само собой понятно, что эти поминания не исключают чтения докладов по другим вопросам, имеющим отношение к целям Отдела. Так, вскоре будут подготовлены доклады: «О предприимчивости русского человека», «О замене иностранных слов русскими», «О народном здравии и представительном правлении».

Необходимо также озаботиться устройством литературных и музыкальных вечеров; следовало бы на Рождественских святках устроить «русский вечер» с пением святочных песен, колядок, национальными танцами, хороводами, играми и гаданиями.

Этим путем можно было бы пополнить нашу скудную казну, в которую должны поступить сборы

с предположенных общедоступных чтений по богословию, философии, логике, психологии, физиологии, русской и всеобщей истории, литературы и т. п., в зависимости от специальности лиц, которые соблаговолят поработать на пользу общую и ради усиления наших средств. После прочтения эти лекции можно было бы пустить в продажу отдельной книгой и тем самым положить начало издательской деятельности Отдела и более широкому распространению общепользных сведений. Само собой понятно, эти вопросы нуждаются в более всестороннем и подробном обсуждении.

Сознавая чистоту своих стремлений, честно и открыто исповедуя свои русские убеждения, Отдел имеет полное право повторить клич древнерусского богатыря: *«Кто в поле жив человек — отзовись!»*

Будем же по мере сил неуклонно стремиться к осуществлению поставленных задач, к углублению и выработке самого дорогого достояния для всех мыслящих людей *самопознания*, необходимого преддверия к правильному отношению к иноплеменникам и иноверцам. Мы не точим против них ножей и копий, не возбуждаем страстей, не проповедуем травли, но ищем правды и готовы считаться со всяким научно обоснованным возражением, памятуя завет апостольский и золотые слова русского Самодержца: «Я уважаю всякое мнение, когда оно честно, и никому не мешаю его высказывать, но с приличием и тактом».

К глубочайшему прискорбию, наши противники не отличаются ни терпимостью, ни тактом. Они хотят разнузданной свободы только для себя, они наводняют своими «произведениями» Россию, смущают простецов и кричат, будто им «зажали рот». Едва прошел слух об открытии Отдела, как они уже прибегли к своим излюбленным средствам — запугиванию, клевете и сплетням...

Нам прятать и бояться нечего: наше дело чистое, а насилие никогда не сможет победить лучезарную, благую и созидающую идею; нечистые и недостойные средства несовместимы с действительно высокими и благородными целями. [...]

«СПАСУТ НАС КРЕСТ, СВЯТЫНЯ, ВЕРА, ТРОН!»

Каждый беспристрастный наблюдатель нашей общественной жизни должен отметить, что за последнее время накопился ряд явлений, красноречиво свидетельствующих о пробуждении глубокого интереса к вопросам религии и нравственности; дни огульного отрицания и видимого торжества материалистических воззрений сменились порой напряженного искания и явного поворота к вере; идеалистические философские системы привлекают все большее количество убежденных сторонников даже между бывшими ревностными последователями марксизма; представители «точных наук», чистые математики, подводят прочное основание под величавое здание наших верований; в ученых обществах поднимаются оживленные споры по поводу докладов, имеющих очень близкую связь с богословием и этикой; предпринимаются попытки установить живой обмен мнениями между мирянами и церковнослужителями; целые издания имеют в виду «христианскую миссию среди интеллигенции»; возникают и быстро расцветают Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви; всюду пастыри стремятся к восстановлению проповеди; утолению духовной жажды пасомых, возрождению прихода и древних братств; Церковь Православная начинает отвоевывать области, захваченные лжеучителями, и двигать новые твердыни.

Одной из таких твердынь является открытое в Харькове 25 января религиозно-просветительное братство

Озерянской Божией Матери¹, получившее от Харьковского отдела Русского Собрания такое приветствие:

«Харьковский отдел Русского Собрания, поставивший своей задачей посильное служение великим созидательным началам Православия, Самодержавия и Народности, с глубокой душевной радостью приветствует ныне возникшее братство как нового сеятеля на беспредельной ниве Господней, как могучего соратника в борьбе с разлагающими силами неверия, безначалия и космополитизма. Памятуя завет Апостольский «друг друга тяготы носите», Отдел надеется найти в Братстве опору и помощь в «дни лукавые» и, в свою очередь, изъявляет полную готовность по мере сил содействовать Братству в его благородном служении назревшим и неотложным потребностям времени. Не развлечения и пустые утехи, а живой глагол назидания и вечной правды жаждет получить наш народ от более образованных сынов своих; не мнимо «последние слова науки», извлеченные из популярных изданий, а непреложное божественное учение Спасителя способно служить единственно надежным кормилом среди бурь и злоключений житейского моря. Ведь наука, только перестав быть наукой, может сказать обо всем свое последнее слово, ибо она всегда ищет, и вечно искать будет, истину. Поколения за поколениями подвигаются на лишнюю пядь по бесконечному пути к обладанию ею, но людям нужен ответ немедленный на неумолкающие запросы духа; мыслящий человек не может удовлетвориться «непознаваемостью основных начал» или неразрешимостью мировых загадок, а потому религиозные верования неистребимы, будучи заложены глубоко в существе нашем: *Anima humana — natura christiana*² — наставляет нас уже христианская древность. Необходимо только очистить эту природу от наносных наслоений, просветить омраченную страстями душу немеркнувшим светом Евангелия, и обновленный человек найдет смысл жизни в насаждении обетованного

Божеского царства, в совместной, руководимой многоопытными мужами, работе в вертограде Господнем. Этот подвиг добрый, для всех христиан равно обязательный, ныне существенно облегчен для нас основанием Братства, испытанного нашими предками, просветительного и боевого средства для отпора царящему в мире злу. Под водительством непреборимой Церкви Христовой нам не страшны никакие враги, не грозны никакие испытания, как заповедал ровно 50 лет назад действительно «великий писатель земли русской», верный сын своего народа и истинный христианин Ф. М. Достоевский:

«Спасемся мы в годину наваждений,
Спасут нас крест, святыня, вера, трон!
У нас в душе сложился сей закон,
Как знаменье побед и избавлений!
Мы веры нашей спроста не теряли,
(Как был какой-то западный народ);
Мы верою из мертвых воскресали,
И верою живет славянский род.
Мы веруем, что Бог над нами может,
Что Русь жива и умереть не может!»

ЗАМАЛЧИВАЕМЫЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

14 апреля 1904 года исполнилось 25 лет от начала литературной деятельности председателя Совета «Русского Собрания» в Петербурге князя Д. П. Голицына. Харьковский Отдел посвящает особое заседание ознакомлению своих членов с его произведениями и в обстоятельных докладах предполагается раскрыть их общественное значение. Ввиду этого обстоятельства мы ограничиваемся пока лишь сообщением кратких биографических сведений и беглым указанием важнейших руководящих воззрений передового борца за русское дело.

Князь Д. П. Голицын родился 6 декабря 1860 года в Висбадене и, получив домашнюю подготовку, обычную в наших родовитых семьях, поступил в императорский Академический лицей. Здесь он еще на школьной скамье проявил свои литературные дарования, и одно из его юношеских стихотворений увидело свет в «Живописном Обзрении» 14 апреля 1879 года. По окончании лицея с дипломом первого разряда наш писатель успевает совместить службу в государственной канцелярии с занятиями литературой и дает ряд беллетристических очерков из жизни золотой молодежи и высшего света, а затем романов и повестей, затрагивающих общественные злобы дня первостепенной важности. Большинство этих произведений, привлечших внимание читателей, издано отдельными книжками и подписано псевдонимом *Д. Муравлин*.

Вот перечень важнейших сочинений, которыми князь Голицын одарил русское общество: в 1884 г. вы-

пущены очерки «Убогие и нарядные», в 1885 — романы «Баба» и «Тенор», в 1886 — «Хворь» и «Мрак», в 1887 — «Около любви», в 1888 — ряд повестей и рассказов, во главе коих стоят «Князья», в 1889 — «Рубли», в 1891 — «Суд идет», в 1893 — «Дети», в 1894 — «В толпе», в 1895 — «Будни», в 1899 — «В Петербурге», в 1900 — «Вавилоняне», в 1902 — «От смутных дней», в 1903 — «На безлюдьи» и «на Руси». Кроме этих более или менее крупных произведений князь Д. П. Голицын издал книгу стихотворений «Поэзия» (1895 г.) и написал пьесы «Максим Сумбулов», «Кража», «Сон Услады» и «Кашей». Публицистические статьи, помещаемые князем Голицыным в «Петербургских Ведомостях» прежней редакции, обращали на себя внимание мужественным служением русским интересам, все сильнее захватывающим его существо, а прекрасное художественное описание Черногории и Далматинского побережья («У синя моря», 1898 г.) соединило с изяществом и образностью изложения живое сознание необходимости духовного единения славян и горячую проповедь славянской взаимности, тогда как общественное мирозерцание его выразилось с полной определенностью и яркостью в докладе «О своем доме», прочитанном в Русском Собрании.

Уже этот перечень показывает, что мы имеем дело с далеко незаурядным явлением: сочинения кн. Голицына поражают прежде всего своим многообразием; повести, рассказы, стихотворения чередуются с описанием путешествия и чисто публицистическими произведениями. Художник-бытописатель оказывается в то же время и публицистом-проповедником. Эти две стороны иногда до такой степени сливаются, что иные произведения (в особенности последних лет) представляются художественной проповедью, проводят в жизнь определенные идеалы, их раскрывая, защищая и возвещая. Жгучие вопросы современности находят тут живой отклик; продуманное решение получают общественные недоумения.

Небольшой, например, рассказ «Не убий» своеобразно освещает получивший особый интерес благодаря «Крейцеровой сонате» гр. Толстого вопрос о поведении мужа при измене жены. Князь Голицын не раз возвращается к нему (ср. «Вавилоняне») и разрешает его в духе высоких указаний христианских заветов: он взывает к снисхождению, увещает прощать ради детей, которым отводит вообще видное место, разъясняя, с редкой теплотой и любовью, их значение в общей жизни семьи.

В противоположность модным писателям, яркими красками и с явным сочувствием рисуя прелести страсти, любовного увлечения, сильного чувства, якобы оправдывающих нарушение добровольно принятых обязательств и забвение долга, Димитрий Петрович воспроизводит сложный мир душевных движений, которые охватывают человека, сделавшего ложный шаг, и дает правдивую картину раскаяния, жажды искупления и сознания, что личное счастье недостижимо, раз основывается на несчастьи других, ибо нельзя возвести прочное здание собственного благополучия на развалинах семейного уклада ближних, дающего им силу жить и работать.

Такой же идейный отпор кн. Голицын выдвигает и иным «современным» лжеучениям, призывающим к неуправляемому и слепому подражанию явлениям зарубежной жизни. Он метко и смело указывает на главную болезнь, разъедающую наше общество: «Вавилоняне мы, бессмысленно толпящиеся у недостроенной башни, забывшие, откуда и с кем мы пришли, забывшие, куда нам следует идти. Своих родных мы считаем чужими, а у пришельцев охотно заимствуем идеалы». «Мы очутились в положении тех хозяев, у которых слишком много гостей; мы уже не дома, а точно в гостинице; мы становимся какими-то случайными прохожими; никогда это не чувствовалось так, как в нынешнее время». Возражая на обычное, пошлое и избитое обвинение сто-

ронников верности русским устоям в отсталости, князь говорит: «Не тот отсталый, кто помнит вчерашний день, а тот, кто, внезапно отрешившись от всего того, что выработано веками, покидает свое историческое место, забывает прежнее и тем самым уходит назад, по ту сторону высот отечественной работы. Променяв свой дом на улицу или постоялый двор, он отрывается от творчества, в лучшем случае остается покупателем благ, расходует свое на приобретение чужого. Обилие таких лиц и создает то, что надо называть настоящей отсталостью, потому что они задерживают естественное течение народной жизни».

Но не глумление над противником, не расхолаживающее всякий порыв назойливое нытье, не безотрадное сознание безвыходности положения, а вдохновенный призыв к труду на благо многострадальной Родины мощно и властно звучит в его произведениях: «Да поможет нам Бог быть живыми людьми, вдохновенными носителями заветов, создавших великую и могущественную Россию, отмечающими лукавые учения, навеянные со стороны, творящими работу свою уверенно, сознательно, у священного стяга, на котором начертаны слова: «Православие, Самодержавие, Народность».

Кн. Голицын не закрывает глаза перед опасностью, не убаюкивает сладкими надеждами на светлое будущее, но настойчиво подчеркивает потребность тесного единения всех русских людей, скорбит, что многие «до сих пор еще не уразумели даже того, что им пора сплотиться», ибо под покровом либеральной болтовни идет завоевание России инородцами, усиленное насаждение чуждых духу народа идей, растлевающих подрастающие поколения. Но это понимание действительности вовсе не обозначает собой проповеди вражды и ненависти к инородцам: «враждебность и озлобление противоречат коренным чертам русского духа; их нет и относительно тех инородцев, которые оказались на Руси в очень большом

числе, без всякой выгоды для нашей государственной жизни, но коль скоро выяснилось, что от таких-то нельзя ожидать содействия общему делу, то о равенстве всех перед лицом Руси не может быть и речи».

Равным образом кн. Голицын остается чуждым замкнутости, исключительности, нетерпимости: «нам нужно быть знакомыми с нерусскими течениями, насколько они могут отразиться на ходе русского дела. Нам, конечно, следует с этими течениями бороться, но исключительно средствами мирными, просветительными, никогда не оскорбляя, без нетерпимости и без раздражения, памятуя, что, по выражению Апостола Иакова, гнев человека не творит правды Божией».

Кн. Голицын учит отдавать должное иноземцам, но не преувеличивать их значение, как показывает вдохновенный отпор, вложенный им в уста А. П. Вратынцева на замечание Прилунова, что «Россия не может идти вперед без учителя. Все, что у нас есть хорошего, мы получили от немцев, потому что немцы сделали Россию». — «У нас разные взгляды, — с наружным спокойствием проговорил Алексей Павлович, — я похвалил немцев именно за то, что ни один из них не скажет о своей родине того, что вы сказали о России». «Германия потому и сильна, что немец уважает себя и свое отечество. А вы о своей родине говорите, как о мальчишке, нуждающемся в репетиторе. Да, немцы нас могут многому научить, они дают нам пример национального самосознания. Нашими учителями должны быть не они, а их поступки, их пример. Если же мы будем чувствовать, что мы все получили от немцев, то тем самым докажем, что мы годимся только на роли бродяг, не помнящих родства. Русские люди делали Россию, а иноземные ее разрушали». «Я в первый раз вас вижу, но я вас знаю, потому что встречал десятки вам подобных, перевозящих по заграничным странам свою готовность бранить Россию. Вам немец сказал, что русскую армию обучали

немцы, и вы радовались, вместо того, чтобы придушить его именами Суворова, Кутузова, Скобелева, Драгомирова, Гурко. За границей вам говорили, что мы отстали от западной мысли, а вы не ответили, что Пушкин и Гоголь на сто голов выше тех, которым они у себя в каждом городе ставят памятники. Твердили вам, что мы дикари, а вы не указали, что русские — единственный народ, в течение девяти столетий живущий во имя христианства, отстаивавший свою веру сознательно, могущий считать всю свою историю крестовым походом. Когда они вам нахально подсказывали, что немцы сделали Россию, вы не нашлись сказать, что, наоборот, мы сотворили немцев, не только оградили их от татар, не только взяли на себя все тягости борьбы с Наполеоном, но еще приходили к ним постоянно на помощь. Вы им не сказали, что у нас, в Казанском соборе, хранятся ключи города Берлина и что только по нашему великодушию мы ограничились одними ключами. Право, я начинаю думать, что немцы сделали у нас тех, которые говорят, что немцы сделали Россию» (На Руси, стр. 20–21.) Такие горячие речи, естественно, должны будить самосознание русских людей, которым князь внушает веру в будущее на основании прошлого, — как свидетельствует пьеса «Кашей», изображающая страдания России от татар, ляхов и немцев при Бироне. Основную мысль передает следующая отповедь князя Гжатского могучему временщику:

«Для нас — что век, то новая верига
Подвижникам страдальческой земли.
Давило нас мученье злого ига,
Татаре нам неволю принесли
И не одно нас мучили столетье.
В года тяжелой смуты и борьбы
Мы польское познали лихолетье,
И храмы гибли, множились гробы.

Платили дань мы всякими дарами,
Платили хану мехом, серебром...
Вы дань берете также, только с вами
Считаемся духовным мы добром,
Вы русский дух врагом своим назвали
И тем для нас страшнее вы татар.
Татаре с нами честно воевали,
А вы пришли, как воры на пожар.
Поляки к нам водили самозванцев...
То были годы бунта, мятежа...
Вы к нам толпою жалких оборванцев
Вошли в черту родного рубежа.
Не в день один, а долгими годами
Оделись вы, насытились... Теперь
Вы назвали над нами господами
И родичам своим раскрыли дверь,
Зовете их и празднуете тризну
Над русским духом, топчете его,
Но Бог спасет, помилует отчизну
И не отдаст отчизна своего!..
Наступит день, и Родина святая
Произнесет на вашу речь ответ:
Наносный сор все властно отметая,
Воскликнем мы: «Виват Елисавет»!

Спасают Россию от всех невзгод и испытаний стихийные силы, напев которых раздастся во время самых тяжелых и опасных для России превратностей, как весть грядущего избавления:

«Годины темные унынья и мученья
Послала нам судьба,
Но не познала Русь стыда порабощенья,
Спасла ее борьба.
Она, покорная веленьям вдохновенья,
Земному — не раба».

Ввиду проповеди таких идей, кн. Голицын не нашел еще правильной и всесторонней оценки, не приобрел заслуженной известности, но подвергся замалчиванию, лживым наветам и обвинениям. «Передовые» критики не считают нужным вдуматься в смысл его изобличений, а наша молодежь, живущая по чужой указке, хорошо следует ей и не читает запрещенных лжелиберальной цензурой произведений: кн. Голицын попал в этот список за свою благородную и правдивую, мужественную и стойкую деятельность, за верность и постоянство своих убеждений. Поборники свободы мнений уподобились средневековым изуверам, составлявшим «индексы», не избавившие, однако, их от утраты влияния: правда все-таки рано-поздно пробьется сквозь ухищрения, а потому кн. Голицыну еще предстоит славное будущее как руководителю общества, выразителю стремлений миллионов русских людей, желающих сохранить свою самобытность. Потребность в положительных, родных русских идеалах все сильнее сказывается в общественном настроении. Надоело бесплодное топтание на месте, хочется двинуться вперед по пути, завещанном предками, и бурные выкрики Горького, безотрадное нытье Чехова, вечные обличения, пережевывающие старое, уже пережитое, проповедующие уже брошенное на Западе, видимо утрачивают былое обаяние. Перед Россией встают мировые задачи, и не сеяние злобы и вражды, не внушение ненависти к Родине способны разрешить их. Тут нужны творческие, самобытные силы, стоящие в живом общении с народом, проникнутые его запросами, его верованиями и упованиями. Без идеала невозможно жить и действовать. Хвала же кн. Д. П. Голицыну за верное служение нашим исконным началам, за бестрепетное стояние на страже чести и славы беспредельно дорогой Родины. Не сломили его ковы, с течением времени ширилось его поприще, так как ему пришлось перейти, после 21 года службы в Государственной канцелярии, в

Министерство Народного Просвещения. Любовь к детям, понимание их, преданность русскому делу нашли удобное поле для применения, сулящее обильную жатву. Возникновение Русского Собрания, в котором с самого основания кн. Дмитрий Петрович состоит ответственным руководителем, как председатель Совета, указывает, что призыв к единению русских людей не остался гласом вопиющего в пустыне. Да увенчает еще более существенный успех благородную деятельность выдающегося русского человека и писателя, воистину сеющего «разумное, доброе, вечное». С полным основанием «скажет ему спасибо сердечное русский народ».

ВЕНОК НА МОГИЛУ ПОЭТА И ПУБЛИЦИСТА ВАСИЛИЯ ЛЬВОВИЧА ВЕЛИЧКО

Сегодня исполнилось 40 дней от безвременной кончины известного поэта и публициста В. Л. Величко, всего только *три месяца* назад приславшего нам «братский привет» и горячее пожелание: «Дай Бог новой русской дружине успешно и славно служить родному нам делу». Даже на смертном одре, в тяжких муках болезни, он много говорил о харьковском Отделе, ждал от нас вестей, горел желанием сделать полезные указания для роста его влияния... Связь с нами стала как бы наследственной: родные В. Л., узнав о сборе Отделом денег на военные нужды, пожертвовали 25 экз. его сочинений, с тем чтобы *вся* выручка была присоединена к нашей небольшой лепте. Вот почему на нас *сугубо* лежит священный и скорбный долг помянуть усопшего теплой молитвой и ознакомить, хотя в общих чертах, с его бестрепетным служением русскому делу.

В. Л. Величко был нашим земляком, уроженцем «благословенной Украины». Его род целые столетия обладал поместьями в Прилукском уезде Полтавской губернии и принадлежал к малороссийской знати. И вот, потомок Самуила Величко, знаменитого малорусского летописца и секретаря Мазепы, всей своей деятельностью обличает несостоятельность призывов к борьбе с «чужинцами», выступает знаменосцем «Русского Собрания» в Петербурге, выдаваемого недругами за сонмище «москалей поганих», за *исключительное* проявление великорусской замкнутости: чуждый узкого, местного патриотизма, покойный беззаветно и самоотверженно

любил Россию, для которой, как для настоящей общей нашей матери, нет ни «хохлов», ни «кацапов». Величко и был убежденным поборником общерусской идеи; служению ей он отдал все свои богатые дарования, даже самую жизнь: ранняя смерть его была вызвана слабостью сердца, утомленного великими испытаниями и бедами; железное, богатырское здоровье не вынесло тяжких превратностей, выпавших на долю покойного в награду за мужественное отстаивание русских интересов.

Легко и радостно начиналась литературная деятельность юного поэта, печатавшего свои изящные произведения еще на скамье училища правоведения. Недюжинный талант открыл Величко страницы журналов самых противоположных направлений. Дружные похвалы критики приветствовали его первый сборник стихотворений. Казалось, только успех и слава ждали впереди носителя лучших преданий пушкинской школы. Но горячая природа казака не могла удовлетвориться поэтическими лаврами; она жаждала борьбы, подвига за родное русское дело, победы над его злыми врагами. Веселым и жизнерадостным вступил Василий Львович в качестве редактора тифлисской газеты «Кавказ» на тернистую стезю публицистики. Тяжелым оказалось для него новое поприще, превратившее «жреца поэзии чистой» в страстного борца за русские начала: «Я лично на себе испытал радикальный переворот, пишет Величко*, под влиянием ряда ярких, вопиющих фактов, воочию доказавших мне и несостоятельность, и глубокую безнравственность... буржуазно-либерального исповедания. Мне довелось видеть на кавказской окраине, как плутократическая армянская стачка, захватив в свои руки все жизненные силы целого края, не исключая совести многих представителей служилой интеллигенции, орудовала всеми заповедями либерализма для того, чтобы совершать и прикрывать самые бесчеловечные, самые противообще-

* В. Величко. «Русские Речи». Русский Вестник. 1902. № 5. С. 121 и сл.

ственные деяния. Выборное начало служило незаконному преобладанию и неправому стяжанию армянских богачей; формально-правовой порядок — успехам, опять-таки, представителей этого изворотливого народца, с которыми на поприще судебной казуистики не могут соперничать сыны племен, более наивных и благородных, в том числе русские. Отсутствие искренно продуманного национального направления в экономической политике повлекло за собой материальное закабаление даже представителей «господствующей народности», которая, для блага самих же кавказских туземцев, должна бы занимать в крае достойное, авторитетное положение. Мучительно, до нестерпимости, было глядеть на неизъяснимые, бросающие тень на наши правящие классы, страдания русских простолюдинов, погибавших и от беспомощности в тяжелых естественных условиях, и от нестроения местных дел, и от сатанинской бесчеловечности враждебно влиятельных инородцев. Эпопеи духоборческая и переселенческая таковы в своих подробностях, что свидетелям хоть некоторых эпизодов нельзя вспоминать о них без суеверного ужаса. Любому русскому интеллигенту, заучившему на школьной скамье ряд теоретических воззрений, не оправдываемых жизнью, полезно было бы поближе присмотреться к тому, что совершается в этом крае. При малейшей склонности к добросовестному, самостоятельному мышлению, он сперва будет испуган и возмущен, а потом взглянет на указанные явления как на пробный камень, неопровержимо доказывающий нелепость или неискренность шаблонно-либеральной программы. Но вот что *особенно типично*: всякий раз, когда приходилось разоблачать наглядными фактами те или иные темные стороны местной жизни, это вызывало *яростнейшие нападки* со стороны наиболее известных представителей современной *либеральной* печати. Этими последними наглядно проявлялось чувство совершенно одинакового достоинства с чувством дореформенных

взяточников, готовых утопить в ложке воды всякого, кто откроет те или иные темные шашни. Вначале я приписывал это явление недоразумению, клевете, устно и письменно выяснял некоторым, лично знакомым, ревнителям «прав человека» истинное положение вещей; показывал им характерные письма духоборов, русских простолюдинов, наконец, даже туземцев, пригнетенных местной инородческой плутократией; ссылался на факты, официально констатированные лучшими представителями русской власти». «На одной чашке весов — реальные народные страдания, издевательство над законом, нравственностью, культурой; на другой — приверженность к программе, которая опровергается и наукой, и жизнью. Что перевесит? Неужели факты, наглядные, бесспорные, не имеют силы убеждения?»... Оказалось, что *не* имеют. Обличения В. Л. Величко только сделали его предметом злобной ненависти всемогущих инородцев и превратили его в глазах наших «либералов» в «мракобеса» и «человеконенавистника». Все было пущено в ход против него, ибо надо было *заставить* замолчать смелый и правдивый голос. Достаточно прочесть роман Величко «Нор-Кагак», чтоб понять, в какой *ужасной* среде ему приходилось отстаивать русские интересы. Немудрено было сделать неосторожный шаг, которым не замедлили воспользоваться его враги: внезапно он был лишен редакторства накануне преддверия нового года и с опасностью для жизни покинул Кавказ ночью 31 декабря 1899 года. Ему не дали даже закончить год! По свидетельству достоверных лиц, в Тифлисе не хватило шампанского для празднования инородческими богачами победы над русским независимым человеком. Ему пришлось спасать в Петербурге даже свое доброе имя* ценой навсегда подорванного здоровья и гибели материального благосостояния: «Для выплаты заключенных при внезапной сдаче газеты займов он должен был заложить свое родовое

* *Апраксин*¹ и *Бурнашев*². Последние дни Велички. Москва, 1904. С. 2.

имение». Хотя его исстрадавшееся сердце мучила «боязнь потерять землю, из преемственной, родовой связи с которой органически вытекало его мировоззрение», он не внял советам друзей и, осудив себя на лишения, отказался просить о возмещении убытков.

Однако было бы большой ошибкой признать Величко совершенно побежденным могущественными инородцами: он несомненно поднял самосознание русских людей на Кавказе, своими пылкими статьями заставил их вдумчивее относиться к окружающему и *вовремя* предупредил наше Отечество о коварных замыслах и грозно надвигающейся опасности. Он оставил после себя *добрую* память среди той части населения Кавказа, которая не заражена политиканством и не побоялась выразить уезжающему свою признательность в адресе, скрепленном тысячью подписей. В Тифлисе Василий Львович создал оплот для русских людей в виде «Отдела общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III³» и всячески старался помочь русским переселенцам, пожертвовав, например, в пользу тифлисской переселенческой столовой всю прибыль от продажи своего романа «Нор-Кагак».

Величко не оказался вопиющим в пустыне: он встретил, по его собственному свидетельству, живой отклик: «Мне лично было бы грешно сетовать на кавказскую интеллигенцию и, в итоге, приходиться к неместному для нее выводу. Я имел счастье убедиться, что у нее сердце глубоко русское, чуткое ко всякому искреннему призыву. В чужой среде, среди чужих говоров, она стала забывать о родном народе, но *горячо пошла навстречу народным нуждам первой же переселенческой волны*. Плохо крещеные приват-доценты на школьной скамье отравили ее головы микробом западных мечтаний, — а в первый же миг столкновения с резкой действительностью она поняла *аксиому самодержавия* для России; стоило подняться национальным вопро-

сам, стоило разобраться в национальных страданиях, и многие люди, которых в юности школа и печать оторвали от веры, — *идут с трепетом сердечным на призыв матери-церкви*. При таких условиях нельзя считать русское дело на Кавказе непоправимо испорченным. Дальнейшая борьба сделалась для Величко прямой обязанностью, а богатый запас данных, накопленных во время пребывания в Тифлисе, и впечатлений, вынесенных из борьбы с плутократами, давал ему возможность успешно продолжать служение русскому делу на Кавказе и из петербургского далека.

Сделавшись одним из редакторов «Русского Вестника», Василий Львович поместил ряд красноречивых и пылких «Русских речей»*, посвященных русскому делу и междуплеменным вопросам на Кавказе. С редким мужеством он возвысил голос против злых козней, тонких происков и невероятных ухищрений, которые создали для России настойчивую необходимость прибегнуть к решительным мерам для обуздания непомерно возросших притязаний. Последние, всем известные события, политические убийства и волнения, бросанье бомб в молящихся, ясно показали справедливость разоблачений покойного. Он не спускал глаз с Кавказа и собирал все новые материалы. Последнее время он всей душой отдался подготовке к печати обширной книги, в основу

* Вот перечень «Русских речей»: I. «Интересное время» (Рус. Вест. 1902 г, май); II. «Отвлеченный и живой человек» (июнь); III. «Враг общественной нравственности»; IV. «Как делают голову» (июль); V. «Роковой вопрос» (сентябрь); VI. «Сионизм» (октябрь); VII. «Исход» (ноябрь); VIII. «Иногородцы и окраины» (декабрь); IX. «Вопрос о рабочих» (1903 г. январь); X. «Самоуправление и самодеятельность» (февраль, март); XI. «Русское дело и междуплеменные интересы на Кавказе», (апрель, май, июнь); XII. «Русское дело и междуплеменные интересы на Кавказе» (октябрь, ноябрь); XIII. «Духовная сущность и свобода писателя» (1904 г. январь). По имеющимся у нас вполне точным сведениям, «Русские речи» выйдут вскоре особой книгой и составят второй том сочинений В. Л. Величко, издаваемых его племянницей М. Д. Муретовой⁴.

которой легли бы «Русские речи». Василий Львович думал подробно развить здесь свои мысли о мерах, насущно необходимых для успокоения взволнованного края и целесообразного управления этой пестрой окраиной, завоеванной для культуры кровью многих тысяч русских воинов. Книга эта должна была выйти в свет в минувшем январе, но автору ее не удалось довести до конца свою работу, прерванную неумолимой смертью*.

Задумываясь над причинами, вызвавшими такие нежелательные явления на окраине, купленной Россией такой дорогой ценой, Василий Львович остановился на ряде данных, свидетельствующих, что в современном русском интеллигентном обществе почти совершенно утрачены духовная самостоятельность, живое чувство действительности и правильное понимание наших исторических задач. Русские люди превратились в рабов чисто отвлеченных построений, кабинетных теорий, давно опровергнутых и наукой, и жизнью. Пока мы мечтаем и говорим, наши враги *делают* свое дело, куют крамолу и сеют семена, сулящие им обильную жатву. Величко не мог остаться равнодушным зрителем, и из-под его пера вылилась горькая правда в резком, ничем неприкрашенном виде: он в одной из лучших «Русских речей» с беспощадной наблюдательностью рассказал, как русской молодежи с очень ранних лет *делают голову* с такой же холодной жестокостью, как странствующие акробаты уродуют ворованных детей для балаганно-коммерческих целей. Сравнение вполне подходящее, ибо людей с искусственными головами можно считать украденными у матери-России**.

* Исполняя предсмертную волю покойного, М. Д. Муретова довела печатание книги до конца при участии лица, долго работавшего совместно с Василием Львовичем и основательно ознакомленного с его взглядами и планами. Эта книга представляет собой первый том сочинений В. Л. Величко и носит заглавие «Кавказ». СПб. 1904 г.

** Русские Речи. Р. В. 1902. № 7. С. 41 и след.

Вот какими путями идет эта подготовка «непомнящих родства» безвольных орудий: «В городской семье ребенок слышит речи, являющиеся отголоском преимущественно беспочвенной и, в большинстве, противонациональной печати. Старшие члены семьи заняты торопливым добыванием средств к жизни, либо прожиганием жизни, или, наконец, копчением неба. Некогда ни самостоятельно и серьезно мыслить, ни систематично воспитывать детей. Дай Бог, чтоб эти последние попали в школу, переходили без переэкзаменовок, получили дипломы, пристроились затем на службу и свили бы себе потом столь же неблагоустроенные семейные гнезда. Семейные разговоры на общественные темы отличаются крайним и притом поверхностно-критическим отношением ко всему существующему; правительство оказывается виноватым почти безусловно во всем. Такие-то высокие лица достойны всякого сочувствия, потому что фрондируют, или ведут свою особую политику. Печать оказывается чуть не задавленной «произволом», самоуправление и учащаяся молодежь — тем паче. А тут еще какая-то латынь, какая-то хронология! Приходится брать для Коли репетитора, тратить деньги, на которые можно было бы приобрести абонемент в «Аквариуме» наряду с прочими земноводными! Если бы «настоящая» реформа, то можно и без репетитора обойтись. Затем, «побольше бы свободы», некоторая удача в биржевой игре, — и можно было бы провести лето в Аббации, куда теперь укатил Иван Иванович. Правда, Иван Иванович человек недюжинный, настоящий американец: он нагрел казну на крупную сумму и притом умудрился получить повышение! Это человек, прямо созданный для Маньчжурской дороги⁵! Кстати: как жаль, что «Маньчжурка» будет уже окончательно выстроена к тому времени, когда Коля кончит курс. Вообще, Коля, будь похож на Ивана Ивановича! Он такой дельный, умный... и передовой: из

газет он может держать в руках только «Русские Ведомости», из журналов только что-нибудь марксистское. А при этом получил вторую звезду и собирался надеть ее, чтобы поздравить Максима Горького с избранием в Академию; но только вышли какие-то «независящие обстоятельства», и поздравлять не пришлось. Кстати, читали вы, господа, рассказ Горького «Трое»? Это удивительно, удивительно смело! Столь же принципиальные речи слышит Коля в знакомых домах, у друзей своих родителей».

«Поступив в гимназию, он старается приносить хорошие отметки, потому что за это его поведут в цирк, или на «Дочь Фараона». Когда он, по общепринятому обычаю, обманывает учителя, лжет начальству, а затем рассказывает об этом дома, то домашние одобрительно хохочут. Школа является прежде всего школой лжи и фальшивых понятий. Даже такие благородные в основе чувства, как товарищеская солидарность, испорчены тем, что товарищеская среда является одним лагерем, а педагогический персонал — другим. Эх, хорошо надуть начальство или учинить ему, по возможности, безнаказанную неприятность! Для маленького Коли начальство является правительством, казней. Казну он инстинктивно не любит: казенные пироги непременно невкусны, а пирожки из маргарина с сахарином, покупаемые в соседней булочной, — объедение! Если можно ножичком испортить парту — Коля такого случая не упустит. Из учителей ему мил именно тот, который очень забавно перекиривляет директора и ругает латиниста: такой храбрый и чрезвычайно передовой! Когда ученики не хотят отвечать, он охотно болтает о посторонних предметах. Хорошо, что он в V классе будет преподавать словесность!»

«Годы идут, и на смену отрывочным впечатлениям является нечто *систематичное*. Кой-кто из учителей, несколько «передовых» товарищей, да 2–3 знакомых

студента-«развивателя» делают Коле голову. Ему дают хитро составленный список книг и статей для прочтения: прочесть их обязательно, «если он хочет быть развитым и свободным человеком, а не обскурантом». Можно с уверенностью сказать, что в России почти нет дипломированного человека, которому бы еще в гимназические годы не подсунули списка книг и поврежденных изданий для одностороннего «саморазвития». Одновременно приучают Колю к резким, безапелляционным суждениям о том, чего он не знает: «Писарев⁶, Шелгунов⁷ и г. Михайловский⁸ (а в последнее время великий Максим Горький) — гениальные, благороднейшие умы, источники света немеркнущего. Пушкин — устарел, Лермонтов — герой безвременья; жаль, что он был дворянином и офицером. Гоголь подавал надежды, но под конец впал в религиозное помешательство, тем более досадное, что религия столь же устарела, как и Пушкин. Вот Чернышевский — это настоящий восторг! Он запрещен, но его можно будет достать. А потом и Карл Маркс! Остерегайтесь мракобесия, пуще всего остерегайтесь этого ужаса! Подобно тому, как сумасшедший римский Цезарь пожалел, что у человечества не одна голова, которую он разом мог бы отсечь, некий кн. Мещерский скорбит о том, что человечество нельзя сразу высечь! И это наверное! Он спит и видит, как бы это устроить! Это прямо позор для современной цивилизации! О чем бы ни заговорили во время оно Катков и Аксаков, а в наши дни кн. Мещерский⁹, г. Грингмут¹⁰ и им подобные, — знайте, Коля, что они непременно неправы и неискренни, они никогда, ни в чем не могут быть правы, потому что это было бы неприлично и нелиберально. Главное, будьте либеральны, потому что иначе вас заплюют. Разве приятно быть заплеванным!? У вас, Коля, несомненно, большое дарование! Вы можете стать известным человеком, прославиться в России и за границей, повлиять на судьбы Отечества. Помните

же, ради собственного блага, что правы только Шелгунов, Михайловский, Карл Маркс, Макс Нордау¹¹, Ницше¹² и вообще порядочные люди; а люди, смотрящие иначе, чем мы, конечно, непорядочные, и упоминать их имена без бранных эпитетов прямо неприлично: вас не только ни в одно «честное» издание не пустят, если вы не проявите настоящих гражданских убеждений, но все передовые люди будут на вас пальцем указывать, как на позорное явление!»... Коля даже вздрагивает от ужаса: лучше смерть, чем такой позор! Он уже почитывает газеты и видел, как «передовые» люди умеют травить ближних на башибузукский манер. Годам к 18-ти Коля уже думает, прежде чем говорить: думает не о том, как бы не погрешить против объективной истины, а о том, как бы не отступить от навязанной ему и терроризирующей его программы. У него в душе вырастает нечто вроде пузыря с рабым страхом, и этот новый орган остается при нем большей частью на всю жизнь, превращая ее в беспринципное, безвольное и бесплодное прозябание. Уста шепчут прописные партийные формулы, спина гнется перед каждым наглецом, произносящим их более громко и задорно, а личность Коли превращается в какую-то бесформенную, болезненно-самолюбивую слизь... «Но постойте, Коля, программа еще не кончена. Вам еще нужно кой-что задолбить. Помните, что правительство себе на уме: оно желает задержать развитие народа. При иных условиях, вы в 25 лет могли бы быть министром (ведь Алкивиад¹³ и Перикл¹⁴ были очень молоды), а при теперешних — дай Бог вам в 35 быть начальником отделения и трепетать перед каким-нибудь вице-директором, — дилетантом с протекцией».

«Все, что делает бюрократия, — непременно скверно; все, что делает общество, — непременно хорошо! Положим, в газетах пишут иногда о неправильном счетоводстве в той или иной городской или земской управе; но ведь это же сущие пустяки или нелепые

инсинуации. Всякая общественная самодеятельность, не исключая уличных демонстраций, — ведет к добру, гражданскому развитию. Если кого-нибудь наказали за крайние мнения, выраженные крайним способом, то знайте, что это наверно гениальный человек и великий гражданин: иначе бы ему дали орден и теплое местечко. Если какое-нибудь общественное учреждение стеснено или закрыто, то знайте, что оно непременно было сосудом истины. Могли быть у него и отрицательные стороны, но вы не смейте о них упоминать, потому что это было бы не либерально и вы попали бы на дурной счет! А быть на дурном счету у передовых людей — не только позорно, но и невыгодно; вам повредят на любом поприще: если вы маленький нуждающийся литератор, то вам ниоткуда пособия не выдадут; если вы напишите хорошую книгу, то ее замолчат; а если захотите «бессмертия», — то вас в Академию не пустят и на порог: там крепко засели представители «свободы мнений»... конечно, только собственных... Даже если вы чиновник, — и то может выйти беда! Погодите, это еще не все. Вам простят многое, особенно при условии надлежащего покаяния, но есть вещь, которой никто не простит; это — «мракобесие» в национальном вопросе. Помните, что «пестротканная Россия есть не нация, а винегрет из множества наций, из которых русские должны все уступать прочим, во имя цивилизации, гуманности и прогресса. Если русским людям, которым эти нации позволяют жить на их древних или вновь возникших территориях, окажется тесновато или тяжело, то не смейте быть выразителем их нужд или сетований! Они, как представители великого народа, должны все терпеть, в этом весь смысл существования России... Особенно, милый, благородный, передовой Коля, будьте любезны с интеллигентными евреями: это священнойшая из заповедей современной цивилизации,

насущнейшее из условий современного благополучия. Поймите, что они — настоящие страдальцы: у них нет ни денег, ни связей, ни банкирских контор, ни комиссионных предприятий, поощряемых финансовым миром, ни газет, которые бы хоть когда-нибудь в их пользу слово сказали! Это кроткие идеалисты, совершенно разрозненные между собой, всюду преследуемые и всюду желающие только служить прогрессу и торжеству гуманитарных идей над средневековыми предрассудками. Они — спасение для русской литературы, как элемент высоконравственный, талантливый, передовой и кроткий. Любовь их к знанию прямо изумительна. И какое бескорыстие! Ведь еврейские интеллигенты готовы давать свои последние сбережения на поддержание повременных изданий, которые бы захирели в невежественных русских руках. Есть даже такие примеры, что издание идет явно в убыток, невзирая на громадную подписку, — и эти ревнители просвещения и свободы поддерживают его! Кстати: хотите я вас познакомлю с Исааком Абрамовичем или с Фелицианом Борисовичем, а то и с обоими? Да-с, молодой друг мой, извольте с ними тесно сблизиться, если не хотите чтобы... Но Коля уже не нуждается ни в угрозах, ни в поощрениях: *его голова готова*. Уста его превращаются в граммофон и услаждают слушателей мотивами, хорошо запечатлевшимися на омертвевших пластинках его сознания. Граммофоны едут и в Калугу, и в Моршанск, и в Нахичевань, и в Сморгонь, и в Порт-Артур. Везде слышится голос Шелгунова, рычание Михайловского, нецензурная брань более современных корифеев. И везде шипит вкрадчивое подсказыванье Исааков Абрамовичей, возвышающееся до самых резких нот, когда граммофону кажется, что это можно сделать безнаказанно. Школа, пройденная Колей, создает в нем потребность соответственной печати; печать такого сорта влияет на школу, в кото-

рой будут делать голову тысячам, сотням тысяч таких граммофонов, как этот Коля. Когда Коля, немножко пробуждаясь от столкновения с действительной жизнью, хочет сделать самостоятельное обобщение, подвести реальный итог живым фактам, — и заикнется, например, хотя бы о влиянии еврейского элемента на русскую интеллигенцию, — сотни голосов кричат ему: «Тише, тише, мракобес этакий!» Если при этом у Коли есть долги, то векселя подаются ко взысканию. Коля смиряется, но не совсем. Он прекрасно чувствует, что никакой расовой нетерпимости у него нет и что сам он немедленно готов помочь бедному еврею, как всякому ближнему, гонимому судьбой или людьми; но он сознает, что у всякой расы есть свои дурные и хорошие стороны и соответствующая окраска и историческая миссия. Мало-помалу видит он также, что работа правительственных учреждений бывает и очень хороша, а общественных — плоха и предосудительна; не все то верно, что прикрывается либеральной фразой, и не все то неверно, что стоит выше фраз. «Жупелы», которыми Колю пугали «либеральные» гонители самобытной мысли, оказываются зачастую драконами, намалеванными на стенах китайских крепостей для устрашения неприятеля. Многое видит он ясно, при более близком столкновении с реальной жизнью. Сорвался бы, улетел от всей этой лжи, да вот беда: крыльев нет! Измалодушествовался! Характер свой в три погибели скорчил из страха перед цензурой непрощенных опекунов; юные годы, предназначенные природой для искания истины, посвятил он рабскому заучиванию чужих, даже не убеждений, а условных формул. Не раз, во имя свободы науки, отказывался он от занятия наукой; во имя свободы мнения отказывался от выработки собственного мнения и пассивно участвовал, как жалкий фигурант, в пригнетении и оклеветании чужих взглядов, даже не дав

себе труда с ними ознакомиться. Всегда ли так будет? Надо надеяться, что нет. Помилосердуйте! В Америке, говорят, есть такие машины, что если в один конец всунуть обыкновенное бревно, то из другого конца выходит чуть не доктор философии. У нас наоборот: живой здравомыслящий русский мальчик, пройдя через городскую семью и дипломно-публицистические эксперименты, превращается в манекена. Разве мыслимо, чтоб такое положение дел навек осталось неизменным? Национализация русской школы — самая жгучая, самая неотложная потребность наших дней. Великая страна должна иметь своеобразный уклад обучения юношества, а не подражать уже выброшенным за борт образцам, не губить своих сынов в угоду мечтательным или зловредным учениям. Реформа учебная прежде всего нежелательна нашим внешним и внутренним врагам, усердно тормозящим всякие благие начинания. Что может быть несокрушимее сто-миллионного народа, проникнутого сознанием своих мировых задач и верностью историческим устоям?

Рано ли, поздно ли, мы выйдем на настоящую дорожку, и Василий Львович прозревал в грядущем неизбежное наступление «дней обновления», когда сделается невозможным такое возмутительное насилие над русской душой. Всю свою духовную мощь он положил на посильное содействие отрезвлению общества и его ознакомлению с воззрениями, не пользующимися признанием наших мнимо передовых людей. Будучи близок к такому выдающемуся мыслителю, как покойный Вл. Соловьев, Величко составил прекрасное обозрение его жизни и творений*, нарисовал яркий образ «вселенского христианина», который взывал к русской «интеллигенции, вместо образа Божия все еще продолжающей носить образ и подобие обезьяны»: «Мы должны же,

* В. Л. Величко. Владимир Соловьев, жизнь и творения¹⁵. Изд. 2-е. СПб., 1904.

наконец, увидеть свое жалкое положение, должны постараться *восстановить в себе русский народный характер*, перестать творить себе кумира из всякой узкой и ничтожной идейки».

Естественно, что мысль об открытии общества, преследующего такую же благородную цель, встретила самое пламенное сочувствие Величко. Он вошел в число учредителей «Русского Собрания», был избран в члены Совета и взял на себя устройство литературных заседаний, которые имели шумный успех и привлекали множество посетителей. Не раз Василий Львович выступал докладчиком по злободневным вопросам и тем поднимал общественный интерес к юному отпрыску русской национальной идеи. Клеветнические приемы были пущены в ход и против «Русского Собрания», но нашли сторонников лишь среди лиц, привыкших, как попугаи, повторять чужие слова, да непримиримых противников народного самосознания, грозящего разрушить все хитроумные ковы и тонко рассчитанные планы. Василий Львович своими откровенными, прямыми и правдивыми речами раскрыл глаза многим и указал надежный путь к лучшему будущему: «Общий подъем самоотверженного, вдумчивого патриотизма, дружная работа общества рука об руку с правительством, без доктринерской вражды или холопского фрондирования — вот что нужно теперь нашей Родине, вот что должен ей дать, и непременно даст, подъем национального самосознания. Конечно, неизбежны при этом и борьба воззрений, и недоразумения, и ошибки, но главное течение должно направляться по этому руслу. В наши дни живетя тяжело именно потому, что это течение не вошло еще в должную силу. Либерализм не удовлетворяет никого, топчется на месте, все более отставая от жизни; устарелая местами аргументация консерватизма требует обновления; босячество и иные формы общественной анархии имеют успех не как *направление*, а скорее как *наркоти-*

ческое развлечение общества, тоскующего именно от отсутствия определенных творческих идеалов».

Зарю нового, светлого дня Величко лишь прозревал в ряде вещей признаков, в особенности в мужественном исповедании верности русским началам нашей молодежью. Всем нам памятна его почти предсмертные стихи, посвященные «Юным витязям»... Василий Львович не имел счастья дожить до наших дней, когда всюду проявились, в одинаковых выражениях, искренние чувства беззаветной преданности нашему Царю, ясное сознание национального достоинства, оскорбленного дерзким врагом, и глубокая непоколебимая вера. Ведь всюду, по всему лицу нашей Родины, раздавалось «Боже, Царя храни», чередуясь с пением молитв. Посрамлены делатели голов, хвалившиеся своими «успехами» перед целым светом! Вместо ожидаемого разлада наша молодежь заговорила чисто по-русски, прямо, честно и открыто. Быстро слетела «космополитическая лжелиберальная» шелуха и обнаружилось здоровое, неповрежденное русское ядро. «Орлята прорвались сквозь вражеские сети, ушли от книжников, предателей, невежд».

В высшей степени важно, чтоб этот высокий порыв сказался не в мимолетном подъеме духа, но в постоянном и упорном труде на благо Родины, в стремлении расширить свой кругозор сопоставлением избитых «либеральных» кличей с заветами таких людей, как покойный Величко. Внимательное чтение его «Русских речей» послужит для нашей молодежи началом вполне сознательного отношения ко многим явлениям современной действительности, но все должны проникнуться убеждением, что в университетах и институтах нет места политиканству: надо работать над выковкой собственных убеждений, а не выступать с проповедью взятых напрокат, надо готовиться к культурной борьбе за русские идеалы, а не ронять их дешевыми выходками и грубым насилием; недостаточно выдавать себя

за верных носителей русских начал, но надо сделаться действительно сознательными борцами за русское дело, а для этого надо учиться, надо изучать творения таких людей, как ныне поминаемый Величко.

Велико духовное наследие, оставленное русской молодежи горячо любившим ее, надежду России, Василием Львовичем. Пусть же она в его произведениях найдет ответ на свои запросы и сомнения, пусть она продолжит тот подвиг, который не дала завершить покойному преждевременная смерть.

ВЕЛИЧИЕ САМОДЕРЖАВИЯ

Неожиданное нападение прекрасно подготовившейся к войне Японии потребовало отправления на Дальний Восток значительных сил для отражения надменного врага, посягнувшего на наши кровные интересы. Верховный Вождь русского народа и Помазанник Божий соизволил своим царским благословением, лично преподанным, воодушевить на бранные подвиги братьев наших, коим выпало на долю счастье грудью встретить дерзкого неприятеля и своей кровью на полях битв отстаивать честь и достоинство великого Отечества нашего, подготавливая его грядущее величие и благоденствие и, по завету евангельскому, полагая живот свой за други своя.

Подобно другим полкам, и стоявшие в Харькове Пензенцы, Тамбовцы и Оренбуржцы удостоились лицезреть нашего Государя и получить из Его рук св. иконы, как «благословение на поход от их императорских Величеств». С сугубым благоговением были приняты воинством св. образа, сделавшиеся великой полковой святыней, знаменующей нерасторжимую духовную связь между Царем и Его храбрыми воинами. Единство верований, связующее в одну семью могущественного Самодержца, блестящих генералов, скромных офицеров и «серых» нижних чинов, обнаружилось здесь в полной силе, и Царь явился выразителем народных представлений о власти: как отец благословляет сына, идущего в опасный поход, так Государь благословил своих детей, посылаемых на смертный бой за Родину, нашу общую мать. Обнажились головы солдатские, и руки воинов совершали набожно крестное знамение, когда полковники,

высоко подняв дар царский, объезжали ряды войск. Никто из видевших эту картину не забудет ее: не бурное, самонадеянное сознание своей мощи, не гордая уверенность в своих силах, а смиренная вера и глубокая покорность воле Вышняго ясно отражались на лицах каждого; из глубины сердец неслась пламенная молитва о даровании победы, а верующие уста невольно повторяли: «Да будет Воля Твоя».

В этом молитвенном единении между Самодержцем и подданными таится нерушимая основа нашего государственного бытия. Тщетно поборники иных идеалов стараются навязать их нашему народу: достаточно было посмотреть на цепи Харьковских обывателей и крестьян, охранявших 4 мая священную Особу Государя и поддерживающих образцовый порядок, чтоб понять отношение населения к Монарху: чинно, стройно, поистине благолепно, целые часы стояли десятки тысяч в ожидании Его прибытия, зорко следя за каждым прохожим и любопытным; обычно полиция вызывает раздражение и пререкания; ничего подобного не было в данном случае, ибо дружная поддержка *всех* была готова пресечь всякое проявление неподобающих величию дня чувств. Изредка поставленные драгуны и три придворных казака разве могли бы сдержать многотысячную толпу, если бы она была действительно настроена на революционный лад? Царь доверчиво вверял себя охране народа и слышал только восторженное «ура» да сердечные приветы и благословения. Где же были самозванные истолкователи заветных дум народа, вопящие из-за угла «долой самодержавие»? Они трусливо притаились по своим норам; они робко скрыли свои «убеждения», чтоб потом в пошлых и назойливых прокламациях возвещать необходимость революции, подготовленной-де «всем ненавистным правительством». Воистину эти закоренелые фанатики имеют глаза и не видят, имеют уши и не слышат, ничего не забывают и ничему не научатся.

Правда, помимо этих добровольных слепцов есть и заблудившиеся благодаря лживым уверениям мнимых проводников, но волны народного воодушевления явственно освежают своим прибоем затхлый воздух подпольных приютов, где ковалась крамола, и тем спасают тысячи юных жертв, обреченных на гибель ради торжества однобоких теорий. Россия властно сказала свое слово: народ всюду стал за Царя, всюду сознал необходимость поддержать братьев своих и обнаружил непоколебимую готовность, как и в былые годы, идти по мановению руки своего Державного Повелителя и принести всяческие жертвы для победы над кичливым врагом. Везде в России мы видим одинаковые картины: с молитвами встречают уходящие на Дальний Восток войска, засыпают их от сердца приносимыми дарами, благословляют на трудный путь, и личное горе тонет в море народного подъема.

Невольно напрашивается сравнение: в Берлине толпы не пускали на вокзал, отправляемые на войну с африканскими «гереро», отряды, осыпали камнями полицию, произвели беспорядки, потребовавшие вызова войск. У нас же сотни тысяч идут, осеняемые крестным знаменем, сопровождаемые умильными молитвами и слезами не отчаяния, а любви. Разве здесь не видно отличия народного характера, разве не сказывается здесь глубокая пропасть, отделяющая беспредельно верящего в Бога и его домоправительство от утратившего всякую религиозную веру озлобленного фанатика.

Кто посмеет сказать, что приветствия, всюду встречавшие нашего Государя, лицемерны, тот только обнаружит свою лживость и тупость. Разве можно *заставить* повсеместно духовенство, дворянство, купечество, мещан, крестьян и рабочих одинаково выражать свои чувства, проявлять одинаковую восторженность, пламенные надежды и питать покойную уверенность, что из тяжких испытаний наша дорогая Родина выйдет победоносно, с

помощью Божией «посрамив всякого врага и супостата»? Нет такой силы, которая заставила бы целый народ скрыть свои действительные чувства в столь тяжелые дни испытаний. Ноют, ужасаются, падают духом и пресмыкаются только оторвавшиеся от родной почвы. Ядро же народное не дрогнуло, и в этой его твердости сказывается крупный успех, сделанный общерусским сознанием необходимости государственного единства и пониманием важности начинаний Правительства. Вспомним отношение народа и общества к настойчивому стремлению Петра «ногою твердой стать при море»: явное и тайное недовольство, открытые бунты и мятежи, заговоры и козни, поддержка немногих и упорное противодействие косной среды — вот чем отвечала Россия на попытку «в Европу прорубить окно». Ныне же уже очень многие понимают, что наше Отечество приобретает широкий выход на мировой простор, что оно борется ради сохранения за великим народом подобающего места при разделе Вселенной, и все сыны Святой Руси проявляют беспредельную готовность жертвовать жизнью и достоянием для разрешения в нашу пользу всемирно-исторической задачи. Только выродки да невежды, не способные по своей духовной искалеченности постичь значение переживаемых дней, злорадствуют и уподобляются противникам Петровых начинаний, обращая взоры назад, а не зовя вперед. Но наиболее прозорливые из наших «западников» уже извлекли из текущих событий полезный для себя урок: они предоставили зеленой молодежи явно несостоятельную проповедь насильственного переворота и махнули рукой на старческое бормотание о необходимости «увенчания здания» не «обособленными реформами», а немедленным введением представительного правления: они высили голос за *постепенность*, «доведенную, по словам недовольных кабинетных либералов, до своего крайнего напряжения», и подняли вопрос о возможности правительственного учреждения общеземской Думы, *подве-*

дения фундамента широкого самоуправления под звание Самодержавия, на благо России». Ясно, что самое поднятие этого вопроса равносильно сознанию полной безуспешности открытой борьбы с основным устоем нашей исторической жизни — Самодержавием: вождевленное «политическое благоустройство должно создаться без боли и ломки, почти незаметным образом». Стало быть, над почти полстолетней разрушительной работой поставлен всенародно крест и все надежды на осуществление заимствованных идеалов возлагаются теперь на содействие правительства, которому наивно хотят внушить, что ради укрепления положения надо ему самому произвести, так сказать, «мирную революцию» ввиду несомненной безуспешности попыток устроить насильственный переворот. Крушение программы кровавого бунта выдвигает идею постепенного развития.

Другой вопрос, целесообразна ли эта затея, действительно ли приведет ее осуществление к водворению всеобщего благополучия и «политического благоустройства». Исторический опыт и наблюдение над современностью заставляют решительно дать отрицательный ответ. Ведь только крайние теоретики могут утверждать, что в направлении судеб народных первенствующее значение имеют учреждения. Наоборот, всегда люди были творцами своей собственной судьбы и определяли истинный характер учреждений, превращая даже задуманные в видах общего блага установления в тяжкое, невыносимое бремя для насильственно спасаемых; примеры Римской империи последних веков, святейшей инквизиции, Конвента служат красноречивым доказательством. Наивные изумления перед тысячелетним существованием Византийской державы, рисуемой царством бесконечного застоя и деспотизма, также свидетельствуют, что у большинства существуют превратные представления о причинах гибели и процветания обществ; живучесть государств не зависит исключительно от совершенства

стройка, ибо самое понятие «совершенства» представляет широкий простор для *личного* понимания: для одного социальная анархия является идеалом, а другой вздыхает по временам, когда рвали языки за свободное слово. Мерилом благосостояния поэтому является не теоретическое и всегда спорное превосходство одних учреждений перед другими, ибо все они, вдобавок, имеют кроме достоинств и недостатки, а соответствие политических форм верованиям народа, *его* представлениям о власти, ее правах и обязанностях. У нас всячески восхваляют народоправство и самоуправление, но, будем искренними и правдивыми, неужели действительность не показывает, что «самоуправление» у нас не пользуется всенародным сочувствием и сознательной поддержкой всего общества. Заглянем в земские собрания, городские думы и в другие «коллегиальные учреждения», состоящие из людей малообразованных или даже мужей науки, изощривших свое мышление и постигших, казалось, свои права и обязанности, и что же находим: всюду заседания сплошь и рядом не могут состояться то за неприбытием законного числа членов*, то благодаря их преждевременному удалению; а неотложно важные дела остаются нерассмотренными и нерешенными по целым месяцам. Само собой разумеется, что это наблюдение не опровергает преимуществ самоуправления, взятого в идее, но говорит очень много против смешивания идеальных воззрений с действительностью: «самоуправление» — вещь хорошая, слов нет, но у нас встречающая при осуществлении преграды прежде всего в обществе, а не в правительстве. В самом деле, разве можно счесть наших гласных действительно «излюбленными людьми», когда большая часть избирателей не является на выборы, усматривая в своих «правах» только тяжелое бремя? разве можно видеть в

* Вот разительный пример: в Харькове на 26 мая назначен был второй съезд земских избирателей для выбора уполномоченных, но из 571 человека избирателей в съезд *ни один не прибыл!*

лицах, выдвинутых горстью избирателей, — «земских избранных», поборников общественных интересов, когда большинство их или не является на собрания, или заседает, «уоставив брады своя»? Утверждать при таких обстоятельствах, что мы имеем самоуправление, значит впадать в вольный или невольный самообман. Ведь всюду вершит и все делает небольшая кучка людей, сгрудившаяся вокруг одного какого-нибудь руководителя, передового борца, «общественного» человека по призванию. Если он преследует действительно цели высокие, думает о пользе общей, работает над благосостоянием края или города — «самоуправление» приводит к прекрасным плодам, если же, наоборот, вожак имеет в виду личные выгоды, руководится своекорыстными побуждениями — получается самое безобразное *самоуправство*: пресловутое «самоуправление» вырождается в земскую или городскую бюрократию, гонящуюся за теплыми местами и большими окладами, тогда как население превращается в тяглую единицу; выжатые из него средства тратятся на различные затеи или тают и исчезают неведомым образом. Если же появляются несколько вожаков, немедленно образуются партии, начинаются интриги, подкопы, происки и взаимные обвинения в очень некрасивых поступках, а дело стоит или ползет черепашьим шагом. Вот почему «широкое самоуправление» в России приведет лишь к торжеству политиканов, людей себе на уме, коих большинство между ревнителями «представительства», а не к преобладанию бескорыстных работников на земской ниве, составляющих, в общем, меньшинство. Ясно, что прежде всего нужно самому обществу проникнуться сознанием необходимости дружной, совместной работы над местными нуждами, надо воспитать в подрастающих поколениях чувство долга и обязанности перед своим Отечеством, равно как готовности служить делу, а не преследовать личные цели. Вот задача действительно высокая и насущно необходимая.

России нужны прежде всего *люди*, деятели, которые придадут жизнь учреждениям, бессильным самим по себе облагодетельствовать страну. России нужны работники, «сведущие люди», а не говоруны или честолюбцы, способные только сеять смуту и раздор ради обеспечения личных интересов или классовых выгод, в ущерб благу земли и миллионам народа, безусловно чуждого стремлению к вмешательству в управление государством.

Борьба из-за политического влияния власти претит чисто русскому человеку, жаждущему духовной свободы, и недаром наш народ смотрит на власть как на тяжкую ношу, возложенную Богом *на прирожденного* Государя; по совершенно справедливым словам носителя славянофильских заветов, «царь, царствуя, почитается совершающим великий подвиг, подвиг самопожертвования для целого народа — он кладет душу свою за други свои и тем самым проявляет любовь; «больше сия любви никто же имать», ибо начало власти представляется началом принудительным, отвлекающим от работы над собственным духовным перерождением. Поэтому царь представляется народу выразителем начала любви к нему, любви по возможности абсолютной, а это, конечно, функция священная и сам царь священен, как проявитель священного начала. *Власть, понятая как бремя, а не как «привилегия» — краеугольная плита самодержавия христианского*, просветленного и тем отличного от так сказать стихийного, восточного. Покойный император Александр III в своем воззрении на власть как на бремя неудобноносимое проявил свою истинно-русскую душу, и в этом его «непреходящее» историческое значение*.

Совокупность событий последних лет непреложно свидетельствует, что доселе наш народ смотрит на Самодержца как на всеобщего печальника, тяжелее всех ощущающего постигающие Русь невзгоды. Поэтому у

* См. Д. Х.¹ Самодержавие (опыт систематического построения этого понятия). М., 1903. С. 40 и след.

верующих людей вырастает потребность слиться с ним в молитвенном настроении, и Царь, коленопреклоненный вместе с народом перед высшей святыней, знаменует собой чисто христианское воззрение на Правителя, ведущего свой, «вверенный Ему Богом народ», к высшей, надмирной цели. Не царство всеобщей сытости, не нелепые мечты о равенстве долей всех и каждого на наслаждения и утехы земные, но Царствие Божие — торжество извечной правды, победа лучших сторон человека, обладающего образом и подобием божества, над человеком-зверем — вот исконный идеал христианского Самодержавия, вот высокая цель, к которой оно ведет многострадальную Русь. Знаменательный день пребывания Государя в Харькове, равно как и подробности о посещении им других городов свидетельствуют, что у Царя и народа по-прежнему одна вера, один Бог, одна надежда. Не нужны никакие искусственные основания, гнилые «фундаменты» для учреждения такой великой нравственной силы, имеющего такое могучее обаяние, как русское Самодержавие: Вера — вот единственная надежная опора всего сущего, и не жалким измышлениям затушить тот неугасимый пламень любви и доверия к Царю, который горит в сердцах бесхитростных русских людей, стихийно прозревающих всю условность, конечность и односторонность западноевропейских представлений о власти как высшем благе и цели жизненных усилий всех «передовых людей». Над русским народом властвуют и в наши дни вечные идеалы христианства, завещавшего прежде всего искать Царствия Божьего, «воздавая Кесарево — Кесареви, а Божье — Богу».

РУССКИЕ ЛЮДИ, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Потребность в тесном единении всех русских людей, не преклонивших колен перед современным Ваалом и остающихся верными исконным началам нашим, явственно обнаруживается на сказочно-быстром росте «Русского Собрания» в Петербурге, каждое общее собрание которого увеличивает на целые сотни число его членов, рассеянных не только по всему лицу Святой Руси, но и по зарубежным странам. Этот непрерывный прилив знаменует собой усиление сознания необходимости дружного общественного отпора дерзко-настойчивым стремлениям ниспровергнуть самые устои жизнеспособности нашего обширного Отечества и упорным попыткам перестроить его на иноземный лад, под диктовку узких теоретиков и озлобленных фанатиков. Всякий сколько-нибудь наблюдательный человек должен подметить, что мы стоим на распутье: мнимо передовая часть нашего общества, покинув старую исторически предназначенную России дорогу, хочет увлечь за собой весь народ, внушая ему, что избранный ею путь единственно правильный, но более зоркие люди у нас и на Западе уже давно указывали на рассеянные по нем преграды и на пропасть, которой он заканчивается. Инстинктивно и стихийно наш народ не поддается на заманчивые зазывания и придерживается в подавляющем большинстве своей, веками намеченной, тропы. Однако справедливость требует отметить, что не только учащаяся молодежь, плохо подготовленная школой и, по самому возрасту, мало самостоятельная, поддается на посулы самозванных проводников, обещающих достижение всеобщего благополучия, раз будет избран

излюбленный ими путь: мы видим во всех слоях общества, начиная с первых сановников государства и кончая рабочими и крестьянами, людей, отшатнувшихся от св. Православной Церкви, пренебрегающих народными, вековыми воззрениями и считающих изменение нашего государственного строя на западноевропейский образец единственным выходом из переживаемых нами нестроений. Болезнь преклонения перед иноземным глубоко вкоренилась в нашу общественную среду, по своему развитию весьма низко стоящую. Наивная вера в спасительность учреждений, в возможность одним почерком пера изменить созданное целыми столетиями, в целесообразность бумажных преобразований, разных «усовершенствованных конституций», упорно держится у многих российских «общечеловеков», несмотря на красноречивое свидетельство итогов т.н. «Великой Французской революции» и всех революционных брожений в других западноевропейских странах. Ведь всюду сохранились национальные особенности; «свобода, равенство и братство» оказались лишь красивым боевым кличем, а народы попали в еще худшую зависимость, сделавшись рабами бессердечной и безжалостной плутократии, прикрывшей свое господство мнимым народовластием, посеявшей всюду классовую ненависть и всеобщее недовольство. Над всем Западом носятся зловещие призраки анархизма и социализма, угрожая погребением в ужасах «мирового переворота» всех добытых человечеством благ культуры, убийством личности и водворением стадного благополучия ценой «грядущего рабства», по меткому выражению покойного Спенсера¹. Лишенное религии, национальных отличий, даже собственности и семьи «человечество» неминуемо обратится в звероподобных дикарей, опустится до животности и утратит все то, что служит залогом вечного движения вперед к недостижаемому идеалу всесовершенства, указанному Евангелием.

Естественно, что подобное будущее не представляется желательным для каждого вдумчивого человека, и в его груди зарождается стремление предотвратить надвигающуюся опасность, а для этого надо сохранить животворящую веру в Бога, преданность народным святыням и домашнему укладу. Чем сильнее ощущается напор враждебных веяний, тем настойчивее сказывается необходимость деятельного им противодействия, а потому в местностях, где русская стихия испытывает особенно назойливые посягательства на наши исконные начала, замечается объединение любящих Родину верных сынов ее. Примером могут послужить Варшава и Одесса: в бывшей столице польского государства и в сосредоточии, культурном и торговом, обширного Новороссийского края поборники русских идеалов протягивают руки своим единомышленникам в Петербурге и возбуждают ходатайства об учреждении варшавского и одесского отделов Русского Собрания. Временное разрешение генерал-губернатора позволило образовать в Варшаве «Русский кружок» под председательством генерал-лейтенанта А. А. Боголюбова; временный совет первоначально образовали профессора: Азаревич, И. П. Филевич и Д. В. Цветаев, генерал В. П. Малыгин, д. с. советник Зилов, А. А. Сидоров, А. В. Назаревский и В. И. Тяжельников, несший обязанности делопроизводителя и недавно передавший их Д. С. Всеволожскому. Общее число членов превышает 100 чел.; тут мы находим представителей духовенства, профессоров, судебных деятелей, военных, инженеров, учителей, чиновников различных ведомств и дам. Часто устраиваются беседы и читаются доклады по разнообразным вопросам, напр. полк. Штегельман сделал сообщение о китайской войне, в которой принимал участие, Н. А. Логанов — «о Холмщине и Подляшье», Л. Н. Явдык — «о славянофильстве», А. А. Сидоров — «о польских партиях», знаток дела, проф. Д. В. Цветаев — «об обрусении западноев-

ропейцев в Московской Руси», г. Липин — «о значении М. И. Глинки в истории русской музыки», г. Рождественский — о «графе Станиславе Тарновском, его деятельности и ученых взглядах на Россию и русских» и т. д.

Успешная деятельность «кружка», явное сочувствие к нему русских людей и желание их поработать с еще большей пользой для родного дела породили мысль об открытии варшавского отдела «Русского Собрания», в Совет которого и было внесено соответствующее ходатайство. В основу устава нового Отдела положены Устав «Русского Собрания» и дополнительные правила, выработанные для Харьковского Отдела. В силу же местных особенностей допущены и некоторые отступления от этих образцов: так, в первой статье Устава «Русского Собрания» ради уточнения основных руководящих воззрений на цель деятельности Отдела прибавлены слова: «на основе Православия, Самодержавия и Народности». Это добавление весьма существенно и желательно, ибо нельзя не отметить, что, без пояснений, первая статья Устава, благодаря несколько туманному изложению, открывает простор для недоумений и личных толкований, порождающих недоразумения, ради устранения которых и в Харьковском Отделе принята печатная формула заявления о вступлении в число его членов, прямо указующая, что «творческими исконными началами» признаются именно «Православие, Самодержавие и Народность». Это добавление названо и Председателем Совета «Русского Собрания» в Петербурге «весьма желательным».

Затем проект Устава варшавского Отдела ограничивает право быть членами Отдела принадлежностью к православному исповеданию, тогда как в Русском Собрании и Харьковском Отделе есть и протестанты, и католики. Их принятие обусловлено лишь признанием ими значения для России Православия, Самодержавия и Народности. Мирное единение в недрах Русского Собрания представителей всех исповеданий, пользующих-

ся, по российским законам, полной веротерпимостью, представляется делом первостепенной важности, ибо «Русское Собрание» должно быть Россией в малом раз- мере, а потому инославные и даже иноверцы не могут быть исключаемы от общения с православными: ведь от протестанта и католика, вступающих в ряды членов Русского Собрания и тем обнаруживающих уважение к нашим святыням, легко могут отвернуться фанатичные исповедники лютеранства или папизма. Следовательно, это вступление само по себе заслуживает нарочитой поддержки, так как ослабляет вероисповедную вражду, которая отнюдь не является благоприятной для мирного преуспеяния обширной державы Царей. Закрывать двери в Русское Собрание перед человеком другого *христианского* исповедания нецелесообразно, раз он сам идет навстречу к сближению с Православием, и нужно очень обоснованное сомнение в искренности его побуждений, чтоб отклонить его ходатайство. Варшавский же Отдел прямо отрицает самую возможность сближения с местным обществом на «основе Православия, Самодержавия и Народности». Введение желанной для него оговорки, смеем думать, излишне подчеркивает отчужденность русских от поляков и едва ли вызывается необходимостью: отдел всегда имеет возможность *не принять* то или иное лицо в свой состав, даже *исключить* члена, обнаружившего склонность к противодействию основным задачам, но огульно допускать *только* православных едва ли будет полезно; иной «православный» по метрике стоит неизмеримо дальше от православия, чем верующий католик или протестант. Если местное общество так враждебно настроено к православию, то никто из католиков и не сделается членом «Русского кружка». Стало быть, прибавка борется с воображаемой опасностью и оказывается ненужной, но если среди варшавских обывателей есть лица, готовые совместить верность исповеданию своих предков со служением исконным творческим на-

чалам, начертанным на знамени Русского Собрания, то она вредна, а потому опять излишня.

Мы не сомневаемся, что Варшавский Отдел имел свои веские соображения для внесения такой оговорки, так как Петербургский Совет большинством голосов постановил: «Ввиду местной обстановки согласиться на желание ограничить прием членов лишь лицами православного исповедания». Но в интересах дела печатное раскрытие особенностей этой «местной обстановки» было бы весьма желательным для уяснения побуждений, заставивших сделать такое наводящее на раздумье и сомнения добавление.

Дальнейшие уклонения от Устава Русского Собрания и Правил Харьковского Отдела не имеют такого существенного значения и касаются второстепенных подробностей, которые были приняты во внимание Петербургским Советом, нижеследующие постановления коего могут пригодиться для руководства лицам, желающим открыть Отделы в других городах:

а) непременно предоставить членам Русского Собрания пользоваться в Отделах полным правом действительных членов, но, так как Варшавский Отдел ограничивается приемом лиц православного исповедания, то по отношению к нему это право должно принадлежать лишь православным членам Русского Собрания; б) если размер денежного взноса (10 руб. ежегодно) затрудняет членов Совета Варшавского Отдела стать предварительно членами Русского Собрания, как это указано для Харьковского Отдела, то с целью большего единства их с «Русским Собранием» желательно предоставить им это право — по должности их в Варшавском Отделе, т. е. постановить, что члены Совета Варшавского Отдела пользуются правами действительных членов Русского Собрания; в) предоставить Варшавскому Отделу самостоятельное назначение Делопроизводителя Совета и право входить по местным вопросам с ходатайствами к

представителям местных властей помимо Совета Русского Собрания, что же касается до права закрытия Отдела, то оно должно быть предоставлено, как и по отношению Харьковского Отдела, не Русскому Собранию, а Совету Русского Собрания; г) выразить единогласно пожелание, чтобы с целью поддержания возможно большего единства между Русским Собранием и его Отделами во всех статьях проекта, где нет существенных отличий от соответственных статей Устава, было доподлинно принято изложение последнего».

По всей вероятности, открытие Варшавского Отдела на изложенных выше основаниях произойдет в недалеком будущем. Что же касается Одесского Отдела, то положение дел таково: минувшей весной, под живым воздействием примера Харькова многие одесситы, принадлежащие к различным общественным кругам, задумали учредить в Одессе общество, объединяющее русских людей, пребывающих в этом городе. Первое собрание состоялось в помещении 16-го стрелкового полка, было весьма многолюдным и состояло из профессоров, представителей военного ведомства, дам, учителей, общественных деятелей и проч. *Единогласно* было постановлено образовать не самостоятельное общество, а отдел, по образцу Харьковского; была избрана комиссия для подробного ознакомления с Уставом «Русского Собрания» и Харьковского Отдела и выработки тех изменений, которые желательны ввиду местных условий. В состав комиссии вошли: ректор Новороссийского университета, проф. А. Н. Деревницкий, генерал-майоры Полковников и Кардиналовский, проф. Батцев, полковники Коренев и Цыбульский, преподаватели: Спасский, Лебедев, Каменский, Родзевич² и законоучитель кадетского корпуса священник Петровский. Комиссия взяла за образец правила Харьковского Отдела и с незначительными от них отступлениями составила свой проект, который и был принят вторым общим

собранием гг. учредителей, постановившим возбудить ходатайство перед Советом Русского Собрания в Петербурге об открытии Отдела и одновременно обратиться к градоначальнику с просьбой о поддержке этого ходатайства. Оно подписано 75 членами-учредителями, в том числе, помимо вышеназванных лиц, преосвященным Феодосием (викарий), ректором семинарии архим. о. Анатолием³, проф. Кишенским и Тизенгаузеном, начальником окружного штаба генер. Безродецким, корпусным командиром Мыловым, директором кадетского корпуса Дерюгиным, начальником юнкерского училища полк. Микулиным, одесским предводителем дворянства Якуниным, многими преподавателями, дамами, военными и представителями местного купечества (М. М. Ближенским, А. И. Пташниковым, Е. И. Фесенко) и др. Ходатайство было вручено присутствовавшему на собрании члену Русского Собрания, проф. Петербургского университета В. М. Грибовскому⁴ для передачи кн. Д. П. Голицыну. Ввиду отъезда последнего из Петербурга на все лето, разрешение дела отложено до осени, когда оно и будет рассмотрено Советом.

Помимо Варшавы и Одессы, по нашим сведениям, готовится открытие отделов в Вильне, где ядром послужит русский кружок, взявший на свой присмотр исправление православной часовни, пострадавшей недавно от взрыва, в Киеве, где душою дела является проф. В. З. Завитневич⁵, в Воронеже, Саратове и других городах. Стало быть, нет никаких оснований считать деятельность Русского Собрания бесплодной: оно несомненно объединяет и стягивает в одно идейное целое многочисленную рать прежде разрозненных русских людей, готовых бороться за Веру, Царя и Отечество с многочисленными врагами русского народа, губителями неопытной молодежи, сеющими смуту, прибегающими к наглой лжи, забрызганными кровью стольких верных слуг Престола. Под гром пушек на Далеком Востоке Русь просыпается,

озирается пытливым оком вокруг и скоро воспрянет во всей своей мощи, стряхнув своих непримиримых внутренних недругов. Близок час, когда всякий должен будет бросить «уклоняющиеся глаголы» и прямо сказать, кому он служит, Самодержавной, Православной России или международным плутократам. Трусливому сидению между двумя стульями нет места в такие великие годы исторических испытаний, каково переживаемое нами время.

ПОВОРОТ МОЛОДЕЖИ В СТОРОНУ ХРИСТИАНСКИХ ИДЕАЛОВ

Уже давно наши высшие учебные заведения представляют собой печальную картину почти непрерывных беспорядков; научные интересы играют в жизни студенчества роль второстепенную; спокойные занятия над собственным развитием сменились стремлением поучать других, вмешиваясь чуть не во все отрасли государственной и общественной жизни; «учащаяся молодежь» превратилась в «неучащуюся»; появились нелепые «забастовки» и «обструкции» с целью помешать своим более добросовестным товарищам работать и пользоваться плодами своих трудов. Сотни даровитых юношей вынуждены были «бросать» университеты или институты, так как необходимость добывать для себя и семьи кусок хлеба не позволяла им непроизводительно терять дорогие годы из-за насилия и «террора», пущенных в ход «забастовщиками». Уровень выступающих на смену старшим поколениям общественных деятелей и работников во всех областях сложной государственной организации заметно понизился, и полная неподготовленность студенчества засвидетельствована во всеуслышание в ряде высокоавторитетных заявлений: возомнившие себя всеобщими наставниками и спасителями оказались невежественными, неразвитыми людьми, не обладающими ни необходимыми знаниями, ни потребными навыками, при полном отсутствии общего широкого образования, когда-то выгодно отличавшего всюду питомцев университетов. Беспомощные, неумелые, болезненно самолюбивые и совершенно чуждые действительности, рабы бумажных теорий не могли внести в жизнь ни творче-

ства, ни личного почина, ни вдохновенной готовности служить Родине, насаждая в ее обширных пределах знание, порядок, законность и благосостояние. Россия не только не увеличивала, но даже не пополняла ряды столь необходимых ей образованных деятелей, а иностранцы и инородцы захватывали исподволь лучшие места, завладевали выгодными предприятиями и оттирала далеко назад наивных мечтателей, собирающихся облагодетельствовать «все человечество»... принесением в жертву кровных интересов родного народа. Ради воспитания десятков тысяч передовых борцов, необходимых России, чтоб отстоять свое место на мировом поприще, где состязаются все племена за лучшее будущее, было затрачено множество средств, добытых потом и кровью, неустанными трудами и бессонными ночами сотни миллионов прозябающих в невежестве и бедности, возлагающих на юные поколения все свои надежды и упования. Но «избранные» уклонились от пути истинного и в слепом самообольщении забыли о своем неоплатном долге перед народом: вместо давно желанного света науки и знания они принялись насаждать тьму нелепых, однобоких теорий; вместо того, чтобы работать *совместно* с народом над общим благополучием, они стали проповедовать насилие, сеять вражду и ненависть к вековым святыням; от злобных слов быстро перешли к черному делу... Русь обогрилась кровью Царя-Мученика и множества верных слуг Престола и Отечества, по мере сил и разума отстаивающих родные устои от напора близоруких изуверов, подстрекаемых зарубежными вдохновителями; их коварство, чувствуя *себя* в безопасности, посылало на гибель неопытных юношей и губило цветы, чтоб лишить Святую Русь ожидаемых веками плодов. Становилось страшно за будущее, ибо мозг великой страны явственно подвергался опасному заболеванию, задерживающему правильный и постепенный рост ее мирового величия. Враги ликовали тихомолком и радовались близкому

оскудению стойких и сознательных борцов за русскую национальную идею: оно сулило осуществление горделивых предсказаний немецких мыслителей, уверяющих, что весь мир — достояние германской расы, тогда как все славяне осуждены быть лишь «культурным материалом», поставляющим потребное количество рабочих рук для выполнения «черной работы» низшего качества, где нужны лишь телесная сила да рабское исполнение приказаний, отдаваемых будущими повелителями Вселенной... Адский замысел лишить Россию *своих* инженеров, механиков, химиков, врачей, юристов, учителей, словом, людей мысли и зиждущего дела, приводился в исполнение руками ее собственных сынов, не понимающих, что совершают самоубийство и посягают на жизнь Родины — великой общей матери...

Но тонкие подвохи не обманули всех юношей: природная сметка и здравый ум подсказали наиболее стойким, что нельзя, оставаясь невежественными и уклоняясь от занятий науками, притязать на руководящее положение. Такая затея была, очевидно, смешна и нелепа; всякий самостоятельно мыслящий юноша отлично понимал, что его превращают в орудие и лишают самого дорогого достояния человека — *духовной свободы* и возможности послужить ближним сообразно их справедливым запросам, не навязывая собственных мудрствований. И вот в среде университетской молодежи возвышают открыто свой мужественный голос противники незрелого политиканства, высоко поднимая стяг с призывом: «университет для науки»! Всюду образовывается так называемая «оппозиция», составившая могучий оплот порядка, о который разбились все яростные нападения потерявших почву «политиканов и забастовщиков»; отчаянные попытки прервать правильное течение академической жизни окончились полным посрамлением немногочисленных фанатиков, утративших всякое обаяние благодаря своей безнравственной проповеди: «цель

оправдывает средства», и поступкам, естественно вытекавшим из такого боевого клича. «Оппозиция», ставшая на страже лучших академических преданий, сплотилась в узаконенные корпорации, каковы «Труд и Надежда» в Томске, «Денница» в Петербурге, «Единение — сила» и «Рассвет» в Одессе. Сближаясь здесь в силу тяготения к научным знаниям и желая расширить свой кругозор, юноши приучаются к совместной работе и получают возможность дружно противодействовать жалким марионеткам, приводимым в движение одновременно всюду искусной рукой таинственных вдохновителей, дергающих соответствующие нити. Теперь произвести беспорядки несравненно труднее, и они всегда встретят противодействие объединенных в различных кружках и корпорациях благоразумных студентов.

Движение против преждевременного увлечения непосильным для юнцов разрешением многовековых, сложных общественных и государственных вопросов вылилось, помимо научного единения, и в стремлении поднять благородной самодеятельностью нравственный уровень студенчества: в Петербурге возникло «Христианское содружество учащейся молодежи», объединившее воспитанников нескольких высших учебных заведений на почве глубокого желания усвоить и воплотить в личной жизни бессмертный дух Евангельских заветов. <...>

Правда, в современной печати поднялось по поводу последнего неуместное зубоскальство, но всякий, кто знает, сколько горя, болезней и преждевременных смертей приносит юношам распутство, должен только с полнейшим сочувствием отнестись к юному почину, выражающему жгучую потребность в упорядочении нашего семейного уклада. Какие мужья и отцы получают из завсегдатаев всевозможных вертепов, соблазнитель прислуги или попадающих на содержание к любострастным богатым старушкам — показывают ясно все растущее разложение семейной жизни, обилие внебрачных

детей, постоянные детоубийства... Юноши постигли старую истину: «прочная семья — действительная основа общественного и государственного строя». Они имели мужество исповедать обязательность целомудрия среди всеобщей легкости нравов и тем показали, что в нашей молодежи живет еще жажда личного усовершенствования и верности бессмысленно высмеиваемым Заповедям. Конечно, в данном случае почин молодежи знаменует собой попытку осуществить на деле те нравственные требования, какие выдвигает взволнованная совесть наиболее чутких из наших современников, восстающих против попрания исконных религиозно-нравственных требований.

Поворот молодежи в сторону христианских идеалов явственно обнаружился и в том сочувствии, какое она выказала Русскому Собранию и его Отделам. Как известно, приезд генерала М. М. Бородинки на открытие Харьковского Отдела подал повод к всенародному выступлению «кружка русских студентов», поднесшего Русскому Собранию икону Святого Серафима Саровского. Петербургские студенты своим присутствием на заседании 21-го ноября выразили полное одобрение поступка харьковских товарищей. Из Киева, Риги, Одессы были присланы приветствия Русскому Собранию от воспитанников местных учебных заведений. В Варшаве обнаружилось желание студентов посещать заседания русского кружка, подобно тому, как в Петербурге и Харькове значительное число посетителей докладов составляют те же студенты; их действительное настроение сказалось воочию в тяжелые дни переживаемой нами войны, когда всюду учащаяся молодежь была охвачена могучим подъемом патриотической волны.

Правда, проявление чисто русских чувств студентами сильно не понравилось политиканам и их руководителям. Отдан был приказ гонениями и преследованиями, оскорблениями и клеветой наказать дерзких

смельчаков, устроить колеблющихся и предупредить утрату постоянно готового податливого орудия в лице безвольной, запуганной массы студентов. Расчеты не оправдались: русские студенты выказали стойкость и нравственную выдержку, а студенчество, вопреки ожиданиям «забастовщиков», показало, что оно выросло за последние годы, желает самостоятельно разобраться в различных взглядах, а не брать их напрокат, повторяя, словно граммофоны, речи недругов русского народа.

Потерявши голову и выбитые из, казалось, прочно захваченных позиций, они поняли, что молодежи надоели «забастовки», что призыв «университет для науки» сплотил слишком много сторонников, делающих посягательство на спокойствие по прежним поводам осужденными на неудачу, и вот многолетние нарушители порядка превратились в ярых его защитников... выступив против русских студентов с обвинением во внесении ими «политики» в стены университета! Этот нахальный прием соблазнил некоторых, обладавших слишком короткой памятью, и требования прекращения «деятельности, имеющей политическую окраску», стали раздаваться все громче и настойчивее. Слышались в «обществе» даже голоса, бездоказательно обвиняющие «русских студентов» в шпионстве, доносах, возбуждении умов студенчества, отвлекающем от правильных занятий. Таким образом, говорили как раз те, кто сквозь пальцы смотрел на «буйства забастовщиков», выражал сочувствие их «борьбе с правительством», поощряя к насилию над огромным большинством, желавшим заниматься! Конечно, эти господа не могли примириться с мыслью, что их господству над молодежью пришел конец, ибо часть ее разорвала уже оковы духовного рабства, в котором держали столько лет юные поколения непримиримые враги России: им было ясно, что пройдет еще несколько времени, отрезвление сделает еще большие успехи, и прозревшее юношество займется своим прямым делом, подготовкой себя для

служения Отечеству и его Верховному Вождю, а из их рук окончательно ускользнет столь послушное безответное орудие, способное в былые годы на полное самопожертвование ради внушенной идеи. Отсюда проистекали та злоба, та дикая нетерпимость и омерзительное коварство, которые были обнаружены против первых ласточек неизбежной весны — студентов, имевших дерзость называть себя русскими и открыто исповедовать свою преданность Православию, Самодержавию и Народности. О, их преступление было неслыханным и требовало немедленной образцовой кары, и вот появляются воззвания, требующие *исключения* из высших учебных заведений всех студентов, «причастных русскому собранию», имена смельчаков вывешивались в предупреждение всякого общения с ними; «всеобщее презрение» должно было устроить их, так как во всеуслышание заявлялось: «Мы не потерпим, чтобы их присутствие позорило стены университета или институтов!» Конечно, евреи, армяне, поляки могут быть верными сынами своих «угнетенных» (?) народов, но русские — «угнетатели» не смеют даже заикнуться о своей принадлежности к великому племени, имеющему безусловно всемирно-историческое значение, славное прошлое и великое будущее! Однако все эти вопли и неистовые угрозы не встретили отклика в рядах русского студенчества, всегда отличавшегося, в огромном большинстве, терпимостью к мнениям и воззрениям других, склонностью к широкой уступчивости и благородным отвращением к насилию и преследованию за убеждения. Всякий честный юноша понимает, что одними словами нельзя убедить в справедливости тяжких обвинений, взводимых на товарищей; нужны неоспоримые доказательства, а не наглые уверения. Нельзя же быть одновременно самозванными судьями и обвинителями. Смутьянам не удалось, несмотря на отчаянные усилия и поддержку со стороны, вызвать общестуденческое движение против поборников русской национальной идеи;

наоборот, стало явственно обнаруживаться в среде молодежи желание лучше ознакомиться с задачами и целями «Русского Собрания», чтоб каждый мог выработать *самостоятельное* к нему отношение.

Это единственно надежный и правильный путь, ибо недаром народная мудрость гласит: «Не верь чужим речам, а верь своим очам!»! Сплетни и клеветнические измышления, темные слухи и голословные обвинения не являются доказательством для каждого порядочного человека, а совершающаяся на глазах всех деятельность Собрания и его Отделов прямо говорит: «Приди и посмотри, ибо нам скрывать нечего; мы не заговорщики и не человеконенавистники, но люди, убежденные, на основании ряда непреложных данных в том, что вековые устои нашей народной жизни и наши национальный святыни лишь помогают осуществлению «племен святого братства».

Само собой понятно, что открытое исповедование верности исконным творческим началам нашей исторической жизни *обязывает* к живой деятельности и не может ограничиваться лишь словесными заявлениями своей преданности Родине. Надо доказать любовь к ней на деле, и русская молодежь не в похвальбах пиров и споров шумных, а в упорном труде должна проявить свое национальное самосознание. На всех поприщах у нас раздаются крики: «Дайте дельных людей, дайте знающих работников!»! Наше Отечество испытывает незнакомую другим странам острую нужду в представителях всех отраслей научного исследования и прикладного знания, в лицах, подготовленных для ответственной общественной самодеятельности и плодотворной государственной службы. Утолить эту насущную потребность — вот прямой долг юных поколений, вот их великая задача, разрешение которой сулит редкое счастье сознания недаром прожитой жизни. Как иссохшая от зноя нива жаждет живительной влаги, обещая обильную жатву, так наша Родина нуж-

дается в любовном самопожертвовании своих сынов: словно капли, напоющие землю, отдельные труженики вносят свою маленькую долю в грядущее процветание Отечества, но только дружный дождь приносит пользу пашне, так и только совместная работа многих тысяч незаметных маленьких тружеников приводит к плодам добрым. Наше поколение едва ли доживет до пышного расцвета русской жизни на родных устоях: нам приходится выдерживать на своих плечах последний яростный напор враждебных стихий, но «русские студенты» получают поле, уже значительно подготовленное для посева, кое-где уже колосающееся и сулящее непрерывный прилив потребных семян.

Да поможет же Бог «юным витязям» сменить в свое время смеживших очи работников и высоко держать стяг русского национального самосознания. А для выполнения этой великой ответственной задачи им надо потратить годы юности на изучение родной истории и родной страны, на ознакомление с трудами русских национальных поэтов и писателей, на углубление в мир народных дум, святынь и упований. Жалкое политиканство и кичливая надменность да будут им всегда чужды, ибо смешно решать на школьной скамье мировые вопросы: ведь «всякому овощу — свое время». Нетерпимость, гонения иноверцев и инородцев также не могут быть свойственны истинно русским юношам, помнящим, что все люди — дети Единого Небесного Отца. Но необходимо ясное понимание нужд и польз *своего* народа, чтоб не сделаться слугой враждебных начал, злоупотребляющих этим великим заветом христианства ради своекорыстных целей. Наивно думать, что русский должен помогать инородцам сохранять их национальные особенности, отказываясь в то же время от родной стихии. «Общечеловеческая солидарность», имеющая такое обаяние над горячими молодыми умами, требует не отказа от своего народа, не переделки его верований, строя, идейно-

го уклада по книжным образцам, но как раз обратного: полного и всестороннего развития духовных дарований любой народности, превращения ее в самосознающую собирательную личность. Совокупность таких собирательных личностей может в далеком будущем привести к «общечеловеческой солидарности». Но всегда каждый народ, сознающий свои прошлые судьбы и думающий о грядущих, должен руководиться древним изречением: «познай самого себя».

Это-то самопознание, это истолкование смутных стихийных чувств и стремлений, воплощение их в живом примере, подкрепление их доводами разума и науки должны составить цель жизни и деятельности тех, кто называет себя «русскими студентами». Иначе эта кличка останется пустым звуком, лишенным оснований притязанием. Но да не будет сего во веки!

НАДЕЖДА РОССИИ — ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦАРЬ

Грозные беды отовсюду надвинулись на матушку Русь: злые воры уже давно куют крамолу против собственной Родины и кровавыми убийствами расчищают себе путь к желанной власти, богатству и земным наслаждениям. Заветы вечной Правды подвергаются глумлению и высмеиванию со стороны представителей самомнящего невежества, самозванных пророков и высокомерных лжеучителей, сеющих в умах и душах смуту, разлад и ненависть. Забыт Бог и непререкаемые веления Его ради пустых людских измышлений и рабского служения страстям своим, а священные обязанности христианина для многих превратились в звук пустой. Чаша переполнилась беззакониями, и справедливое воздаяние должно было покарать уклонившихся от тропы Христовой... И вот на Дальнем Востоке загремели выстрелы, наглый, кичливый и дерзкий враг накинулся на нас, уповавших на силу «международного права», на свое великое боевое прошлое, на мощь многомиллионного народа... Все мыслящее, истинно русское общество в печальную годину военных невзгод, по примеру предков, встало за поруганную честь Отечества и, смиренно моля Всевышнего о победе над супостатом, готовит ему отпор кровавый, жертвуя достоянием, даже жизнью ради торжества России.

Но отщепенцы, предатели Родины и лакеи космополитизма продолжали свою вредоносную деятельность даже в такие дни великих всенародных испытаний. Они по своему безверию не постигли смысла происшедших событий, не узрели всей глубины опасности, нависшей

над миром христианским и грозящей самому преобладанию европейцев на Земном шаре. Наоборот, они вздумали воспользоваться внешними затруднениями в собственных видах и наивно решили запугать правительство и общество злодейскими покушениями и бесчеловечными убийствами: мучеником долга и жертвой изуверов пал В. К. Плеве¹, отдавший все свои богатые дарования службе Царю и русской державе. Новое злодеяние обнаружило только идейную и умственную слабость ненавистников России и ее священных устоев. Они все еще не понимают, что никакое насилие не может ни искоренить идеи, ни доставить ей прочное торжество. Для них остается неведомым исторический опыт, непреложно свидетельствующий, что политические убийства, самый гнусный и подлый род убийств, остаются обыкновенно бесплодными, и к ним прибегают в бессилии только представители отживающих начал, неспособных достичь торжества мощью собственной правоты. Припомним, для примера, гибель Цезаря, Генрихов III и IV, Вильгельма Оранского, Линкольна, даже Марата! Разве их убийцы достигли намеченной цели, разве злодейство остановило роковое течение событий? Разве может насильственное устранение одного, вдобавок смертного по самой природе, человека обуславливать победу каких-либо идеалов, ибо отдельная личность не способна ни воплотить их в обществе, ни погубить их. Среда же не изменится, историческое прошлое не изгладится из книги вечности, общие условия не примут нового вида благодаря мученической кончине борца за определенное творческое и вековое начало. Стало быть, только бессмысленная ненависть может толкнуть на такое нелепое и позорное деяние, заслуживающее только полного осуждения всех здравомыслящих людей независимо от их политических убеждений. Но отсутствие политической и общественной зрелости сказались в полной мере на отношении некоторых кругов к омерзительному убийству Плеве: темными намеками и рабским

«эзоповским» языком они старались дать понять, что эта «мера» была вызвана крутым образом действий усопшего сановника, а потому заслуживает оправдания. Как будто злодейство перестает быть таковым в силу знаменитого иезуитского правила: «цель оправдывает средства». Эта неискusstная уловка свидетельствует лишь о крайне невысоком нравственном уровне общества, имеющего в своих рядах убийц и их духовных сообщников, а потому и навлекающего на себя заслуженную кару Божию в виде войны и надвигающейся из глубин Азии холеры.

Но Всемогущий Бог, отрезвляя нас невзгодами, не забывает и милостями, ниспослав Императору и России долгожданного Наследника и будущего Повелителя, нареченного во святом крещении Алексеем². Несомненно, выбор имени сделан неслучайно: невольно перед мысленным взором встает образ тишайшего Царя, наиболее привлекательного из всех московских Самодержцев. После лихолетья он оказал Родине много услуг и подготовил осуществление великого подвига, подъятого его сыном. Истово благочестивый, глубоко верующий, поистине православный Государь этот был милосерд к преступникам, заботился о насаждении законности изданием Судебника, радел о чистоте веры и правильности обряда исправлением книг церковных, не забывал о своих единоверцах и единоплеменниках, приняв под свою высокую руку Малороссию. Важнейшие мероприятия проводились им в тесном единении с Землей и отличались поэтому соответствием назревающим современным запросам. При нем замечаются ростки славянской взаимности, и западноевропейское просвещение проникает уже приспособленным к национальным и вероисповедным особенностям славянского народа, ибо учителями выступают южноруссы. Да поможет же Всевышний Царственному Младенцу быть, подобно Алексею Михайловичу³, верным сыном св. Православной Церкви и просвещенным Государем, блюстителем кровных русских нужд

и поборником великой всеславянской идеи, да найдет Он в сынах и внуках наших достойных сподвижников и прилежных работников над благом родной земли. Современным же отцам да приложат рачительное старание к воспитанию подрастающих поколений, дабы Россия узрела новых Ртищевых, Ординых-Нащокиных, Матвеевых⁴, показавших, что можно быть русскими людьми и по своему просвещению не уступать образованным сынам других народов, ставя благо собственного выше всего.

Эта задача существенно облегчается трогательной и умильной заботливостью о современных нуждах, проявляемой Николаем II, поистине Милостивым, ко вверенной Ему Промыслом великой семье русского народа. Какой русский без сердечного волнения может читать Высочайший Манифест от 11 августа⁵? Позорное телесное наказание, тяготевшее без малейшей пользы над миллионами наших единокровных братьев, кануло ныне в вечность без потрясений и шума по воле Царя, довершившего намерения своих державных Деда и Родителя. Россия перестала быть «страной кнута», и «представители господствующей народности» получили то право личной неприкосновенности, коим уже давно пользуются разные инородцы. Вот красноречивое доказательство их мнимого «угнетения и приниженности»! В «великой семье русского народа» все племена являются братьями, и любвеобильное сердце Самодержца обнаруживает о всех одинаковое попечение: рядом с милостями для основания государства — многомиллионного русского крестьянства щедрой рукой рассыпаются льготы для иноплеменников, от «кочевых, бродячих и оседлых инородцев», от туземцев Кавказского, Туркестанского и Степного края до жителей Царства Польского и Велико-го Княжества Финляндского. Для евреев, причинивших столько хлопот своими притязаниями и подстрекательствами, обнаружено особое распоряжение, направлен-

ное к уравниванию их положения с другими жителями империи. О, если бы наши инородцы и иноплеменники правильно поняли высокие побуждения Государя и стали бы работать над благом единого общего Отечества, оправдывая доверие и заботы со стороны Престола! Великодушные имеет неодолимую силу над благородными сердцами, и будущее покажет, окажутся ли признательными те, из среды коих вышло столько врагов величия России. Во всяком случае, виновные должны нести заслуженные кары, а целые народы не могут подлежать ответу за вину отдельных лиц, хотя обязаны всячески противодействовать их преступным стремлениям.

Глубокая вера в человека, в лучшие качества его существа веет ото всего Манифеста и невольно заражает и увлекает всех читающих это детище милосердия, продиктованное бесконечной добротой и отзывчивостью, внушенное «постоянным влечением сердца» — явить милость всем особенно в ней нуждающимся, преклонить заботу к судьбе тех, которые, по бедности и временным нуждам, оказались неисправными в разных платежах, а равно тех, кои, преступив веления закона, искупили уже отчасти свою вину или по другим обстоятельствам заслуживают снисхождения».

Несмотря на великую тягость нежеланной войны, Государь простил недоимки, штрафы, взыскания буквально на целые сотни миллионов «с ущербом для казны» и «возмещением убытков земским учреждениям». Миллионы людей так или иначе испытывают разнообразный милости; многие тысячи «осиротевших детей офицерских и нижних чинов, запечатлевших кровью на далекой окраине пламенную преданность России, получают надлежащее призрение и воспитание, ибо Монархом признано «священной Его обязанностью всемерно озаботиться изысканием необходимых для сего способов».

Царь всенародно свидетельствует, что Ему «особенно отрадно прийти на помощь верным подданным

облегчением их неотложных нужд» в «переживаемую ныне годину испытаний, которая вызвала напряжение сил народных, но и явила пред лицом всего мира высокие примеры непоколебимой доблести и беззаветной любви к Родине». Каждый подданный найдет отраду в посильном облегчении великого подвига царственного служения родной земле, ибо все благие намерения Государя могут осуществиться только под условием добросовестного выполнения всеми нами лежащих на нас обязанностей: в то время как наши братья проливают свою кровь и полагают живот свой за други своя в ущельях далекой Маньчжурии, мы, оставшиеся дома, должны удесятерить производительность своего труда, зорко блюсти внутреннюю безопасность, чтоб наша дорогая Родина вышла победительницей из кровавого навязанного ей состязания. Наши герои должны быть уверены, что только подонки общества способны в России попирать ногами обязанности всякого честного гражданина нашего великого Отечества, ибо надо опуститься до животного или оподлиться окончательно, чтоб в такие минуты работать в угоду врагам Родины и мешать благородным начинаниям Государя, всей душой желающего, чтоб его милости «послужили к вящему укреплению в среде народной добрых нравов, уважения к законным правам каждого». Этой надеждой вдохновляются все русские люди, и они найдут в себе достаточно сил и мужества, чтоб добиться ее осуществления.

НИЩЕТА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

В последнее время усилились толки о преимуществах парламентаризма, от которого ждут «весны» для нашего Отечества и чудесного исцеления всех наших общественных недугов. Даже вопрос об исходе войны с Японией ставится в тесную связь с изменением нашего государственного строя: г. Меньшиков¹ прямо говорит: «Только *организованные* народы непобедимы. Пока Россия боится себя самой, пока силы народные круто связаны, пока *нация не признана в правах участия в своей жизни* (курсив наш) — можно ли говорить о непобедимости и всеветном господстве?» И так, стоит ввести народоправство и мы получим основание говорить о непобедимости, о всеветном господстве; все изменится как по мановению волшебного жезла: русский народ перестанет быть «глупым», «придурковатым», «нищим», «невежественным, одичавшим до равнодушия к своей судьбе» и пр. Если поверить непогрешимости суждений г. Меньшикова на слово (доказательств он не приводит), то невольно придется задуматься, как можно верить власть обществу, где «*глупость народная* держит и образованные классы в своем плену», где «простонародные предрассудки идут до верхов и делают нашу интеллигенцию *безвольной*». Хорош совет — отдать «безвольным» и «глупым» людям управление обширным государством, предоставить им «права участия в своей жизни!» Да ведь это будет величайшей ошибкой, конечной гибелью всей страны, ибо, очевидно, несамостоятельные глупцы наторят множество нелепостей.

Только недомыслие может породить такую непродуманную политическую программу. Будь г. Меньшиков

более логичным и последовательным, он прямо потребовал бы призвания новых варягов с Запада, который он рисует нам каким-то земным раем: там, по его мнению, нет «бытовой нечестности, продажности, жестокости, распутства, пьянства, неуважения к правам человека, грубого цинизма, который у нас проникает население до его корней», ибо у нас нравственность народная гораздо ниже, чем у соседей, и это со времени Тацита², т. е. с той поры, когда не было помину о России, русских и даже о «наших соседях». Нельзя же взбираться на общественную трибуну с такими скудными познаниями по истории родного народа с единственной целью облить его помоями. Народ наш осудил такое поведение меткой и мудрой пословицей: «Плоха та птица, что гнездо свое марает».

Неужели г. Меньшиков думает, что в России никто не знает, что происходит на Западе при господстве столь излюбленного им парламентаризма? Разве мы не читали о продажности народных представителей, о подкупах на выборах, о драках в стенах парламентов, об упадке семейной жизни, вырождении, алкоголизме, росте преступности, безверии, вопиющей нищете, доводящей до самоубийства и смерти от голода, об ожесточении социальной борьбы в тех странах, где народ якобы оказывается вершителем своей судьбы!

Просвещенные и передовые мыслители Запада с ужасом указывают на ту пропасть, куда он стремится; государственные люди озабочены изысканием средств для борьбы со все растущим общественным разложением, понижением культурного уровня и упадком идейных запросов в массе народной. Неужели же г. Меньшиков не знает о страшном росте социализма, об успехах анархизма, о политических убийствах, возведенных в систему, о постоянных стачках и кровавой расправе с рабочими на Западе?

Надо быть очень самонадеянным человеком, чтоб выступить в наши дни с повторением чаадаевских³ по-

ложений: и теперь мы знаем Запад лучше, чем он нас, хотя правильное понимание России прокладывает все шире себе дорогу в среде западных народов. Они признают, что наше духовное превосходство сказалось *в наших идеалах*, в нашем искании путей к осуществлению идеалов всесветного мира и братства всех народов, к водворению Божьего Царства на земле, где не будет обижающих и обиженных, где восстановится давно погнанная правда. На Западе наших писателей считают учителями жизни, ценят их напряженные поиски лучшего, преклоняются перед их душевным величием и глубиной их мировоззрения, понимают, что «глупый или придурковатый народ» не породил бы таких сынов, как Пушкин, Достоевский, Тургенев, Толстой и целые тысячи второстепенных величин, по мере сил служащих облагорожению души человеческой. Лучшие люди Запада сознают, что нельзя гоняться за внешностью и мерить ею качества народные. Они, преклоняясь, подчеркивают, сколько величия духовного проявлено русскими воинами на далеком Востоке, сколько подвигов совершено нашими женщинами, убирающими раненых под выстрелами «просвещенных японцев».

Самопожертвование и самоотречение русских людей ради служения высшей идее засвидетельствованы перед всем миром в бесчисленном множестве примеров и хорошо известны г. Меньшикову, который постыдно замолчал эти дивные деяния, изумляющие всех беспристрастных наблюдателей, правильно оцененные даже нашими врагами.

Изумительно это глубокое падение человека, который столько толковал о любви к ближнему, о самоусовершенствовании, нравственной чуткости. Многие ему верили, но теперь ясно всем, что эта проповедь была лицемерием и погоней за успехом, прикрытой красивыми словами. Сладко говорил г. Меньшиков в своих «Думах о счастье» и «Письмах к ближним», и увлекал доверчивые

неопытные сердца, несмотря на предостерегающие голоса и кличку «нововременский Иудушка», заклеившую его на столбцах многих повременных изданий. Действительно, он оказался «медью звенящей и кимвалом бряцающим», ибо *он любви не имеет*. Выступить перед 100-тысячной аудиторией с таким поруганием Родины, зная, что клеветнические измышления будут прочитаны там, на поле брани, среди полагающих душу за други своя, среди ежеминутно ждущих смерти, больных, раненых — это верх жестокости и бессердечия. Это такое отсутствие сознательного отношения к переживаемым нами событиям, что только у ненавистника России могла подняться рука для написания такого беспримерного «произведения».

Ведь г. Меньшиков несомненно кое-что читает и обдумывает, разве может быть ему неизвестен, напр., такой отзыв Ницше о России: «Россия — единственная держава, у которой в настоящее время есть будущность, которая может ждать, может обещать. Россия — явление, обратное жалкой нервности мелких европейских государств, для которых с основанием «Германской империи» наступило критическое время. У всего Запада исчезли те инстинкты, из которых вырастают учреждения, на которых строится будущее; его современному духу ничто, быть может, не противоречит в такой степени, как эти инстинкты. Люди живут только сегодняшним днем, живут торопливо, снимая с себя всякую ответственность за жизнь и это называют «свободой»*. В другом месте Ницше дает о парламентаризме такой отзыв: «Ничто не причиняет такого вреда свободе, как общепризнанные либеральные учреждения. Они подводят под один уровень высокое и низкое, они делают людей мелкими и трусливыми, — в них торжествует стадное животное. Либерализм в переводе означает торжество стадного начала». Вот голос бесспорно талантливого

* «Сумерки кумиров». § 39. С. 216–217.

наблюдателя, который прекрасно знал хваленый Запад, а не судил о нем из царскосельской дали. Что-то непонятное произошло с «кротким проповедником», желающим облагодетельствовать нас тем, что теряют почву на самом Западе. В самом деле, г. Меньшикову слишком хорошо известно, что парламентский строй держится на решении вопросов большинством народных представителей, уполномоченных на власть большинством избирательных голосов. Что же он может возразить на такую отповедь Ибсена⁴, вложенную этим великим писателем в уста «Доктора Стокмана»: «Опаснейшие среди нас враги истины и свободы — это сплоченное большинство. Да, проклятое сплоченное, либеральное большинство!.. Ведь именно огромное большинство нашего общества лишает меня свободы, хочет воспретить мне говорить правду... Большинство никогда не бывает право. Никогда, говорю я! Это общественная ложь, одна из тех общепринятых лживых условностей, против которых обязан восставать каждый свободный и мыслящий человек, из каких людей составляется большинство в стране? Из умных или глупых? Я думаю, все согласятся, что глупые люди составляют страшное, подавляющее большинство на всем Земном шаре. Но правильно ли, черт возьми, чтоб глупые управляли умными? (*шум и крики*) Да! Да! Вы можете перекричать меня, но не опровергнуть мои слова. На стороне большинства *сила*, к сожалению, но *не право**». Известный романист, тонкий психолог и истолкователь общественных настроений *Поль Бурже*⁵ разделяет точку зрения Ибсена; «Всеобщая подача голосов, пишет он, т. е. *глупая тирания числа*, царство силы в форме наиболее несправедливой и слепой, вот режим, установленный демократией всюду, где она восторжествовала. К этому она присоединила бешеное пробуждение толпы, всеобщее недовольство судьбой и постоянную угрозу бунтом со стороны четвертого класса, класса нищеты и ненави-

* Враг народа (Доктор Стокман). Пер. с датского. С. 90–91.

сти к цивилизации, которая обещала свободу, равенство, братство и обанкротилась с этими неосуществимыми обещаниями».

В самом деле, почему надо думать, будто большинство людей, обладающих вдобавок непременно определенным имущественным цензом, обязательно проявит надлежащие для решения государственных вопросов качества, будет стремиться к общему благу, а не к личным выгодам, станет неустанно заботиться об искоренении общественных зол? Ведь действительность показывает совершенно обратное: всюду замечаются неспособность парламента быстро принимать надлежащее решение и падение интереса народных представителей к их обязанностям. По этому поводу проф. Лабанд⁶ замечает: «Газеты сообщают всему германскому народу, что около 20, 30 или 40 его представителей присутствовало в заседаниях имперского парламента, а зрители с трибун удостоверяют, что они видели пустые скамьи; однако же несмотря на это в парламенте принимались решения. Если не более как ни на *чем не основанная и произвольная фикция*, будто большинство депутатов парламента выражает волю большинства народа, то эта фикция доводится уже просто до смешного, если какая-нибудь маленькая кучка случайно присутствующих членов парламента должна представлять собой представительство целого народа».

Вторым признаком крушения парламентаризма, несомненным показателем его полного вырождения на самом Западе является все учащающаяся *обструкция*. С целью затруднить принятие мер, внесенных сильными противниками, говорятся бесконечные речи, вносятся пустые, величаемые «неотложными», предложения. «Ораторам противной стороны мешают говорить, кричат петухами. Торжествует тот, у кого крепче глотка. Это ли осуществление народовластия? — спрашивает г. Валерий Брюсов^{* 7}. «Но еще бессмысленнее, продолжа-

* См. «Новый Путь». 1903. № 2. «Кризис парламентаризма». С. 208.

ет независимо мыслящий русский поэт, обструкция по существу. Парламентаризм — правление большинства. Воля большинства должна быть свята. Какое же право имеет оппозиция не подчиняться этой воле? Что такое обструкция, как не отречение от самого принципа парламентаризма?»

На Западе много говорят и пишут о конце парламентаризма, который не оправдал возлагаемых на него надежд и не удовлетворяет изменившимся общественным и культурным особенностям*. Поворот в общественном настроении бросается в глаза непредубежденному наблюдателю: «В обществе и особенно в народе парламентаризм уже совершенно утратил свое прежнее обаяние. Недаром же здесь в ходу популярные названия парламентов: «заведения для болтовни» (Schwatzanstalten), «мельницы-трещотки для пустой соломы» (Klappenmuhlen fur leeres Stroh) и т. п. Наивных до глупости людей, которые и теперь еще считали бы парламентаризм всеисцеляющей панацеей, или всеобщим целительным средством, помогающим в политических, социальных, экономических печалях, нуждах и недугах, право, в Германии и со свечкой не найдете. Напротив, старики, в юности веровавшие в эти иллюзии, теперь сами постоянно смеются над ними и в разговорах, и в печати. А люди более современные, когда заходит речь о парламентах и возлагавшихся на них ожиданиях, лишь машут руками, покачивают головами и вообще не хотят говорить об этом**. Неудивительно, что пользующийся всемирной известностью философ Эдуард фон Гартманн***⁸ ищет помощи не в одряхлевшем парламентаризме, а в целесообразной деятельности правительства: «Великая и очень важная задача, возлагаемая теперь на правительство, состоит в упрощении и

* См. «Мирный Труд». 1902. № 3. «Упадок парламентаризма». С.200.

** См. Berliner Blatt. 1903. № 1.

*** E. von Hartmann. Neue Tagesfragen. 1903.

практичном устройстве законодательства, правосудия, административного и полицейского управления. Дело идет о том, чтобы наскоро построенное временное здание, в котором мы все чувствуем себя стесненными и угнетенными, заменить новым, более прочно устроенным, в котором были бы приняты во внимание все серьезные потребности и которое поэтому было бы более удобообитаемым».

Много можно было бы привести примеров подобных же суждений выдающихся сынов Запада о парламентаризме и его очевидной несостоятельности, но в этом нет необходимости. Стоит лишь припомнить, что парламентаризм не спас Францию от дела Дрейфуса⁹, не предотвратил нестроений в немецкой армии, не разрешил рабочего вопроса, не умиротворил национальную вражду, не упорядочил отношений церкви к государству. Он запятнал себя продажностью, гонениями за веру и убеждения, преследованиями народных языков, угнетением населения, непомерным ростом милитаризма и т. п. Он не сделал «организованную» Италию непобедимой, ибо дикие абиссинцы со своим Негусом разгромили обладавших «говорильней» итальянцев. Он не дал австрийским славянам «права участия в своей жизни», а превратил их в дойную корову, в рабочий скот для немцев, венгров, евреев и своих же изменников. По плодам судим о дереве, а потому кто может желать «организации» России на западноевропейский лад, как не наши враги, для которых Самодержавие остается неприступным оплотом высоких общественных идеалов справедливости и «законных прав каждого».

Почему мы должны преклоняться перед выборным правительством, когда о парламентских выборах в Англии, образце конституционных систем, замечательный философ, критик и историк *И. Тэн*¹⁰ рассказывает такие прелести: «Механика выборов груба, иногда грязна. Кандидат нанимает отель или гостиницу, держит открытый

стол, вина вдоволь, катает избирателей в своих экипажах, нанимает музыкантов, ораторов, которые говорят за него в тавернах, иногда людей, которые сыплют в его противника яблоками и кулачными ударами. Выборы стоят денег; избрание обходится в пять, шесть тысяч фунтов и более (50 000 — 60 000 рублей!). Чтобы избиратель побеспокоился и пришел подать голос, нужно дать ему что-нибудь положительное: место, обещание места, несколько хороших обедов, эля и вина, сколько душа примет, иногда денег». Все беспристрастные отчеты о выборах показывают, что множество избирателей не пользуются своими правами, что правящая партия и оппозиция заманивают обещаниями, прибегают к подлогам и подкупам при голосовании, мешают свободной подаче голосов, оказывают давление на избирателей, не гнушаются грубыми насилиями. Убитые и раненые или посаженные в тюрьмы избиратели — вот наглядное доказательство «свободы, насаждаемой парламентаризмом».

Вместо прославления Запада нам надо изучение нашего Отечества, его особенностей и потребностей. Нам надо устранение пагубного предрассудка, будто Самодержавие несовместимо с самоуправлением; нам надо привлечение местных сил к разрешению местных нужд, ибо в обширнейшей державе Российской столько разнообразия, что нельзя и думать об общей для всех мерке. Но это самоуправление должно иметь в виду пользу края, а не притязать на решение общегосударственных вопросов. Деятельность земских и городских самоуправлений должна подлежать строгой отчетности перед правительством. Общество путем широкой гласности также должно знать *все* о деятельности своих избранников, дабы самоуправление не оказалось самооткармливанием сплоченной кучки воротил, пристроившихся возле общественного пирога. Недаром пример того же Запада наставляет нас, что погоня за властью под видом народного представительства насаждает гос-

подство кучки политиканов, не пропускающих свежих, бескорыстных работников в парламенты, политиканов, делящих между присными блага земные, грабящих народ соглашениями с международными капиталистами и уклоняющихся от плодотворного труда над общественными улучшениями ради торжества партийных интересов. Чужой опыт поучителен, и не годится повторять сделанные другими ошибки.

Хорошо поставленная печать, ответственная перед судом и законом, вполне чуждая зависимости от космополитов-плутократов, может принести стране несравненно большую пользу, чем пресловутая «организация». Но наше общество должно постичь отличие между доносом и разоблачением, должно стряхнуть с себя иго «самозванной цензуры», требующей, чтоб никто не смел касаться известных предметов. Для ищущего правды такой запрет никогда не будет иметь связующей силы, но и среда обязана подняться над мелочами сплетен, личных счетов, заугольных осуждений. Надо иметь мужество открыто высказывать свои мнения, не бояться давления «общественного мнения», а честно исполнять свой долг, равнодушно относясь к запугиваниям, которые так любят пускать в ход наши лжелибералы, — типичные деспоты и угнетатели свободной мысли. Надо помнить золотые слова И. С. Аксакова¹¹: «Свобода жизни разума и слова — такая свобода, которую по-настоящему даже смешно и странно формулировать юридически и называть правом: это такое же право, как право быть человеком, дышать воздухом, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая-либо политическая, а есть необходимое условие самого человеческого бытия; при нарушении этой свободы нельзя и требовать от человека никаких правильных отправлений человеческого духа, ни вменять что-либо ему в преступление; умерщвление жизни мысли и слова — самое страшнейшее из всех душегубств. Человек, стесненный в свободе мыслить и вы-

ражать свою мысль словом, чувствует себя стесненным во всех своих действиях, требующих участия мысли и воли, — не годится ни для какого общественного дела, плохой гражданин, плохой слуга обществу и государству... Свобода слова не есть свобода политическая, и защитники мнения о несогласии принципа свободной печати с нашим политическим принципом могут точно так же, с не меньшим основанием, утверждать, что эта форма правления несовместима и со свободой жизни, свободой пить, есть, дышать, ходить и двигаться. Если же признается возможным и жить, и дышать, и совершать прочие отправления под защитой неограниченной монархической власти, то нет причины унижать значение Самодержавия до такой степени, чтобы считать немислимую жизнь духа и разума под его эгидой. Напротив, мы думаем, что настоящее, именно русское, Самодержавие предполагает полную свободу нравственной общественной жизни и без этой свободы перестает быть русским»*.

Таково смелое и прямое суждение поборника славянофильских заветов, сочинения которого получили права свободного обращения благодаря широким воззрениям чисто русского Самодержца, незабвенного императора Александра III. Исполнение пламенных надежд всех лучших людей России — создание свободной и независимой печати, дорожащей своим правом и достойным образом представленной, честной и неподкупной — поведет к приобретению надлежащего влияния бескорыстными, сведущими и талантливыми людьми, к падению ложной славы тех, кто скрывает свою духовную несостоятельность ссылками на мнимое запрещение правительственной цензуры говорить о данном предмете. Вовсе не цензура, а раболепство перед толпой, угодничество заставляют многих молчать и осуждать тех, кто смело касается наиболее нужд, кто разоблачает злоупотребле-

* Сочинения. Т. IV. С. 399 и сл.

ния, желая спасти невинных, приносимых в изобилии на алтари кровожадных партийных богов.

Но свобода печати — орудие обоюдоострое, могущее причинить неисправимый вред при неосмотрительном с ним обращении. Развращенная болтовня уличных листков не приведет к благу, если они получат право судить и рядить обо всем с высоты своего невежества. Нужны знания, нужно глубокое проникновение святошью служения свободным словом великим идеалам Веры и Истины, нужна горячая искренняя любовь к своему Отечеству, благоговейное уважение к его святыням и пламенное желание устранения недочетов мирными средствами, без потрясений и насилий: не проповедью презрения к своему и восхвалением чужого, не огульной бранью и тяжкими оскорблениями души народной, но любовным и бережным к ней отношением можно выполнить великий и ответственный долг гражданина, становящегося под знамя свободного слова. Понимающий свое призвание, ответственный перед своей совестью и законом, писатель никогда не позволил бы себе бросать в Россию таким комком грязи, какой пустил в дело г. Меньшиков, будь у нас надлежащим образом развито национальное самосознание, которое крепнет только при благоприятных для свободного слова условиях, при наличности независимой печати, которой у нас еще совсем нет, ибо наши газеты в огромном большинстве превратились в промышленные предприятия и забыли о своих общественных обязанностях. Ведь г. Меньшиков не встретил даже отпора, и только в «Руси» «Англичанка» выступила с горячим письмом: «Я живу много лет в России, — пишет здесь *иностранка*, защищающая нашу Родину от клеветнических измышлений *русского* писателя, — и часто провожу лето в русской деревне. За все эти годы я успела довольно хорошо узнать народ и любила его всем сердцем за его глубокую веру, кротость, терпение, природный ум, разум и истинно христианское

отношение и сострадание к ближнему. Народ с такими качествами духовно велик, и ему предстоит великое будущее. Фельетон г. Меньшикова ошеломил меня, и обида за русский народ закипела в душе. Он — «русский» и так мало знает свой народ!»

Конечно не знает, ибо рост народных сбережений, покупка крестьянами земель, машин, применение ими усовершенствований при обработке, получение ими наград на выставках, всеми признанная изобретательность и сноровка русского рабочего, развитие промыслов и торговли, появление в деревнях зажиточного населения, стремление народа к знанию рядом с неутомимыми поисками *правды* и не умирающими мечтами о праведной земле показывают, что г. Меньшиков поспешил превратить русского человека, угождая «Новостям», в какое-то грубое и глупое животное. В своем угодничестве он зашел так далеко, что выразил даже сомнение, «сумеет ли русский народ отстоять хоть свое-то место под небом». Это стоимиллионный христианский народ с тысячелетней историей, с мировой литературой, своей наукой, искусствами не сумеет? И все потому, что ему не хватает говорильни, при помощи которой инородцы не замедлят внести западноевропейское разложение и сесть нам, не любящим властвовать, на шею. Кого думают обмануть такими ухищрениями? Нет, для русского молодого вина нужны не старые, поношенные меха западноевропейского производства, но новые собственного приготовления. Наше спасение не в заимствовании у чужих народов, а в пробуждении национального творчества.

Первым его условием, залогом наступления светлых дней для России будет создание национальной русской печати, получившей свободу поисков лучшего и критики современного: совокупные усилия ряда честных, убежденных людей, хотя бы и придерживающихся противоположных воззрений, неизбежно приведут к самому

тщательному, всестороннему и внимательному выяснению необходимых улучшений, к указанию потребных средств и путей для их осуществления. Правительство получит возможность сделать надлежащий выбор и найдет поддержку во всех благомыслящих сынах России. Но для устранения партийной борьбы из-за власти, ради пресечения злоупотреблений ею, во главе России должна стоять неподкупная совесть христианского Самодержца: вечно памятный завет славянофилов: «Царю свобода решения — земле свобода мнения» да послужит краеугольным камнем, положенным в основу обновления великой, непобедимой Российской державы!

Не парламентаризм, проклинаемый в Европе, а иное самобытное сочетание свободной общественной самодеятельности, и мощной, стоящей бесконечно высоко, вне партий, власти потребно нашему дорогому Отечеству: каждый получит возможность служить ему в меру своих знаний, способностей и дарований, раз у нас будет строго *ответственная*, но свободная печать, стоящая на высоте своего великого призвания. Нам нужны не новые учреждения, но новые, политически и общественно развитые люди, проверившие свои убеждения путем свободного обмена мнений, имеющего целью благо «всей семьи русского народа».

ОПАСНОСТИ НОВОГО ЗАКОНА О БРАКЕ

Едва ли кто-нибудь станет отрицать, что семейная жизнь на Западе и у нас являет множество примеров крайнего упадка нравственности и поругания брака. Свобода любви возводится иными фанатиками в обязанность молодых поколений и проповедь полной разнузданности, приобретая своей соблазнительной легкостью многочисленных сторонников, грозит превратить в царство разврата область семейных отношений.

«Неустройство семьи расстраивает всю Вселенную», наставляет великий учитель св. Иоанн Златоуст, и действительно, многие общественные нестроения коренятся в падении прочного домашнего уклада, который держался на твердой вере и возвышенном воззрении на брак. В противоположность современным любострастникам, утверждающим, что «нет незаконных касаний женщины, а есть только супружество», низводимое ими до «прилепления полов», даже языческий мир дал устами юриста Модестина¹ прекрасное определение брака, принятое и христианским законодательством: «Брак есть мужеви и жене сочетание и сбытие во *всей жизни*, божественные и человеческие правды общение» — гласит наша Кормчая², повторяя римского законоведа.

Для христианина брак есть таинство, стоящее очень высоко, ибо отношения Христа к Церкви уподоблены апостолом отношениям мужа к жене. Естественно, что нравственная сторона брачных уз выдвигается, при таком понимании их характера, на первое место, и славное прошлое христианства знает браки, чуждые телесному общению. Настоящий брак нерасторжим и заключается

на всю жизнь — в этом единодушно сходятся лучшие люди древности, христианские заветы и наиболее глубокие мыслители нового времени. Развод допускается Спасителем только по «жестоковости сердца» грешных людей и Его глагол будет вечно обязателен для всякого верующего сына основанной им Церкви.

Но наше время видит страшный рост неверия, ведущего к новому торжеству первоначальных грубых языческих представлений. Утратившие веру не могут признавать брак таинством и возвращаются к воззрениям дикарей на брак, опускаются даже ниже животных в своем утонченном сладострастии. Из года в год увеличивается это отступничество от христианских идеалов и перед государством встает вопрос, как упорядочить устои всякой общественной жизни — семью, как обеспечить детей и предотвратить дальнейшее разложение. Для достижения этой благой цели возможен, по нашему убеждению, лишь один путь — разрешение так называемого гражданского брака для лиц, утративших веру в обязательность, святость и нерасторжимость брака церковного. Никакие распоряжения, никакие уступки не заставят невера верить. Он лишь по внешности принадлежит к числу сынов Церкви. Снисхождение ее понимается им как проявление слабости и только укрепляет его в высокомерном отношении к учреждению, допускающему очевидное отступление от вековых руководящих начал. Новые язычники должны иметь особое брачное право, подобно мусульманам, евреям и другим инородцам. Но отнюдь нельзя ради упорядочения семейных отношений одних лиц вносить соблазн в сердца других, как, несомненно, внес новый закон, подвергающий православную русскую Церковь заслуженным нареканиям. В самом деле, всякий может прочесть в Евангелии ясные слова Спасителя: «что Бог сочел, того человек да не разлучает» (Мк. 10, 9), «*всякий, разводящийся с женою и женящийся на другой, прелюбодействует и всякий, же-*

нящийся на разведенной с мужем, *прелюбодействует*» (Лк. 16, 18, то же Мф. 5, 32, Мк. 10, 11).

Равным образом всем известно наставление св. апостола Павла: «А вступившим в брак, не я повелеваю, а Господь: жене *не разводиться с мужем*. Если же разведется, то *должна оставаться безбрачною* или примириться с мужем своим и мужу *не оставлять жены своей* (1 Кор. 7, 10–11).

Ввиду этих ясных свидетельств Св. Писания — определяющая круг обязанностей всех верующих христиан, установление церковного брака для разведенных по «жестоковейности» из-за вины прелюбодеяния вносит отступающее от толкований св. Отцов понимание таинства и дает в сущности разрешение на новое прелюбодеяние. Церковь может вязать и разрешать, прощая грехи, но не освящать грех своим благословением. Ведь в приводимой от Иоанном Филевским*³ ссылке на евангельское речение читаем слова Спасителя: «женщине, взятой в прелюбодеянии»: иди и впредь *не греши*. Выход же ее замуж после развода был бы несомненным грехом. Ввиду этих соображений едва ли можно согласиться с мнением, усматривающим «главную заслугу» нового закона «в снятии со светлых риз Церкви черных пятен, брошенных в пылу гнева и негодования теми, кто обвинял ее в нелюбви и холодности к браку». Во-первых, не всякое обвинение справедливо, а во-вторых, «черные пятна», бросаемые гг. Розановым⁴ и Амфитеатовым⁵, не могут пристать к светлой ризе Церкви, пока она будет свято придерживаться евангельских указаний. Надеяться на прекращение нападений на Церковь г. Розанова после нового закона никак нельзя, что и доказали его последние, еще более ожесточенные, выходки против целомудрия и нерасторжимого брака. Надо думать о малых сих и тяжелой ответственности за внесение соблазна в их простые

* Новый закон в пользу брака. Письмо в редакцию // Мирный Труд. 1904. № 7.

верующие сердца (Ср. Мф. 18, 6, Мк. 9, 42), ибо Спаситель (Мф. 17, 27) и Апостол (1 Кор. 7, 13) собственным примером заповедали «не соблазнять братьев своих». Гадательное присоединение к Церкви отшатнувшихся не искупит той путаницы, которая внесена сторонниками нравственной разнузданности, во всеуслышание и печатно объявляющими, что новый закон является лишь первой ступенью к разрушению усвоенных всеми истинно православными людьми представлений о браке, как о таинстве (Еф. 5, 32), нераздельно соединяющем два существа в одно (Мф. 19, 5–6, Мк. 10, 8). Разрушение одного таинственного сочетания, оскверненного прелюбодеянием, не дает права осквернителю вступать в новое. Таково наставление Св. Писания, таково воззрение Отцов Церкви, такова практика первых христиан, придерживающихся евангельских заветов. Вот почему новый закон может еще дальше оттолкнуть от нас католиков и раскольников, которые, несмотря на свои заблуждения, все-таки ближе стоят к православию, чем проповедники «нового христианства».

Никто не может отрицать, что преимущества, доставленные расторгшим брак по прелюбодеянию столь милостивым к ним отношением, имеют в виду исцеление одной из наиболее тяжелых язв времени. Но средства целения способны вызвать заболевание еще более тяжкое у других, доселе не утративших духовного здоровья. Христианину непререкаемо воспрещено Апостолом (Гал. 1, 8) принимать иное благовествование, чем то, «что мы благовествовали вам». Воззрение на брак как благодатное таинство проводится пастырскими наставлениями и школьным преподаванием. Всем православным издревле внушается искать познания и руководства в слове Божьем, и в настоящее время уже миллионы читают евангельские истины, пытаясь сознательно проникнуть в их глубину. Немощи человеческой, склонной впасть в ошибку от неверного понимания различных

мест Писания, приходят на помощь назидания св. Отцов и Святильников Церкви Христовой. Русь целые века придерживалась определенного толкования ясных слов Спасителя, и древнехристианское воззрение на брак вошло в плоть и кровь нашего народа. Трудно постичь, почему спокойствие его пробудившейся совести нарушено ради того, чтоб относительно все-таки немногочисленные семьи получили церковное благословение. Облегчить их тяжкое положение — задача достойная всякого сочувствия, но ее надо решать, не подвергая новым нареканиям Русскую Церковь и ее представителей. Ведь еще в 1899 году обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев⁶ издал перевод прекрасной книги Тирша⁷ «Христианские начала семейной жизни», которая получила вполне заслуженно широкое распространение. Здесь совершенно справедливо указывается, что государство ради существующей безнравственности может быть вынуждено делать уступки, подобно законам Моисея*, но и предлагается такой знаменательный вопрос**: «Если христианское государство поступает таким образом, что делать христианскому духовенству? Осмелится ли и оно отступить от закона Христова, изрекать от лица Его благословение там, где Он воспрещает и где кара связана с нарушением заповеди? Должно ли ему принимать на себя ответственность за браки разведенных лиц только потому, что государственной власти, помимо христианского закона, угодно называть такие браки законными? На Страшном Суде нельзя будет сослаться на светские законы; не кто другой, а сам Христос будет судить своих служителей, судить по Своему слову, а не по человеческому уложению. Каждый сам понесет свое бремя, и ни один из приставников дома Божия, осквернивших тайну Божию, не спасет своей души, если станет оправдываться тем, что ему так было приказано от земной власти. Они повинно-

* Ср. *Лютард*⁸. Апология христианства. С. 922.

** Там же. С. 40–41.

вались властителям земным и сделались ослушниками Царя Небесного, изменили Его законам и повелениям, изменили и поверенному им народу». «Несомненно то, что как совместное многоженство Алкорана⁹, так точно и последовательное многоженство нового законодательства* — мерзость перед Богом. Последнее еще хуже, потому что оно совершается христианами и оправдывается во имя Христа».

Во избежание кривотолков и соблазнов в среде народной необходимо дать самое широкое распространение объяснению руководивших при издании закона побуждений, правильному истолкованию наводящих на раздумье мест Св. Писания, свидетельств Отцев и Учителей Церкви, равно как отношению к браку разведенных прелюбодеев со стороны представителей восточных православных церквей. На Руси развелось уже слишком много сектантов, а потому лучше заранее принять меры для устранения возможных осложнений, неизбежно порождаемых столь «значительной реформой в брачном законодательстве», лишенной надлежащей канонической основы.

* Прусского, умножившего поводы к разводам.

ПРАВОСЛАВИЕ — САМОДЕРЖАВИЕ — НАРОДНОСТЬ

Истекшее десятилетие правления ныне благополучно царствующего Государя Императора Николая II в достаточной степени выяснило руководящие идеи, положенные им в основу царственного служения России и раскрываемый в ряде Высочайших манифестов.

Первое место между этими обращениями Царя ко всем его верноподданным, бесспорно, занимает Манифест от 26 февраля 1903 года¹, на который обращено ныне усиленное внимание общества. Здесь Император всея России подчеркивает, что Он *«изволением промысла Божия вступил на Прародительский Престол и принял священный обет пред лицом Всевышняго и совестью Своей — свято блюсти вековые устои Державы Российской и посвятить жизнь свою служению возлюбленному Отечеству»*.

Всем хорошо известно, что главным из вековых устоев исторической жизни нашей Родины было Православие: оно приобщило наших предков к мировой культуре; оно дало нам зачатки просвещения и гражданственности; оно насадило и всегда поддерживало государственные порядки; оно избавило нас от тех религиозных смут и потрясений, какие выпали на долю народов Запада, ибо Св. Писание, живой источник вселенской истины, сделалось доступным всему народу русскому тотчас по его обращению в Христианство. Вечные идеалы были поставлены перед Россией заветами Евангельскими и в неуклонном стремлении к их достижению указан смысл существования Российской державы. И вот император Николай II, подобно своим предкам, подает пример

чисто сыновьего почтения и уважения к Православной Церкви и ее предписаниям: он свято и неукоснительно соблюдает все обряды церковные и прилагает рачительное попечение о внедрении христианских заветов в сердца своих многомиллионных подданных. Особое внимание Он неизменно обращает на воспитание юношества в духе религиозно-нравственном, как свидетельствуют, между прочим, Его заботы о церковно-приходских школах. Он желает, чтоб христианские истины сознательно усваивались подрастающими поколениями, а потому в старших классах средних учебных заведений вводится ознакомление учащихся с выводами богословских наук. Самая жизнь общественная, по мысли Государя, должна стоять в тесной связи с приходом, бывшим некогда основной ячейкой нашего общественного строения: «задачею дальнейшего упорядочения местного быта Манифест от 26 февраля ставит сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных церквях. Улучшение имущественного положения православного сельского духовенства признается также необходимым для усугубления плодотворного участия священнослужителей в духовной и общественной жизни их паствы». Но наше Отечество имеет миллионы инославных и иноверных подданных — всем им по-прежнему «предоставляется свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной, тогда как Православная Церковь благоговейно почитается первенствующей и господствующей». Государь выражает настойчивое желание укрепить неуклонное соблюдение заветов веротерпимости, начертанных в основных законах империи Российской. И эта просвещенная, истинно-христианская точка зрения проводится в жизнь. Светская власть не принимает у нас никаких мер против гр. Л.Толстого², тогда как на просвещенном Западе законодательным путем затрудняется даже воспитание детей на христианских началах: Франция вынесла распятия

из школ и воспретила преподавание начатков веры христианской. Посещение храмов детьми вменяется в преступление родителям, которые за говенье и причащение попадают в особые списки, усердно составляемые масонскими ложами с целью повредить служебному положению верующих. Всякому ясно, где торжествует нетерпимость, где мелочное насилие над совестью оказывается возведенным в систему...

Вторым устоем самостоятельного бытия Российской державы является Самодержавие, идеальная форма чисто нравственных уз, соединяющих в одно целое Царя и вверенные Богом его заботам народы.

Самодержавие было для нас цементом, связующим разноплеменные и иноверные части Русского государства с его основным ядром. Христианский Самодержец издревле считался воплощением закона, орудием божественной воли, проводником евангельских указаний в жизнь человеческих обществ. Долгий исторический опыт показал, что лучшее будущее может дать только власть, основанная на религиозных верованиях, проникнутая сознанием своей великой ответственности перед нелицеприятным Судией, власть, чуждая партийных расчетов, не способная подпасть соблазну подкупа или личной выгоды, опирающаяся на все классы населения, а не на одну какую-либо сословную группу. Так понимает свое самодержавное призвание и Император Николай II, призывая «всех верноподданных содействовать Ему в утверждении в семье, школе и общественной жизни нравственных начал, при которых, под сению самодержавной власти, только и могут развиваться народное благосостояние и уверенность каждого в прочности его прав».

Посвящая все свои силы благу народному, ныне благополучно царствующий Государь обещал охранять начало Самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его незабвенный Царь-Миротворец. Но отсюда вовсе не следует, что самоуправление должно прекратить свое

существование. Только теоретики, воспитавшие свою мысль на западных началах, могут утверждать, что Самодержавие исключает самодеятельность общества и подавляет народную свободу.

Наоборот, наш Верховный Вождь задумал «преобразование губернского и земского управлений для усиления способов непосредственного удовлетворения многообразных нужд земской жизни трудами *местных* людей, руководимых сильной и закономерной властью, пред Ним строго ответственной». «С помощью Божией и при тесном единении всех верных сынов Отечества Император Николай II надеется **«исполнить свои помышления об усовершенствовании государственного порядка установлением прочного строя местной жизни, как *главного условия* преуспеяния Российской Державы на твердых основах веры, закона и власти».**

Стало быть, подобно своим великим предшественникам, христианским самодержцам, Русский Монарх желает властвовать над свободными, а не над рабами, воздавая каждому по справедливости должное. Эта справедливость приводит к возникновению понятия великой семьи русского народа, ибо исторические условия включили в состав государства нашего несколько миллионов иноплеменников и иноверцев. Отсюда вытекает необходимость определить их отношение к нам — русским.

В противоположность западным государствам у нас нет гонений на народные языки: во Франции Комб³ борется с бретонцами, навязывая им суровыми мерами язык французский; в Германии родители подвергаются карам за то, что учат своих детей молитвам на польском языке; закон воспрещает даже дома членам семьи обучать своих домашних польской азбуке. А у нас рядом с русскими безвозбранно существуют инородческие школы; в некоторых из них даже вовсе не преподается русский язык! Местные правовые обычаи и законы у нас остаются неприкосновенными, поскольку их существо-

вание совместимо с интересами целого — с благом всей империи и общеимперскими нуждами. Насильственное обрусение, вроде онемечения славян в Германии, не полагается нашим Государем в основу его внутренней политики, и всем открывается возможность добровольного и мирного слияния с господствующей народностью, как это было и в древнехристианских державах Рима и Византии. Наше же Отечество призвано к продолжению их великой задачи — примирению общечеловеческих идеалов с национальными запросами путем мирового служения заповедям Христовым.

Та же приверженность испытанным старинным способам управления сказывается в заботах о вящем укреплении и развитии благосостояния «основных устоев русской сельской жизни — поместного дворянства и крестьянства». Таким образом, попечения о духовенстве, дворянстве и крестьянстве, вынесших на своих плечах многовековое историческое служение России, по-прежнему остаются близкими сердцу Российского Самодержца.

Но Он вовсе не является поборником старины во всех ее проявлениях и противником нововведений. Он неоднократно указывает на «возникающие потребности народной жизни», выражает непреклонную решимость *незамедлительно* удовлетворить назревшим нуждам государственным — передавая, например, «предначертанные труды по пересмотру законодательства о сельском состоянии» на места для дальнейшей их разработки и согласования с местными особенностями в губернских совещаниях при ближайшем участии достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных». Выход из общины облегчен для отдельных крестьян и приняты меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки; позорное телесное наказание, тяготевшее на русских крестьянах, также уничтожено, ибо оно не соответствовало изменившимся общественным воззрениям. Новые условия мировой жизни вызывают со стороны

Престола усердные попечения о русской промышленности и рачительные заботы об улучшении положения многочисленного рабочего люда, который в законодательных предначертаниях находит удовлетворение важнейших из своих запросов. Многочисленные недочеты современной русской школы привлекают особое внимание Государя, желающего дать подрастающим поколениям *национальное, чисто русское* воспитание и удовлетворить ясно сознаваемую общественную потребность в более жизненной постановке учебного дела. Да и вообще всякая современная нужда встречает в Царе живой отклик, как свидетельствует длинный ряд правительственных мероприятий в различных областях управления.

Всякому непредубежденному человеку ясно, что действительно только сочетание глубокой преданности испытанным устоям нашей жизни с стремлением дать удовлетворение назревающим потребностям, только взаимодействие сильной государственной власти и самоуправляющихся местных учреждений может вывести наше Отечество на торный путь дальнейшего и столь необходимого развития и преуспевания. Таковы несомненно благие намерения нашего Верховного Вождя, руководимого ясными и определенными воззрениями на задачи своей деятельности. Осуществление этих благородных намерений безусловно привело бы Россию к вожделенному благоденствию.

Но всем нам понятно, что всякая политическая программа для своего осуществления нуждается в тысячах исполнителей, и ее успех не зависит исключительно от воли одного, хотя бы и могущественного работника. Современная действительность показывает, что желанная удача далеко не увенчала широкие и благотворные стремления нашего Государя. Многие ищут объяснения этого явления в бюрократическом гнете, сковывающем силы, потребные для творческой работы. Жалобы на средостение, на бюрократию сделались у нас уже давно

поистине общим местом; чиновничество уже давно служит «козлом отпущения», и на него сыплются обильным градом всевозможные нарекания и укоризны. Оно-де является виновником всех бед и за все привлекается к ответу. Полно, так ли это? Ведь эта стена, отделяющая Царя от народа, состоит из великого множества отдельных кирпичей, постоянно обновляемых всесильным временем. Эта стена слагается из живых людей, вышедших из того же общества, в нем живущих, вращающихся, работающих. Разве чиновники не плоть от плоти, не кость от кости того же общества? Разве они не сыны той же общей матери нашей — России? Если у нас плоха, как говорят, бюрократия, то это значит, что само общество доставляет плохой материал для создания необходимого во всяком государстве механизма.

Откуда у нас может появиться уверенность, что те же люди, при других порядках, сразу сделаются иными, станут лучше, честнее, добросовестнее?

Действительность безжалостно разбивает эти наивные мечты, ибо и в земских, и в городских управлениях порой замечаются многочисленные недочеты, происходят прямые злоупотребления, и общественные интересы неоднократно приносятся в жертву личным выгодам. Да и при парламентском строе оказываются возможными хищения Панамы, подкупность депутатов и продажность печати, мошенничества, вроде дела Терезы Эмбер или графа Мирбаха; у народов, обладающих «говорильней», процветают, однако, тайные и явные сообщества, смеющиеся над законом; вспомним итальянскую Мафию, американскую Тамани Компанию, многочисленные тресты и синдикаты, беспощадно обирающие потребителей и тратящие сотни миллионов ради обеспечения избрания соответствующих их целям деятелей на посты народных представителей или носителей власти в «конституционных государствах». Своеобразная «бюрократия» сохраняет могущество и при представительном

правлении, которое близорукие или слепые мечтатели настойчиво выдают за всеисцеляющее лекарство: ведь большинство депутатов в сущности блюдет собственные интересы, оттирает «новых людей», в течение многих лет просиживая свое депутатское кресло, подобно каким-либо «канцелярским чиновникам». «Депутаты», несомненно, образуют особую группу в массе населения и отождествляют свои личные или классовые интересы с интересами народа, сводят своекорыстные счета, покровительствуют родственникам, берут взятки, плохо знают живые потребности страны, витают в мире книжных и бумажных построений, плодят запросы и проекты, отстаивают централизацию...

Никто не может отрицать, что бюрократия свила себе теплое гнездо и в наших городских и земских управлениях. «Выборные люди» порой очень любят изображать из себя сановников и получать многотысячные оклады, постоянно увеличиваемые; иные «избранники общества» сводят свою деятельность к посещению всех торжественных обедов и празднеств, произнесению пышных речей и посулов, величественному приему посетителей, решениям «по личному усмотрению» и сердитому ворчанию на гласность, избличающую их промахи и бездарность. Крепкой стеной земская и городская «бюрократия» ограждает для присных доходные места и образует, в иных случаях, чуть не замкнутую касту, с наследственной передачей прибыльных должностей.

Пора же всем понять, что рядом с хорошими, полезными обществу чиновниками немало найдется у нас совершенно непригодных так называемых «общественных деятелей!»

Трудно возложить все надежды на общественную самодеятельность, когда на Западе, этом «образце» для наших политиканов, сотни тысяч избирателей не хотят пользоваться своими «правами», когда «депутаты» пропускают заседания и предоставляют вершить все кучке

заинтересованных лиц. У нас тоже много кричат о необходимости штрафами заставить гласных внимательнее относиться к своим обязанностям и принимать более деятельное участие в решении земских и городских дел, ибо сколько раз наши самоуправления вовлекали своих доверителей в невыгодные сделки, тормозили решение неотложных дел, откровенно благоволили своим присным! Хороша общественная потребность в самоуправлении, когда *надо* принудительными мерами обеспечивать возможность правильного действия выборных учреждений! Ясно, что сами по себе учреждения бессильны коренным образом изменить действительность, и степень их пользы определяется качествами отдельных лиц, образующих живой организм любого института. Ведь люди не переменяются, их страсти и недостатки не улечиваются, если они служат в общественных, а не казенных учреждениях.

В мире человеческих отношений улучшения не происходят словно стихийные перемены: времена года сменяются в природе правильной чередой, независимо от воли человека, наоборот, свободный почин, творчество личности, самосознание общества определяют превратности его судьбы. Вот почему в переживаемое нами смутное время, чреватое опасностями и невзгодами, все искренно желающие столь необходимых нам улучшений должны соединиться возле Престола Самодержавного Государя, знаменующего собой торжество свободной совести христианина над темными проискарами враждебных сил.

Монарх, наследник кесарских полномочий, и есть тот «слуга Божий», в покорности коему для «воздаяния всем, делающим злое» (Рим. 13, 4), наставляет нас Апостол (1 Пет. 2, 13). Каждый убежденный христианин, как воин Царя Небесного, обязан облегчать это противодействие царящему в мире злу, памятуя, что зло — явление мировое и независящее от формы правления.

Великий поэт Гете сделал очень верное замечание, что единственной и глубочайшей темой истории мира и человека, темой, которой подчинены все остальные, остается борьба между неверием и верой. Борьба эта в наши дни повсюду принимает все более напряженный характер, ибо древние враги Христа в современном обществе занимают очень влиятельное положение и пользуются всякими средствами для приобретения еще большего могущества и натиска на христианские твердыни. Одной же из главных преград на пути, ведущем плутократов к мировому преобладанию, стоит христианское Самодержавие.

Здесь кроется ключ к разумению событий последних лет.

Уже целые десятки годов идет упорная борьба русских творческих начал с началами, чуждыми русской жизни, препятствуя общей работе по улучшению народного благосостояния. Непрерывная волна смут, покушений, даже бесчеловечных убийств силится ниспровергнуть Самодержавный Престол и помешать осуществлению высокого идеала — единения Царя с народом. К внутренним нестроениям присоединился ныне яростный напор внешних врагов: хитрые, храбрые японцы выступают исполнителями велений международных плутократов, а последние события показали воочию, что у нас нет верных друзей и надежных союзников. Мы остались одинокими, ибо вражда к православной империи всюду деятельно насаждалась путем всяческих клевет и наглых измышлений. На наших глазах старинный недруг — коварный Альбион, бряцает оружием за то, что бдительность русского флотоводца охранила наши броненосцы от наглого покушения и тем разрушила тайные ковы противников, страстно желающих спасти слабеющую Японию, оказавшуюся неспособной ниспровергнуть с разбега русского исполина. Это желание явственно сказывается в стремлении запугать

русское общество угрозой новых внешних осложнений и внутренних потрясений. Опять пущены в ход старые средства: снова злые вороги стараются превратить часть русской молодежи в союзников изнемогающих японцев. Ведь всякая весть о «непопулярности войны в России» или «о требовании мира» только увеличивает мужество врага и ослабляет мощь наших воинов. Самые тяжелые, неизлечимые раны наносят им печальные вести с тыла, ибо они причиняют глубокую душевную скорбь о Родине, терзаемой внутренними смутами перед лицом вооруженного неприятеля. Для победы над ним прежде всего нужен бодрый дух, уверенность в прочности домашних порядков, в неколебимом *всенародном* решении наказать дерзкую наглость японцев так, чтоб и другим неповадно было лезть на Россию с боем. К сожалению, ради внесения смуты и по данному вопросу в народную среду приняты обычные меры виновниками наших внутренних злоключений.

Наше общество они хотят сбить с правильного пути воплями о необходимости немедленного мира с врагом, получившим уже ряд тяжких поранений; нашу молодежь заставляют ходить с флагами по улицам с криками «долой войну», ибо кто поверит, что русский юноша сам по себе будет желать позора своего Отечества и унижения перед Японией, равносильного признанию своей слабости. Наш народ пытаются отвратить от пожертвований на военные нужды, и в годину войны, требующей страшного напряжения платежных сил, поднимают вопрос об образовании народного фонда для всеобщего обучения, заранее осыпая бранью и угрозами всех, кто осмелится указать на несвоевременность и неосуществимость этой затеи: всеобщее обучение потребует сотни миллионов, тогда как сборы дают всего лишь тысячи рублей. Победив же Японию, можно употребить военную контрибуцию на образование народное и тем разрешить назревший вопрос.

Но, к счастью, не так легко разрушить инстинктивное стремление простых людей, неизменно готовых не мудрствуя лукаво, поддержать свою Родину в борьбе с врагом. Вот один красноречивый пример из множества подобных: наборщики харьковской губернской типографии еще на днях отказались от празднования своего годового праздника (17 октября) и внесли свои трудовые гроши на общерусское дело, хотя рабочему человеку так потребно отвлечение от будничной суеты. И это пожертвование происходит в те именно дни, когда всюду разбрасывают нелепые воззвания и устраивают уличные демонстрации. Люди труда, лишенные образования, дают урок тем якобы образованным юношам, которые обнаруживают поразительное отсутствие политического воспитания и общественного такта. Это уродливое явление в жизни студенчества требует дружного общественного осуждения и чисто культурного противодействия.

Необходимо всем воспрянуть духом, памятуя, что желанный мир тем скорее осенит наше Отечество, чем полнее будет поражение высокомерного противника. Это единственный выход, способный обеспечить нам безопасность от притязаний соседей и пресечь надоевшие внутренние неурядицы. Для скорейшей же победы всем верноподданным надлежит сплотиться вокруг своего прирожденного и Богом венчанного Вождя.

Первый пример должны показать члены Русского Собрания, если они правильно понимают современное положение дел. На нас лежит сугубый и священный долг дать своему Государю сердечный отклик на царственный призыв, обращенный ко всем русским людям. Надо рядом дел показать, что в России не перевелись верноподданные, готовые всячески поддержать своего Самодержца и оправдать Его высокое доверие к общественной самодетельности, направленной к водворению бессмертных начал христианской гражданственности.

РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ*

Присланный с берегов Невы доклад М. М. Бородин^{**} очень обстоятельно и ярко очертил перед нами поэтическую деятельность Ф. И. Тютчева. Но покойный поэт соединял в себе богатые дарования художника с недюжинным умом политика-мыслителя и оставил, правда, немногочисленные, но в высшей степени ценные статьи по современным политическим вопросам.

Я не буду затруднять ваше внимание полной характеристикой общественных воззрений Ф. И. Тютчева: ввиду краткости остающегося в моем распоряжении времени я поставил себе более скромную задачу — ознакомить Вас со взглядами этого превосходного знатока Запада на отношения между Россией и революцией. Соображения, высказанные по этому поводу Тютчевым, очень глубоки, прозорливы и самобытны. Для наших же «смутных дней» они имеют особую ценность и значение, объясняя многое из переживаемого нами и давая ключ к сознательному проникновению в смысл разыгрывающихся событий. Ввиду особой важности и своеобразия мыслей этого умного и наблюдательного писателя необходимо привести их в подлинном виде, а не в пересказе, способном затемнить их высокие достоинства.

Под живым впечатлением событий 1848 года Тютчев пишет^{***}:

* Доклад, прочитанный в Харьковском Отделе Русского Собрания 2 февраля 1904 года.

** См.: «Мирный Труд». 1901. № 4.

*** Ф. И. Тютчев. Сочинения. Изд. 2-е. СПб., 1900. «Россия и революция». С. 474 475; 477 478. Для общего знакомства со взглядами Тютчева и их значением необходимо обратиться к прекрасной книге И. С. Аксакова «Биография Ф. И. Тютчева». М., 1886.

«Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — Революция и Россия. Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны; существование одной из них равносильно смерти другой! От исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо мир был свидетелем, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества. Факт этого соперничества обнаруживается ныне всюду, и невзирая на то, — таково понимание нашего века, притупленного мудрованием, настоящее поколение далеко не создало вполне его истинного значения, не оценило его действительных причин. До сих пор искали его разъяснения в сфере чисто политической; старались истолковать его различием в понятиях о порядке исключительно человеческого. Поистине распря, существующая между Революцией и Россией, зависит от причин более глубоких. Они могут быть определены в двух словах: *Россия прежде всего христианская империя. Русский народ — христианин* не только в силу Православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более душевному, чем убеждения. Он *христианин* в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. *Революция — прежде всего враг христианства! Антихристианское настроение есть душа Революции*; это ее особенный отличительный характер. Те видоизменения, которым она последовательно подвергалась, те лозунги, которые она попеременно усваивала, все, даже ее насилия и преступления были второстепенны и случайны, но одно, что в ней не таково, это именно антихристианское настроение, ее вдохновляющее». «Человеческое я, желая зависеть лишь от самого себя, не признавая и не принимая другого закона, кроме собственного изволения, словом *человеческое я, заменяя собою Бога*, конечно, не составляет еще чего-либо нового среди людей; но таким сделалось *самовластие человеческого я, возведенное*

в политическое и общественное право и стремящаяся, в силу этого права, овладеть обществом. Вот это-то новое явление и получило в 1789 году название «французской революции». «Февральский взрыв (1848 г.)¹ тем уже оказал миру великую услугу, что ниспроверг ходульные подмостки заблуждений, скрывавших действительность. Наименее проницательные умы вероятно поняли ныне, что история Европы в течение последних 33 лет была не что иное, как продолжительная мистификация. И точно, каким неумолимым светом озарилось внезапно все это прошлое, столь недавнее и уже столь отдаленное? Кто, например, не сознает ныне, какое смешное притязание выражалось в той *премудрости нашего века, которая наивно вообразила, что ей удалось подавить Революцию конституционными заклинаниями, обуздать страшную энергию посредством формулы законности.* После всего того, что произошло, кто может еще сомневаться, что с той минуты, когда революционное начало проникло в общественную кровь, все эти уступки, все эти примиряющие формулы суть не что иное, как *наркотические средства*, которые могут, пожалуй, на время усыпить больного, но не в состоянии воспрепятствовать дальнейшему развитию самой болезни».

«За три последние века историческая жизнь Запада необходимо была *непрерывною войною, постоянным приступом, направленным против всех христианских элементов*, входивших в состав старого западного общества. Эта разрушительная работа длилась долго, так как для того, чтобы иметь возможность напасть на *учреждения*, надо было прежде уничтожить их связующую силу, т. е. *верования*. Первая французская революция тем именно и памятна во всемирной истории, что ей, так сказать, принадлежит почин в деле достижения *противохристианскою идеею* правительственной власти над политическим обществом. Эта идея выражает собою истинную сущность, так сказать, *душу революции.*»

Чтобы убедиться в этом, достаточно уяснить себе, в чем состоит ее основное учение — то новое учение, которое революция внесла в мир. Это, очевидно, учение о верховной власти народа. А что такое власть народа, как не верховенство человеческого я, помноженного на огромное число, т. е. опирающегося на силу? *Вот почему нет ничего бессмысленнее или коварнее, как придавать особую цену созданным революцией политическим учреждениям.* Это *осадные орудия*, превосходно приспособленные к тому употреблению, для которого они построены, но помимо этого назначения они в правильном обществе никогда не найдут подходящего приложения.

Впрочем, революция сама позаботилась о том, чтобы не оставить в нас ни малейшего сомнения относительно ее истинной природы. Отношение свое к христианству она формулировала так: *«Государство, как таковое, не имеет религии»*, ибо таков символ веры новейшего государства. Вот, собственно говоря, та великая новость, которую революция внесла в мир, вот ее неотъемлемое существенное дело — факт, не имеющий себе подобного в предшествовавшей истории человеческих обществ. В первый раз политическое общество отдавалось под власть государства, совершенно чуждого всякого высшего освящения, государства, объявлявшего, что у него нет души, а если и есть, то разве душа безверная: ибо кто не знает, что даже в языческой древности, во всем этом мире, по ту сторону креста, который жил под сению общего вселенского предания (искаженного, но не прерванного язычеством), город, государство, были прежде всего учреждением религиозным? Это был как бы обломок общего предания, который, воплощаясь в отдельном обществе, образовывался как независимый центр. Это была, так сказать, ограниченная местностью и овеществленная религия.

Нейтралитет, которого революция *желает* держаться в вопросах веры, очевидно, не есть с ее сторо-

ны что-нибудь серьезное. Ей слишком хорошо ведомы свойства ее противника, чтобы не знать, что по отношению к нему никакой нейтралитет невозможен: *«Кто не со Мною, тот против Меня»*. В самом деле, чтобы предложить христианству нейтралитет, *нужно наперед перестать быть христианином*. Софизм нового учения падает здесь перед всеильной природой вещей. Для того чтобы нейтралитет этот имел смысл и не был ложью и западнею, необходимо, чтобы новейшее государство согласилось отказаться от всякого притязания на *нравственный авторитет*, чтобы оно низвело себя на степень простого полицейского учреждения, неспособного по существу выражать какую бы то ни было нравственную идею. Неужели можно серьезно утверждать, что революция для создания ею и воплощающего ее государства примет такое не только унижительное, но невозможное условие? На самом деле она и не думает его принимать; напротив, как известно, некомпетентность современного законодательства в делах веры для нее вытекает лишь из убеждения, что так называемая религиозная мораль, не имеющая никакого сверхъестественного утверждения, достаточна для человеческого общества. Верно ли это положение или нет, но оно, несомненно, представляет *целое учение, которое для всякого добросовестного человека равносильно безусловному отрицанию христианской истины*.

И в самом деле, мы видим, что, несмотря на эту глаголемую некомпетентность и *конституционный нейтралитет* новейшего государства в делах веры — везде, где это государство водворялось, оно не замедлило потребовать для себя и проявить на деле по отношению к церкви ту же власть и те же права, какие принадлежали прежним правительствам. Для примера укажем на *Францию*. Конечно, закон заявляет там, что государство, как таковое, *не имеет религии*; однако же само государство в своих отношениях к католической церкви настойчиво

продолжает считать себя совершенно законнейшим наследником *христианнейшего короля*. Восстановим же истину: новейшее государство потому лишь изгоняет *государственные религии, что у него есть своя; а эта его религия — революция**.

Какою жизненной правдой веет от этих слов, написанных 50 с лишком лет назад, хотя Тютчеву не были известны новые труды**, выяснившие роль масонов в Великой Французской революции, безусловно, имевшей антихристианский характер.

Как подтвердили дальнейшие события точку зрения Тютчева! В наши дни миллионы людей уже порвали связь с христианством на Западе; новое язычество и его исчадие новое варварство захватывают широкой волной обездоленный люд, верящий проповедям новой «религии человечества»; атеизм и анархизм идут рука об руку и увлекают простецов в пучину верной гибели; культ Сатаны, почитание Изиды, длинный ряд других суеверий находят себе многочисленных поклонников; урожденные христиане переходят в мусульманство и буддизм, ищут в *масонстве* удовлетворение извращенному религиозному чувству; некрещеный человек стоял недавно во главе Франции, обессиленной масонством; война против христианства идет по всей линии, и его древние, исконные и непримиримые враги высоко подняли голову и при помощи денег и печати подрывают основы христианской жизни Запада, передовая страна которого на наших глазах переживает пору *гонения за веру*. Вообще всюду на Западе замечается так называемая «дехристианизация», т. е. отказ от христианских верований и идеалов. «Труж-

* Ф. И. Тютчев. Сочинения. Изд. 2-е. СПб., 1900. «Папство и римский вопрос». С. 501-504.

** О масонстве см. *Gould. History of Freemasonry Londres 1884. La Masonnerie pratique T. I-II. 1885. Findel. Geschichte der Freimaurerei von der Zeit ihres Entstehens bis zur Gegenwart 1900* (посл. изд.). *Allgemeines Hand-burg der Freimaurerei 1901* (посл. изд.). *Гессен*. Евреи в масонстве. 1902.

дающиеся и обремененные» забыли, чем они обязаны Спасителю, возвестившему равенство и братство всех людей перед Господом и обещающему истинную свободу своим ученикам (см. Ин. 8, 32.). Равным образом «богатые и знатные» устремились в пучину наслаждений, «стяжания несправедливого», и в «меньших братьях своих» усматривают только «рабочую силу», потребную для процветания деляческих предприятий. Естественно, что классовая рознь теперь достигает на Западе страшного напряжения, а зажигательные речи анархистов и социалистов находят много горючего материала. Для утратившего веру человека земные блага имеют чарующую, манящую прелесть, ибо в обладании ими он видит весь смысл и всю радость своего существования. Отдельные, исключительные личности, отвергнув Бога и Христа Его, могут еще найти в науке и искусстве цель своей жизни, но толпа, в общем, не поднимется на эту высоту и будет жаждать доступного ее развитию решения религиозного вопроса: она или всему верит, или все отвергает, причем пример «образованных людей» увлекает за собой народное множество. Вот почему Телец Златой насчитывает столько поклонников, нетерпимых, крайних и враждебных, до ненависти, к христианству. Тютчев верно подметил и эту черту изуверства у поборников революции, предсказав, что «не будет недостатка и в преследованиях за веру». Независимо от откровенного заявления Штрауса², что «мы — нехристиане», русский мыслитель правильно определил болезнь: с тех пор ее развитие идет непрерывно, и «богословие атеизма», изложенное евреем К. Марксом, возлагающим на мировую революцию все надежды, вытесняет христианское мировоззрение... Ослабление христианской веры на Западе красноречиво сказывается в материальных затруднениях, переживаемых папством в силу оскудения прилива лепты св. Петра. Да и протестантство переживает глубокий кризис и быстро подвигается по наклонной плоскости мнимого

свободомыслия в пропасть безверия. Между искренно верующим лютеранством и новейшими его разветвлениями не может быть ни объединения, ни примирения, как свидетельствует школа «ортодоксальных» протестантских богословов, восстающая горячо против крайностей и уклонений, от которых пришел бы в неопиcуемый ужас виновник реформации.

Тютчев правильно подметил и вторую отличительную черту революционных движений: вражду с христианством и выросшими на его почве порядками, революция крайне отрицательно относится и к великому началу народности: «В глазах этой партии вопрос о национальности не имеет ни смысла, ни значения. В интересах своей задачи она ни на минуту не поколеблется принести в жертву независимость своей страны». Блестящим подтверждением справедливости этого меткого замечания являются подвиги коммуны в 1871³ году и поведение современных французских социалистов с Жоресом⁴ во главе. Знаменитое воззвание Маркса также призывало к объединению пролетариев всех стран⁵ и имело следствием возникновение «интернационального общества», вытравливающего преданность отечеству и родному народу. Таким образом, неверие и космополитизм оказываются союзниками в борьбе с христианством*, стремясь к насаждению «царства всеобщей сытости» вместо идеального царствия Божьего, которое открывает широкий простор личным дарованиям каждого отдельного человека. Превращение всех людей

* Правда, изворотливые «делатели голов» ссылаются даже на Евангелие. Действительно, Апостол говорит, что перед Богом нет различия между иудеем и еллином (Рим. 10, 12); «Нет уже иудея, ни язычника! нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3, 28), «Где нет ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного; но все и во всем Христос». Но в этих изречениях, конечно, нет отрицания ни национальностей, ни полов, но только признание их равенства перед небесным Отцом.

в стадо равных во всех отношениях животных может быть достигнуто лишь путем страшного понижения общего уровня, гибели всех выдающихся талантов, творчество коих обуславливало благополучие и развитие целых племен и народов. Кто же является носителем идеалов современных революционеров — африканские ли Готтентоты или малайские дикари? В кого из них должен превратиться, *ради уравниения*, представитель кавказской расы?

Всякому ясно, что космополитическая проповедь требует неосуществимого и является лишь боевым средством для завлечения слабомыслящих и безвольных в стан революционеров. К сожалению, Тютчев оказался пророком не только для западных народов, ибо и в среде нашей молодежи увлечение космополитизмом является первым шагом к отступничеству от служения русским национальным святыням. Впадая в некоторые лишь частные погрешности, Ф. И. Тютчев изумительно верно постиг общий смысл событий и задолго до современного «крушения парламентаризма»^{*} подчеркнул все бессилие «конституционных заклинаний». Они *нигде* не привели к водворению прочного порядка и прекращению социальной борьбы. «Народное представительство» оказалось действительно лишь «осадным орудием» против твердыни христианского государства; в пробитую им брешь устремились к власти честолюбцы, а толпа, обманутая в своих наивных надеждах на воплощение «свободы, равенства и братства», теперь уже стремится к ниспровержению «буржуазного правительства»; проповедь анархизма и социализма делает быстрые успехи в среде, понявшей, что новые властители преследуют своекорыстные интересы под личиной «народного блага». Рабочий вопрос не решен парламентаризмом и конституционными гарантиями, как показывают постоянно повторяющиеся стачки, разгоняемые оружием республи-

* См.: «Мирный Труд». 1902. № 3.

канских войск. Только упорные и близорукие мечтатели могут *теперь* прославлять «правовой порядок» с драками народных избранников в заседаниях парламентов, хищениями, продажностью и полным бессилием решать быстро назревающие вопросы первостепенного значения; даже оборона страны, как показывает Франция, не может быть поставлена как следует при управлении партий, сменяющих друг друга у кормила правления. Нелепо отождествлять с народоправством узаконенное господство партий, составляющее душу конституции. Только внепартийное правительство может отстаивать интересы всего народа, «конституционные же заклинания» всегда удовлетворяют лишь *часть* общественных сил, оставляя остальных в жертву господствующим. Отсюда непрочность всех конституций, указанная Тютчевым и засвидетельствованная историей.

Верно поняв положение дел и предугадав дальнейшее течение событий, русский мыслитель отчаялся в возможности для наших соседей собственными усилиями вернуться на покинутый торный путь: слишком мрачны были тучи, надвинувшиеся на западноевропейское человечество на глазах Тютчева, и он пришел к самым безотрадным выводам относительно грядущей судьбы Европы. Спасительным маяком для прекрасного знатока Запада было твердое упование на высокое призвание нашего Отечества:

«Тысячелетние предчувствия не могут обманывать. Россия, страна верующая, не ощутит недостатка веры в решительную минуту. Она не устрасится величия своего призвания и не отступит перед своим назначением. И когда же это призвание могло быть более ясным и очевидным? Можно сказать Господь начертал его огненными буквами. — Запад исчезает, все рушится, все гибнет в этом общем воспламенении. Европа Карла Великого⁶ и Европа трактатов 1815 г.⁷, Римское папство и все западные королевства, католицизм и протестантизм,

вера, уже давно утраченная, и разум, доведенный до бессмыслия, порядок отныне немислимый, свобода, отныне невозможная, и над всеми этими развалинами, ею же созданными, цивилизация, убивающая себя собственными руками... И когда над этим громадным крушением мы видим всплывающе святым ковчегом эту империю, еще более громадную, то кто дерзнет сомневаться в ее призвании и, нам ли, сынам ее, являть себя неверующими и малодушными».*

Справедливость требует также установить, что и на нашей Родине за последние 30-40 лет замечается широкое распространение противохристианских учений и всяческих превратных измышлений. Культ революции распространяется между полуобразованными людьми со значительным успехом: нетвердые в заветах Православия сыны России обнаруживают мало духовной стойкости и вместо религии *любви* исповедуют религию *насиллия и злобы*; вместо *веры во второе пришествие* они верят в конец существующего строя благодаря *великой мировой социальной революции (Zusammenbruchstheorie)*; вместо ожидаемого христианами водворения *Божеского царства*, новой земли и нового неба они ожидают наступления *земного рая*, благодаря осуществлению путем всеобщего *кровопролития* своих мечтаний.

Множество жизней разбито, много сил, полезных для Родины, погибло благодаря увлечению этими верованиями русской молодежи и рабочего люда... *Пора отрезвиться*, пора вернуться к единственному источнику вечной правды, пора прислушаться не к разрушительным кличам революционеров, но к созидательной работе Запада, который вовсе не находится в таком безнадежном состоянии, как это представлялось Тютчеву или может показаться на первый взгляд современному наблюдателю. Десятки миллионов сынов Запада оста-

* Ф. И. Тютчев. Сочинения. Изд. 2-е. СПб., 1900. «Россия и революция», С. 491, 492.

ются убежденными и верующими христианами; они не виноваты, что исторические условия лишили их счастья быть последователями *вселенского христианства*, сохраненного всеобъемлющим духом эллинов для Восточной Церкви; *они* понимают христианство *уже*, сообразно национальным особенностям германских и романских народов, но от этого их пламенная вера в Искупителя не теряет, думается мне, своего значения. Вдобавок на современном Западе замечается стремление к сближению с православным Востоком: старокатолики, англикане завязывают переговоры с нами о воссоединении, не говоря уже о постоянных мечтаниях пап. Западные же, по преимуществу, ученые нанесли своими последними трудами смертельный удар отрицательной критике и прочно установили *подлинность Евангельских писаний*. Лучшие апологетические сочинения выходят на том же Западе. Христианство борется и побеждает древнего врага!

Ныне в горькую годину нападения язычников, посягнувших на устои выросшего на христианских заветах международного права, *вся семья христианских народов должна слиться для отпора революционным брожениям*. Ясно всем, что японцы являются орудием международной плутократии, возжегшей недавно пламя гнусной Бурской войны. Теперь идет новое кровопролитие для ослабления оплота христианства — России. Попраны ради торгашеских выгод заветы мира, о водворении которого так искренно, так бескорыстно заботился наш Государь.

Забыто единство происхождения и общая принадлежность к арийской расе, ибо японцы кажутся единоверцами нашим атеистам; в них усматривают носителей последнего слова «прогресса», а потому смело можно ожидать, что во всех странах неверы, социалисты и анархисты будут считать свое дело общим с Японией, тогда как верующие христиане ста-

нут сочувствовать России. Капиталисты прекрасно понимают, что их мировому господству не помешают мятущиеся проповедники нового язычества, тогда как христианская монархия и русский народ, земледельческий и верующий, являются главной помехой для порабощения человечества немногим «денежным ко-ролям». Потому-то японская ярость и обрушилась на наше Отечество.

Зная главного своего врага, находящего благо-приятную почву в нашем невежестве, жалкой подра-жательности, отсутствии твердых убеждений и сме-лой готовности открыто исповедать их, мы должны в переживаемые всемирно-исторические минуты явить себя христианским народом, готовым положить душу за други своя. *Не в людских ухищрениях, не в силе оружия таится успех.* Он коренится в нравственной мощи, в верованиях, которые все воодушевляют и двигают горами. Вопреки предсказаниям революцио-неров Россия в час испытания всюду оказалась верной примеру предков: 100 миллионов возложили упование на Господа и по-прежнему вознесли к престолу Все-вышнего пламенные молитвы о спасении людей Его и благословении Его достояния. Очевидно, вера во Христа и Церковь Его — всесильна в России; предан-ность русских Венценосному Вождю осталась непо-колебимой; сознание народное выразилось одинаково повсеместно в обширнейших пределах нашей много-страдальной Родины. У Царя и у Его Народа оказалось одно сердце.

Надо пользоваться минутами такого подъема русского духа, и проискам наших внутренних врагов, желающих воспользоваться политическими осложне-ниями в своих видах, противопоставить единодушный отпор всех тех, кто, подобно Ф. И. Тютчеву, сохранил беззаветную преданность незыблемым устоям Святой Руси — Православию, Самодержавию и Народности.

И эта вера в Правду Бога
Уж в нашей не умрет груди,
Хоть много жертв и горя много
Еще мы видим впереди...

Но,

Не верь в святую Русь, кто хочет,
Лишь верь она себе самой —
и Бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.⁸

НАЧАЛО РУССКОЙ СМУТЫ

Новый год начинается для всей России при весьма тяжелых условиях. Помимо войны с храбрым и беззащитным внешним врагом, на наше Отечество надвинулась грозная туча внутренней смуты. Обе невзгоды застали нас недостаточно подготовленными, тогда как недруги исподволь, в течение ряда лет, искусно вели свою разрушительную работу, подкапываясь под основы нашего международного положения и нашего государственного и общественного строя.

Правда, неоднократно раздавался с высоты Престола предупредительный голос Верховного Вождя, обращавшегося к народу со словом увещания и призывом всех верноподданных к дружному противодействию нашим многочисленным нестроениям. Государь действовал «подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем. Когда же *люди спали*, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы» (Мф. 13, 24–25). Теперь всем виден буйный рост этих плевел, и плоды нашего общественного сна налицо: печать почти целиком проповедует отступничество от родных устоев, ибо находится в руках инородцев и космополитов; в школе — месте святом, царит мерзость запустения и происходит калечение подрастающих поколений, так как национализация воспитания не достигнута по отсутствию необходимых работников; уклонение избирателей от пользования их правами, в сущности являющимися обязанностью, привело к захвату людьми определенной партии земских и городских управлений, находящихся ныне почти повсеместно в руках сторонников зарубежного уклада...

Но их шумные крики все-таки не воспроизводят действительного настроения всей русской земли, ибо их пропустили в гласные, имея в виду лишь определенные задачи, возлагаемые на самоуправление городским и земским положениями, т. е. бескорыстное служение местным нуждам, ныне остающимся в небрежении благодаря погоне за властью.

Политическая честность требовала от наших «общественных деятелей» предварительно узнать доподлинное настроение русских людей, а не выступать самозванными выразителями мнимых мнений молчащих избирателей: они виновны в безучастии к общественным делам, но нигде и никому не давали полномочий требовать, в грубых и резких выражениях, государственного переворота. Поведение наших земских и городских «политиков» имело бы основание лишь в том случае, если бы были всюду произведены *новые выборы* во все городские и земские управления, и они получили бы большинство голосов, выразивших таким образом свое сочувствие участию уполномоченных, излюбленных людей, в решении государственных вопросов. Свободное избрание их было бы, действительно, одобрением избирателями определенной, *заранее известной им* программы. Раз этого нет, все заявления и «требования» остаются лишь выражением пожеланий только подписавших их лиц, но отнюдь не мнением всей страны; их нельзя считать голосом всего общества, а тем более народа: многомиллионная Русь не говорит устами сотен представителей лишь *части* зажиточных классов. Это ясно для всякого добросовестного человека, не омраченного партийными вожделениями.

Но наши «политики» всегда отождествляют свои собственные мечтания с пожеланиями «всего народа» и позволяют себе действовать от его имени, прибегая в часы войны к предъявлению самых неумеренных требований, приправленных плохо прикрытыми угрозами, соблазняя «малых сих» на забастовки и уличные беспоряд-

ки, за которые платится неимущий люд, ибо его хотят заставить вытаскивать каштаны для других: ни крестьяне, ни рабочие властвовать не будут при «перевороте», а этого не хотят понять у нас многие, не задающие себе даже такого простого вопроса, как — «кто правит страной при конституционном строе?» Вовсе не народ, а капиталисты! Стоит приглядеться к глухой, напряженной социальной борьбе, которая происходит на всем Западе, и сейчас же станет ясно, что нигде конституция не дала рабочему люду удовлетворения его справедливых потребностей, что всегда может сделать власть, стоящая выше партий. Рабочие никогда не могут сами стать у кормила правления, ибо нельзя одновременно зарабатывать трудами рук своих пропитание семье своей и «государить». В таком же положении находятся 80 миллионов наших крестьян, для которых «правовой порядок» будет густыми дебрями, где они заблудятся со своими обычными представлениями, со своим стремлением жить «по совести», «по-Божьему». Уничтожение неотчуждаемости наделов повлечет за собой усиленную скупку земель, и под гнетом податей, которые несомненно увеличатся от затей кабинетных заправил, огромная масса населения превратится в вечных батраков, лишенных своего угла, обреченных на смерть под забором. «Конституция», таким образом, принесет вечную кабалу и беспросветное экономическое рабство самому многочисленному из наших сословий. Не выиграют и остальные. Пусть духовенство не забывает Комба, российские последователи которого кое-где откровенно высказывают свои вождедения. Православная Церковь, несомненно, будет ими обездолена, сведена со своего первенствующего положения, приравнена к шаманству и язычеству, ибо новые язычники оказываются главными застрельщиками «переворота». Смута погубит и среднее купечество, прервав правильный оборот денег и товаров, а соперничество юрких иностранцев, получивших право повсеместной торговли, до-

ведет его до окончательного закабаления. О разоренном, задолжавшем дворянстве и говорить нечего, так как его ждет полная утрата обломков родовых имений за невозможностью удержать их при изменившихся условиях. Только капиталисты, крупные торговцы, фабриканты и владельцы обширных поместий могут ждать *для себя* выгод от участия в управлении страной, ибо народ, ныне не пользующийся дарованным ему законом самоуправлением, уклонится, по экономическим причинам, от бремени власти. И тогда Россию ждет участь Древнего Рима, погубленного своекорыстием и раздорами представителей самых состоятельных слоев населения. Империя эта пала потому, что делала им уступки, обрекая на разложение трудящиеся, производительные классы, и выбирая опорой своего врага — капиталистов. Та же ошибка происходит и на наших глазах...

Широкие круги общества заблуждаются, по своей политической неподготовленности, в своих представлениях о благах «конституции», отождествляя ее с осуществлением самых заветных мечтаний, вопреки наглядному опыту стран Запада.

Впрочем, слабость политического и общественного сознания явственно выступает даже у вожаков современного движения. Это, обыкновенно, или своекорыстные дельцы или люди отвлеченной мысли, книжных построений, *верящие* во всемогущество *слова*. Как наивный предок наш верил, что «по щучьему велению, по Иванушки хотению» явится и скатерть-самобранка, и ковер-самолет и другие диковинки, так наши современники верят в волшебное могущество «конституции». Словно древние заклинатели, отвращающие общественные беды таинственными словами, многие думают взмахом волшебной палочки искоренить все общественные недочеты, исцелить язвы, болезненно терзающие *все* человечество! Разве это не пережиток, не обломок давно уже пройденной ступени в развитии человеческого мышления?

Но отсутствие критики простительно «некультурному человеку», тогда как притязающие на звание «передовых людей» обязаны не закрывать глаза на современные «порядки» в конституционных государствах, не замалчивать крушения «говорилен» во всех странах мира. Нелепо прибегать к лекарству, бессилие которого раскрыто воочию.

Сильное правительство, хорошо знающее нужды своей страны, высоко держащее знамя ее национального достоинства и народных интересов, самосознающее общество, доверяющее своему правительству, как созданию исторических сил и помогающее всеми силами осуществлению им как мировых задач, так и разрешению назревающих внутренних вопросов, — вот что нужно всем государствам без исключения. Формы же правления разнообразны и, как дело человеческое, все имеют свои достоинства и недостатки, оказываются плодом длинного развития, созданием данного народа, но ставить какую-либо из них на высоту общечеловеческого идеала, выдавать ее за единственно пригодную для всех времен и всех народов — значит впасть в ошибку, изобличенную историей, и поднимать бесконечный теоретический спор. Пример на наших глазах: «российские конституционалисты» уже объявлены подлежащими сдаче в архив, ибо новым волшебным ключом к всеобщему благополучию является «демократическая республика», хотя уже слышатся крики, что наилучшим заклинанием против всех бед служит анархия, которую-де и надлежит водворить на Руси по самому передовому мнению.

Таким образом, дележ еще не захваченной власти вызывает раздор и борьбу в среде самих смутьянов, что служит ясным предзнаменованием тех благ, какие даст Русскому народу осуществление затеи желающих «государить» над ним «политиканов».

Суть же дела просто в том, что с течением времени деятельность человеческих обществ должна становить-

ся более сознательной, а потому люди должны стремиться к достижимому всестороннему развитию хороших сторон своего уклада и устранению его недочетов. У нас, наоборот, хотят непременно сломать выстроенный тысячелетней работой предков дом и воздвигнуть на его месте английский коттедж или французскую виллу, забывая о наших морозах! Бесспорно, дом нуждается в починке; кое-где он осел; окна малы; развелись назойливые сверчки; крысы и мыши истребляют припасы; паразиты расползаются по всем комнатам. Но ведь можно пустить больше света и воздуха, можно освободить заброшенные покои от разного сора и нечисти, не сламывая здания, дававшего надежную защиту от многочисленных исторических бурь и непогод. Вдобавок надо спросить всех жильцов, желают ли они очутиться под открытым небом, хотя бы «весной», согласны ли они оставаться без крова до тех пор, пока разрушители решат, какой стиль лучше — конституционный, республиканский или анархический!

Все переживаемые события наглядно показывают, что самозванные вожаки русского народа не дали себе даже надлежащего отчета в своих стремлениях, что они гонятся за пышными словами и непригодными учреждениями, забывая о необходимости и спасительности производительного труда, который один только вывел из варварства культурное человечество и способен стяжать ему относительное, возможное на земле благополучие.

Вот почему, вступая в третий год своего существования, наше скромное издание по-прежнему будет работать над уяснением и укреплением наших родных, заветных идеалов, отнюдь не отождествляя их с современной действительностью, не раболепствуя перед иноземным, но и не отвергая всяких улучшений. Все хорошее, приобретенное одним народом, является достоянием всего человечества, которое не должно быть однородной, подстриженной на один лад, думающей по одной мерке со-

вокупностью людей без рода и без племени, но братской семьей равноправных членов, сохраняющих свой облик, свое мышление и свой домашний уклад.

Можно смело сказать, что все животные никогда не превратятся в «общезверя», не сделаются и люди «общечеловеками». Святая книга недаром говорит нам: и будет Он (Господь) судить *народы* и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала и копья свои — на серпы; не поднимет *народ на народ* меча и не будут более учиться воевать (Ис. 2, 4).

Таков великий идеал для всего человечества, и его водворит не принужденное объединение, не насилие над иномыслящими, не превращение всех в общечеловеческое стадо, пасомое капиталистами, а служение великим заветам христианства, открывающим всему человечеству единую вселенскую истину.

К сожалению, у нас явственно сказывается ее забвение: требования христианской нравственности подменяются разного сорта «этиками», причем оказывается, что профессора должны действовать сообразно «профессорской этике», гг. присяжные поверенные имеют свою особенную, врачи — врачебную и т. д., а вот когда иные военные проявляют «свою этику», то поклонники снисхождения к «преступнику вообще» предъявляют настоячивые требования более жестоких и суровых кар. Где же простая последовательность?

Слово вообще у нас расходится с делом: требующие водворения законности начинают с нарушения ясных и точных указаний действующего закона; сторонники неприкосновенности жилищ вопреки запрещениям хозяев вламываются в помещения, высаживают двери, бьют стекла, а порой и сторожей в виде наглядного доказательства своего уважения к человеческой личности; проповедники свободы слова зажимают рты гласным из крестьян, мешают высказываться своим противникам, запугиваниями производят давление на слабых; защит-

ники свободы убеждений обливают грязью инакомыслящих, прибегают к литературной травле за независимые мнения, доносят толпе на смельчаков, восстающих против модных воззрений; поборники свободы печати лгут на неприятные им издания, возмущаются разоблачениями недочетов в деятельности излюбленных учреждений или лиц. Не истина стоит на первом месте для «руководителей общественного мнения», а угождение партийным интересам. Противники правительственного бюрократизма оказываются насадителями бюрократизма земского, который навязывает населению свои бумажные предписания, вместо того чтобы удовлетворять его действительные нужды и потребности, ибо легче действовать по общей указке, чем изучить местные условия. Вот почему у нас раздается столько «блестящих речей», изготовляется бесчисленное множество распоряжений, а благосостояние идет на убыль. Оклады земским и городским «чиновникам, достигшие чудовищных размеров, все увеличиваются, наглядно предупреждая, что «политический переворот» приведет к замене одних бюрократов другими, а может быть, и теми же самими, но «с увеличением содержания», как предвещал прекрасный знаток русской жизни М.Е. Щедрин¹. Ведь и ныне «всякий француз желает быть чиновником»! Наша «интеллигенция» тоже, в общем, может существовать только народным трудом, сама по себе будучи подготовлена лишь к канцелярским занятиям, составлению обширных планов коренного переустройства с целью облагодетельствовать все человечество, кроме просто русских людей...

Все эти явления наглядно показывают, что спасение корабля общей нашей матери России, попавшего ныне в исторический водоворот, требует особых усилий, тем более что часть гребцов не хочет слушать приказов рулевого и алчет взять кормило в свои руки, чтоб плыть на огни, зажженные коварной рукой, с целью вызвать крушение и воспользоваться богатой добычей. Тем дружнее должны

сплотиться все сохранившие верность кормчему, дабы облегчить ему выход на водную ширь. Надежное указание дает путеводная звезда, озарявшая тысячелетний путь нашей Родины, следовать по которому и призывает Державный Вождь.

С Богом вперед, русские люди, за творческую работу, за великое Государево и земское дело, за внутреннее строение нашего Отечества!

Ведь наши дорогие братья мужественно подвизаются на далеком ратном поле, а мы сугубо должны всемерно облегчить их бранный подвиг честным мирным трудом, понимая, что всякая домашняя смута выдаст их с головой неприятелю. Русский народ никогда не был предателем своей Родины и своих кровных сынов; его мощный отпор сокрушил множество недругов, и не японцам с их купленными приспешниками одолеть дружную Россию!

ГОНЕНИЯ НА РУССКУЮ МОЛОДЕЖЬ

Космополитическая закваска, положенная у нас в основу воспитания подрастающих поколений, уже давно содействует изготовлению каких-то «общечеловеков», витающих в мире книжных построений и бумажных теорий. Чуждые действительности, не знакомые ни с историческим прошлым нашей страны, ни с произведениями лучших писателей земли родной, ни с творениями русской политической мысли, они привыкают решать мировые вопросы по указкам «популярных книжек», бойких журнальных статей и вещаний «развивателей», которые умело пользуются той неудовлетворительностью, той пытливей жаждой знания, которая рано или поздно просыпается в душе всякого мало-мальски одаренного юноши. Не находя ответа у своих присяжных преподавателей, а тем более в недрах семьи, старшие члены которой, сплошь и рядом, не могут, даже при желании, разъяснить недоумения младших, наша молодежь встречает отклик на свои запросы на стороне и попадает в руки убежденных противников нашего уклада. Без идеалов, без широких замыслов не может обойтись русский юноша, и в этом сказывается могучий размах, присущий русской душе, всегда склонной к идеалистическим порывам и сочувствующей подвигу самопожертвования.

Если бы эти исконные силы были направлены и использованы надлежащим образом для служения Родине и ее действительным нуждам, для осуществления достижимых целей, то многим печальным явлениям нашей общественной жизни был бы положен желанный конец. Но, по странному стечению обстоятельств, необходимые преобразования нашей школы в духе национальном вот

уже несколько лет остаются неосуществленными несмотря на их признанную безотлагательность. Нестроения усугубились путаницей, вносимой неопределенностью положения, а жизнь не ждет, и год за годом все новые выпуски «зрелых» юношей вступают в стены высших учебных заведений, где политическая пропаганда уже давно свила теплое гнездо. Неподготовленные к самостоятельному отпору, лишенные критического развития юноши делаются жертвой ненасытного удава и пополняют ряды борцов за насильственный переворот. Наука мало их занимает, и аудитории в часы лекций пустуют, наполняясь во время сходов и пламенных обсуждений.

Но не все заражаются политиканством; многие развертывают неудовлетворенную гимназией пытливость и желают углублением в науку пополнить свои пробелы, облегчив правильным товарищеским общением достижение высокой цели разностороннего саморазвития. Мирные совместные занятия над различными научными вопросами ради подготовки к последующему служению Родине привлекают к себе всех желающих недаром провести неповторяющееся время пребывания в университете. Естественно, что забастовки, прерывающие правильное течение академической жизни, не могут пользоваться сочувствием этих сторонников девиза: «университет для науки». Отсюда возникает естественное желание их обеспечить себе возможность использовать годы учения, сбросив гнет политиканов, искажающих задачи университета. Эта потребность в самопомощи сказывается тем настойчивее, чем чаще беспорядки терзают наши высшие учебные заведения. Их уставы превратились в мертвую букву, и для окончания образования теперь требуется разрешение, выдаваемое на право держать экзамены горстью «непримиримых противников» существующего строя. Раз этого разрешения нет, то никто не смеет приступить к испытаниям под страхом оскорблений, побоев, даже последующих преследований, мешающих исполь-

зовать приобретенные знания. Державших экзамены отказываются принимать на места, позорят, обвиняют в доносах, шпионстве и проч. и проч.

Беззащитные пред всеми этими гонениями юноши желают честно работать, но не могут и падают, обессиленные отсутствием надлежащей поддержки от общества, профессоров и даже начальства, которое от мер строгости переходит к уступчивости, то удаляет «виновных», то принимает их обратно. Эти колебания из стороны в сторону развивают уверенность в безнаказанности, соблазняют умеренных, содействуют запугиванию слабых, поощряют к упорству и настойчивости «непримиримых». Но сильна в русском юноше жажда знания, и в этой столь неблагоприятной обстановке он проявляет живое стремление к ее утолению и ради осуществления этого своего святого и непреложного права объединяется в кружки и общества, сопротивляется превращению университетов и институтов из храмов науки в место политических сходбищ. Как было указано, в ряде учебных заведений появились противники насилий над совестью и запретов заниматься своим прямым делом. Но смельчаков ждали новые, усиленные гонения со всех сторон и от товарищей, и от иных преподавателей, и от общества; в конце концов, началась настоящая травля в печати, ухватившейся с жадностью за дело студента Петрова, выстрелившего в своего товарища. Пока суд не произнес своего приговора, обусловленного тщательным изучением всех подробностей этого прискорбного случая, но уже целые потоки грязи вылиты на несчастного юношу, а его поступок поставлен в вину всем его товарищам. Разве доказано, что он действовал по их поручению? Надо очень много злобы и человеконенавистничества, чтобы взводить столь нелепые обвинения, какие позволил себе, напр., мнящий себя архилиберальным г. А. Яблоновский. Этот развязный господин вполне бездоказательно утверждает, что «молодые члены Рус-

ского Собрания иногда заходят так далеко по пути доносов, ябеды, предательства и буйной наглости, что вести с ними «научные» беседы для человека с нормальным обонянием положительно нестерпимо». Но получать гонорар от этих самых студентов люди с «нормальным обонянием» могут? Могут класть в карман жалованье, не выполняя своих главных обязанностей — «вести научные беседы с юношами», не производя допросов, не прибегая к сыску? Преподавателю, по нашему глубокому убеждению, нет дела до политических воззрений студента, обращающегося к нему за советом, и раз он отказывается выполнить свою обязанность, оплаченную, быть может, последними грошами бедняка, покупающего ими необходимые сведения у своих наставников, то этим самым свидетельствует о своей полной несостоятельности. Профессор не сыщик, не палач, а наставник, не имеющий права забывать о своем долге, обязанный подавать пример терпимости и уважения к чужим мнениям, хотя бы он их не разделял. Кто же научит юношу ценить свободу убеждений, неприкосновенность личных воззрений, если профессора будут поступать вопреки своим словам и гнать иномыслящих? Можно ли строго обвинять после этого студентов за их вражду к товарищам, которую нагло сеют различные клеветнические изветы, бездоказательно повторяемые в «самых передовых повременных изданиях»? Разные, с позволения сказать, «писатели» (напр., Од. Нов. № 6484) бесстыдно позволяют себе намекать на «факты такого свойства, что говорить о всех здесь нет возможности», или называют русских студентов за их верность национальным святыням «кучкой молодых людей с весьма сомнительными достоинствами» (Южн. Обоз. № 2657). Когда от них требуют, чтоб был указан «хоть один факт предосудительного характера в образе действий корпорации», действующей по гласному уставу, обвинители ссылаются на цензурный запрет или отмалчиваются.

А клевета уже сделала свое черное дело, опозорила юношей в глазах легковой толпы и лишила некоторых из них честного заработка, причем их «политические противники» пускают в ход даже такую гнусную уловку, как рассылка родителям учеников, с которыми занимаются гонимые, позорящих их честь анонимных писем!

Вот почему обществу необходимо знать, что делается в стенах учебных заведений, куда оно отдает своих детей нередко на гибель вместо наставления. Вот почему отчеты о деятельности таких кружков должны делаться достоянием гласности, чтобы дать всякому объективные факты для самостоятельных суждений.

Этот пробел мы постараемся восполнить, частью поделившись имеющимися в нашем распоряжении сведениями, частью надеясь на получение их от самих студентов.

Необходимо уяснить себе эти новые данные, свидетельствующие о глубоком упадке наших учебных заведений. Полное и долголетнее извращение их основных задач привело к таким явлениям, которые не могут быть терпимы ни в какой культурной стране, независимо от ее политического строя: самодержавная империя, конституционная монархия или демократическая республика одинаково нуждаются в образованных деятелях и не могут допустить такого насилия искусственно подготовленного большинства над меньшинством, какое стихийно приводит у нас к «временному закрытию» высших учебных заведений, вызываемому так называемыми забастовками.

Прежде всего, надо отметить, что «пресловутое большинство» не может требовать подчинения всех своему решению. Это требование обличает ясно свою нелепость: кто может запретить алчущему человеку пить ввиду того, что большинство данного общества не ощущает жажды? Подобное насилие несовместимо с человеколюбием и свободой личности. Толпа не имеет права угне-

тать ее, тем более исповедуя необходимость всякого рода «свобод». Всякий должен быть свободен в выборе того или иного решения, но никто не должен силой мешать другому учиться. Ссылка на «товарищество» — наивная и детская уловка, так как каждому надо уяснить себе, почему он *обязан* примкнуть непременно к бастующим товарищам, а не к желающим работать. Если большинство товарищей постановит убить или ограбить кого-либо, то я тоже должен, вероятно, ради свободы совести принять в этом деянии участие вопреки собственным убеждениям, чтобы только не нарушить заветы товарищества? Значит, случайное общество, куда юноша попадает всего лишь на несколько лет своей жизни, имеет для него больше связующей силы, чем требования извечной правды? Кто может, однако, принять такой вывод, а он неизбежно вытекает из приведенных посылок!

Но только неокрепший ум способен, отстаивая «права личности вообще», являться одновременно жалким рабом кружкового большинства и в угоду ему топтать ногами свою собственную свободу. Вот ясное проявление разительной несамостоятельности наших юных преобразователей! Впрочем, вообще резко бросается в глаза недостаток последовательности как у гонителей современной молодежи, так и у их покорных прислужников. В самом деле, у нас очень усердно и громко вопят о деспотизме бюрократического правительства и... требуют безусловного подчинения решениям какой-либо сходки. Почему же ее постановления *обязательнее* предписаний законной власти? Не потому ли, что эти самые сходки являются органами *самозванного правительства*? Не потому ли, что они «вырабатывают» уже заготовленные заранее требования, откровенно вынимаемые на глазах всех из кармана плохо натасканными «председателями», протекают под председательством «выкрикнутого и заранее обученного руководителя»? Не потому ли, что «ораторов, не принадлежащих

к определенной партии», встречают свистками, шиканьем, перебивают, высмеивают и не дают высказаться иномыслящим... из очевидной боязни, что толпа, податливая и увлекающаяся, может склониться в противоположную сторону? Не потому ли, что сторонники *тайного и всеобщего* голосования всегда настойчиво требуют *открытой* баллотировки, заботятся о своевременном осведомлении *только своих* и, подготовив все, назначают сходки внезапно для противников, пополняют свои ряды посторонними и приезжими борцами, не принадлежащими к данному учебному заведению? И путем таких уловок добытое решение выдается за обязательное для всех постановление!

Соответствует ли это поведение давно установившимся требованиям порядочности? Впрочем, о ней теперь мало думают и заботятся. Поступая, напр., в высшие учебные заведения, студенты дают честное слово, принимают обязательство подчиняться уставу и выполнять ряд определенных условий. Если они неприемлемы, то человек с убеждениями не даст на них согласия, ибо честность требует соблюдения своего слова. Правда, сейчас же идут разные «оправдания», ссылки на иезуитское правило: «цель-де оправдывает средства», другими словами, узаконяется безнравственная борьба ради осуществления «общего блага». Но ведь и правительства всюду тоже оправдывают свои распоряжения служением интересам страны, следовательно, и правительствам не может быть запрета прибегать ко всяким путям для водворения народного благополучия, т. е. казням, ссылкам, всякого рода взысканиям и проч. Но нападки на жестокость, угнетение слабых, отсутствие человеколюбия и другие обычные попреки обращаются только против правительств и как раз теми, кто открыто заявляет, что не остановится *ни перед какими насиллиями*, лишь бы достигнуть намеченной цели. Однако сказано, «какой мерой меряете — возмерится вам»!

При таком положении дела ясно, что о справедливости, свободе, равенстве, братстве речи быть не может со стороны тех, кто прибегает к омерзительным политическим убийствам, отвергая смертную казнь, принятую, однако, в «просвещенной Европе», кто толкует с пеной у рта о свободе совести и тут же насилует совесть своих товарищей, оказывая на них давление запугиваниями, оскорблениями, даже побоями, кто распинается о свободе слова и зажимает рот свистками, шумом, гамом всякому возражающему против торжества стадности, кто взывает о свободе печати и отказывается оглашать все подробности прений на сходках и заседаниях, и всякое неприятное разоблачение называет «доносом», кто вопит о неприкосновенности жилищ и личности и грозит выломать, а иногда даже выламывает, двери в «храм науки», уже давно, впрочем, его покинувшей, кто или бьет иномыслящих «при физической обструкции», или посягает на их здоровье, пуская в ход «химическую обструкцию», кто отстаивает «свободу союзов и собраний» и клеветает на собрания своих противников, всячески мешая их сошествиям для выработки их свободного решения, кто проповедует равенство и братство и начинает с посягательств на жизнь и собственность своих братьев, с дерзкого требования отречения от их верований и идеалов, забывая, что равенство требует уважения и терпимого отношения к равному брату своему, а не глумления или насилия над ним.

Эти соображения позволяют установить, что пышные слова, громкие призывы и освободительные кличи прикрывают собой возмутительнейший деспотизм, грозящий истреблением всем иномыслящим и ведущий в конце концов к самоистреблению даже самих поборников переворота, как показывает красноречивый опыт французской революции.

Очевидно, перед нами болезненное, психопатологическое явление, которое может оказаться чреватым по-

следствиями, если вовремя не будут приняты обществом и правительством меры лечения. Слабая воля подготовлена уже к заражению массовым психозом, и только другая, крепкая и здоровая воля может образумить и отрезать стадно увлекающихся. Но именно такого сильного, идейного и волевого противодействия «духу времени» почти совершенно не замечается. Молодежь, склонная к податливости по самому возрасту, не имеет надлежащей точки опоры даже в своих руководителях — профессорах, ибо все чаще раздаются голоса, утверждающие, что корень зла в «профессорской забастовке». «Профессора первые забастовали!» — торжествующе возвещает завзятый и многострадальный забастовщик своему колеблющемуся и необстрелянному товарищу. «Значит надо и нам бастовать», соглашается застенчивый юнец, но если он принадлежит к редкой разновидности «занимающихся», где-то в уголке сердца что-то шепчет ему, что он покривил душой, нарушил свои обещания и уклонился от своего главного и наиболее важного долга — учиться, чтобы быть полезным и сведущим членом общества, которое он хочет облагодетельствовать. Добросовестность подсказывает ему, что ни он, ни 0,99 его товарищей не постигают хорошо, чем отличается конституция от бюрократического произвола. Он помнит, что читал еще недавно, как дрались депутаты в парламенте, убеждая друг друга кулаками в качестве самого лучшего доказательства, а в свободомыслящей стране организовано шпионство за верующими христианами и воздвигнуто гонение на них, как «в древности». Он из Иловайского¹ знает, что некогда было тоже нечто «очень хорошее» — народовластие; вече, великая хартия вольностей, земский собор и французская революция, словно окрошка, перемешались почти во всех головах с зажигательными воззваниями, прочитанными украдкой на уроке латинского языка и так «интересно взволновавшими серенькую, будничную гимназическую жизнь, не скрашенную никакими увле-

кающими интересами». Ни о долге перед Родиной, ни о стремлении к науке не раздавалась в душном надоевшем классе ничья страстная, воодушевленная речь. Приходили ежечасно какие-то «чиновники», спрашивали, ставили отметки, что-то объясняли и, очевидно, невыносимо скучали. Скукой были проникнуты их тягучие разъяснения, с поглядыванием на часы, и только на большой перемене из учительской неслись взрывы дружного смеха, слышались оживленные разговоры — ведь там рассказывались анекдоты или пикантные городские новости, веселящие сердца усталых «педагогов поневоле»...

Никаких знаний, никаких положительных идеалов и горячая ненависть к существующему строю или хладнокровная решимость всячески добиться власти и богатства — вот все, с чем выпускают гимназии, за немногими исключениями, своих воспитанников.

Современная расшатанная интеллигентная семья, недовольная, негодующая, всеосуждающая, достойно поддерживала резкости своих юных членов и даже мечтала порой вслух, что детям удастся проигранное отцами дело. Естественно, что оставшимся без руля, компаса и ветрил можно только плыть за теми «смельчаками», которые сулят достижение «блаженной страны» светлого будущего, куда попадают только «сильные душой», но только не путем долгой предварительной работы над собой, а безотлагательной и «беспощадной» борьбой с «препятствиями». Ни отпора этой проповеди насилия, ни критики этих указаний, настойчивых и принудительных, наши юнцы дать не могут, а почва для восприятия шаблона, хорошо обработанная гимназией и семьей, жадно принимает семена «святого недовольства». Забастовщик изготавливается очень быстро: ведь стать в ряды «борцов за лучшее будущее» — это «счастье», так легко достижимое: надо только кричать «долой самодержавие», «да здравствует учредительное собрание», требовать 10 сортов свобод, правда не совсем ясных, и, о верх знаний!

усвоить секрет изготовления вонючей жидкости для усмирения дерзкого рвения тех «отсталых», кто осмеливается думать в наше передовое время, что «университет для науки». Этот «устарелый» взгляд давно уже опровергнут радикальными писателями, льстящими незрелой и невежественной толпе юнцов, воображающих, что хождение с дубинами, красными знаменами и выкрикивание заученных возгласов есть гражданский подвиг, великое служение делу желанного обновления Родины.

И такое явное заблуждение молодежи вполне понятно. Прислушайтесь к разговорам и спорам студентов — вас поразит бедность идей и полное отсутствие фактических знаний. Они твердо повторяют заученное, усвоенное на веру при чтении прокламаций и воззваний, но это вовсе не нечто продуманное, свое, бесконечно дорогое. Они считают ниже своего достоинства читать сочинения противников исповедуемых построений; впрочем, и творения их защитников обыкновенно покрываются пылью или остаются неразрезанными на полках даже собственной студенческой библиотеки, на которую с гордостью указывают неопытным товарищам. Ведь они не знают даже, что надо сомневаться, чтобы начать думать сознательно, надо страстно желать знать, чтобы самостоятельно углубиться в пучину науки. Зачем же такая мелкая, кропотливая работа, когда надо только взять напрокат, в лучшем случае добросовестно *уверовать* в готовые формулы, повторять их громко, внушительно и настойчиво, чтоб сделаться авторитетом для робкого провинциала из какого-либо медвежьего угла, где еще насаждают «какие-то затхлые, казенные идеалы». И вот студенчество или верит слепо внушаемым кличам, или относится ко всему в высокой степени безразлично, считая, что ради последующих житейских утех, обеспечиваемых дипломами, *надо*, к сожалению, облечься на 4–5 лет в студенческий мундир. И такая среда называется наиболее чуткой к идеалам правды и передовой! Попа-

даются, конечно, самоотверженные убежденные борцы, готовые совершить всякие подвиги и жертвующие собой бескорыстно, но не они составляют «большинство», не они оказываются господствующим типом. Обратите внимание, как много «социал-демократов» на школьной скамье, и спросите себя, куда они потом деваются, так как бородатый социалист у нас редкая птица и обыкновенно состоит в чине не ниже действительного статского советника. Для уяснения причин этого явления припомним картины студенческих нравов и интересов, нарисованные в известной книжке Гегидзе², заглянем в гостиницы, рестораны, отдельные кабинеты и разные притоны, сколько там теперь заседает представителей неучащейся молодежи, которая во всеуслышание объявила себя «взволнованной и потрясенной последними событиями до такой степени, что не может заниматься наукой». Человек, способный кутить, ухаживать, веселиться, играть в карты, очевидно, сохранил достаточно душевного равновесия. Кто же будет настолько наивен, чтобы поверить рассказам «о возмущенном гражданском чувстве» всех тех, кто, словно страусы, прячут свою виновную голову за первый камень, за первую якобы «либеральную» отговорку? Уже теперь раздаются негодующие голоса, подчеркивающие, что и студенты и преподаватели дают уроки вне университета и тем показывают, что пресловутое волнение имеет какую-то таинственную силу сказываться только в стенах университетов и институтов, да и то под непременно условием сохранения — для одних содержания, для других — стипендий и пособий. Значит, откровенно высказывается намерение не нести своих обязанностей, обусловивших и определенные права. Это тоже любопытный показатель высокого нравственного уровня, достигнутого «самыми культурными слоями» невежественной России! «Подавай мне все, а я ничего не хочу делать, пока не выйдет по моему» — восклицают прямые духовные потомки осмеянных нашими

лучшими писателями представителей самодурства, распущенности и лени. Еще «Кит Китыч³ былых времен громогласно провозгласил свои руководящие идеалы»: «моему ндраву не препятствуй» и «слышь, что моя нога говорит». Но такую откровенность он позволял себе в собственном доме или каком-нибудь кабаке. Самодуры-крепостники сладко говорили о великих принципах на людях, а в своих поместьях попирали человеческую личность своих «подданных и от них зависящих». Теперь не то: в храме науки, где должны царить независимые мнения и полная терпимость к иномыслящим, раздается дикое гикание «расшибу» — против всех, кто хочет, чтоб «Кит Китычи» и крепостники нового образца не вторгались со своими «требованиями» в область научной и общественной мысли. Так проповедуется еще более позорное и невыносимое духовное рабство.

Печальные явления эти объясняются прошлым. Государство при Петре погнало царственной дубинкой многих недорослей «в науку» к иноземцам; типы, нарисованные Кантемиром⁴, равно как «Митрофанушки» фонвизинской⁵ эпохи наглядно показывают, как общество относилось к науке. Ненавистникам знания вторит Фамусов⁶, восстающий против книг и считающий «учение — чумою». Даже в воззрениях Льва Толстого на науку слышится явственно отголосок былого пренебрежения к научной работе — это показывает, что «наука для науки» мало понятна нашим широким общественным кругам, а система преимуществ по службе, доставляемых «дипломированным», еще глубже укоренила воззрение на науку как что-то служебное и само по себе не особенно привлекательное. Университеты и институты сделались, в сущности, фабриками дипломов, а потому и учащиеся так легко перенесли нравы и приемы фабричных в великую область научного творчества и углубления в тайны природы и человеческой мысли. Нет в нашем «передовом обществе» благоговейного преклонения перед наукой,

нет священного трепета, который охватывает душу, когда перед ней приподымается покров, скрывающий истину. Ведь всем понятная задача наших университетов, по мнению весьма многих, очень проста — это подготовка «лиц, коим зачтено положенное количество полугодий» к государственному экзамену! При таком воззрении общества у юношей наших дней господствуют превратные представления о настоящих целях научного знания. Всеобщее падение культуры, распространяющейся и ныне очень тонким налетом лишь по поверхности и не задевающей народные глубины, также содействовало возникновению совершенно извращенных требований от высших учебных заведений. А политиканство, прочно водворившееся в их стенах, словно сорная трава на дурно содержимых огородах, окончательно подвергло опасности слабые ростки чисто научной деятельности...

Плоды сочетания ряда указанных условий стоят теперь перед глазами каждого из нас: наши университеты, наши институты, наши академии, получая неподготовленных ни семьей, ни школой питомцев, насчитывающие в среде своих преподавателей немало политиканов известного направления, сделались очагами революционной пропаганды и очень плохо выполняли даже свое (чисто служебное) назначение — дать Отечеству необходимых ему сведущих людей, могущих работать в различных областях нашей государственной и общественной жизни, ибо кто посмеет утверждать, что, за последние годы в особенности, у нас получали дипломы *только достойные*, кто позволит себе отрицать, что позорная система снисходительности к вопиющим пробелам, прямому последствию позорного ничегонеделания и жалкого политиканства, не привела уже к очевидному, многими беспристрастно засвидетельствованному, понижению уровня подготовки и работоспособности наших молодых деятелей на всех полях плодотворной службы Государству и Обществу. Ведь в «интеллигентных кругах»

явственно угасло чувство долга, притупилось сознание ответственных обязанностей, забыто уважение к закону. Правда, очень много страстных речей раздается о «попранных правах», которые всегда вытекают, однако, из честного выполнения обязанностей: без последних нет и первых, а у нас рассуждают совершенно обратно, требуя всяческих *себе* прав и решительно отменяя все обязанности, снисходительно передаваемые другим. *Себе* — наслаждение и власть — «*невежественному народу*» — вечная работа и жизнь по указке новых «крепостников», объявляющих сами себя во всеуслышание «передовыми людьми», «всей мыслящей Россией» и проч. Вот, в сущности, к чему сводится программа сторонников переворота! Наивные люди! Кого они хотят обмануть такими приемами? Всякий знает, что умному человеку не нужно уверять других в своем уме, ибо этот ум признается за ним окружающими на основании поступков, а не его собственных голословных утверждений. Так и действительно «передовыми» признает потомство не тех, кто себя величал таковыми, а тех, кто прозревал будущее и указывал лучшие пути к достижению правды и порядка. Даже всякий школьник знает, что *вся* Россия не может мыслить одинаково, а потому говорить о решении всей мыслящей России способны только круглые невежды и краснобаи, не отдающие отчета в собственных словах, хотя и придающие им безусловное, всемогущее значение. Недаром давно уже было отмечено, что «слишком часто *разговоры* мы рады принять за дела». Это старое заблуждение прочно укоренилось в нашем обществе, где *людям слова* отдают обычно предпочтение перед людьми дела. Вот свежий пример распространенности этого предрассудка: один молодой ученый восторженно описывает «заседание младших преподавателей университета»: «Редко видел я собрание, которое так деловито, спокойно, *умно и красиво* (курсив автора. — *А. В.*) обсуждало свои дела». «С этого заседания я ушел с чувством

величайшей и искренней гордости за тех милых, умных, деловитых людей, которые оказались так безусловно на высоте своего нелегкого положения. Уходя, я думал: «О, поручите этим людям ответственное дело, они работать сумеют». В этом-то и позволительно сомневаться, потому что правление краснобаев, ораторов, адвокатов никогда не приводило страну к прочному благополучию, и беспощадная судьба поспешила опровергнуть радужные мечты словопоклонника: спустя несколько дней печатно было разъяснено, что при голосовании были допущены такие неясности, что одни вкладывали в формулу один смысл, другие — другой. Пришлось иным даже отказываться от своего голоса, данного по недоразумению. Вот и отдайте законодательство и управление страной людям, умеющим говорить «умно и красиво!»

Обратим внимание и на пресловутую «взволнованность», прервавшую правильный ход занятий в наших учебных заведениях. Разве люди дела — правители и законодатели, могут так подпадать влиянию общественного настроения или гнета обстоятельств? Исторические деятели всегда стояли выше их и потому вели народы и общества за собой, а не приспособлялись к так называемому «общественному мнению», которое не так легко установить. Мало того, все истинно ученые люди поднимались выше преходящих временных условий, и научное творчество не связано с определенной формой правления. Россия с благоговением произносит имена Грановского, С.М.Соловьева⁷ и других тружеников на неблагодарной ниве отечественной науки, но ведь эти мужи знания не отказывались от добровольно принятых обязанностей, с сохранением содержания, назначенного за их добросовестное выполнение, хотя имели множество поводов быть «глубоко взволнованными происходящими вокруг печальными событиями». Разве люди 40-х годов были способны уклониться от подачи помощи страждущим братьям, проливающим кровь за честь Ро-

дины, или прервать правильное течение правосудия, задержать освобождение невинно заключенных, затормозить торжество правой стороны? Конечно, нет, ибо они понимали *обязанности* просвещенного, культурного человека, и были людьми в благороднейшем смысле этого слова. Теперь рассуждают так: «зло проявило свою силу, надвинулся мрак — значит, добро должно спрятаться, а все светильники надо погасить». Хорошо же проповедуемое ими «добро», внушающее такие деяния! Прежде рассуждали иначе: «много дурного вокруг — вперед на работу над его искоренением, над устранением причины зла — невежества! Напрягайте же все усилия, чтоб умудренные научным опытом, трезвым словом и подвигом всей жизни высоко держать светоч знания, да светит он, как Божье солнце — и добрым и злым, ободряя первых и вразумляя последних».

Неужели утратили притягательную силу великие заветы властителей дум, звавших на борьбу с царящим в мире злом? Мучительно поднимался вопрос при виде повсеместных безобразий и стадного увлечения тех, кто должен стоять на страже всего возвышенного, великого, истинного, быть хранителями идеалов, а не их добровольными гасителями. В ответ слышались лишь торжествующие крики толпы и унылые вести из храмов науки, запертых «взволнованными жрецами». Но чу, раздались свежие, юные голоса, требующие открытия храмов для совершения обычной работы; к юношам присоединились сохранившие верность научным преданиям их наставники. Минута кратковременного торжества заблуждения миновала; завеса спала с глаз многих, и все шире, все могучее разливается течение, направляющееся в старое русло добрых академических преданий и задач. Русская молодежь оказалась гораздо лучше, чем можно было бы о ней думать, принимая во внимание тяжелую обстановку, среди которой она развивается. Уже целые тысячи открыто сказали, что царству гонителей пришел

конец. Бесстрашно, мужественно, за полными подписями выступают юноши против гнета и насилия как своих товарищей, так и наставников. Не боятся смельчаки ни «черных списков», ни угроз, ни оскорблений. Нравственная победа уже одержана ими, ибо что может сломить силу духа, жаждущего знания? Конечно, гонители прибегают к диким насилиям, но их не боятся, идут на утонченные преследования, на пытки «либеральных застенков», ибо их презирают, а такое настроение сулит полный успех. Конечно, изуверы и фанатики прибегнут к запугиваниям, станут не допускать жаждущих к источнику живой воды; найдутся, пожалуй, такие господа из преподавателей, которым их «убеждения» не позволят облегчить занятия тех, кто дерзнул честно, мужественно заявить во всеуслышание, что хочет работать вопреки насилию и принуждению. Но спрашивается, как поступили бы гг. революционеры, если бы власть была в их руках и сторонники, положим, восстановления самодержавия позволили бы себе устроить забастовку со всяческими обструкциями с целью осуществить свои политические идеалы? Будьте покойны — меры были бы приняты самые крутые и быстрые — профессора «неподобающего направления» были бы лишены права преподавать; учебные заведения закрыты; ученики уволены. Ведь именно так поступил еще на наших глазах радикальнейший Комб! И такой образ действий был бы встречен либеральной печатью с таким же одобрением, с каким она приветствовала меры этого расстриженного ренегата против конгрегации, в школах которых французское юношество получало несоответствующее видам правительства воспитание. У нас же в учебных заведениях не только несоответствующего, но и просто никакого воспитания нет. Допустить же, чтоб невоспитанные, необразованные, не достигшие даже, по большинству конституций, гражданского совершеннолетия юноши предъявляли политические требования правительству,

своему прямому начальству, грозили своим наставникам и товарищам карами, убийствами, — возможно только при полной анархии...

Благоразумное общество и правительство обязаны поддержать желающих работать и исполнять свой долг. Пусть поначалу откроется хоть один университет или институт, куда можно перевести всех студентов, желающих заниматься, и профессоров, готовых исполнять свой долг и перед наукой и перед Родиной. Это сосредоточение имеет большой смысл, ибо такие учебные заведения с идейно объединенным составом учащихся и учащихся, преданных своему прямому делу, скоро завоеуют всеобщее уважение со стороны русских людей, которые будут знать, куда отдавать своих детей, чтоб из них вышли честные граждане, а не забастовщики и политиканы. Теперь же, сколько родителей скорбно думает о дорогих существах, испытывающих позорное гонение за желание учиться и лишенных права на свободный умственный труд, после того как больше 40 лет тому назад было призвано Державной властью Божье благословение на свободный труд нашего крестьянина.

Освобождение нашего юношества от ига гонителей смело можно поставить рядом с великим делом 19-го февраля 1861 г. Будущее России зависит от подрастающих поколений, и их надо освободить от рабства иноземным влияниям, дать им настоящее знакомство с Отечеством, зажечь огонь любви к Родине и желания отдать свою жизнь ей в услужение ради водворения правды и наряда в ее обширных пределах не путем кровавых переворотов, а верным следованием по пути, проложенному предками. Нет той силы в мире, которая сломала бы 100-миллионный русский народ, вооруженный христианским просвещением, сознающий свое национальное призвание и преданный своему историческому укладу и Самодержавному Вождю! Зато небрежение великим делом просвещения грозит неописуемыми бедами, ибо гонители и

«делатели голов», располагая страшной властью над покорными стадами своих духовных рабов, дождутся тогда своего торжества: придет пора, когда по зову природы сойдут в могилу ныне действующие поколения и на их смену явятся... теперешние «забастовщики». Легко понять, чьи идеалы *тогда* будет проводить эта многочисленная рать недовольных и озлобленных. Необходимо создать ей идейный противовес, оздоровив нашу школу, и это самая важная и самая неотложная наша задача рядом со стремлением к победе над японцами.

НУЖЕН ЛИ РОССИИ ЗЕМСКИЙ СОБОР?

В настоящее время всюду идут толки о «земском соборе»¹: его выдвигают теперь не только «правoverные славянофилы», но и так называемые «либералы» склонны усматривать в нем наилучшее средство для устранения переживаемых неурядиц. Даже крайние и непримиримые противники существующего строя, следуя заветам Нечаева² и Желябова³, кричат о созыве земского собора в надежде на быструю замену его «учредительным собранием» — знаменосцем «русской революции».

Вполне разделяя славянофильское учение о необходимости тесного общения между Царем и народом, считаю, однако, требованием научной совести высказаться против извлечения из могилы отжившего свой век учреждения. Оно, как и всякое другое, было плодом взаимодействия 1) определенных идейных представлений, 2) своеобразных экономических условий и 3) данной исторической обстановки. Бесспорно, наше воображение и теперь может рисовать себе величавую картину совещания Царя и земли по вопросам первостепенной важности; наше чувство умиляется от мысли о единении между Державным Вождем и его преданным народом, смело говорящим, устами своих выборных, о своих нуждах и пожеланиях. Но холодный разум замечает, что прошлого не вернешь: теперь другие времена, и «археологическое учреждение» имеет научную ценность, но не житейскую.

В самом деле, земский собор действовал в ту пору, когда «русское царство» было едино по своим верованиям, когда мировоззрение верхов и низов общества было

одинаково. Самодержец был «Помазанником Божьим» и «Государем» по единодушному представлению всех своих подданных. Ни иноверцы, ни инородцы не имели в Московском государстве ни сплоченности, ни влияния на ход событий, не засаривали русскую мысль сложным налетом особых политических идеалов и чуждых общественных понятий.

Спрашивается, есть ли у нас теперь такое духовное единство, каким мы обладали прежде? Нет и тысячу раз нет! Русский мир утратил его и раскололся на множество слоев; появились между кровными русскими людьми неверующие, свободомыслящие, безразличные и всевозможные сектанты; иноверцы и инославные насчитывают несколько десятков миллионов своих представителей в русской семье. Христианская идея «домоправительства Божьего», лежащая в основе земского собора, теперь не может объединить его членов.

Разве мыслимы теперь такие единодушные речи на соборе: «Тебя убо, превеликий Государь, не по человеческому единомышлению, ниже по человеческому угодию предъизбра, но по праведному суду Божию сие царское избрание на тебе, Великом Государе возложи... *Не мы* сей подвиг сотворихом, но Пречистая Богородица с великими чудотворцы возлюби тебе и святую волю Сына Своего и Бога нашего изволи исполнити на тебе Государе нашем».

Разве недостойный пастырь, обагренный кровью обманутых им овец, от лица духовенства скажет: «В том Его Государская воля, как Его, Государя, Бог вразумит, а наша должная за него, Государя, Бога молить, о том советовать нам не пригоже»?

Разве современные бюрократы способны убежденно исповедать: «Ведает Бог да Государь наш, как ему Государю Бог известит»?

Разве все наши земцы и дворяне могут чистосердечно повторить такие слова: «Ведает Бог да Государь; как

ему, Государю, годно, так и нам, холопам его, кажется, что за то за все пригоже Государю стояти, а наша должная, холопей его, за него, Государя, и за его Государеву правду служить ему, Государю своему, до своей смерти)?

Кто, допросив себя, ответит за всех утвердительно на поставленные вопросы? Конечно, ни один правдивый и честный человек, сознательно относящийся к действительности, не способен сказать на них «да», когда почти все мнимо передовое общество кругом громко кричит «нет»!

Этого мало. Верования, наложившие отпечаток на весь ход былых соборных совещаний, шедших по церковным образцам, ярко сказались и на способе выработки окончательных постановлений. Культ большинства, исповедуемый у нас почти всеми, не находил поклонников на соборах: решение было «общим советом всех», «общим согласием всех чинов Московского государства людей», т. е. единогласным или даже «единомысленным», как говорят памятники. Нет подсчета голосов, нет большинства и меньшинства, но выработанное общим соглашением решение подносится Царю не как «воля народа», а как почтительное челобитье.

Вот наиболее выпуклые черты, свидетельствующие наглядно, что идейная подкладка земских соборов совершенно отличается от господствующих в нашем «образованном обществе» представлений и идеалов.

Изменились и экономические условия: московская Русь была в пору земских соборов страной земледельческой, занимала пространство приблизительно с одинаковыми хозяйственными условиями. Торговля и промышленность были развиты сравнительно слабо; ввоз иноземных товаров и вывоз русских не достигали значительного развития. Поэтому экономическое единообразие не вызывало расчленения населения на борющиеся на экономической арене классы, достигшие ясного сознания общности и обособленности своих

интересов. Участие крестьян на земских соборах было только случайным, но достигается ли умиротворение страны, если на земском соборе наших дней будут решать большинством голосов экономические вопросы *без крестьян и рабочих* — самой многочисленной части населения, но и совершенно не привыкшей к организованной защите своих кровных интересов словом и голосованием? Интересы различных заводчиков и фабрикантов, в значительной степени, вдобавок, иностранцев или инородцев, наконец, русских, закабаленных иноземным капиталом, ставились у нас на первое место в ущерб сельскому хозяйству — главной все еще основе благополучия многомиллионного русского народа. Голос последнего почти не слышен, тогда как промышленники громко кричат о «своих нуждах» и предстанут во всеоружии на замышляемом соборе ярыми ратоборцами *своих* выгод. Они хотят играть политическую роль подобно западноевропейским собратам, и даже в час общенародного бедствия отделяются, по своекорыстным расчетам, от простых русских людей, несущих последние гроши на общерусское дело — войну с внешним врагом. Народ, не испорченный «новыми учениями», хочет облегчить бремя войны государству и дает обильные жертвы. Наши же капиталисты и их литературные приспешники хотят воспользоваться затруднительным положением России и напоминают своим поведением недостойного сына, требующего под угрозами денег у своей больной матери. Разве столкнутся, при данных обстоятельствах, наши волостные старшины с людьми, вооруженными «последним словом западноевропейской (капиталистической или социалистической) науки»? Ведь они будут говорить на разных языках и не поймут друг друга.

При таких условиях решение большинством голосов приведет только к взаимному недовольству и даже озлоблению, а «единомысленное» решение не может

быть принято при наличии глубокой идейной и социальной розни. Очевидно, что изменившиеся экономические условия также не допускают созвания старинного земского собора.

Против него говорят и исторические данные: наблюдение над жизнью народов свидетельствует, что представительные учреждения разнообразных образцов обязаны своим возникновением, между прочим, наличности определенной культурной обстановки: правительство при безграмотности населения, отсутствии удобных путей сообщения привлекает на свои совещания прежде всего своих собственных чиновников, при помощи которых правит страной. Так было в Средние века во всех западноевропейских странах. Так было и у нас: проф. Ключевский прямо говорит, на основании тщательного изучения состава земских соборов, что правительство на них совещалось со своими собственными органами. Надо было растолковать служилым людям их обязанности, разъяснить волю и намерения правительства, чтоб какой-нибудь изворотливый дьяк не перетолковал все по-своему. При тогдашних сообщениях справка по поводу неясного распоряжения требовала месяцы, и недаром «московская волокита» вошла в поговорку. Привлечение представителей облегчало знакомство населения с правительственными мероприятиями. Общение с людьми из разных мест было выгодно и для правительства, открывая ему нужды края. С этой целью оно и привлекает «добрых и разумных» или «смышленных» людей, с которыми можно было бы поговорить, «которым государевы и земские дела за обычай», а потому способных «уметь рассказать обиды, насильства и разорения». Неужели можно думать, что земский собор XX века ограничится столь смиренными заявлениями, когда на каждом шагу ныне мы слышим «требования», предъявляемые даже безусыми юнцами, чуждыми политической и общественной зрелости?

Естественно, что при тогдашней обстановке государственная централизация требовала представительства как средства для осведомления и целесообразных решений. Но мы далеко ушли с тех пор. Центральное правительство в век телеграфов и телефонов может получить самые скорые сведения о местной нужде и положении дел в крае. Железные дороги и пароходы связывают теперь неизмеримо теснее одну часть света с другой, чем прежде были связаны отдельные области одной и той же страны. Правильно поставленная печать с огромной быстротой и точностью может передать распоряжение правительства в разные углы и своим правдивым голосом указать на все запросы той или иной общественной группы или местности. Вдобавок, население увеличилось, количество «представителей» возросло до сотен и тысяч человек; выборы и содержание их стоят огромных денег, отрывают население от производительного труда, вносят страстную избирательную горячку, подкуп и позорную торговлю голосами. Постановление случайно образовавшегося и иногда совершенно ничтожного по численному перевесу большинства не удовлетворяет справедливым стремлениям меньшинства, и в качестве последнего неотразимого доказательства пускают в ход кулаки, трости, зонтики, чернильницы, прибегают к забастовкам. Всюду парламенты наглядно проявляют все отрицательные свойства толпы и принимают противоречивые и опрометчивые решения.

Неудивительно, что сознание несоответствия представительного правления изменившимся культурно-историческим условиям крепнет у мыслящих людей, которые осуждают парламентаризм и уклоняются от участия не только в управлении, но даже и в выборах. Уже теперь все чаще раздаются мужественные и убежденные голоса, что полное крушение парламентаризма — вопрос недалекого будущего.

Зачем же нам прибегать к этому непригодному и неповоротливому орудию, которое скоро найдет свое упокоение на историческом кладбище, ибо наука и экономика уже выкопали могилу этому одряхлевшему детищу иной эпохи, иных культурных условий, иных экономических и социальных отношений? Историческая обстановка Московской Руси, отрезанной от мирового общения и поглощенной упорной борьбой с врагами, грозившими самому ее существованию, далеко отличается от современного положения, занятого в международной семье разноплеменной империей, охватившей шестую часть суши и составляющей положительно особый мир. Разве можно управлять им при помощи такого первобытного учреждения, как земский собор? Уроки истории явственно предупреждают, что для существования государств, подобных Русскому, необходимо объединяющее и сильное Правительство, способное принять целесообразное решение и привести его к исполнению, стоящее выше партий и племенных счетов, т. е. Самодержавие, не стесняемое призраком неосуществимого народовластия и выродившимися представительными учреждениями. Конечно, России необходимы некоторые изменения в существующем положении вещей. Например, нам были бы весьма полезны голоса сведущих людей*, приглашенных в Государ-

* Прежде при меньшей сложности жизни «представители народа» могли играть роль «сведущих людей» при выработке путей к удовлетворению разнообразных нужд. Теперь требуются особые знания ряда обстоятельств, отменных в каждом данном случае, напр. условий мирового производства, обмена товаров и пр. Откуда же большинство «депутатов» может взять эти обширные и настоятельно необходимые познания? Ведь «избранник народный» не энциклопедист на все руки и сознательно может голосовать только по ограниченному кругу вопросов; сплошь и рядом ему приходится брести по стопам вожаков. Какой же смысл в «учреждении», отражающем, очевидно, мнение случайных «сведущих людей»? Несравненно полезнее привлечь их в большем и по возможности разностороннем составе, так, чтобы и меньшинство, скажем сахарозаводчиков, имело своего представи-

ственный Совет при обсуждении вопросов, по которым они оказываются «знатцами», как говорили в старину. Нам нужно хорошо и прочно поставленное местное самоуправление, освобожденное от излишней бюрократической централизации, честная, обслуживающая интересы страны печать и право доводить при посредстве челобитных до Престола назревшие нужды отдельных местностей и групп населения, равно как возможность обличения и жалобы на Высочайшее имя по поводу административного произвола, порой допускаемого сильными мира сего, прекрасно умеющими и в конституционных государствах угнетать слабых и строить на их трудах здание собственного благополучия.

Общественная справедливость поэтому нигде не водворена конституционализмом. Во что бы то ни стало желая перевезти к нам этого полуживого больного, прибегают к такому окольному пути, как извлечение из гроба покойника, искусственно воскрешают земский собор с целью умертвить его снова и заменить западноевропейской конституцией!

Это такое рабство мысли, такое падение самостоятельности, такое общественное ослепление, с которым необходимо бороться каждому посильным раскрытием истинного положения вещей и указанием нелепости затеваемого созыва земского собора. В свое время он честно послужил на благо родной земли, помог Царям укрывать язвы и болезни, терзавшие Русь. Но эти бесспорные заслуги не дают ему право быть всеисцеляющим средством; при иных обстоятельствах даже лекарство оказывается смертоносным снадобьем, тем более надо опасаться вырытого из могилы мертвеца, который

теля при пересмотре, например, вопроса о нормировке, чтоб противники университетской автономии и ее защитники имели возможность отстаивать свою точку зрения в Совете. В парламентах, наоборот, заводчики случайно могут решить, например, университетский вопрос и т. д.

трупным ядом бесспорно заразит живое тело и без того болеющей России.

Наш поэт недаром говорит:

«Спящий в гробе мирно спи —
Жизнью пользуйся живущий»⁴.

Для пользования ею надо проявить творчество, открыть простор самобытным дремлющим русским силам, а не прибегать к искусственному воскрешению давно истлевшего могильного праха. Не дряхлые или даже мертвые учреждения, а удовлетворение назревших народных нужд принесет России желанное успокоение. Новые исторические условия требуют и новых путей к осуществлению того общения между Самодержавным Царем и его народом, которое является первым условием водворения правды и наряда на Св. Руси, устройства ее на незыблемом основании, созданном многовековой работой длинной цепи поколений. Не годится вливать новое вино в старые меха. Нет надобности и строить только по известным образцам: изменения в мире идей, перемена экономической обстановки, широкий мировой размах современного положения России взывает к созидательной, преобразовательной и дружной общественной работе, а не к бесплодным спорам о достоинствах археологических, ископаемых учреждений, отживших уже свой век.

РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ (ОТВЕТ Г.А. ШЕЧКОВУ)¹

Милостивый Государь!

Поместив Ваше письмо ввиду важности затронутых в нем общественных вопросов, я принял на себя обязательство дать свои разъяснения. В них совершенно устраняется личное препирательство, так как всякому внимательному читателю статьи «Мертвое учреждение» видно, что она представляет собой не «возражения», как ошибочно Вы думаете, а «простые замечания» по поводу доклада Вашего «Истинное значение земских соборов». Замечания эти выражают личный мой взгляд на восстановление былых земских соборов.

Подобно Вам и многим другим, я признаю, что «земский собор» возможен только на почве соборности, но в отличие от Вас полагаю, что ее теперь нет в нашей общественной и политической жизни, а потому «земский собор» прежнего типа невозможен. Вот моя основная мысль, проводимая в статье «Мертвое учреждение». Следовательно, сторонник созыва теперь «земского собора» должен привести доказательства, что соборность действительно существует, напр. при полном упадке прихода, несоблюдении ряда канонических предписаний соборной церкви, упразднении поместных соборов, забвении даже самого ведения общественных дел соборне в наших самоуправлениях и т. п. Если отлетела душа — остается труп, вот почему созыв «земского собора» при отсутствии соборности уподоблен мной стремлению вырыть из гроба мертвеца. Отсюда ясно, что «императорский земский собор» не только будет *по внешности* не походить на земский собор царского пе-

риода, но будет противоречить ему *по духу*, ибо мировоззрение участников очевидно иное, а «это все очень касается принципиальной стороны дела»: поступки людей обуславливаются их верованиями, их представлениями о должном, справедливом, желанном. Неужели можно полагать, что только по внешности отличается от прежних теперешний (мнимо) «земский собор», где будут заседать «представители», «чуждые нам по вере и крови», вместе с «образованными русскими», отпавшими от православия и желающими «конституции», а, может быть, и республики? Само собой понятно, что такое идейное противоречие с настроением участников былых соборов должно отразиться на деятельности нового учреждения, которое под старой вывеской будет работать в совершенно ином духе, в зависимости от «большинства», а не от «единомыслия». Разве не служит вещим предзнаменованием настойчивая проповедь недопущения крестьян в новый собор: ведь ясно, что наши передовые космополиты и республиканцы боятся их «отсталости», не хотят, чтоб они сами довели до Царя свои нужды и пожелания, навязывают им «представителей», оторвавшихся от родной почвы.

Наше время имеет свои особенности, выдвигает свои запросы, кои и должны быть учтены и удовлетворены — не заимствованными учреждениями, все равно, современными западноевропейского или старыми русского образца, а *новыми*, ибо каждое учреждение имеет свое назначение, вытекает из известных условий и исторической обстановки. Поэтому необходимо *творчество*, необходимо создание своего, более совершенного, чем соседское, или свое собственное, но сделавшееся ныне неподходящим; ведь на взрослого человека все равно нельзя надеть платья, которое он носил, будучи ребенком или даже юношей, а, скажем, английский «смокинг» будет смешон на нашем крестьянине, да и не подойдет к нему по своей дороговизне.

Нельзя также утверждать, что «эти новые формы» *сами собой* неминуемо выстроятся по готовым образцам «парламентского типа». Такого стихийного создания учреждений история не знает, ибо они *«сами собой»* нигде не возникают, но воплощают известные замыслы различных государственных людей, являются плодом деятельности целых поколений, вдохновляемых поисками лучшего. Только под условием признания России «тысячелетней обезьяной», только заранее решив, что всякое творчество у нас иссякло окончательно, можно высказать подобное, ни на чем, впрочем, не основанное положение. Конечно, если «земский собор» будет составлен по рецепту известной партии, рабски поклоняющейся Западу, то мы получим парламент, который полетит кувырком пред проявлением подлинной народной воли, ибо народ не удовлетворится ограничением власти Царя ради получения тысячи маленьких «носителей Его суверенной власти». На феодальном Западе политическое представительство понятно, а у нас могут быть только ответственные выборные, лучшие люди, на коих, по призыву Царя, возлагается великое бремя — устройство правды и наряда. Весьма любопытно, какие суверенные права будут представлять у нас, напр., гг. еврейские депутаты, очень желающие «володеть и править» нами, русскими? Пусть построят *свой дом* и живут в нем по своему обычаю, но в нашем доме распорядок будет зависеть от нас, русских, если только мы действительно не оказываемся народом, годным лишь для одного удобрения, если жалкое подражание не наш горький удел.

Но мощь русского народа проявилась в нашей литературе, музыке, искусстве, науке, и будущее за нами, раз правильно будет решен злополучный вопрос, являющийся вторым поводом к разногласию между нами, — вопрос национальный.

Не могу я согласиться с Вашим мнением, будто «Россия для русских» противоречит девизу «Правосла-

вие, Самодержавие и Народность», «обеспечивая развитие только одного национального начала в ущерб прочим двум». Прежде всего «Россия для русских» вовсе не является, как я имел честь вам заметить при обсуждении доклада «Наше знамя», «формулой беспринципного национализма». Подобное понимание решительно никем из сознательных националистов не разделяется: дело в том, что идеалы Православия и Самодержавия нуждаются для своего проведения в жизнь в реальном начале — народности. Русские по своему складу, чуждому мелкой исключительности, наиболее восприимчивы к широким идеалам истинной Христианской Веры и великим задачам Самодержавия, поэтому формула «Россия для русских» обозначает собой, что Россия должна служить осуществлению этих, сродных исконным особенностям русского племени, начал, а не каких-либо чуждых. «Россия для русских» требует, чтоб русский человек получил простор жить по своим заветным представлениям, а не по навязываемым зарубежным образцам, а это мыслимо только тогда, когда русские снова сделаются действительными хозяевами своего дома — России, когда забравшие себе все лучшее инородцы будут поставлены на свое место, когда от их упорных и наглых посягательств будут навеки защищены наши дорогие святыни — Православная, Соборная и Апостольская Вера и «истинное Самодержавие». Отстаивая эти творческие начала, мы работаем не только для своего народа, но и для всего человечества, ибо настанет время, когда подлинная природа их будет понята не только нами, порой недостойными их носителями, но и всем миром. Великая терпимость, уживчивость, незлобливость русского человека представляются качествами, кои не допустят восторжествовать у нас узкому, исключительному национализму. Будущее сулит не истребление национальности во имя космополитизма, а ожесточенную борьбу за существование между различными великими народностями. Русские же по особенно-

стям своего народного характера оказываются примирителями двух крайностей: беспочвенного космополитизма и замкнутого в самодовольстве национализма. Братство народов, сохраняющих свое «я» во имя служения высшей истине, является заветом правильно понимаемого сознательного национализма. Если в пределах России оно будет осуществлено раньше, чем где-либо, то это будет воплощением понятия «великая семья русского народа», в состав коей, как члены, войдут и наши инородцы и иноверцы, под условием признания ими наших святынь и сохранения за собой их внутренней свободы, поскольку она не противоречит благу целого.

Этот идеал справедливее и осуществимее, чем пагубное стремление к отвлеченному общечеловечеству, вытравливающее драгоценные национальные особенности, являющиеся самостоятельными путями в Царство истины и Добра.

Стало быть, на мой взгляд, положительно нет никаких оснований для возведения на Русское Собрание тяжкого обвинения в измене своему идейному знамени: надо только правильно понимать и содействовать распространению правильного понимания формулы «Россия для русских». Примирение народности с общечеловечеством, синтез космополитизма и националистических начал — великая задача грядущего, в разрешении коей русским, «народу-богоносцу», по чаянию Достоевского, будет принадлежать главная роль, ибо способность к пониманию других, перевоплощение в других — наша национальная черта, заслуживающая справедливой оценки.

Непонятно, наконец, как, отрицая формулу «Россия для русских», можно утверждать, что «только ограждение себя от космополитизма может спасти нас от обезличения». Неужели это ограждение будет достигнуто исповеданием девиза: «Россия для инородцев», неужели эти инородцы воплотят чуждые и непонятные им идеалы Православия и Самодержавия?

Нам дорога русская Россия, как самое совершенное орудие для отстаивания наших святынь, для сохранения на благо всего человечества великих наших идеалов, как единственная возможность подготовить в дали веков их полное торжество. Вот почему «Русское Собрание» и призывает своих соотечественников к всестороннему развитию хороших национальных задатков, к борьбе с национальными нашими недостатками, — беспечностью, ленью, уклончивостью от выполнения своих гражданских обязанностей; ведь благодаря именно нашему ничегонеделанию да политиканству и пошло у нас все вкось да вкривь на радость иноплеменников и их прислужников. Исповедуемый нами принцип не сеет вражду, но служит простой справедливости; ибо ключи от русского дома должны быть в русских руках, русское юношество должно получать национальное воспитание, русский человек — освободиться от гнета иностранщины, а все это даст только «Россия для Русских». В заключение позволяю себе выразить надежду, что наше разномыслие послужит разъяснению истины, и прошу принять уверение в моем глубоком уважении.

ИДЕАЛЫ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ. Является ли «Русское Собрание» противником всяких преобразований?*

Многочисленные нарекания и клеветы, в изобилии распускаемые о «Русском Собрании» и его целях нашими ожесточенными и пренебрегающими правдой врагами, снова заставляют обратиться к уяснению основных наших задач, дабы не соблазнилось сердце «единого от малых сих». Да и как не соблазниться? В некоторых газетах настойчиво уверяют, что «Русское Собрание» хочет во что бы то ни стало «повернуть назад колесо истории»; другие прямо утверждают, что наши тайные замыслы имеют в виду добиться «восстановления крепостного права»; третьи с пеной у рта доказывают, что мы натравливаем проповедью националистического человеконенавистничества одну малоразвитую часть населения на другую, «более культурную» и «передовую»; четвертые приписывают нам даже руководство уличными бесчинствами и выдают нас за вождей «черной сотни»; пятые считают нас «правительственными шпионами», которые предают «борцов за освободительное движение», будучи сторонниками «вечного застоя», «косности», «народного невежества», «всякого произвола и насилия, производимого с целью укрепить господство бесправия»; шестые твердят, что существующие порядки мы считаем наилучшими в мире, а потому и выступаем сознательными и непримиримыми противниками всякой попытки к

* Речь, произнесенная на чрезвычайном заседании Харьковского Отдела «Русского Собрания» 7 января 1905 года после прочтения известия о милостивом приеме Его Императорским Величеством членом «Русского Собрания».

улучшениям... Впрочем, всех измышлений и упреков не перечислишь, но и приведенные обвинения несомненно показывают, что правильное представление о «Русском Собрании» все еще не проникло в общественное сознание. Однако каждый беспристрастный человек согласится, что отвергать любое изменение в данном положении вещей можно только или выступая поборниками начал, осуждающих всякую перемену, в корне отвергающих необходимость улучшений по своей глубокой враждебности к дальнейшему движению вперед, или полагая, что достигнуто уже воплощение известных высоких, заветных идеалов, совершеннее коих не может быть ничего на земле.

Итак, «Русское Собрание» действительно окажется противником всяких преобразований, 1) если будет установлено, что те идейные начала, кои оно исповедует, сами по себе решительно осуждают стремление к лучшему, 2) если докажут, что оно признает уже осуществленными известные идеалы, коим служит, считая их всесовершенными: ведь «от добра добра не ищут».

Неоднократно было разъясняемо, что членов «Русского Собрания» объединяет исповедание верности Православию, Самодержавию и Народности. Стало быть, надо, прежде всего, установить отношение этих руководящих начал к общественным улучшениям.

Христианство поставило перед человечеством идеал высшего личного всесовершенства, ибо Спаситель заповедал: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф. 5, 48); св. Апостол* также наставляет в необходимости «быть совершенными во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1, 4). Но евангельские заветы не ограничиваются указанием на обязательность стремления к высочайшему идеалу всесовершенной личности, ибо недаром ежедневно во всех христианских храмах звучит пламенное прошение Господней молит-

* Ср. Кол. 4, 12; Еф. 4, 13; 2 Тим. 3, 17; 1 Пет. 2, 9.

вы: «Да придет царствие Твое!» Недаром всем христианам завещано самим Господом: «ищите же прежде царства Божия и Правды Его (Мф. 6, 33; ср. Лк. 12, 31). Под царствием же Божиим Св. Отцы разумели совершенный общественный строй, который должен дать всему человечеству вожделенный «мир» и водворить на земле торжество высшей правды*. Само собой понятно, что религиозное учение, ставящее перед людьми такой высокий личный и общественный идеал, является непримиримым врагом всякой косности и мертвящего застоя. *Все христиане* даже обязаны не довольствоваться достигнутой степенью совершенства, но неустанно стремиться к большему распространению евангельской истины и проведению ее заветов в нашу жизнь. Тем больше усилий для их осуществления могут и должны прилагать православные, ибо православие сохранило в идеальной чистоте безусловную истину соборной и апостольской церкви: оно одинаково далеко от двух противоположных крайностей, представляемых католичеством и протестантством. Первое выдвигает начало полного подчинения авторитету непогрешимого первосвященника, обладающего якобы всесовершенным знанием истины, а потому требует от отдельной личности отказа от духовной самостоятельности, ведущего к превращению человека в своего рода «труп» (*cadaver esto*), вследствие чего и воспрещает мирянам даже чтение Библии. Второе слишком широко раскрывает двери личного разума, предоставляя каждому свободу не только читать, но и толковать по-своему Св. Писание, равно как умалляет значение добрых дел для спасения. Православие же оставляет за своими сынами нравственную свободу и ответственность, осуждая индульгенции, разрешая и поощряя самостоятельное углубление в Св. Писание. Но

* Подробнее см. «Признаки божеского царства по творениям бл. Августина, Льва Великого и Григория Двоеслова». Жур. Мин. Нар. Просв. 1901 г. № 3.

признавая недостаточность единичных усилий и способностей отдельного человека для правильного восприятия боговдохновенной истины, Церковь Православная выдвигает обязательность соборного понимания, установленного совместными усилиями верных, и указывает на творения Св. Отцов как на источник для проверки и исправления заблуждений, в которые обычно впадает недостаточно сведущий и не изошрившийся в богословствовании ум заурядной и даже выдающейся личности. Равным образом, от православных требуется не душевное самоудовлетворение, достигаемое сознанием своего правоверия, но неустанный подвиг жизни по вере, следуя завету апостольскому: «вера без дел мертва» (Иак. 2, 20 и 26). В области общественной католичество неуклонно стремится к подчинению государства велениям папы, тогда как протестантство допускает главенство светского государя в жизни церкви: так, императрица Виктория¹, равно как ее предшественники и преемник, являлась главой англиканской церкви; Вильгельм², как и другие протестантские короли, держит церковь своей страны в подчинении. Православие, наоборот, открывает перед государством полную самостоятельность в его области, «воздавая Кесарево Кесареви», но и от царей требует, чтоб они воздавали «Божие Богови», помня, что представитель власти есть лишь «*Божий слуга*», «отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13, 4).

Широта и безусловная истинность православного учения, его превосходство над всеми другими христианскими исповеданиями в настоящее время признаются всеми беспристрастными исследователями Запада. Этого мало: на наших глазах возникает мощное стремление к воссоединению с Православием, ибо старокатолики³, англикане, некоторые американские религиозные общины тяготеют «к восточному христианству», истинность коего все неоспоримее подтверждается ростом научного изыскания, опровергнувшего окончательно множество

мнимых открытий «свободомыслящих исследователей». Достоверность евангельских рассказов, раннее возникновение христианской письменности, важность и значение предания делаются в ученом мире общепризнанными, и грядущее готовит, благодаря точной науке, великое торжество Православия, которое никогда не осуждало научной пытливости, по глаголу апостольскому: «все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5, 21); «Исследуйте писания» (Ин. 5, 39) — вот великий завет, оставленный нам воплощенной истиной, налагающий на нас обязанность самостоятельного усвоения христианского учения и жизни, согласной с его высоконравственными предписаниями. Поэтому исповедание Православия, как руководящего начала, не может привести ни к проповеди грубого насилия, человеконенавистничества и вражды, ни к стремлению насадить невежество, грубость и рабство мысли в стране, издавна православной, именующей себя «Святая Русь». Ведь история красноречиво говорит, что народы, воспринявшие христианство, делались культурнее, человечнее и способнее к дальнейшему движению. Церковь была великой воспитательницей народов, рассадником образованности и хранительницей наследия древности. Вся наша литература держится на подвиге свв. Кирилла и Мефодия; благодаря нашему духовенству мы сохранили своеобразие, отбились от кочевников, татар, поляков, Запада. Православие создало наше Отечество и ныне хранит его.

Но, быть может, зиждущей и вечно обновляющей идейной мощи христианства служат помехой, искажающей все доброе и хорошее, два других начала, начертанных на знамени Русского Собрания?

Наиболее ожесточенные нападения и обвинения направляются, как известно, против Самодержавия, якобы «сделавшегося ненавистным для всех мыслящих людей» и вызывающего-де «презрение всего мира к России, обладающей столь отсталой формой государственности».

Нет той хулы, нет того проклятия, какое не извергалось бы ныне на головы сторонников Самодержавия, но самое их существование оказывается явлением знаменательным и способным возбудить пытливость беспристрастного и самостоятельно мыслящего человека. В самом деле, очень трудно примирить справедливость обвинений, возводимых на Самодержавие, с безусловной ему преданностью, обнаруживаемой как в прошлом, так и в настоящем людьми независимыми, стойкими и образованными, мыслителями, поэтами, писателями, государственными и общественными деятелями, чуждыми корысти и честолюбия.

Идеал христианского Самодержавия действительно может покорить многих своей нравственной высотой. Как Божий слуга, Самодержец на своих плечах выносит тяжкое бремя власти, облегчая другим заботы о вечном спасении. Его обязанность — водворение правды и наряда, укрепление мира, защита слабых и бедных; он должен поддерживать единство и чистоту веры, проводя в жизнь соборные и канонические постановления, но отнюдь не навязывая верующим свои новшества, всегда вызывавшие их отпор. В качестве справедливого посредника он воздает каждому должное и своей закономерной властью отстаивает общее благо своих подданных. Это не деспот, руководящийся личным усмотрением и своекорыстным интересом, это не абсолютный монарх, признающий себя первым слугой народа, но совершенно не считающийся с народными воззрениями, это — «от Бога пристав», по меткому русскому выражению. Он служит не преходящим целям земным, но надмирным, ибо он руководится не изменчивой волей народа, а заветами вечной правды. Христианство поняло, что закон сам по себе не может привести к совершенству (ср. Евр. 7, 19 и 10, 1), что только личность, чутко прислушивающаяся к голосу совести, может восполнить односторонность, сухость и суровость его предписаний. В качестве устроителя мира, поборника

правды, примирителя борющихся слоев населения Самодержец, просвещенный немеркнущим светом Евангелия, стоит бесконечно выше мятущихся народных представителей, олицетворяющих собой интересы не правды и общего блага, но, в лучшем случае, своих избирателей, а в большинстве только свои собственные. Другое дело, наследственный Самодержец, от рождения стоящий вне партий, выше сословий, неподкупный, обладающий всеми благами и понимающий, что власть не только соблазнительное право повелевать, но и тяжелая ответственная перед Судьей царей служебная обязанность!

Правда, уже языческая восточная древность выдвигает идеал «царя правды», «слуги великих богов», «возвышенного божеством для управления всеми странами», «получившего свыше закон, чтоб право судить свой народ». Идеи греческой философии, столкнувшись в эллинистических государствах с восточными политическими идеалами, дали довольно стройное сочетание самодержавия с самоуправлением, выдвинув тип царя-мудреца, правителя, устроителя социального мира, прекратителя гражданских смут, поддерживающего равновесие борющихся интересов. Миродержавный Рим, оплодотворенный эллинистическими идеями, отчасти осуществил в империи идеал общечеловеческого союза, подчиненного единому властелину, как воплощению закона на земле, насадителю всем желанного мира и поборнику правды, выраженной в общем для всех праве — «писанном разуме». Уже отец истории Церкви, Евсевий⁴ приписывает Римской империи высшее предназначение, идущее рядом с распространением истинной веры: «по небесному Промыслу одновременно проросли два зерна, поднялись над землей и покрыли своей тенью мир — Римская империя и вера христианская, предназначенные объединить вечным согласием весь род человеческий». Лучшие чаяния язычников нашли выражение в христианских императорах, объединивших в своем лице идеи библей-

ских помазанников Божьих, римских народных представителей и просвещенных эллинистических устройств общественного наряда. Идея всемирной империи своеобразно сочеталась с идеей всесветного божеского царства и вдохновляла христианских самодержцев, ставя перед ними совершенно определенные идейные задачи. Римско-византийский император является Божьим наместником, «вдохновляемым божеством в своих великих деяниях» для устройства земного града Божьего. Так смотрели на себя, так понимали смысл своих властных полномочий христианские самодержцы Востока и Запада, образцами коих служат Юстиниан⁵ и Карл Великий, поборники водворения Царства Божьего на земле. Все западноевропейское Средневековье придерживается таких же возвышенных представлений о власти христианских государей, носящей священный отпечаток и стремящейся отстоять чистоту веры, водворить мирный строй и подчинить всех требованиям справедливого закона. Но борьба с папством, широкое развитие феодализма, слабость культурной подготовки варварского Запада, искажив идею, помешали укреплению Священной Римской империи, притязавшей быть Царством Божьим на земле. Восток, несравненно более просвещенный, по-прежнему ставил перед Самодержцем образец царя-мудреца и человеколюбца, стража закона, пополнителя его пробелов и недочетов, нелицеприятного судьи и блюстителя чистоты истинной веры, причем повиновение подданных было обязанностью, пока властелин правит на благо своего народа, на страх всем врагам христианской державы, предназначенной охватить весь мир.

Крушение Второго Рима, еретичество Первого перенесли идеальное предназначение христианской империи на Третий Рим — Москву. Первоначально, подобно варварским королям Запада, наши князья входили в состав великого единого целого — всего христианства (*tota christianitas*) и были своего рода наместниками единого

повелителя Вселенной — православного императора. Поэтому круг их обязанностей теоретически определялся заботами о чистоте веры, водворении мира и отправлении правосудия по «закону святу». Император для них был «святым самодержцем всея вселенная». Идея вечной христианской империи требовала, чтоб самый сильный из православных князей принял на себя обязанности христианского императора, и вот уже Василия Васильевича⁶ называют «боговенчанном православным царем во вселенной», а Иоанна III⁷ «самодержцем, новым царем Константином»⁸. Вся полнота власти римско-византийских божьих наместников переходит к московскому государю вместе с их идейными обязанностями. «Царь, царствуя, почитается совершающим великий подвиг, подвиг самопожертвования для целого народа... Тот, кто берет на себя, на пользу общую, подвиг орудования мечом и тем избавляет миллионы от необходимости к нему прикасаться, конечно по идее (не всегда на деле) подвижник, положивший душу свою за други своя, «больше же сия любви никто же имать» (Ин. 15, 13)... Власть, понятая как бремя, а не как «привилегия» — краеугольная плита самодержавия христианского». «В России ни народу, ни самой власти не было нужды отыскивать для нее высших священных основ, когда она освящалась самим ее призванием, носительницы народной *тяготы*»: «Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов». «Носитель же общей тяготы не сугубо ли исполняет этот закон и этим святится?»^{*}. «Царь для русского человека есть представитель целого комплекса понятий, из которого само собой слагается так сказать «бытовое православие». В границах этих всенародных понятий царь полновластен, но его полновластие (единовластие) — Самодержавие — ничего общего не имеет с абсолютиз-

* Д.Х. Самодержавие (опыт схематического построения этого понятия). Рим. 1899 г. Отпечатано на правах рукописи. Москва, 1903. Стр. 40–41.

** Там же, стр. 42.

мом западнокесарского пошиба. Царь есть отрицание абсолютизма именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной*.

Однако исторический опыт показал, что самодержавная форма правления возможна только у того народа, который почитает наиценнейшими не могущество, не утонченность политической системы, не принцип «обогащения», а свободу быта и веры, свободу жизни, для достижения которой государство только орудие**.

Вот почему на Западе оно выродилось в абсолютизм, затем в конституционализм, ставящие целью существования государства улучшение материальной жизни, которому призваны служить и наука, и просвещение. Восток всегда обладал более глубоким взглядом на смысл жизни, понимая земное существование как ступень к загробному, поэтому задача государства восточного типа — водворением справедливого строя облегчить каждому свободное приготовление к будущей жизни; западный человек ищет власти, восточный уклоняется от нее, как помехи для главного. Но и на Западе идея христианской империи находила множество убежденных поборников: Дант⁹, благородный Ульрих фон-Гуттен¹⁰ оставили творения, проникнутые преклонением перед ее задачами; восстание дворян и крестьянские войны возлагают надежду на императора, что он восстановит попорченную правду; да и доселе во всех странах Западной Европы существуют общественные сочетания, обращающие свои взоры

* Там же, стр. 54. Вот глубоко верная и проникновенная характеристика особенностей нашего Самодержавия. Необходимо только иметь в виду, что все-таки оно и западнокесарский абсолютизм имеет нечто общее благодаря христианскому самодержавию первых веков. Глазки одного и того же побега были привиты к разным корням, получились и неодинаковые плоды: на Западе свойства дичка взяли верх, на Востоке прививка нашла более благодарную обстановку.

** Там же, стр. 32.

на христианского монарха как исцелителя общественных зол и примирителя классово-борьбы*. На наших глазах Вильгельм явственно вдохновляется идеалами империи и хочет быть вторым Карлом Великим. Итак, сама по себе идея самодержавия представляется крупной культурной силой, преследующей справедливое решение общественных задач и предоставление каждому должного. Ставя вершителем народных судеб не букву закона, не случайное решение партийного большинства, не личный произвол, а верующую совесть человека, сознающего страшную свою ответственность за благо народа, оно не может, без искажения своей идеи, явиться началом, тормозящим всестороннее развитие. Косность и застой, ненависть и вражда не могут находить поощрение в том, кто обязан вести свой народ к идеалу совершенства, указанному Евангелием, кто должен содействовать водворению на земле мира и правды, предвестников обетованного Божеского царства, которое объемлет весь человеческий род.

Правильно понимаемая идея народности столь же благоприятна здоровому культурному развитию, как и истинное самодержавие. Мало того, только чрез живую силу Народности идеи Православия и Самодержавия получают свое тело, переходят в бытие из мира представлений о должном и желанном. Самое распространение христианства стоит в неразрывной связи с тремя великими национальностями той поры: *еврейский* мессианизм, *греческая* философия и *Римская* империя подготовили мир к восприятию веры в Искупителя народов. Нельзя считать случайностью и тот первостепенный факт, что эллинский дух, всесторонне и широко развитой, изо-

* И. С. Аксаков говорил: «Поверьте, что нашу теорию самодержавия когда-нибудь откроют немцы, изучатся ее правде и глубине, оправдают философски и преподнесут ее нам». Отчасти это сбывается уже в труде проф. и академика фон Марбица, посвященном вопросу о «новейшей монархии».

щренный в философском мышлении, наиболее пытливо искал вечную истину и оказался наиболее способен к совершенному, соборному ее разумению: Православие является драгоценным сокровищем, коим обладают греки и восточные славяне, верные воспитанники византийской образованности; пока ее благотворное влияние имело доступ на христианский Запад, народы германо-романские оставались причастными Православию, но затем, в силу особенностей национальных, романцы усвоили католическое понимание учения Спасителя, а германцы, освободившись от преобладания римской культуры, выдвинули протестантское исповедание с его разветвлениями. Нельзя не усмотреть воздействия национальностей и в великих ересях, напр. монофизитской¹¹, дожившей до нашего времени у *армян, коптов и абиссинцев*, причем церковь каждого из этих народов имеет и свои местные, национальные особенности; равным образом монофелитство¹² и несторианство¹³ имели наибольшую силу в Сирии, где и уцелели до сих пор их обломки.

Таким образом, вечная и совершенная истина воспринималась неодинаково людьми в зависимости от принадлежности их к тому или иному народу. Это совершенно понятно и естественно, ибо каждый народ в своем языке имеет не только готовое мировоззрение, но и способности к дальнейшему углублению в области мысли: на языке дикарей и малокультурных народов вовсе нет множества слов для выражения евангельской истины; само собой ясно, что и понимание таинств веры христианской у них не будет тождественным с эллинским или римским. Наконец, самая формулировка догматов христианского вероучения была сделана Вселенскими Соборами, в состав коих входили пастыри разных стран и народов, исповедавших Христа. Стало быть, соборное сознание восполнило односторонность и погрешности отдельных национальных пониманий. Но сходясь в главном, существенном, Отцы Соборов не искореняли местные особен-

ности, жившие в преданиях и обрядах поместных церквей — «дабы всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Флп. 2, 11), ибо сам Спаситель завещал своим ученикам: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16, 15).

Воздействие национальности могуче сказывается не только в области религиозной, но дает содержание, прелесть и своеобразие всему укладу народной жизни; этого мало: творческому воздействию национальности обязаны своим существованием все великие явления культурной жизни человечества, таковы, например, *эллинская философия, римское право, итальянский гуманизм* и т. п.; в области даже наук точных различаются национальные школы, немецкая, английская, французская и т. д., отличающиеся друг от друга особым тяготением к известному кругу вопросов и излюбленными приемами исследования. Литература, музыка и искусство любого народа служат неопровержимым доказательством отличия его от соседей по мировоззрению, по отношению к природе и человеку, должному и прекрасному. Даже физиологический строй людей отражает на себе принадлежность их к той или иной расе и народу: многие из нас по наружному облику безошибочно определяют англичанина, еврея, немца и т. д.

Правда, в нашем обществе, якобы образованном, идея национальности не пользуется должным признанием, и нам всем навязывают идеалы космополитизма, требуют отречения от Отечества и родного народа, внушают работать над превращением в каких-то «общечеловеков», над насаждением «общечеловеческих порядков и учреждений». При этом забывают, что космополитизм — создание нашего мышления, но не нечто действительно существующее. Мужчину и женщину, старца и ребенка мы с полным правом назовем «человеком», но было бы нелепо стremиться к превращению всех людей в какое-то бесполое и лишенное возраста существо. Далее, кто

определит цвет волос, кожи и глаз, форму черепа, рост и другие приметы «космополита»? Неужели надо перекрасить всех в брюнетов, чтоб достигнуть всеобщего благополучия? Отсюда понятно, что всякий народ должен ценить и любить свое своеобразие, а не стремиться к недостижимому превращению в нечто отвлеченное; кроме того, каждый проповедник космополитических идеалов представляет себе их непременно в какой-либо народной окраске, причем трудно доказать, почему западноевропейские начала должны быть признаны общечеловеческими, а не китайские. Однако вовсе не следует всякий национальный признак возводить в перл создания, ибо всюду люди имеют свои недостатки, и рядом с национальными добродетелями мы имеем и национальные пороки. Но вне национальности нет жизни, нет творчества, нет стремления к идеалу, так как каждый борец за него *думает* на каком-либо языке и тем закрепляет свою принадлежность к какому-либо народу. Следовательно, оставаясь даже наедине с самим собой, человек не может отрешиться от народности, а при общении с другими он и подавно обнаруживает свою принадлежность к тому или иному народу.

Итак, служение идее народности вовсе не связано с ее обожествлением, так как христианство дало нам надежное мерило должного и заповедало стремиться к совершенству по мере своих «талантов». Необходимо развивать их, пускать в оборот, дабы не уподобиться «рабу ленивому и лукавому», необходимо бороться с дурными свойствами своего народа, восполняя пробелы опытом и назиданием других, ибо история учит, что народы вечно находятся в школе взаимного обучения, созидаемой их историческим существованием. Каждый народ вносит в общее дело *свой* вклад, и сознательный националист никогда не станет проповедовать гонения и истребления своих братьев, необходимых ему для дальнейшего поступательного движения. Необъятное дело раскрытия

истины, созидания общественного блага осуществляется медленно, постепенно, и на «урок» каждого выпадает известная, хотя и не одинаково заметная, доля работы, но без простого рабочего ни один зодчий, как бы он ни был гениален, не воплотит своего величавого замысла. Вот почему духовная свобода творческих и благих сил всякого народа должна быть признана прямым выводом из исповедания правильно понимаемых националистических идеалов. Разве можно их поборников объявлять принципиальными врагами просвещения, противниками улучшений единственно потому, что они поняли неосуществимость и непригодность «космополитических мечтаний»? Дружная семья народов, сохраняющих свой духовный облик и своеобразие внутреннего уклада, оказывается единственным двигателем всестороннего просвещения, плодотворно работающим над благом всего человечества, понимаемого как совокупность всех существующих племен, а не безжизненное создание отвлеченных построений теоретиков космополитизма. Это соединение усилий всех народов для достижения единой общей цели — водворения на земле царства правды, указанного Евангелием, придает отменную ценность национальным особенностям, вносящим свою лепту в общее дело. Так благотворный солнечный луч проявляет свои живительные свойства именно потому, что состоит из совокупности разноцветных лучей, выполняющих каждый свою долю работы.

Стало быть, исповедуемые «Русским Собранием» идеальные начала сами по себе не могут превратить их поборников в насадителей вражды, в противников всяких улучшений и всеобщего просвещения, ибо они все *обязывают* своих сторонников к неустанному стремлению по мере сил содействовать торжеству Добра и Истины.

Но, быть может, «Русское Собрание» считает свои идеалы уже осуществленными, отождествляя с ними наши современные порядки? В самом деле, раз призна-

ваемый совершенным идеал достигнут, надо заботиться лишь о сохранении приобретенного бесценного сокровища, ибо всякое изменение будет тогда не улучшением, а искажением. Такое воззрение приписывается нам многими, но оно опровергается самой природой наших идеалов, их всеобъемлемостью, их высотой и широтой: водворение Царствия Божьего требует совместных усилий всех людей, знаменует собой полное искоренение царящего в мире зла, проявления дремлющих добрых склонностей во множестве миллионов. Поколение за поколением могут лишь приближаться к заветной цели, совершенствуя себя для жизни будущего века, подготавливая в своих детях продолжателей бесконечного служения вечным идеалам. Прекрасно понимая все это, «Русское Собрание» с самого начала своей деятельности выдвинуло как раз преобразовательные, а не охранительные задачи. В этом порукой является самый его устав, гласящий: «Русское Собрание» имеет целью действовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей Русского народа». Из этой первой и главной статьи Устава неоспоримо вытекает такое положение: все члены «Русского Собрания» объединяются сознанием, что творческие наши начала *не проведены* в жизнь, мало того, их надо *еще выяснить* себе и другим и *укрепить в общественном сознании!* Только недобросовестные обвинители могут утверждать, что общество, поставившее себе такую цель, явно стремящуюся к *изменению* существующих отношений, проповедует застой и не хочет никаких улучшений. Совершенно ясно, что эти улучшения признаются желанными, ибо русские идеалы не занимают в нашем обществе подобающего положения. Действительно, оглянемся вокруг — и даже беглый взор покажет, как резко противоречат современные порядки идеальным воззрениям русского народа.

Множество чад Святой Руси уклонилось в разные ереси и впало в религиозные заблуждения; рядом с изверженным фанатизмом видны проявления полнейшего неверия; проповедь безбожия раздается одновременно с провозглашением новых вер, поправляющих «ошибки» Апостолов и Св. Отцов. Невежественные низы пребывают во мраке суеверий и придают неподобающее значение соблюдению одних обрядов, но остаются почти неосведомленными в самых начатках Православия, а потому и делаются легкой добычей разных хищников. Мнимо образованные, гордящиеся своей «просвещенностью» верхи или примыкают к выводам отрицательных философских учений, или относятся с поразительным безразличием к решению религиозного вопроса, определяющего цель и смысл нашего земного существования. В последнее время поклонение злобному противнику подвига Христова — Ницше сделалось у нас модным; открытая проповедь ненависти к слабым, злоупотребления своей силой звучит все настойчивее; ей подтягивают поклонники «святости плоти» и выдумывают какое-то неохристианство. Разнузданность страстей и неуважение к святыням отражается и в стремлении при помощи полицейских мер удержать простой народ в лоне Православия. Последнее горше первых удручает сердце тех, кто по свободному убеждению исповедует великое превосходство Православия как единственно истинной веры, ибо дает пищу для озлобленных нападений, отталкивает слабых, принимающих случайное проявление излишнего усердия отдельных лиц за требование самого Православия, и ставит Св. Церковь в ложное положение утеснительницы. Скорбят верующие сыны о забвении многих полезных канонических предписаний, многих спасительных обычаев, установленных в первоначальные времена, но разрозненные, за прекращением правильной приходской жизни, не находят утешения и в деятельности, направленной к искоренению замечаемых

нестроений. Общение пастырей и благочестивых мирян на поместных соборах также вышло из употребления, и унылую картину представляет положение Православия в современной России... Если же бросить взор на мировое положение христианства, то сила вражды между исповедниками Евангельского учения способна повергнуть в отчаяние даже крепкого духом человека, и эта вражда проявляется в ту пору, когда воздвигаются гонения на служителей Божьих, когда за верность Христу карают преследованием, разорением, изгнанием, когда целые страны отпадают от Евангельского учения, когда еврейство, буддизм и магометанство находят новых поклонников в среде христиан, когда целые сотни тысяч наших братьев пребывают в открытом безверии, а потому гонятся только за земным благополучием, пылая взаимной завистью и ненавистью. Как же могут ставшие под знамя Креста признать такое положение соответствующим Евангельским заветам и не стремиться всеми силами к личному и общественному улучшению?

Пожалуй, кто-либо скажет, что мы признаем современный государственный строй воплощением идеалов Самодержавия и Народности, но и тут он впадет в величайшую ошибку. Все мы свидетели того, что ныне Царствующий Государь признал наши порядки подлежащими коренным изменениям, ибо истинного Самодержавия у нас нет и самобытные наши русские начала находятся в положительном загоне. Царь, по народному воззрению, Отец своего народа, должен знать правду обо всем, что касается Его детей и общей матери России, но кто станет утверждать, что нашему Самодержцу все ведомо, что слуги царские нелицеприятно доводят до Его сведения «сущую истину», когда откровенность кн. Мещерского показала, что иные министры ложь возводят в систему? Много лет назад Погодин¹⁴ писал: «Государь, очарованный блестящим отчетом, не имеет верного понятия о настоящем положении России»... «Каждый ми-

нистр представляет собой самодержавного государя и также не имеет никакой возможности узнать правду о своей части». Стало быть, нужна широкая гласность и свобода обсуждения «канцелярских тайн», но обсуждения правдивого и благожелательного, а не сеющего смуту в умах всякой ложью. Облегчения в положении печати возможны только при господстве законности. Наши основные законы, правда, незыблемо устанавливают (ст. 47), что Российская Империя управляется «на твердых основаниях положительных законов, учреждений, установлений, от самодержавной власти исходящих», но всем известны примеры неисполнения Высочайших повелений, остававшихся мертвой буквой, благим намерением, ибо различные ведомства предпочитали править на основании особых циркуляров. Ряд неоспоримых данных показывает, что «средостение» отделило Царя от народа, скрывает действительность и тормозит осуществление плодотворных начинаний, недаром русский человек говорит об «ограде, ставшей выше колокольни», подмечает, что «Царю из-за тына не видать», а потому «не ведает Царь, что делает псарь». Общение, основанное на взаимной любви и доверии, власти и народа, бывшее существенной особенностью истинного Самодержавия, прекратилось у нас под напором западноевропейских идеалов абсолютной монархии. Виновник их пересадки Петр Великий¹⁵, давая ход дарованиям русских людей независимо от происхождения, оставался все-таки близок к родной почве, ибо несомненно любил Россию и, несмотря на свои ошибки и увлечения, оказал ей великое множество добра. Но его преемники пустили на первое место инородцев; русские люди были оттерты, а русские идеалы стали достоянием «чумазных», так как высшее общество тяготело к политическому строю Европы, отворачивалось от Православия и даже забывало говорить на родном языке. Наш высший класс и по своему составу все более и более становился инородческим, а пото-

му русские начала весь XVIII век были под спудом. Но страшная мощь единения Царя и народа не ускользала от внимательных взоров наблюдателей, и такой великий политик, как Наполеон¹⁶, прямо говорил: «Если русский царь отрастит бороду, он непобедим». Посмотрите на портреты наших самодержцев и вы увидите, как с начала XIX века постепенно русские Государи возвращаются к внешнему облику московских царей: появляются усы, пробритый подбородок и, наконец, окладистая борода. Уже в начинаниях Александра II¹⁷ слышится поворот к родной старине, Александр III¹⁸ являет изумленному миру образец Царя-Миротворца, неоднократным призывом «сведущих людей» и другими мероприятиями показывает, что сознание необходимости «возвращения домой», к старинному народному укладу, проникло на высоту престола. Недаром этот Император во всеуслышание выразил свою радость, когда наконец-то услышал русскую фамилию при первом представлении ему высших чинов. Ныне правящий Государь, верный сын св. Православной Церкви и продолжатель начинаний своих Отца и Деда, неоднократно заявлял в своих манифестах, что служение великим началам Православия, Самодержавия и Народности вдохновляет Его царственный труд. Его Императорское Величество только что осчастливил всех нас своей благодарностью *«за честные, истинно русские мысли»*. Он пожелал нашему Собранию *«дальнейшего развития» «на благо русское»*. Он сказал, что в нашей челобитной *«ничего ни добавить, ни убавить нельзя»*. Это высшая степень похвалы, это признание полного совпадения Высочайших воззрений с исповедуемыми нами! Значит, близко уже *«установление такого тесного общения между возлюбленным Царем и русским народом, при котором голоса сего последнего непосредственно доходили бы до Помазанника Божьего»*. На нас же лежит теперь сугубый долг — приложить все старания, чтоб голос народа был подлинным, чтоб

разные самозванцы, сами себе присвоившие права «земских уполномоченных» и «народных представителей», были избалованы в своей лжи перед целым миром. Привыкнув веками, что тяжесть управления лежит на плечах Царя и Его чиновников, русские люди даже в предоставляемых Властью Державной самоуправлениях проявляют непомерную «уклончивость» и тем самым дают возможность политикам и поборникам зарубежных конституций без помехи «подготавливать почву» для «завершения здания». Теперь эта разрушительная работа находится в полном разгаре. «Столоначальник, управлявший Россией», по меткому выражению императора Николая Павловича¹⁹, нынче забастовал первым. Забастовали и другие представители власти, еще недавно «самодержавно» вершившие дела по своему усмотрению. Оказалось, что у Царя не хватает людей для проведения в жизнь Его родных и дорогих нам замыслов: одни все хотят «общечеловеческой» конституции и торжества космополитического капитализма, а другие стоят за торжество «полицейского государства» с его бюрократическим строем. Нам не надо ни того, ни другого. Мы хотим вместе с Самодержавным Царем зажить по-Божьему, по-хорошему, по-русски. Нам не нужны заморские образцы, коими является и парламентаризм, и бюрократизм. Но царское доверие нам надо оправдать, надо доставить Ему ряд скромных, мирных тружеников, не ищущих власти, но честно, не за страх, а за совесть, делающих свое маленькое дело. Соединенными усилиями и упорным трудом, идейным противодействием недругам мы можем послужить Царю и Родине, выполнить их призыв. Итак, вперед, без страха и сомнения, за неотложное дело, за творческое улучшение святорусской земли, *за проведение в жизнь заветных русских идеалов!*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРУШЕНИЯ РОССИИ

Одновременно с Манифестом от 6-го августа были утверждены Положения о Государственной Думе и о выборах в Думу. При помощи этих документов первостепенной важности можно уяснить себе истинный характер и значение нового учреждения, дать ему посильную оценку и указать на ожидающее его будущее.

Прежде всего, бросается в глаза полное отсутствие связи Думы с главным устоем Российской Державы — Православной Верой: от выборных, принадлежащих к числу ее сынов, все равно, как от инославных и иноверцев, требуется не присяга на Кресте и Евангелии, а «торжественное обещание пред Всемогущим Богом», «удостоверенное своеручной подписью». Следовательно, после указа о веротерпимости делается новый, еще более решительный шаг к окончательному превращению России из государства христианского в «лишенное исповедания» (*confessionlos*) по западноевропейскому образцу. Нигде и ни в чем православным не отдается ни малейшего преимущества; духовенство, бывшее встарь столь существенной частью Земских Соборов, ныне имеет голос лишь в качестве землевладельцев, домовладельцев и «уполномоченных от священнослужителей, владеющих в уезде церковной землею» (ст. 12).

Столь же круто разрывает связь с прошлым и отношение Положения к русской народности: от членов Думы требуется лишь знание русского языка, который, следовательно, остается государственным; но ни одно постановление не обнаруживает попечения о закреплении за

создателем русской державы, русским народом, преобладающего положения. В силу этой особенности отныне Россия перестает быть государством национальным, так как по своей «политической подготовке» и в особенности по «богатству» русские не могут сохранить за собой положение господствующей народности.

Что же касается до третьего устоя нашей исторической и государственной жизни — Самодержавия, то об его сохранении заметны нарочитые попечения: так уже Высочайший Манифест говорит о «сохранении неприкосновенным основного закона Российской Империи о существовании Самодержавной Власти», а торжественное обещание вменяет прежде всего в сугубую обязанность членов Государственной Думы «хранение верности Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому», а затем уже «памятование лишь о благе и пользе России». Вступление в Думу обусловлено принесением этого обещания (ст. 13), что преграждает доступ в нее всем искренним противникам Самодержавия. Наконец, законосовещательный характер Думы подчеркивается Манифестом, и все «Положение» явственно показывает, что образ правления у нас остается формально неограниченным. Но из этого не следует, что Дума приближает нас к водворению «истинного Самодержавия», ибо Власть, устранившая свою прежнюю связь с Народностью и Православием, приложилась, наоборот, к западноевропейскому абсолютизму. Этого мало: в «Положении» явственно замечается уклон в сторону парламентаризма, а следовательно, и отступление от заветов неограниченной монархии: в лице неутверждаемого *никем* выборного Председателя Думы создается власть, облеченная весьма крупными полномочиями, которыми легко и злоупотреблять. Сплотившееся большинство, выставившее зависящего *только от него* вожака, который через год может быть наказан неизбранием, нельзя признать выразителем народного мнения в не-

обходимой полноте. Таким образом, Дума вовсе не обеспечивает желанную «свободу мнения», а представление императору только проектов, одобренных 2/3 голосов (ст. 48 и 49), сковывает и необходимую «свободу решения». Заключение Думы может не соответствовать интересам многомиллионного люда, лишённого голоса; а случайно оставшиеся в меньшинстве не могут даже представить «особого мнения», хотя и на Западе уже борются именно за «права меньшинства». Благо русское требует устранения подобного ограничения, противного заветам родной старины, не видевшей в механическом подсчете голосов пути к правде. Нельзя не отметить и другого несоответствия «Положения» с правильным пониманием природы Самодержавия: ст. 3, устанавливая и без того понятную в самодержавном государстве возможность распускания Думы Государем до истечения пятилетнего срока, подчеркивает, что тем же самым Указом назначаются новые выборы в Думу. Здесь явственно сквозит желание сделать существование Думы вечным, лишив Власть права упразднить ее за выяснившейся непригодностью и неспособностью; Земские Соборы, поддерживавшие действительное единение Царя и народа, не ставили Самодержцу такого обязательного указания.

Из всего сказанного вытекает, что устанавливаемое Манифестом «единение Царя с народом» не таково, каким оно было встарь, а потому едва ли может лечь в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам.

Этот вывод можно подтвердить и другими особенностями Положения о Государственной Думе. Так, оно мерилom доступа в Думу выдвигает имущественное начало, как будто достойными людьми, доверием общественным облеченными, могут быть только обладающие известным, очень высоким цензом. Стало быть, не личные высокие качества, не разносторонние познания, не дарования истинного мужа совета и разума, а

известная степень зажиточности обуславливает право участвовать в совместной законодательной работе с Правительством. Вот почему можно сказать, что Россия из государства христианского и национального превращается в плутократическое и становится на совершенно ложный путь, повторяя ошибку римских императоров и их подражателей: кесари выбрали себе опорой крупных собственников, отдав им в подчинение средние классы и рабочий люд, и тем самым на собственной груди отогрели тех, кто привел к разложению единой империи и разделению властных полномочий единого Властелина между множеством мелких владетелей. Опыт той же Западной Европы показывает, что именно мелкое дворянство, крестьянство, среднее купечество всегда смотрели на Государя как на защитника от рабства капиталу, все равно, земельному или денежному. Ведь даже великое крестьянское и дворянское восстание в Германии искали в императоре стоятеля за попранные князьями правду и внутренний мир. Равным образом наблюдение над современной жизнью России показывает, что обладатели того же ценза отдали местные самоуправления в руки, почти повсеместно, сторонников конституционного уклада. И это вполне понятно, труженики не имеют досуга и потребности властвовать, тогда как обеспеченные в имущественном отношении имеют слишком много свободного времени и явственно хотят играть у нас такую же роль, какую им предоставляет в других странах парламентаризм, являющийся не народоправством, а орудием для господства плутократии. Правда, Положение делает попытку отвести нашему крестьянству известное количество мест в Думе, хотя и не соответствующее численному его преобладанию над другими сословиями, ибо статья 49 гласит: «В каждом губернском избирательном собрании прежде всего выборщики от съездов уполномоченных от волостей избирают *из своей среды* одного члена Государственной Думы». Стало быть, крестьян-

ство обеспечено по крайней мере одним членом от губернии. Но по статье 17, «в съезде уполномоченных от волостей участвуют выборные от волостных сходов уезда, по два от каждого схода. Выборные эти избираются волостными сходами из числа крестьян, принадлежащих к составу сельских обществ данной волости». Значит, не все крестьяне оказываются выборщиками, а только члены волостных сходов, т. е. более зажиточный люд, не всегда радеющий об интересах многочисленной крестьянской бедноты, которая, таким образом, лишена голоса, подобно всему рабочему классу. Конечно, возможно, теоретически, что сход облечет своим доверием и какого-либо ходока из бедняков и рабочего, принадлежащего к какому-либо из сельских обществ данной волости, но гораздо вероятнее, что выбранным окажется какой-либо богатей, кулак, ибо иные крестьяне, не выходя из обществ, обладают значительным количеством земли и большим влиянием на односельчан. Ввиду этого обстоятельства можно ждать появления таких выборных от крестьян, интересы коих будут прямо противоположны крестьянским. Нужно также принять во внимание неподготовленность сельского населения к политической жизни, отсутствие в нем навыка и умения разбираться в предоставляемых ему законом средствах к отстаиванию своих польз, продолжительную опеку, загасившую стойкость и самостоятельность, невежество, открывающее широкий простор всяким, по преимуществу вредным, влияниям, и тогда едва ли будет возможно возлагать какие-либо особые надежды на крестьянских избранников. Вдобавок, очутившись в совершенно непривычной обстановке, эти самые избранники будут себя едва ли чувствовать лучше, чем в земских собраниях, где льются мало понятные речи и приходится голосовать по вопросам, требующим и знания, и развития и способности уловить отношение данного решения к общим нуждам своих избирателей.

Едва ли оправдаются расчеты и составителей Положения на предоставление крестьянским выборным голоса в губернском общем избирательном собрании. Для решающей роли нужна сплоченность всех крестьянских выборщиков, знание ими кандидатов и сознательное предпочтение кого-либо из них. При наличии этих данных крестьяне могут оказаться вершителями исхода голосований во многих местах, но они слишком мало осведомлены о положении дел за пределами родной волости, чтоб знать всех выборщиков от губернии. Поэтому крестьянские голоса без постороннего, конечно нежелательного, влияния разобьются, а, может быть, дадут перевес какому-либо ловкачу, который пленит их широковещательными посулами и обещаниями «черного передела». Но при единодушии крестьянские выборные оказываются решающей силой, так как едва ли можно рассчитывать, что местные землевладельцы, промышленники и торговцы будут действовать, как один человек, ввиду различия их классовых интересов и того страшного духовного разлада, охватившего все слои русского общества.

Имея это в виду, статья 52 говорит о дополнительных выборах, если избирательное собрание не даст указанного в особой росписи числа членов Государственной Думы для данной губернии, города или области. Если эти дополнительные выборы не завершатся успехом, то назначаются на третий день окончательные, причем избранными считаются получившие относительное большинство. Другими словами, небольшая, но сплоченная группа может провести своего ставленника, так, напр., в любом губернском собрании может пройти человек, располагающий, скажем, 20 голосами, если остальные распадутся между другими кандидатами, получающими 19 и менее избирательных. Довольно мудроно усмотреть в таком избраннике лицо, признанное достойным и облеченное доверием в качестве выборного, например,

от Харьковской губернии с почти трехмиллионным населением! Впрочем, количеству населения не придается Положением почти никакого значения, что явственно обнаруживается и на предоставлении одинакового числа членов Думы городам и губерниям с весьма резкими колебаниями по числу жителей. Вообще нет никакой возможности открыть, почему данная губерния должна поставить то или иное количество выборщиков или членов Думы; в иных случаях число последних даже менее числа уездов в губернии. Итак, Положение распределяет далеко неравномерно право населения избрать лиц, облеченных его действительным доверием. Вот почему «рописание членов Государственной Думы по губерниям, областям и городам», равно как «рописание числа губернских выборщиков» требует коренного пересмотра и составления по всем известным основаниям, но не по бюрократическому усмотрению, прикрытому завесой канцелярской тайны. Этот пересмотр неизбежен и вполне допустим, ибо Высочайший Манифест не смотрит на «Положение» как на нечто стоящее выше всякой критики и не нуждающееся ни в каких улучшениях: заботясь о сохранении основных законов империи, Государь только сохранил *«всецело за Собой заботу о дальнейшем усовершенствовании учреждения Государственной Думы»* и обещает *«дать по сему предмету соответственные в свое время указания, когда жизнь сама укажет необходимость тех изменений в ее учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному»*.

Правда, и Государственной Думе предоставляется (ст. 34) право возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов, но предположения эти не должны касаться начал государственного устройства, установленных законами основными. Некоторыми органами поднят вопрос, следует ли Положение о Государственной Думе признать таким основным законом, об отмене или изменении которого

не имеют права ходатайствовать ее члены? Сопоставление с Высочайшим Манифестом заставляет ответить отрицательно, так как «усовершенствование» и «изменение» оставлены *всецело* за Самодержавной Властью и, стало быть, надежды, высказываемые в печати, что первое же заседание Думы должно поднять вопрос об ее преобразовании, необходимо признать лишенными закономерной почвы.

Несомненно, что выразительные слова Манифеста предусмотрительно пресекают всякую попытку Думы превратиться в Учредительное Собрание, сообразно вождениям поборников революционного движения. Та же предусмотрительность замечается в мероприятиях, выработанных на тот случай, когда в стенах Думы появятся попытки произвести обструкцию: «когда императорскому Величеству благоугодно будет обратить внимание на медленность рассмотрения Государственною Думою внесенного в нее дела, Государственный Совет назначает срок, к которому должно последовать заключение Думы. Если же Дума не сообщает к назначенному сроку своего заключения, то Совет рассматривает дело без заключения Думы» (ст. 53). Равным образом принята во внимание и возможная, на основании наблюдений над деятельностью наших университетских советов, земских собраний и городских дум, проволочка дел от неприбытия положенного ($\frac{1}{3}$) числа членов, что вызывает объявление заседания Думы не состоявшимся. В таких случаях, по 52 статье, подлежащее рассмотрению дело назначается к новому слушанию *не позже* двух, после несостоявшегося заседания, недель. Если же рассмотрение в течение этого срока не последует или заседание не состоится за неприбытием членов, то министру предоставляется право внести дело в Государственный Совет без заключения Думы.

Указанные способы борьбы с обструкцией и небрежным отношением к обязанностям со стороны гг.

членов Думы явственно показывают, что на гг. «достоинейших представителей» Законодатель смотрит сквозь трезвые очки беспристрастного наблюдения вопиющих недочетов парламентаризма и самоуправления, представленного мало к нему склонной среде. Имея это в виду, для уменьшения случайности выборов и последствий избирательной горячки Положение вводит многостепенность выборов и допускает передачу прав на голос лишь сыновьям и мужьям женщин, обладающих цензом. По-видимому и хорошо известные стороны парламентских прений, во время которых иные депутаты говорят зажигательные речи, также учитываются Положением, так как по 44 статье допускаются к оглашению в печати лишь отчеты о заседаниях Думы, составленные присяжными стенографами и одобренные председателем Думы. Однако 42 статья предоставляет тому же председателю право разрешать присутствовать в заседаниях Общего Собрания Думы представителям повременной печати в числе не более одного от отдельного издания. Ясно, что подобное преимущество оказывается представителям печати для того, чтоб они имели возможность знакомить публику со своими впечатлениями и отчетами о слышанном. Подлежат ли эти отчеты контролю председателя? Ответ не ясен для русских представителей печати, если она останется под цензурой, и отрицательный для зарубежных корреспондентов, которые, получив доступ, будут мешать правду с небылицами, ибо никакой цензуре не подлежат. По нашему мнению, следовало бы всех представителей печати поставить в одинаковое и ответственное положение, оставив за официальными отчетами, проверяемыми председателем, так сказать исправляющее значение и характер документальных исторических сведений. Закрытию же доступа (ст. 41) в заседания Думы и Отделов для всех посторонних лиц можно только порадоваться ввиду крайней невоспитанности

нашей широкой публики, отсутствию в ней надлежащего такта и сдержанности, доказанному ее поведением на тысячах заседаний, превращенных ею в какие-то дикие сборища и противоправительственные скопища. Нельзя не упомянуть, что страшная тирания толпы помешала плодотворной деятельности Национального Собрания в эпоху Французской революции и сделала его жертвой кучки крайних революционеров, поддерживаемых улицей. Неотвественность членов Думы перед избирателями, которым они не обязаны давать отчет (ст. 14), также ведет к уменьшению поводов вторжения толпы в решение государственных вопросов, но и несомненно уменьшает благую связь с Землей и может дать звание члена на целых пять лет лицемеру, обманувшему доверие своих избирателей. Освобождая от отчетов членов Думы, Положение зато позволяет им исполнять свои обязанности по собственному «крайнему разумению и силам», а не по указкам со стороны, и предоставляет им полную свободу суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Думы (ст. 14), хотя, конечно, председателю вменяется в обязанность (ст. 39) останавливать членов Думы, если они уклоняются от соблюдения порядка и уважения к закону. Мало того, возможно удаление члена Думы из заседания или устранение его на определенный срок лишь от участия в заседаниях Думы, но эти кары осуществляются по постановлению собрания (ст. 40). Если же член Думы не ограничится словесным нарушением закона, но совершит преступные деяния при исполнении или по поводу исполнения обязанностей, лежащих на нем по сему званию, то подлежит ответственности на основаниях, установленных для членов Государственного Совета, нарушивших долг службы (ст. 20). Несомненно, это создает для членов Думы очень привилегированное положение, так как им предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и

расходов, а равным образом их ведению подлежат всякие дела, вносимые особым Высочайшим повелением на усмотрение Думы (ст. 33). Правда, Дума является лишь помощницей Государственного Совета, но избираемый ею председатель всеподданнейше повергает на Высочайшее благовоззрение о занятиях Думы (ст. 10), следовательно, приравнивается к министру. Заключение, принятые большинством Думы, вносятся в Государственный Совет (ст. 48), тогда как законодательные предположения, отклоненные большинством 2/3 Думы и Совета, возвращаются министру (ст. 49). Для устранения разногласий между Думой и Советом избирается особая комиссия из членов обоих учреждений, но перевес все-таки оставлен за Государственным Советом, как более опытным учреждением (ст. 50–51). Все эти великие права и полномочия выпадают на долю выборным лишь от имущественно обеспеченной части населения, так как предоставление избирательных прав нанимателям дорогих квартир открывает доступ в Думу представителям и денежного капитала, в дополнение к представителям промышленности и землевладения. Даже положенное вознаграждение мало меняет дело: крестьянина хорошо обеспечивает 10 руб. суточного вознаграждения (ст. 23), но средний купец, землевладелец, промышленник не соблазнится этим вознаграждением, ибо отлучка причинит кормящему его и семью делу непоправимый вред. Устранение же всех получающих вознаграждение за государственную службу от участия в Думе оставляет в ней лишь две силы — капиталистов разного рода, несомненно хорошо знающих, чего они хотят, и крестьян, стремящихся к земельному обеспечению и едва ли способных бороться за вековые устои России. Ввиду неясности отношений* Думы к министрам, которые легко могут занять непри-

* С одной стороны, Дума имеет право делать запросы министрам, а с другой — министры могут давать на них ответы не лично, а чрез должностных лиц или уполномочиваемых (ст. 24).

ступное положение, это резкое различие между интересами и уровнем развития двух главных составных частей Думы может привести к укреплению министерской бюрократии, в особенности если будет установлен кабинет министров, согласно действующий и дружно поддерживающий предложения различных ведомств: перед искусившимися государственными людьми едва ли окажутся способными устоять мало осведомленные члены Думы. Если же в ней возобладает революционное настроение, то новое учреждение окажется очагом борьбы с Правительством.

Следовательно, страшные затраты, принимая во внимание расходы по организации выборов, потерю времени выборщиками, стоимость содержания Думы и ее канцелярии, едва ли окупятся той пользой, которую она может принести стране в теперешнем своем виде. Свободная, но ответственная печать и сведущие люди скорее указали бы действительные народные нужды и нашли бы средства для удовлетворения назревших потребностей нашей жизни, сделав это в большем согласии с заветами родной старины, чем законосовещательное учреждение такого состава и такого характера. Ни одно из современных общественных течений в России не может найти в Думе полное удовлетворение своих заветных стремлений: поборники безусловного преобладания бюрократических идеалов недовольны выборным учреждением, получившим право не только обсуждать мероприятия, выращиваемые в глухой тиши петербургских канцелярий, но и вносить собственные предложения, едва не обещающие безмятежный покой нашим сановникам; сторонники конституционного уклада не способны помириться с только законосовещательным голосом, предоставленным «народным представителям», и желают скорейшего превращения Думы в парламент. Крайние радикальные круги негодуют по поводу крушения требований всеобщего и прямого голосования

и мечтают по-прежнему о введении демократической республики, если не о насаждении социалистического рая; желавшие возврата к родной старине видят в Думе платье не по русскому богатырскому плечу, плохо скроенное из кусков привозных материй и белыми нитками сшитое с уцелевшими остатками прежнего кафтана, уже давно перекроенного бюрократией на западноевропейский лад. Не имея же корней в обществе, Дума не может оказаться жизнеспособной, а потому не внесет успокоения, но сделается неминуемо рассадником борьбы против бюрократии, против несправедливого предпочтения внешнего признака, определяемого то по имущественному, то по податному цензу — более глубокому, внутреннему — личным духовным качествам, стяжавшим истинное доверие общественное, против преобладания плутократического средостения над национальными русскими идеалами, требующими свободного единения Царя по старине со всей русской землей.

ХИМЕРЫ ГРАЖДАНСКИХ СВОБОД

Как предвидели все трезво мыслящие наблюдатели русской жизни, завершение неслыханно позорной войны с Японией бесславным Портсмутским миром не принесло успокоения нашему несчастному Отечеству. Крайняя партия, желающая «порвать всякую связь с прошлым» и превратить Россию из христиански-самодержавного, в идеале, государства в демократическую республику или даже в коммунистическую анархию, нашла в бесперывных уступках правительства, подзадоривании печати, растерянности общества благоприятную почву для постоянного повышения своих требований, заявляемых уже одновременно с открытыми угрозами прибегнуть к вооруженному восстанию и политической забастовке. Как после Берлинского конгресса¹, так и теперь вслед за миром наблюдается вспышка революционного движения, нашедшего для себя более благоприятную обстановку. Печальные события последних лет тяжело отразились на положении рабочего и служилого люда, который, при возрастающей дороговизне предметов первой необходимости, испытывал все большую нужду в улучшении своего экономического и социального положения. Эта нужда не была своевременно удовлетворена несмотря на указания в печати, на заявления рабочих, отчасти и потому, что крайние элементы выдвигали безусловно неприемлемые требования, исполнение коих обрекало многие предприятия на явные убытки и грозило прекращением или сокращением производства, т. е. обещало выбросить на рабочий рынок целые тысячи безработных. Но при благоразумной уступчивости, меньшей требовательности и большем общественном спокойствии

стороны, несомненно, всюду пришли бы к полюбовному соглашению, как показывает прекращение железнодорожной забастовки в Москве до объявления Высочайшего Манифеста от 17 октября. К несчастью, экономический вопрос получил яркую политическую окраску, и «забастовка» приобрела характер удара, направленного против Самодержавного правительства, дабы понудить его сделать новый, еще более решительный шаг к разрыву с прошлым, с народными верованиями и упованиями. Под несомненным давлением известий о беспорядках на окраинах и в ряде русских городов, о перерыве железнодорожных сообщений и прекращении, так сказать, правильного кровообращения в государственном организме, Его Императорское Величество признал необходимым объединить деятельность высшего правительства, возложив на его обязанность выполнение непреклонной воли Самодержца: 1) «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы, 2) привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку и 3) установить, как незыблемое правило, чтоб никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей».

Несомненно, что Манифест от 17 октября открывает новую страницу в русской истории и по своей важности для будущего нашего Отечества нуждается в разносторонней оценке. Каждое же правительственное мероприятие подлежит рассмотрению, главным образом, с двух точек зрения: теоретической, т. е. соответствия его известным идеальным представлениям, и практической, т. е. соответствия его современным запросам народным.

Конечно, только смешение истинного Самодержавия с полицейски-бюрократическим абсолютизмом позволяет утверждать, что гражданская свобода по полной несовместимости не может процветать под скипетром самодержавных Царей. Наоборот, труды незабвенных поборников русской самобытности — московских славянофилов, прочно установили, что настоящее, народное Самодержавие возможно сочетать с осуществлением начал действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова и печати, собраний и союзов*. Расширение избирательных прав также ведет лишь к более полному единению между Царем и Народом. Действительное участие выборных в надзоре за закономерностью действий *поставленных Государем* властей в свою очередь, в идее, не противоречит Самодержавию, ибо Царь таким путем ставит своих чиновников под бдительный контроль народа, не поступаясь полнотой своей власти. Даже «одобрение законов Государственной Думой» нужно рассматривать как необходимое устранение бюрократического самовластия в области законодательной, ибо бывали случаи, когда сановники неправильно излагали нужды народные перед Престолом и вызывали законодательные распоряжения, несоответствующие ни общественным потребностям, ни пользе Российской Державы. Вспомним, для примера, уставы нашей высшей и средней школы, которые забыли свое воспитательное назначение и превратились поэтому в рассадники бездушного политиканства! В этом понимании значения предварительного «одобрения» наставляет нас и Св. Синод, пастырское послание коего гласит: «Для того, чтобы горе и нужды скорее достигали до престола царского, Государь благоизволил призвать на помощь Себе и самый народ в лице облеченных доверием народных избранников, чтоб они могли невозбранно и безбоязненно

* См., между прочим, поучительную переписку Д. Ф. Самарина и А. А. Киреева. — «Мирный Труд». 1905 г. № 4.

говорить правду о земле своей и чтобы ранее, чем Он, Государь, изъявит волю Свою на новый закон, выборные от народа могли одобрить законодательное *предположение*. *Не устранился тем и не может устраниться Царь от народа Своего: Он всегдашний вершитель судеб Русской земли, и ныне и впредь только Его Высочайшей Властью будет освящаться закон и утверждаться всякое право*». Заветы прошлого также показывают, что участие выборных в выработке законодательных постановлений не противоречит самодержавному началу, ибо, например, для составления Соборного Уложения Самодержца Всея Руси, Алексея Михайловича, были привлечены и выборные, «чтобы его государево царственное и земское дело с теми со всеми выборными людьми утвердить и на мере поставить, чтобы те все великия дела по его государеву указу и соборному уложению впредь были ничем нерушимы». Наконец, сам Государь, неоднократно и торжественно заявлявший, что Он свято соблюдет принятый Им при венчании на Царство обет самодержавно править Русским Государством, и после 17 октября продолжает именоваться «Самодержцем Всероссийским».

Итак, по нашему глубокому убеждению, *теоретически* Высочайший Манифест от 17 октября не противоречит идеальному представлению о Самодержце, находящемся в постоянном единении со своим верноподанным народом, и не вводит у нас западноевропейского парламентаризма. Но есть другая сторона — практическая, и она-то наводит на самые тяжелые размышления. Прежде всего, Манифест от 17 октября был понят как поздняя вынужденная уступка, сделанная «не по воле, боязни ради и междуусобия от всех черных людей, а не истинная правды ради». Ряд газетных статей торжествует поэтому новую победу «освободительного движения» и тут же предъявляет длинную вереницу новых неприемлемых требований, взывает к дальнейшей борьбе и даже вооруженному восстанию против «самодержавно-

го правительства». Непримиемые противники нашего исконного уклада, таким образом, продолжают смотреть на Россию как на страну, имеющую по-прежнему самодержавное правительство, с которым они ведут смертельную борьбу. Но в то же время и в зарубежной и в отечественной печати раздаются иные голоса, твердящие о происшедшем уже введении в России «конституции», в которой одни видят благо, а другие горе для русского народа. Стало быть, практически Манифест подал повод к разномыслию, и не без основания, ибо «одобрение» может быть понимаемо в смысле голоса решающего, так как Государственная Дума именуется ныне не законосовещательным, а законодательным учреждением. Эта неясность и неопределенность выражений вселяет в сердца тревогу и опасения, что вместо обещанного нам *бывшего встарь* единения Царя с народом, вместо *самобытного* развития в области государственной, Россия окончательно поворачивает на путь слепого подражания западным установлениям. Эта измена народным чаяниям сулит великие бедствия стране, так как объединение деятельности высшего правительства несомненно происходит в духе конституционном, а не в смысле заветов Императора Александра III, который тоже имел в виду это объединение под руководством стоящего *вне партий* Самодержца. Ныне же председательство в преобразованном Совете Министров вручено графу Витте², который откровенно заявляет о своей близости с конституционной партией. На министерские посты призываются люди «*одинаковых политических убеждений*», т. е. принадлежащие к одной и той же *политической партии*. Мало того, граф Витте считает необходимым «приложить все старания, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей *всех* агентов власти — от высших до низших», т. е. правительство перестает быть народным и приобретает чисто партийную окраску. Естественно поднимается вопрос, будет ли оно достаточно беспристрастным, не поддастся

ли оно соблазну объявить свои собственные политические идеалы идеалами большинства русского народа?

Граф Витте поспешил уже заявить, что «Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к *строю правовому* на основе гражданской свободы». Поэтому задача правительства сводится «к устройению *правового порядка*, к установлению таких учреждений и таких законодательных норм, которые соответствовали бы выяснившейся (?) политической идее большинства (?) русского общества». Любопытно знать, каким путем граф Витте узнал мнение большинства, ведь у нас не было ни рассылки опросных листов, ни всенародного голосования, т. е. народные стремления не были до сих пор уяснены с надлежащей и бесспорной точностью: если одна сторона может указать на ряд газетных статей, предъявляющих известные требования от имени «всего народа», или «всей нации», то и другая тоже ссылается на полное и всеобщее сочувствие ее идеалам, объявляет их всенародными. Адресы и депутации также говорили разное и свидетельствуют о существовании различных течений даже в среде так называемого «мыслящего русского общества». Подлинное же большинство народа еще не сказало своего последнего слова.

Сам гр. Витте находит, однако, что правительству надлежит *выяснить и установить* запросы времени, руководствуясь, конечно, *господствующей в большинстве общества идеей*, а не отголосками хотя бы и резко выраженных требований *отдельных кружков*. Значит, г. председатель Совета министров еще собирается только «выяснять» и «устанавливать» современные запросы, сознавая в то же время, что *«сразу приготовить»* страну со 135-миллионным населением, обширнейшей администрацией, *воспитанными на иных началах*, к восприятию и усвоению норм правового порядка не по силам никакому правительству, ибо принципы правового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку население

получает к ним привычку — гражданский навык». Это мысли верные, но как примирить необходимость продолжительной *подготовки* и многомиллионного населения и администрации к восприятию правового порядка с утверждением, что *Россия уже переросла* форму существующего строя? Это противоречие непримиримое, равносильное признанию того, что «правовой порядок» навязывается народу, к нему неподготовленному, властной волей бюрократии, типичным представителем которой всегда был гр. Витте, выступавший еще недавно противником самоуправления. На наших глазах происходит не освященное народным желанием преобразование России, а чисто бюрократический переворот, по свидетельству даже его виновника, не имеющий корней в народном сознании... Тяжкие испытания надвигаются благодаря этому на наше Отечество, и не общим ликованием, спутником удовлетворения чаяний подлинного большинства, а ужасами погромов, избиений, вооруженных столкновений ответила страна на первые шаги нового правительства, которое вынуждено было при содействии Св. Синода объяснять народу, что он уже «созрел и достоин свободы мужа». Если бы это было верно, то не понадобилась бы и «подготовка», немислимы были бы и те зверства, которые произошли в ряде городов и весей российских... В печати промелькнуло указание, что гр. Витте *не ожидал* взрыва народных страстей, но его считали неизбежным все те, кто не ослеплен партийными и теоретическими воззрениями. Народ в странном для него, чисто конституционных, пометках министров на Манифестах усмотрел устранение Царя от дел, почувял что-то неладное, увидел, что его идеалы сокрушаются помимо его воли и, будучи неспособен, по безграмотности, к борьбе словом, пустил в дело грубую силу. Он понял, что Россия распадается, что окраины получают самостоятельность, как Финляндия, которая отныне связана с Монархом, а не с Россией. Он *постиг*, что Царь

не становится ближе и доступнее, а наоборот, воздвигается новая, еще более высокая и непроницаемая преграда, новое, более притязательное средостение между «Надежей-Государем Батюшкой» и Его детьми. Ведь по газетным сведениям, уже прекращен прием прошений на Высочайшее имя! Это значит, что даже слабая ниточка, связывавшая Царя и народ, устанавливавшая непосредственное общение между ними, ныне разрывается! Вековое же народное желание гласит: *кабы Царь всю правду ведал*. Разве может дать Ему эту правду полномочный министр, на первых же порах доказавший всему миру как свое незнание подлинных запросов многомиллионного крестьянства, главного устоя России, так и других слоев, верных по-прежнему Престолу Самодержавному. «Революция» ведь, происходящая у нас, под охраной от народной ярости войсками бунтарей, нуждающихся даже в поддержке «приготовишек», производится *лишь* крайними партиями, и не графу Витте, вождю *лишь* определенной партии, водворить желанный мир и спокойствие: от «анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства», может избавить нас только Самодержец, отказавшийся от приказного строя и вступивший в тесное единение, *как было встарь*, с верящим Ему, и только Ему, русским народом.

КРОВАВЫЕ УРОКИ

Поклонникам «прямого, равного, тайного и всеобщего голосования» надлежит вдуматься в смысл происходящих у нас на Руси кровавых событий. Ведь разве не производится своеобразное *«всеобщее голосование»*, когда 40 тысяч человек плотной стеной окружает горящее здание, куда укрылись, вместе с женщинами и детьми, сторонники «освободительного движения», обреченные на мучительную и неизбежную гибель, когда многочисленная толпа разбивает дома, предает пламени помещения, признаваемые ею очагом смуты, увечит и терзает ее поборников, когда жители целого города и окрестных деревень заставляют «бледных, перепуганных студентов» становиться на колени в грязь Соборной площади перед портретом Государя и приносить ему новую присягу, когда евреи поют «Боже, Царя храни» под страхом немедленного избиения, и их раввин, вытребованный народом, отбирает клятву в верности Царю Самодержавному? Это бесспорно *голосование* не записками и шарами, а поступками. Надо также принять во внимание, что толпа всюду состоит из «людей разного звания», т. е. представляет собой море народное, в котором исчезает капля «интеллигентно мыслящей России». Значит, в ряде мест определяется настроение *большинства*, пред которым ведь *надо* преклоняться. Имущий и бедняк, мужчины и женщины *равно* принимают участие в дикой расправе и без всяких посредствующих ступеней *прямо* подают свой голос. Правда, эта подача происходит не *тайно*, но или при ярком свете дня или в сумраке ночи, озаренном пламенем горящих зданий. Но значение этого открытого голосования необходимо постичь каждому. В самом

деле, если «темный народ» рядом деяний обнаруживает свое несочувствие «освободительному движению», если крестьяне заявляют, что всякие «свободы» нужны «господам», а им нужен стоятель за правду и веру православную, Самодержавный Царь, да земля для пропитания семейств и добросовестного несения службы государству, то прибегающие к «всеобщему голосованию» играют с огнем: а что как тайная подача голосов даст таких представителей, которые скажут: «Пусть все смутьяны и недовольные нашим государственным строем убираются себе подобру-поздорову в те края, где процветают все свободы, а люди умирают *ежедневно* на улицах больших городов *от голода*, где правителям привозят телеги, нагруженные истощенными нуждой детьми, и требуют для них куска хлеба, ибо конституция есть узаконенное *экономическое* порабощение слабых бедняков богатым. К чему народу «гражданские и политические свободы», если ими, *по экономическим, жизненным условиям*, могут пользоваться *только немногие*, свободные от добычания в поте лица *ежедневного* пропитания?»

И народ это понимает, он выдвигает совершенно правильно на первое место пожелание улучшения *своего экономического положения*. В этом вся суть и крестьянского, и рабочего, и служилого вопросов в стране, где лишь 19% коренного населения грамотно! Очевидно, что оно может иметь лишь весьма отдаленную потребность во всех модных свободах, и радикальная печать недаром вложила в уста гр. Витте такое признание: «В России ясно сказалась неподготовленность к провозглашенным реформам общества. Русское общество совсем не желает никаких свобод. Мы ясно теперь видим, что это желание кучки революционеров». Нет ничего удивительного, если наше правительство придет к заключению, что «Россия вовсе не переросла существующий строй», как ошибочно думали всего несколько дней назад, и совершенно не «нуждается в правовом порядке», но наоборот,

жаждет проявления сильной власти государственной, при которой немислимы ни проповедь дикой разнузданности, слышущая за «свободу слова и печати», ни разрушительная деятельность врагов всякой общественности, прикрывающаяся «свободой союзов и собраний», ни насилие над огромным большинством мирного, желающего работать и делать свое маленькое дело населения, тогда как его держит в страхе кучка «деятелей», попирающих закон и требующих для себя безнаказанности и попустительства под предлогом «неприкосновенности личности».

Великая страна успокоится только тогда, когда правительство перестанет заискивать перед «представителями радикальной печати», просить «братцев-рабочих» о доверии и терпении и прибегать к содействию иностранных газет, твердящих о необходимости всем поддерживать графа Витте, которому у нас почти никто не верит. Жизнь ясно показывает, что г. Председатель Совета Министров идет по ложному пути, не одобряемому страной, забывает, что Манифест 17 октября *«установил незыблемым правилом, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы»*. Зачем же правительство гр. Витте спешит с таким избытком указов, решающих важные вопросы об амнистии политическим преступникам, об улучшении положения крестьян, о финляндской автономии и проч. и проч.? Ведь, пожалуй, эти вопросы нашли бы себе более обстоятельное и более согласное с нуждами русского общества разрешение, если бы подверглись предварительной разработке в Думе, а не были изготовлены в канцеляриях различных министров. Спешат и пастыри наши, в Синоде заседающие, с изменением молитв о Царе в «конституционном духе» — ведь Синод признал необходимость Церковного Собора — пусть же этот Собор и разъяснит верующим сынам Церкви Православной, связаны ли они присягой, данной на Кресте и Евангелии *Самодержавному Царю*,

ибо до снятия духовной властью сей клятвы совесть наша обязывает стоять даже до смерти за Самодержавие. Перемена молитв, произведенная бюрократическим путем, сулит лишь усиление смуты, равно как задуманное объяснение, *от Писания*, преимуществ конституции: ведь русский народ веками привык молиться так, как молились наши предки, веками воспитывался в мысли, что помазанник Божий, Самодержец — его истинный и единственный нелицеприятный защитник. Разве такие верования, впитавшиеся в существо наше, изглаживаются по одному росчерку пера, разве мировоззрение народное меняется словно платки носовые? Уроки прошлого и настоящего показали, как опасно насиловать душу народную и тем ввергать в соблазн «малых сих», сохраняющих доселе глубокую веру в свои святыни. Ведь теперь выяснилось, что безоружный народ, расстреливаемый бунтарями, стихийным напором разгонял вооруженные шайки. Зачем же обрекать Русь Святую на ужасы усобицы потворством насильникам?

НЕОТЛОЖНЫЕ НУЖДЫ РОССИИ

Множество бед обрушилось разом на Россию: несчастная война подорвала ее международное положение, кредит пал, соседи готовят войска для занятия порубежных областей, а внутри идут смуты, собираются самозванные съезды, толкующие о расчленении России, о ряде преобразований, в корне потрясающих ее целостность и благосостояние; разорительные забастовки чередуются с погромами; грабежи, поджоги, насилия идут рядом с проповедью полного безначалия и требованиями отмены последних преград, мешающих революционному течению смести с лица земли плоды многовековой работы, пустить по миру сотни тысяч людей, пролить целые потоки неповинной крови... Всякий понимает, что так жить дальше нельзя, что преступно оставлять Родину беспомощной среди стольких превратностей, одинаково пагубных для каждого из нас: ее позор, разорение, крушение падут тяжелым гнетом на плечи всех нас и наших детей, закабalyт нас на долгие годы, если не навсегда, тем, кто в нашем горе видит для себя источник радости.

Надо поэтому всем проникнуться сознанием, что теперь на ставке стоит самое существование России, как великой державы, надо всем верным ее сынам «вспомнить свой долг перед Родиной, помочь прекращению неслыханной смуты и напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле». Такова и воля Царская, которую необходимо, ради общего блага, выполнить не за страх, а за совесть, послав в Государственную Думу не смутьянов, праздно болтающих, а делателей добрых, безбоязненных и честных, радетелей за правду вековую, исконную, Богом благословенную, нашими прадедами нам завещанную.

Облекая своим доверием выборных, надо дать им такой наказ: крепко-накрепко стоять за то, чтобы в царстве русском русский человек был хозяином, а не работником на иностранцев, чтоб неизмеримые богатства страны нашей не переходили в руки корыстолюбивых чужаков, а облегчали нужду народную, чтоб порядки у нас были не заморские, а наши собственные, нами только забытые, чтоб заветные святыни наши вновь укрепили святорусскую землю.

Такова единокорная воля всех истинно-русских людей, которые могут послать в Думу — Царю на совет и подмогу — только тех, кто одинаково с ними признает нижеследующие неотложные нужды России:

1) После Манифеста от 17 октября вдвойне необходимо обеспечить за Церковь Православную, во всех пределах Российской Державы, первенствующее положение, восстановить соборный строй и озаботиться, дабы пастыри добрые, готовые положить душу за овцы своя, выступали народными наставниками и руководителями.

2) Необходимо сохранить единство земли Русской, скрепленное кровью наших предков и дружной вековой работой целых поколений, создавших обширное царство Русское. При разноплеменности же его населения это единство требует наличности сильной власти, воздающей каждому должное, устроительницы правды и порядка, защитницы всех слабых и угнетенных, для всех доступной, нелицеприятной, стоящей превыше всех партийных и сословных счетов, одним словом, власти воистину Самодержавного Царя, опирающегося на бывшее встарь тесное единение с народом и несущего обязанности, возлагаемые на него заветами Веры Православной.

3) Для облегчения царственного служения благу всей России потребны на всех поприщах народной жизни хорошо подготовленные и сведущие люди, сознающие неотложность самобытного устройства Русской земли на прочном историческом основании, а не на зыбком песке

заимствований у иностранцев их отживших учреждений. Поэтому настоятельно необходимо незамедлительное устранение темноты народной путем, по возможности, всеобщего обучения и не только насаждения различных книжных знаний, но и воспитания народного в духе преданности Царю, любви к Отечеству, благоговейного уважения к своей Вере и терпимости к религиозным воззрениям других.

4) Для упорядочения пришедших повсюду в расстройство дел и успокоения взволнованного общества, изверившегося как в правительственной, так и в выборной бюрократии, необходимо поставить под широкий и действительный, строгий и требовательный контроль расширенную деятельность городских и земских самоуправлений, ответственных пред судом за всякие злоупотребления доверием населения, ведущих свою полезную работу гласно и составленных из людей, связанных с данной местностью имущественными интересами.

5) Для обеспечения и увеличения благого влияния честных и независимых людей на течение общественных дел необходимо признание за каждым совершеннолетним верноподданным русской Державы свободы личности, слова, печати, собраний и союзов, направленных к мирной и полезной деятельности. Всякое же проявление произвола и нарушение гражданских прав другого лица должно быть преследуемо и карается законом, ограждающим всех от насилия как правительственных чиновников, так и частных лиц, скопищ и кружков, присваивающих себе, под шум смуты, право отдавать приказания и запрещения и преследующих несогласных не только угрозами, но и поступками. Все эти самочинные власти должны быть немедленно лишены возможности вредить государственному спокойствию и безопасности своих сограждан, причем подстрекательства к политическим стачкам и забастовкам должны быть признаны государственным преступлением.

Равным образом немедленно должны быть пресекаемы злоупотребления устным и печатным словом, распространение ложных, сеющих вражду или смущающих умы слухов и известий, а печати вменено в обязанность безотлагательно помещать опровержения, направленные к выяснению истины не только правительством, но и частными лицами, тогда как рассадник лживых вестей и злонамеренных искажений истины — телеграфные агентства должны строго отвечать за оповещение всякого ложного сообщения.

6) Для упрочения порядка и увеличения общего благосостояния необходимы: незамедлительное улучшение положения основного кормильца и защитника России — крестьянина, поддержка и усовершенствование главного занятия трудящегося населения — земледелия, покровительство кустарным промыслам, устройство дешевого сельского кредита и обучения различным ремеслам, по возможности, во всех народных школах, дабы поднять производительность народного труда.

7) Этим путем может быть подготовлено и облегчено справедливое решение поземельного вопроса, который в то же время неотложно требует расширения площади крестьянского землевладения. «Земельный голод» нашего крестьянства должен быть утолен под условием полного признания и уважения ко всякой частной собственности. Кроме целесообразного изменения условий деятельности Крестьянского банка, должно быть упорядочено переселение малоземельных хозяев и безземельных батраков на свободные казенные земли, причем необходимо, чтоб, помимо льготного, безвозмездного получения достаточных наделов, переселенцы получали потребные для обзаведения средства, как это делалось у нас для колонистов — выходцев из чужих краев.

8) Рабочий вопрос, хотя и выдвинувшийся искусственно на первое место в наши дни, также заслуживает самого внимательного к нему отношения как правитель-

ства, так и общества, причем прежде всего надо озаботиться о том, чтобы рабочие были избавлены не только от злоупотреблений со стороны предпринимателей, но и от насильственного подчинения разным организациям, посягающим на священное право каждого на свободный труд, устраивающим пагубные для общего благосостояния забастовки и принуждающим открытым насилием над товарищами принимать в них участие даже тех, кто должен и хочет заработать кусок хлеба для себя и своей семьи. Поэтому большие города должны быть очищены от праздного люда, который подлежит водворению на окраинах, а не обременительному для государства заключению в тюрьмах, где не исправляют, а развращают окончательно даже случайных преступников. Поставленные в необходимость и возможность трудиться многие бездомные «хулиганы» окажутся, без сомнения, полезными работниками-собственниками в малолюдных областях России.

9) Необходимо обеспечить беспартийность, независимость и закономерность суда, который должен быть преобразован на началах широкой общедоступности для населения, ныне нуждающегося в дорогом оплачиваемых проводниках через густой лес противоречивых законов, разъяснений и решений, не всегда соответствующих народному воззрению на справедливое и должное.

10) Податное обложение не должно чрезмерно напрягать платежные средства народа, кои надлежит употреблять с бережливой осмотрительностью на удовлетворение действительных нужд, а не на поддержку рискованных предприятий. Государство должно отказаться от извлечения выгод с монополий, роняющих его достоинство и развращающих народ. В то же время должны быть приняты самые решительные меры против расхищения наших национальных богатств иностранцами, против захвата частными лицами и обществами угольного, нефтяного, соляного и других промыслов.

11) Всякое промышленное предприятие, возникающее в силу местных условий и потребностей, должно находить поддержку в правительственных кругах, а не помехи, ныне создаваемые путем искусственных тарифов, стачек и соглашений заводчиков, повышения рабочих требований, установления нормы трудового дня, создания стеснительных условий, выгодных для международных капиталистов, но зловердных для многомиллионного населения империи.

12) Признавая первенствующее положение русского народа, необходимо разрешить инородческий вопрос без ущерба политическому единству и пользам нашей Родины, в духе справедливости и терпимости к верованиям, быту и языку каждого культурного племени, земли коего вошли в состав государства русского. Поэтому надо, избегая насильственного обрусения, не давать преждевременно равноправия тем инородцам, которые явственно обнаружили свою к нему неподготовленность, открыто выступая во главе революционного движения, понося все наши народные святыни, явно угрожая целостности государства и безопасности общества. Еврейский вопрос требует самого осмотрительного к нему отношения, ибо последние события явственно показали, что еврейство добивается не уравниения, а господства над многомиллионным малограмотным и совершенно неподготовленным к политической жизни населением. С этой целью незамедлительно должны быть выработаны меры, ограждающие русскую школу, суд, войско и печать от разлагающего влияния еврейства, равно как русскую торговлю, промышленность и финансы от его барышнической деятельности.

13) Русская школа, от высшей и до низшей, должна быть построена на национальной основе, служить рассадником просвещения, но не питомником смуты. Поэтому всякое политиканство должно быть изгнано из стен учебных заведений, а забастовки учащихся и учащихся признаны и сделаны недопустимым явлением.

14) Вопрос о размере вознаграждения всех служащих государству, начиная с простого солдата и кончая первым министром, должен быть решен в духе справедливости и упразднения всех должностей, не сопряженных с действительным несением определенных обязанностей. Это упразднение позволит, без нового обременения казначейства, повысить содержание низших служащих, терпящих нужду от все возрастающей дороговизны и вынужденных нередко искать побочных доходов.

Намеченные выше 14 пунктов, конечно, не исчерпывают всех многообразных нужд России, но имеют в виду указать лишь важнейшие современные запросы и установить общую точку зрения на необходимые преобразования. Их проведение требует объединения всех созидательных сил страны и обуздания разрушительных стремлений, усилившихся до опасных размеров благодаря полной неспособности графа Витте быть кормчим нашего государственного корабля. Все благомыслящие люди в эту трудную годину бездействия власти должны работать рука об руку против созыва Учредительного Собрания, против всеобщих и прямых выборов, ибо такой способ избрания при 19% грамотных приведет только к усобице и смутам. Поэтому надо ограничиться тем расширением избирательных прав, которое имеет в виду Манифест от 17 октября.

Во всяком случае, господству министерских циркуляров должен быть положен предел: Россия должна управляться на основании законов, утвержденных Самодержавной Властью: выход из переживаемых бедствий не в «конституциях» и «правах», а в подборе людей, понимающих трудность положения и способных к совместному служению Государеву и земскому делу. Каждый избиратель да помнит свою ответственность перед Богом и Родиной и подает свой голос по свободному решению своему, а не по внушению со стороны! В самостоятельности избирателей — спасение Отечества!

РОСТ РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Ввиду продолжающихся недоумений по поводу возникновения в России «Русского Собрания» и его Отделов приходится начать обозрение нашей деятельности за истекший год новой попыткой рассеять ходячие недоумения.

Как известно, наше образованное общество в XVIII и начале XIX века было почти целиком охвачено преклонением перед всем иноземным, по преимуществу французским. Желая оказать противодействие этим увлечениям, С.Н.Глинка¹ основывает в 1808 году журнал «Русский Вестник», имевший задачей бороться с французским влиянием. Название журнала вызвало ряд возражений со стороны современников: многие говорили, что всякий журнал, выходящий в России, и на русском языке будет русским, а потому Глинка или ломится в открытую дверь, или позволяет себе совершенно излишнее подчеркивание.

Прошло, однако, несколько десятков лет, и мы видим рядом с «Русским Вестником» «Русское Богатство», «Русскую Мысль», «Русские Ведомости», «Русское Слово», «Русский Листок» и множество других повременных изданий, включивших слово «русский» в свое название. Следовательно, общественное сознание уже пришло к убеждению, что в этом явлении нет ничего нелепого или предосудительного.

Мало того: в наши дни в России имеется очень много обществ самого разнообразного характера, которые именуют себя «русскими», таковы, например, благополучно существующие в Петербурге общества: антропологическое, астрономическое, географическое, гимнастическое,

историческое, фотографическое, литературное, горное, театральное, музыкальное, электрическое, энтомологическое, хирургическое, пения, птицеводства, плодоводства и т. п.* Все эти русские общества преследуют сравнительно узкие цели и состоят из лиц, связанных лишь единством занятий или особых интересов. Но никто не додумывался до обвинения, будто, например, Русское музыкальное общество, отдел которого является украшением нашего города, «взяло монополию», и помимо его членов не может быть русских музыкантов. Равным образом, из того, что в Москве группа профессоров издает «Русские Ведомости», совершенно не следует, будто все остальные «Ведомости» оказываются «не русскими». Существование журнала «Русская Мысль» также вовсе не доказывает, что все другие повременные издания не умеют мыслить по-русски и являются проводниками «инородческих воззрений». Но именно в эту столь очевидную ошибку впадают противники Русского Собрания в Петербурге и его разветвлений, именно так непоследовательно рассуждают те досужие обвинители, которые находят «странным» его появление и, пожимая плечами, говорят: «в России — и вдруг Русское Собрание».

Это недоумение проистекает единственно от малого знакомства с целями и задачами Русского Собрания. В самом деле, какое иное название можно дать совокупности людей, поставивших задачей своей объединенной деятельности: 1) изучение явлений русской и славянской народной жизни *в ее настоящем и прошлом*, 2) разработку вопросов русской и вообще славянской *словесности, художеств, народоведения, права и народного хозяйства*, а также исследование *всех* других проявлений *русской* и славянской духовной и обиходной самобытности, 3) охранение чистоты и правильности русской речи, наконец, основание учреждений, имеющих целью распро-

* Подробное их перечисление можно найти в «Русском Календаре» за 1904 г.

странение *русского* зодчества, *русской* одежды, *русской* утвари и т. п. (Устав Русского Собрания, статьи 2–3). «Русское Собрание», стало быть, имеет в виду всестороннее изучение нашего обширного Отечества, раскрытие его современных нужд и освещение его прошлого не в каком-либо отдельном отношении или особой отрасли, но во всей цельности, во всей сложности проявлений русского народного духа ради «выяснения, укрепления в общественном сознании и проведения в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей русского народа» (Устав, статья 1).

Правда, наши хулители говорят, что подобных Русскому Собранию учреждений не существует ни в одном из иностранных государств, а потому-де оно не имеет права на существование. Какое изумительное падение самостоятельности проявляют эти люди! Ведь подобные суждения свидетельствуют о полном отказе от самобытности, о долговременной привычке жить только подражанием да заимствованиями у других. Пусть себе считают Россию только «тысячелетней обезьяной»! Для нас мерилом должного да служит наше собственное сознание своих потребностей, своих нужд и своих путей к вековым идеалам. Слава Богу, что у нас замечается нечто хорошее, чего нет в других странах!

С каких это пор и кем русскому человеку воспрещено изучать окружающую действительность и нашу величавую старину с нашей, *русской* точки зрения? В этом всегда был наш священный долг, наша прямая обязанность, которую всенародно и выполняют на всевозможных поприщах русские люди.

Но, если отдельные общества, посвящающие свои силы изучению и разработке лишь частных проявлений нашей культуры, присваивают себе название русских, то тем более оснований на это почетное наименование имеет общественное учреждение, желающее раскрыть русское начало *в общем и целом*. Если несколько сотен лиц может

образовать, положим, русское географическое общество, то почему оказываются лишенными таких же прав тысячи русских людей, воодушевленных пламенной верой в великое призвание нашей Родины и горячим стремлением поработать над удовлетворением современных ее нужд самостоятельно, по-русски, без общепринятых указок и раболепства перед «просвещенной Европой»?

Ведь в «Русском Собрании» около 3000 действительных членов, которые представляют собой Россию в малом объеме: в их рядах мы находим первых сановников Империи, гг. членов Государственного Совета, министров народного просвещения и внутренних дел, крупных чиновников, губернаторов и служащих во всех правительственных учреждениях. Но и люди земли — предводители дворянства, городские головы, гласные, помещики, купцы, торговцы, ремесленники и крестьяне братски объединяются здесь с архипастырями и священнослужителями, военными всех чинов, профессорами, учеными и преподавателями. Здесь и русская женщина является полноправным членом; художники, писатели, артисты и простые обыватели на равных правах входят в состав этой поистине общерусской всесословной дружины, раскинувшейся от рубежа германских стран до побережья Тихого океана, от неприветливого севера до благословенного юга. Прирост новых членов идет непрерывной волной, и каждое общее собрание производит новые выборы.

Проявление общественного внимания и сочувствия «Русскому Собранию» сказывается также в стремлении открывать местные его отделы: помимо Харьковского уже возбуждено ходатайство об учреждении отделов в Одессе, Оренбурге и Екатеринославе, подготавливается открытие отделов в Киеве и других городах (Воронеже, Саратове, Тамбове). К Собранию тяготеют и уже существующие русские кружки в Варшаве и Вильне, которые представляют собой ядро будущих отделов. Стрем-

ление русских людей к объединению, таким образом, сказывается всюду, встречая повсеместно сочувствие и поддержку.

Так создается мощное *общественное течение*, направленное к углублению нашего национального самосознания. Ни насмешки, ни вымыслы не могут помешать победоносному ходу его дальнейшего развития: это явление вызвано условиями и потребностями жизни, а потому оно вполне жизнеспособно.

Наглядным примером может послужить судьба Харьковского Отдела: всего лишь десять человек были его учредителями, год тому назад, перед открытием, он насчитывал только 40 человек, а к настоящему дню их число увеличилось почти в семь раз (273 чл.: 219 харьк. и 54 иног.), не считая вновь поданных заявлений, еще не рассмотренных Советом. Непрерывный рост Отдела не был остановлен даже крайне своеобразными местными условиями, ожесточенным противодействием и дикими выходками, вроде нападения 27 ноября толпы буянов на Первую гимназию, с целью разогнать наше общее собрание. Всем известны также постоянные угрозы и запугивания, распространяемые с целью помешать нашей мирной работе, отвлечь посетителей от наших заседаний и представить в совершенно извращенном виде характер нашей деятельности.

Лучшим ответом на всевозможные досужие нарекания и нелепые обвинения послужат вполне точные данные о заседаниях Отдела, которые позволяют каждому составить свое собственное суждение. За истекший год нами было устроено 22 заседания, посвященных большей частью чтению и обсуждению весьма разнообразных докладов и сообщений. Все они стоят в тесной связи с задачами, намеченными Уставом, и касаются различных вопросов, выдвигаемых современностью. Так, Отдел отметил особым богослужением 200-летнюю годовщину блаженной кончины св. угодника

Митрофания Воронежского², причем действительный член о. Иоанн Филевский произнес слово, уясняющее, «в чем христианский идеал святости». Преждевременная кончина передового борца за русское дело, незабвенного В. Л. Величко, побудила нас отслужить по доблестном учредителе Русского Собрания, заупокойную литургию, во время которой действительный член Отдела, преосвященный Стефан³, еп. Сумский, ныне епископ Могилевский и Мстиславский, в сильных выражениях раскрыл значение понесенной утраты. Кроме того, политическим и публицистическим произведениям Величко были посвящены доклады М. М. Бородкина и А. С. Вязигина. Равным образом Отдел отозвался на 100-летнюю годовщину рождения Ф. И. Тютчева докладами М. М. Бородкина о поэтической деятельности Тютчева и А. С. Вязигина о его взглядах на Россию и революцию, тогда как проф. П. Н. Бутчинский⁴ остановился на «Разрыве России с Англией и Францией 1854 г.» и выдающихся моментах из истории Крымской кампании (по поводу 50-летия этих событий). [К сожалению, два доклада почтенного профессора не могли быть прочитаны в Отделе за недостатком помещения, хотя также имели злободневный характер, будучи посвящены «Я. И. Ростовцеву»⁵ (по поводу 100-летия со дня его рождения) и «Присоединению Малороссии» (по поводу 250-летия этого события)]. Десятилетие восшествия на престол ныне благополучно царствующего Императора Николая II вызвало речь проф. Т. И. Буткевича и сообщения Н. И. Черняева⁶ и А. С. Вязигина.

Отмечая выдающиеся годовщины событий из русской жизни, Отдел не обходил молчанием и знаменательные юбилеи западных деятелей: по поводу 100-летия со дня смерти известного кенигсбергского философа, д.[ействительный] ч.[лен] Н. Н. Страхов⁷ прочитал доклад «Кант, как великий учитель нравственности, в связи с современными стремлениями к переоценке нравственных

ценностей», а 1300-летие кончины святителя Григория Двоеслова побудило А. С. Вязигина сделать обозрение его руководящих воззрений.

Приковавшая внимание всего русского общества война на Дальнем Востоке породила следующие сообщения: В.П. Вицинского⁸ «Санитарные нужды нашей армии на Маньчжурском театре военных действий», проф. И.А.Бродовича⁹ «О христианстве в Японии и Корее», проф. П.Н. Буцинского «О походе в Индию»; общее же мировое положение, созданное столкновением между Россией и Японией, обрисовано смелыми и яркими чертами в «Политических мечтах русского патриота». Наконец, ряд докладов затрагивает текущие вопросы русской жизни: проф. В.И. Альбицкий¹⁰ обстоятельно доказывает возможность устройства судоходства на днепровских порогах, кн. М.Л. Шаховской¹¹ останавливается на «Мелкой земской единице» и своеобразно освещает выдвинутые проекты. Проф. П.Н. Буцинский читает доклад «О предприимчивости русского человека», побудивший П.П. Оленича-Гнененко выступить с сообщением «о современных проявлениях предприимчивости русского человека».

Уяснению значения деятельности двух русских писателей были посвящены доклады: П.П. Оленича-Гнененко¹² «О причинах успеха Максима Горького» и М. М. Бородкина «О литературных заслугах графа А.К. Толстого», тогда как М.П. Савинов¹³ в двух обстоятельных сообщениях о замене иностранных слов русскими точно указал пути для очищения русской речи, а П.П. Оленич-Гнененко дал собственное объяснение причин, «почему пиджак вытесняет «зипун» в крестьянском обиходе».

Что же касается общего направления нашей деятельности и целей, поставленных перед собой Русским Собранием и его отделами, то они всесторонне были рассмотрены в речах проф. Т. И. Буткевича, М. М. Бородкина и А. С. Вязигина, произнесенных на открытии

Отдела, тогда как ближайшие его задачи были намечены последним в особом сообщении, прочитанном на первом общем собрании гг. членов Харьковского Отдела.

Большая часть речей, докладов и сообщений, сделанных в Отделе, напечатаны в местных повременных изданиях или вышли отдельным тиснением, на счет Отдела, который выпустил в свет 17 книжек своих изданий.

Это обстоятельство дает в руки каждого желающего полную возможность совершенно самостоятельно судить о характере докладов и направлений деятельности Отдела.

Довольно хороший сбыт изданий Отдела свидетельствует, что они удовлетворяют существующей общественной потребности. Необходимо, однако, отметить, что Отдел совершенно не преследует коммерческих целей: включив в свою смету статью расхода в 250 рублей на издания, он отказался даже от возмещения своих затрат, пожертвовав не прибыль, а всю валовую выручку на военные нужды. Кроме того, подписка и кружечный сбор усилили лепту Отдела на великое общерусское дело. В итоге Отдел мог пожертвовать на усиление флота 772 рубля, отправить на Дальний Восток в марте 350 писанок на сумму в 70 руб. 1 коп. и 3 ноября отослать Тамбовцам и Пензенцам, в рядах коих имеются члены Отдела, 205 «рождественских мешков» с различными необходимыми для обихода предметами и 119 пар теплых перчаток на сумму 209 руб. 42 коп., не считая, в обоих случаях, многочисленных пожертвований вещами, сделанных не только гг. членами Отдела, но и посторонними лицами, сочувствующими мысли о посильном облегчении нужд наших доблестных воинов. Точные списки пожертвований и отчеты гг. членов, заведовавших отправкой посылок в Маньчжурию, будут обнародованы в печатном отчете о деятельности Отдела за первый год. Но и теперь Совет считает своим приятным долгом поблагодарить всех жертвователей за их отклик на призыв Отдела, рав-

но и тех членов, кои приложили личный труд и понесли хлопоты при снаряжении и отправке посылок.

К числу проявлений общественной отзывчивости на нужды Отдела следует причислить пожертвования книг и изданий, присылаемых на пополнение нашей библиотеки с различных концов России. Ясно, что Отдел имеет рассеянных в ее пределах друзей и приобретает все увеличивающуюся известность.

Отдел удостоился милостивого внимания Государя Императора, соизволившего повелеть: «искренно благодарить за теплые чувства», выражение коих было повергнуто к стопам Его Величества по поводу войны с Японией.

Эта Высочайшая благодарность была принята Отделом как новое побуждение к посильному служению назревшим потребностям нашей Родины.

Озираясь назад на все сделанное, Отдел должен сознаться, что, хотя по производительности его деятельность может выдержать сравнение с другими обществами, но главная работа лежит еще впереди. Необходимо расширить рамки этой деятельности и придать ей более жизненный характер. Чтения и обсуждения докладов, безусловно, полезны, но ими ограничиться невозможно. Желание стать на более практическую почву уже привело последнее общее собрание к решению открыть читальню Отдела; на очереди стоит также открытие школы или какого-либо просветительного учреждения, где идеи, положенные в основу общественной работы Русского Собрания, нашли бы себе доступ в народную среду, будили бы ее самосознание и содействовали бы укреплению в ней трезвых и ясных понятий о долге и обязанностях всех русских людей.

Конечно, все эти благие помышления могут быть осуществлены лишь при дружной, единомысленной и совместной работе гг. членов, при тесном общении между ними, так как их сплоченность, возникшая на идейной

почве, является мощным двигателем на пути к достижению общественных улучшений. В стремлении к их осуществлению сливаются все граждане русской империи, а потому члены Русского Собрания, исповедуя ненарушимую верность устоям нашего исторического бытия, вовсе не проповедуют ни розни, ни ненависти: они хотят лишь внести в общее дело свою лепту, и в сознании полной безупречности своей скромной деятельности спокойно ждут беспристрастной ее оценки. Они не отделяются от других в особую, замкнутую и нетерпимую опрочину, но, по возможности, широко отворяют двери своих заседаний и считают себя вправе рассчитывать и в будущем на общественное внимание и сочувствие. Вся наша деятельность протекает при ярком свете гласности. На многих наших заседаниях бывало гораздо больше гостей, чем членов, и весьма многие посетители, поверив своим очам, а не лживым речам, заявили о своем желании вступить в Отдел и пополнили наши ряды. Мы действовали всегда в открытую, не утаили отчета *ни об одном* заседании, ибо нам нечего прятать, нечего и стыдиться. Нам не нужен покров тайны, но желательно лишь торжество правды.

БОРЬБА ЗА РУСЬ

Харьковский Отдел Русского Собрания в своей деятельности за минувший год не оставался безучастным зрителем великих потрясений, переживаемых нашим Отечеством, но посильно откликнулся на запросы, выдвигаемые современными превратностями.

Прежде всего *несчастливая война*, принимавшая все более неблагоприятный оборот, терзавший всякое русское сердце, требовала от нас определенного к ней отношения. Мы понимали ее необходимость, заявив об этом и в телеграмме генералу Линевичу¹. Кроме того, Отдел продолжал вносить свою лепту на военные нужды как путем кружечного сбора, так и отчислением для этой же цели всей выручки от продажи своих изданий, причем на выдачу пособий раненым, утратившим трудоспособность, было истрачено 192 рубля.

Помимо помощи жертвам кровавого столкновения на Дальнем Востоке необходимо было принять во внимание явственно обнаружившуюся потребность в правильном понимании русским обществом значения великой борьбы с Японией. Этот запрос имели в виду интересные доклады проф. *Я. А. Денисова* «Мнимые причины японских успехов» и «Отклики русской женщины на современные события».

Но в этих докладах видное место пришлось отвести рассмотрению тех печальных явлений, которые делают нашу жизнь невыносимо тяжелой, роняют достоинство России и грозят даже самому ее существованию как великой державы. Внутренняя смута, все усиливаясь, показывала на необходимость идейного отпора, разъяснения нараставших недоумений, освещения происходящих

вокруг потрясений. Дважды мы возбуждали соответствующие ходатайства, удостоившиеся Всемилостивейшего одобрения, и вели борьбу словом, оказывая *идейное* противодействие революционным стремлениям: так, ожесточенные нападения на наш государственный строй вызвали доклады *М. М. Бородин* «Необходимость самодержавия для России», *кн. М. Л. Шаховского* «Один из современных вопросов» и «Вопрос или недоразумение?», *Н.И. Черняева* «О значении Самодержавия». Но отстаивание неприкосновенности и полноты власти русского Царя не превращалось у нас в слепую защиту приказного строя и западноевропейского самовластия (абсолютизма), как свидетельствуют доклады *г. Щечкова* «Истинное значение земских соборов» и «Что такое русское земство?», и ряд сообщений: проф. *П. Н. Буцинского* «Проект Сперанского о Государственной Думе», *кн. М. Л. Шаховского* «Мотивы к закону о Государственной Думе», *В.А. Задонского*² «Защищать или защищаться?», «Несколько слов по поводу проекта *г. Шипова*» и «О роли духовенства во время выборов в Государственную Думу». Не прошли мы мимо и злободневных церковно-религиозных запросов, как показывают доклады *Г. А. Щечкова* «Наше Знамя», *о. И. Пичеты*³ «О церковных сношениях России с христианским Востоком» (по поводу мученической кончины Великого Князя Сергея Александровича, бывшего председателем палестинского общества) и, в особенности, проф. *Т. И. Буткевича* «О веротерпимости в России». По последнему вопросу происходили всем нам памятные продолжительные и горячие прения, установившие, что Отдел, исповедуя завещанную нам св. Церковью терпимость к иноверцам, в то же время твердо отстаивает первенствующее положение Православия как вселенской истины.

Такую же верность своим основным, руководящим началам мы обнаружили и в отношении к инородцам: не проповедуя к ним ни вражды, ни ненависти, мы преду-

преждали от опасных увлечений и повторения старых ошибок, выдвигали на первое место насущные интересы русского народа, причем инородческому вопросу были посвящены доклады проф. *П. Н. Буцинского* «Русский мужик и немецкий мужик-колонист», *П. Ф. Булацеля*⁴ «Современное положение русского дела на финляндской окраине» и *Н. Л. Мордвинова*⁵ «О служебной роли науки и лжелиберализма».

Таким образом, служение идеалам Православия, Самодержавия и Народности неизменно оставалось главной двигающей силой всей деятельности Отдела. Но отсюда вовсе не следует, что он выступает ярким поборником косности и застоя. Наоборот, именно исповедуемые нами творческие начала требуют неуклонного проведения их в жизнь, как выясняет доклад проф. *А. С. Вязигина* «Является ли Русское Собрание противником всяких преобразований?»

Мы раньше многих других заговорили об их необходимости, но под условием сохранения незыблемыми самых устоев тысячелетнего существования России. Не разрыв с прошлым, а возвращение к самобытным началам, к бывшему встарь тесному единению между Властью и Народом спасет наше Отечество в тяжкую годину переживаемых испытаний. Ведь это прошлое живет в нашей крови, передается наследственностью телесных и духовных свойств и навыков, усваивается нами вместе с языком, орудием мышления, выкованным предшествующими поколениями. Из «кареты прошлого» не выпрыгнешь, несмотря на все усилия, несмотря на все приглашения близоруких, односторонних кабинетных проповедников, требующих отказа от всего, чем «доселе жила, крепла и росла Россия».

Невозможно вычеркнуть многовековое прошлое великого народа из книги жизни, из груди миллионов, из сознания мыслящих людей! Только на бумаге, все терпящей, допустимы упражнения над решением бу-

душих судеб без справок с прошлым, определяющим и запросы настоящего. И нет той силы в мире, которая приказала бы думать иначе убежденному человеку, свободно признающему истину великих заветов предков и свой долг продолжать их созидательную работу для блага своих детей! Разве могут честные, искренние, сознательно выработавшие определенное мировоззрение люди переменить свои политические и общественные идеалы по взмаху чьей-либо палочки, по росчерку пера носителя правительственной власти? Только холопы да прирожденные лакеи способны раболепно на все отвечать «чего изволите?»

Правда, последние события вызвали уход из нашего Собрания некоторых членов, причем иные делали из своего выхода «событие дня», трубили в газетах, кичились явной неустойчивостью и непродуманностью своих убеждений. Были примеры открытой измены нашему знамени, но это не смутило сердца верных! Плотнее сдвигались наши ряды, новые ратники заступали место выбывших, и дух искренней преданности нашим святыням явственнее сказывался в действиях оставшихся. И это очищение неизбежно: в каждом обществе могут появиться члены, вступившие в него в силу посторонних соображений, личных выгод, видов на карьеру и проч. Наши недруги обвиняли *всех* нас в угодливости правительству, объясняли самое возникновение Русского Собрания честолюбивыми замыслами и стремлениями отдельных лиц. Теперь эти нарекания должны пасть бесповоротно, ибо теперь быть членом Русского Собрания не только не выгодно, но прямо-таки опасно. Многие из нас получают прямые угрозы, испытывают «бойкот», подвергаются ожесточенным преследованиям; почтенный Д. П. Леонов едва не заплатил своей жизнью за смелое обличение насильников*. И все-таки огромное

* Гонения на «Русское Собрание» производятся не случайно, не какими-либо отдельными изуверами, а планомерно, злой волей тех

шаек, которые ведут Россию к гибели и видят в объединении русских людей помеху своим разрушительным стремлениям. Совету Харьковского Отдела известны случаи отказа от учета векселей, от продажи товаров, от места и должностей членам Русского Собрания, единственно потому, что они смеют в России объявлять открыто о своих русских убеждениях. Наши противники на каждом шагу клеветуют, лгут, производят сыск, «доносят» и карают невинных. Красноречивыми проявлениями травли на Русское Собрание служат дела студента Петрова и реалиста Култашева. Они осмелились посещать заседания Отдела и поэтому были обвинены в «шпионстве» и «доносах». Выведенный из равновесия бесконечными преследованиями, г. Петров едва не сделался убийцей своего товарища: к счастью, выстрел поранил лишь тужурку последнего. Тем не менее, против Петрова был возбужден, помимо обвинения в предумышленном покушении на убийство, гражданский иск в 10 тыс. рублей! После тщательного расследования, вскрывшего ужасную обстановку современной университетской жизни, суд присяжных признал г. Петрова невинным. Обвинение г. Култашева в шпионстве послужило поводом к волнениям в средних учебных заведениях г. Харькова, так как некоторые передовые юноши, очевидно под посторонним влиянием, требовали удаления товарища на основании темных, непроверенных слухов. К счастью, родители пробудились от своей обычной спячки; из их среды была выбрана комиссия, и «невинная жертва наглой клеветы» оказалась единогласно оправданной после целого ряда заседаний, раскрывшего всю подлую интригу. Наконец, надо припомнить нападки на деятельность Отдела и злостные измышления, распространяемые при помощи захваченной инородцами печати. Стоило, например, нескольким членам Отдела по частному почину устроить собеседование с рабочими с целью разъяснить им вред забастовок, как в еврейской газете «Новости» появилась статья, обливающая участников собеседования наглой клеветой. Правда не замедлила восторжествовать и на этот раз: рабочие за полными подписями подтвердили достоверность обстоятельного рассказа о собеседовании, составленного участниками и напечатанного в местных «Ведомостях». Опровержение клеветнической статьи было отправлено и в «Новости» заказным письмом с обратной распиской, но, конечно, напечатано не было, и еврейские газеты продолжали содействовать распространению заведомой лжи. Чья-то искусная рука упорно разбрасывала обвинения, выдавая их за беспорную истину. Полная несостоятельность этих лживых нареканий была, однако, избличена, как только профессор Гредескул был вынужден повторить в печати те бездоказательные обвинения, которые причинили, однако, многим столько нравственных страданий и бросали в Отдел грязью, обрекая

большинство членов Отдела пребывает верными раз выбранному пути. Значит, наше юное общество обнаруживает полную жизнеспособность и может рассчитывать не только на дальнейшее существование, но и на постепенное развитие.

Поэтому нам надо наметить условия, которые выдвигает сама жизнь для более успешного отстаивания наших родных святынь. Ведь как ни содержательны доклады, как ни поучительны прения, они имеют лишь ограниченную площадь воздействия, тогда как ее, безусловно, необходимо по возможности расширить, ибо на наших глазах всяческими ухищрениями стараются переделать народное мировоззрение те, кому наши прадеды вложили в уста такое характерное признание: «я русский, на манер французский, только немного погишпанистее»*. Всевозможных пород «мировые граждане» наводняют своими «прокламациями», «воззваниями», «листками» всю Россию, сеют в простых умах смуту, колеблют верования, внушают неразрешимые сомнения. Народ, несмотря на свой порыв к свету знания, пребывающий в темноте, нуждается в разъяснении действительного смысла непонятных для него явлений, истинного значения совершаемого нашей бюрократией переворота. Поэтому надо дешевыми или

некоторых из его членов даже на материальные лишения. Получив отпор, избалованный клеветник спрятался, не осмелившись продолжать честный бой во всеуслышание. Зато в своей газете он прибегнул из-за угла к чисто «провокационным» «доносам» «самозваному правительству и взволнованному обществу», а «Союз постановил не печатать изданий Отдела ввиду их «вредного направления!» Вот к чему ведут толпу поборники свободы на словах и на деле трусливые враги всякой свободной мысли! Любопытно, что буквально всюду против Русского Собрания и его Отделов прибегают к одинаковым приемам борьбы, что свидетельствует о действиях по общему плану, выработанному вожаками смуты: пробуждение русского самосознания равносильно полной неудаче их черного дела. Отсюда их ненависть к Русскому Собранию!

* *Даль В.* «Пословицы русского народа». Т. III. С. 43.

даже бесплатными, общедоступными изданиями утолить духовный голод, испытываемый нашим меньшим братом, иначе он набросится на нездоровую заморскую пищу и сильно расстроит свое духовное здоровье. Стало быть, необходимо изыскать потребные средства и людей, способных говорить с народом понятным ему языком, могущих раскрыть глаза на происки, угрожающие благосостоянию всей страны и показать воочию несостоятельность и непригодность навязываемых нам порядков.

Одновременно с так направленной издательской деятельностью надо прибегнуть к живому слову, устраивая собеседования с ищущими правды, желающими обосновать и отстоять свои верования и убеждения от нападения противников. Очень многие просто не умеют спорить, не располагают необходимыми сведениями и данными для защиты своих убеждений, а потому уклоняются от борьбы с более опытными, развязными и не стесняющимися в выборе доказательств насадителями зарубежного строя. Не подлежит сомнению, что громадное большинство не оторвалось от родной почвы, что у нас множество единомышленников, лишь по неведению к нам не примыкающих. Ради удовлетворения несомненной потребности многих уяснить себе значение исповедуемых нами начал надлежало бы, не отказываясь от докладов, устраивать простые собеседования по заранее намеченным вопросам, имеющим ближайшее отношение к нашим основным задачам.

Простая, безыскусственная речь, живой обмен мнений, несомненно, принесут значительную пользу тем, кто не привык или не может постоянным чтением разнообразных книжек отыскивать решение своих недоумений. Дружная совместная работа, столкновение различных точек зрения, яркое освещение более опытными и сведущими непонятного другим внесут в среду наших сограждан немало полезных данных и разовьют при-

вычку вести борьбу с мнениями, а не лицами, отстаивать свои убеждения доводами, а не насилием!

Но и общедоступные издания, и беседы, и доклады не могут заменить своего органа, газеты, которая бы дала непосредственный отклик на быстро мчащиеся события, разрешала вопросы дня, руководила и направляла бы жаждущих правды на верный путь среди тех бездонных пропастей, извилистых ущелий и глухих тупиков, кои в изобилии преграждают ход всем нам желанного преобразовательного движения.

Жизнь не ждет выпуска листка, устройства беседы или написания соответствующего доклада: она сегодня требует ответа на выдвинутый ею вопрос, и рядовой обыватель заваливается грудой неразрешимых загадок, усваивает противоречивые мнения, наконец просто плывет по течению... Для целесообразного отстаивания своих идеалов нам нужно собственное повременное издание. В этом мы согласились уже давно на наших общих собраниях. Теперь необходимое разрешение уже получено. Итак, настала пора от слов перейти к делу и высоко поднять русское знамя, знамя стойкой охраны своих священных прав, верного выполнения обязанностей перед народом, отпора непомерным притязаниям кичливых инородцев и широкой терпимости к тем, кто, уважая наши идеалы, искренно хочет идти рука об руку с нами к водворению свободы и порядка.

Шла речь у нас и о русской школе, где бы наши дети воспитывались в нашем народном духе, а не превращались в бастунов, болтунов, невежд и преступников. Это грозная, неумолимая, насущная потребность, ибо наши дети должны быть продолжателями нашего дела, а не разрушителями нашего многовекового уклада. Зеленая молодежь, несведущая, неопытная, развращенная передовыми педагогами, попала в цепкие лапы инородческих руководителей революционного движения: всюду неучащиеся студенты, ученики всяких школ устраивают за-

бастовки, принимают участие в уличных беспорядках, руководят погромами, стреляют в войска и безоружных «патриотов». Очевидно их направляет чья-то злая воля, превратившая по природе мягкое, отзывчивое и честное русское юношество в «стаю насвистанных попугаев», в слепое орудие разрушения той самой Родины, где им же придется работать и жить. Истребление накопленных веками богатств, памятников старины, искусства, науки — вот попрание, на котором подвизается «молодая Россия!» Правда, только сравнительно немногие всецело примкнули к разрушителям, но все почти безмолвствуют, не проявляя своей воли, поддаются внушению. Надо вырвать школу из рук политиканов, считающих ее захват лучшим средством для поимки пресловутого «таракана». Ни в одной стране мира детей не превращают в «борцов», понимая, что только сознательно мыслящий и самостоятельный человек может возвышать голос и предъявлять «требования». Кто из нас может спокойно согласиться, чтоб его сына или дочь развращали, толкали на улицу, подводили под пули и нагайки, обращали в злодеев, негодяи, скрывающиеся в безопасной дали? Пора нам поднять вопрос об учреждении такого учебного заведения, которое бы воспитывало, обучало и подготавливало к жизни подрастающие поколения! Сил у нас достаточно, а средства должны дать те родители, которые не поощряют праздности и политиканства своих чад! У нас не будет людей, чуждых нам по вере и крови, а потому не будет ни забастовок, ни беспорядков! Если правительственная школа представляет собой разлагающийся труп, то общество обязано создать свой питомник просвещения для юных душ. Раз мы откроем школу Русского Собрания, то спасем своих детей и окажем Родине несомненную услугу.

Но этим не исчерпываются обязанности, возлагаемые на нас современными условиями: мы попали в вихрь политической борьбы и не смеем ни оставаться

безучастными зрителями, ни отдаваться на волю бушующих волн: необходимо на собраниях и сходах, в кругу знакомых и в избирательных заседаниях отстаивать наше родное, русское, необходимо подготовиться к выборам как в Государственную Думу, так и в городские и земские самоуправления. Враг торжествует, но русская сила не сломлена, не перевелись еще стоятели за правду, смелые обличители лжи и честные оберегатели интересов населения. Надо не пускать в Думы и Управы тех, кто не выполняет своих служебных обязанностей, хорошо оплачиваемых на счет вносимых нами и непомерно вздутых налогов! Пусть политиканствуют, покрывая издержки из собственного кармана, а не из нашего! Мирному, трудящемуся люду надоели разорительные забастовки, пагубные смуты, прерывающие правильный оборот товаров, обмен спроса и предложения, одинаково опасные и для производителей и потребителей. Разрушительный напор уже разбивается о несокрушимую верность русского народа; во множестве мест возникает грозное встречное течение; всюду зашевелились русские люди, понимающие, что теперь надо самому народу встать на защиту потрясаемых основ; всюду возникают общества, собрания, кружки, которые образуют ячейки действительно «освободительного движения». Да, пора нам сбросить с себя инородческое, бюрократическое иго, пора нам, кровным русским, показать, что мы хозяева родной земли, а не бездомные пришельцы, не имеющие даже собственного отечества!

Но не ужасами и зверствами погромов надо обуздать зазнавшихся инородцев, а широкой сплоченностью и ответным бойкотом. Нам закрывают кредит, нам не продают товаров, наши предприятия пускают по ветру, но без покупателя не может существовать продавец. Поэтому, если мы будем покупать только у своих, то многие примирятся. Конечно, силы Отдела не так велики, чтоб он мог вести одинокую борьбу. Но последние события при-

вели к сближению прежде разрозненных и затерянных по градам и весям России ее верных сынов. С разных концов к нам протягиваются дружественные руки, и мы стоим накануне объединения всех противореволюционных обществ во *всенародный русский союз*, исповедующий те же самые начала, служению которым мы отдали самих себя! Теперь обстоятельства изменились в нашу пользу: Свобода собраний и союзов лишила наших противников той монополии, которая позволила им раньше нас организовать; нас сдерживало запрещение закона, они этим не стеснялись, но теперь наше положение сравнялось. Свобода слова и печати также полезнее для нас, чем для распространителей прокламаций и говорунов на неразрешенных «митингах». Ведь они наводняли всю Россию своими «нелегальными изданиями», имея подпольные типографии, произносили зажигательные речи, — наши же уста оставались загражденными уважением к предписаниям власти. Теперь может раздаться и наше свободное слово, ибо даже администрация графа Витте не может помешать нам сообразно новым законам расширить свою деятельность — и мы ведь имеем неприкосновенность личности. Правда, самозванные правители, выдающие себя за выразителей пожеланий *всего* народа, выступают против нас с разнообразными запрещениями, но эта затея показывает лишь на признание невозможности одолеть нас в гласном состязании! Кто уверен в своей правоте, тот хочет одинаковых прав и для своего противника, ибо только тогда победа над ним имеет общественное значение. Если же вместо столкновения мнений «передовые борцы» прибегают к темным способам, то этим самым они лишь подчеркивают свое умственное бессилие, свою неспособность честно послужить русскому народу и его Державному Вождю.

Великие блага получила Россия по воле Государя, взывающего ко всем верным заветам родной старины о содействии его начинаниям. Пусть же не остается дер-

жавный призыв гласом вопиющего в пустыне! Все теперь зависит от умения русских людей достичь желанного единения.

Железным сомкнуты кольцом,
Восстанем мы непобедимо —
Лишь тесно слитая с Царем
Святая Русь неразделима.
Кровавой куплены ценой
Ее державные владенья!
Наследья старины родной
Мы не дадим на расхищенье!
Пусть всякий, кто Отчизну чтит,
Кто верит в Русь, идет за нами!
Господний Промысел нам щит,
Престолу верность — наше знамя!
Объединясь теперь под ним,
В борьбу за Русь мы смело вступим,
Ее основы отстоим
И стойкостью победу купим.

ЧТО ТЕПЕРЬ ДЕЛАТЬ РУССКИМ ЛЮДЯМ?

«Непреклонная Царская воля» привлекает ныне «достойнейших, доверием народа облеченных, выборных от населения людей» «к работе государственной», дабы установить, как «было встарь», единение «между Царем и *всею Русью*», ради укрепления в ней прочного порядка, вполне отвечающего «самобытным русским началам», «при непременном сохранении незаблестимости основных законов империи». Стало быть, долг верноподданных и святость присяги повелевают «благомыслящим людям всех сословий и состояний, каждому в своем звании и на своем месте» соединиться в совместной работе над осуществлением державных предначертаний, направленных к «обновлению духовной жизни народа, упрочению его благосостояния и усовершенствованию государственного порядка». Для достижения таких благих и высоких целей необходимо, чтоб воля царская была «выполнена правильно», чтоб не была разорвана «естественная связь с прошлым», чтоб не был разрушен «существующий государственный строй» предпочтением «начал, нашему Отечеству несвойственных» и чуждых русской жизни.

Вопреки столь определенным и ясным указаниям Самодержца лукавые витии, выдавая себя, без всякого права, за уполномоченных стомиллионного народа, упорно и настойчиво стремятся введением зарубежного строя отдать Св. Русь в кабалу людям, «чуждым нам по вере и крови», навязывают нам «конституцию», при которой, по наглядному опыту всех других стран, неизбежно господствуют подкуп, насилие и произвол борющихся из-за власти партий в прямой и непоправимый ущерб на-

селению. «Благо же русское», по «заветам родной старины», требует, чтоб только русские, тысячелетним трудом создавшие свой дом, оставались в нем полными хозяевами, чтоб наше крестьянство и ныне выносящее на своих плечах главное бремя всяких налогов, весьма часто употребляемых самоуправлениями не на прямую пользу плательщиков, само высказало свои подлинные желания, послав в законосовещательное учреждение своих выборных, которые не станут говорить там блестящие речи, а наверное проявят живую и плодотворную деятельность в соответствии насущным нуждам и коренным народным стремлениям. Поместное дворянство, искони верное самобытным русским началам, должно рука об руку с крестьянством продолжать свой многовековой труд над водворением правды и наряда в нашем Отечестве, руководясь заветами св. Православной Церкви, внедряемыми в души верующих ее достойными пастырями.

Соединенными и дружными усилиями духовенства, служилого дворянства и крестьянства мало-помалу создавалась и разрослась могучая русская держава, и ее великое прошлое обещает полный успех совместной их работе, руководимой Государевой волей. Нельзя, однако, упускать из вида, что к нашему времени усложнение бытовых условий постепенно выдвигало новые общественные силы, а потому справедливость требует призвать к совещанию о домостроительстве государственном наше купечество, городских обывателей, промышленников и рабочих, дабы все трудящиеся и производительные подразделения русского народа могли внести свою долю в общее дело. Та же справедливость побуждает отвести совещательный голос культурным инородцам, обладавшим своей собственной территорией, по приговору истории ныне нераздельно связанной с Российской империей.

Итак, каждый из благомыслящих русских людей по воле Царской обязан безотлагательно приложить самые рачительные старания, чтоб в состав законосовещатель-

ного учреждения вошли действительно лучшие люди, «выборные», облеченные народным доверием и способные честно и совестливо радеть о всяком Государевом деле». Нынешних же городских и земских деятелей, как избранных для несения особой, ясно указанной законом службы населению нельзя огульно признать пригодными для участия в законосовещательном учреждении: одни из них ничего не делали, другие слишком много говорили и даже открыто ратовали против самых устоев вековой жизни России, а потому отнюдь не могут пользоваться всенародным доверием. Последние прискорбные для всех любящих Родину события должны всех пробудить от сладких мечтаний, неоспоримо доказав, что группа известной окраски, весьма малочисленная по сравнению с народным множеством, но сильная своей сплоченностью и беззастенчивостью, явственно хочет навязать всем свою разрушительную программу и, при помощи инородче-

* Что же касается способов избрания их, то, по нашему мнению, при многомиллионном и чрезвычайно разнообразном по культурному уровню и племенному составу населении России не может быть и речи о «всеобщей и прямой подаче голосов», которая, кроме того, потребует от бедной страны неслыханно большой затраты времени и средств. Поэтому правоспособными избирателями необходимо признать лишь лиц, достигших гражданского совершеннолетия (25 л.) и платящих какой-либо государственный налог по имуществу или роду занятий. Женщины не могут быть лишены тех прав, коими они пользуются по земскому и городскому положению, и должны сохранить право передачи принадлежащих им голосов. Во избежание давлений на избирателей и подлогов с записками в стране малограмотных, выборы могут производиться только шарами и должны быть по крайней мере двустепенными во избежание излишней многочисленности членов совещательного учреждения, навязывающего ему все недостатки многолюдной и пестрой толпы. Срок действия полномочий и предметы занятий нового учреждения каждый раз заранее определяются Самодержавным Государем, распускающим собрание по своему усмотрению и до срока, раз деятельность членов будет признана несоответствующей русским началам. Если даже выборы в законосовещательное учреждение и будут бессловными, то и тогда предварительная их подготовка сословными группами принесет свою пользу, выдвинув потребных России людей. Чем больше прав получит это учреждение, тем необходимее озаботиться о достойных «выборных».

ской или рабски услужливой печати выдает своих членов, выкрикнутых на каких-то «частных совещаниях», за подлинных народных представителей, за истинных истолкователей настроения и пожеланий всей земской и городской России. Этим самоизбранцам, подавляющим свободу иномыслящих, необходимо, наконец, дать надлежащий общественный отпор и немедленно приложить усилия всех сторонников порядка и законности к подготовке избрания в законосовещательное учреждение надежных, честных, безбоязненных и любящих Родину людей. К сожалению, они по своей скромности остаются в тени, не кричат о своих гражданских добродетелях и в большинстве случаев оказываются даже совершенно неизвестными широким кругам избирателей, что при выборном начале отдает страшный перевес уже успевшим объединиться противникам устоев русского государственного и общественного уклада. Вот почему надо признать существование величайшей опасности, грозящей, что при таких условиях избранными окажутся не более многочисленные, но еще не сплотившиеся поборники «самобытных русских начал», но как раз их непримиримые враги, которые предадут на долгие годы наше Отечество гражданской смуте и даже усобицам, ибо и ныне замечается крайнее озлобление народа против непрошенных благодетелей с их подстрекательствами и назойливыми прокламациями, против «будущих правителей», которые уже теперь отняли у страны внутренний мир и подорвали правильную в ней общественность своими насилиями и убийствами.

Стало быть, первая и главная неотложная потребность нашего смутного времени — *объединение всех* на почве добросовестного, чуждого кривотолков и искажений, выполнения царских предначертаний, а не споры и пререкания о подробностях. Надо проникнуться духом искренней уступчивости и соглашения, дабы сплотиться ради творческого служения нашей общей Матери, несчастной, но великой России. Если мы то и дело узнаем

о «постановлениях и требованиях» всевозможных «частных съездов» шумливых и говорливых представителей крайнего направления, то и все умеренные должны, наконец, возвыситься смело и открыто свой голос и устроить свой съезд. Для успешного противодействия смуте надо повсеместно немедленно образовать ячейки единомышленников, которые выяснили бы, на кого из местных людей лучше всего для «государева дела» следовало бы возложить тяжелое бремя борьбы в законосовещательном учреждении с началами, чуждыми русской жизни, и выяснения перед Престолом ее подлежащих удовлетворению нужд и насущных потребностей. В особенности важно заблаговременное разъяснение крестьянам необходимости самостоятельного избрания действительно «добрых мужей совета», способных безбоязненно постоять за наши святыни и правдиво поведать Царю о запросах деревни, а не смутьянов и горланов из «худых мужиков-вечников».

Пусть каждый постарается сговориться сначала со своими соседями и близкими знакомыми, выясняя общими силами положение дел всем остальным, а затем уполномоченные от более или менее значительного количества местных людей должны съехаться для выработки общего плана повсеместной деятельности, необходимой для правильного осуществления задуманных Царем широких преобразований.

Это воззвание наше просим распространять между единомышленниками, дабы поскорее сплотить их в могучую и непреодолимую общественную силу, направленную на бескорыстное служение благу и величию России*.

* Позволяем себе указать на важнейшие из существующих уже «союзов», преследующих приблизительно одну и ту же цель — обновление России в духе ее самобытных начал: Петербург. 1) «Русское Собрание». Троицкая, 13. Совету. 2) Отечественный Союз. Галерная, 58. Графу Бобринскому, «Союзу». Москва. 3) «Союз Русских людей». Поварская, дом Коннозаводства, гр. П.С.Шереметеву. 4) Страстной бульвар. Редакция «Московских Ведомостей», Монархической партии. 5) Варшава. Русский Кружок. А. А. Боголюбову. 6) Одесса. «Отдел Русского Собрания». Юнкерское училище. 7) Харьков. «Отдел Русского Собрания». Редакция журнала «Мирный Труд».

МИНИНСКАЯ КОПЕЙКА

1.

Судьба сделала нас современниками новой великой смуты, грозящей учинить «разорение» Русскому государству, лишить наш народ его заветных вековых святынь и отнять у него первенствующее положение, приобретенное многовековыми усилиями длинной цепи поколений. На нашу государственность обрушился свирепый напор инородческих притязаний, ибо потомки покоренных нашими предками под ноги Самодержца Всероссийского «врагов и супостатов» высоко подняли голову и дерзко стремятся к упразднению Св. Руси. Их слепыми холопами-«ворами» и изменниками Родине выступают, к вящему позору, наши братья, купленные золотом, одуроченные сладкими речами и соблазнительными посулами. К счастью, мощь русская так еще велика, что выдержала и трудную, бесславную войну и бессмысленную революцию. О несокрушимую верность русского народа законной Власти разбилась первая яростная волна мутного освободительного движения, но опасность еще не миновала: вдали белеют гребни новых надвигающихся валов, и на обессиленную внутренними неурядицами Россию вот-вот налетит «девятый вал» в виде иноземного вмешательства: по всей границе нашей идут соседские приготовления к войне, и она может вспыхнуть скорее, чем ожидают многие. Поэтому русским людям надо заблаговременно подготовиться ко всяким случайностям и помнить, что из «московской разрухи» начала XVII века нас вывело духовное объединение и самоотверженная всена-

родная жертва на уплату жалованья «ратным людям». Великий Минин¹ понял значение всенародной копейки и умелым ее расходованием дал земским ополчениям устойчивость, прочность и силу.

В надвигающейся великой борьбе за духовную, а может быть, и политическую свободу России вопрос о денежных средствах имеет сугубо важное значение, ибо сейчас идет незримая для многих отчаянная мировая борьба: человечество охвачено все плотнее сжимающимися кольцами золотой змеи, и поклонение развратному кумиру — золотому тельцу приобретает все большее распространение, не только отдельные люди, но целые народы и царства попадают в кабалу его жрецам. Средством закабаления является принявшая повсюду неслыханные размеры государственная и всеобщая задолженность. Ежегодно из России сотни миллионов идут целыми вагонами золота в карманы банкиров: им мы отдаем и тук наших полей, и богатства наших недр, лесов, рек и морей. На алтарь золотого тельца привносится и личное дарование, и женская красота, и душевная чистота юношества. Из страны медленным, «но верным путем высасываются все соки, и хозяйское место занимают пришельцы: печать в их руках, а потому они руководят мнением толпы, будят в ней низкие страсти, толкают на ложный путь, дабы расширить дорогу своим присным; бедняк не найдет себе защиты, ибо правосудие сменилось черной неправдой, ибо законы превратились в густой непроходимый лес, где без проводника не найти управы, а суд «скорый и милостивый» существует только для богатых и клеветов освободителей. Вопиющая дерзость молодежи, оскорбляющей своего наставника, наказывается пустым денежным штрафом, и тем внушается опасная мысль, что богатому все позволено, и с деньгами можно совершать самые дикие проступки, а тюрьмы существуют только для бедняков, — в

большинстве наших братьев по вере и крови. И в самом деле, несчастные русские люди, выступившие на защиту своих верований, по долгу присяги вставшие за поруганную честь своего Государя, томятся по тюрьмам, а их дети голодают, между тем как разные «бомбисты» и «освободители» вносят крупные залогов и остаются на свободе. Осиротевшие семьи верных сынов России, кровью своей мученически запечатлевших свою преданность Матери, остаются без помощи, обрекаются всем ужасам нищеты и полупрозябания. Русских рабочих пытаются и выгоняют из заводов и фабрик, дабы лишением честного заработка покарать их за твердость убеждений, ненавистную лживым проповедникам свободы.

Всем этим жертвам освободительного движения надо помочь, надо утереть слезу вдовицы и сироты, надо воспитать из детей погибших продолжателей подвига их доблестных отцов. Надо поддержать безработного, надо протянуть руку помощи русскому торговцу, несущему «бойкот» за свое «черносотенство». Надо создать русскую школу, где бы наши сыновья и дочери не развращались «освободителями», а воспитывались, согласно неоднократно выраженной воле Государя и желанию миллионов родителей, в духе преданности Св. Церкви, Престолу и Отечеству. Надо открывать глаза ослепленным, надо будить спящих, надо освободить русскую народную мысль от нового «вавилонского пленения», рассеивать туман лжи и обмана, окутавший нашу Родину благодаря продажной печати. Надо создать русскую общественную взаимопомощь, ибо только тогда мы твердо станем на собственные ноги и займем устойчивое положение, независимое от правительственных веяний и направлений. Наше дело — чистое и должно остаться чистым, а потому нам не нужны правительственные подачки, всегда обязывающие и развращающие. Если Россия

жива, если в ее сынах сильно сознание долга, то каждый из них пойдет по стопам Минина и скажет: все, чем мы владеем, дало нам Отечество; в моих жилах течет влага его рек, мое тело состоит из праха его полей; я — мимолетный гость земли родной, получивший в пожизненное пользование унаследованное от предков достояние; я — управитель своего имущества, ибо его с собой в гроб не заберу. Настал грозный час испытаний для Родины, давшей мне жизнь, защиту государственную, имущество, образование. Как признательный сын я должен помочь своей матери в ее горькой нужде, я должен от средств своих уделить своим братьям и способствовать всеобщему излечению от искусственно прививаемой болезни, я должен содействовать отрезвлению и освобождению от духовной неволи своих ближних, а потому надлежит мне последовать примеру предков и внести свою лепту на великое общенародное дело. Правда, еще не настал час, когда, по образцу нижегородцев, для спасения Отечества потребуются поступаться третью имущества, но надо опасность прозревать и предупреждать заблаговременно и в основу своего гражданского поведения положить не минутный порыв, а неуклонное служение насущным интересам России, постоянную поддержку русского дела неиссякаемым притоком средств. Каждый из нас должен всегда чувствовать себя членом великой семьи, нуждающейся в помощи и борющейся за свои святыни, ежеминутно угрожаемой со всех сторон вражескими ковами и домашним предательством.

Для самовоспитания русского человека, способного на высокое самопожертвование, но быстро охлаждающегося, надо ему приучиться к постоянной заботе о России для русских. Для осуществления этого стремления важны не случайные пожертвования, а постоянные, хотя и небольшие, взносы. Поэтому пусть каждый определит возможный, по своим возможностям и

средствам, размер такого взноса и делает его постоянно, не смущаясь его размерами. Для огромного большинства членов разных союзов не будет в тягость отчислять по одной копейке в день на общерусское дело, это составит всего лишь 30 коп. в месяц, или 3 руб. 65 коп. в год. Но необременительный для отдельного лица взнос даст нам необходимые денежные средства, ибо в черносотенных рядах насчитывается теперь до 6.000 000 занесенных в списки членов. Если все они будут вносить «копейку Минина», то это составит 60 000 руб. *ежедневного прихода*, или 1.800 000 руб. в месяц. С такими средствами нам не страшен никакой «кагал», и многоразличные нужды русских людей найдут быстрое и своевременное удовлетворение. Конечно, каждый может сделать для себя обязательным больший или меньший взнос — бедняк внесет, быть может, всего лишь одну копейку в год, зато богатый имеет возможность затратить и рубль в день на святое дело. Кто хочет, может внести свое имя в списки обязавшихся вносить «копейку Минина» в определенном размере и в установленные сроки, а кто пожелает остаться неизвестным, тот будет опускать свою лепту в кружку для сбора «Мининской копейки» или станет поддерживать то или иное патриотическое начинание, распространять противореволюционные листки и книжки, учреждать и пополнять читальни для союзов, устраивать чайные, содействовать денежной поддержкой облегчению горькой участи страдальцев за Родину и их семейств, откликаться на неотложные и многообразные местные нужды, ибо потомкам хозяев земли русской в иных городах даже негде собраться, тогда как к услугам врагов русского народа безвозмездно имеются великолепные залы земских и городских собраний, народные дома и иные помещения, воздвигнутые, однако, на средства, доставляемые прежде всего «господствующей народностью». Всюду ощущается

нужда то в том, то в другом, и перед каждым из нас открывается необозримое поле служения родному народу, обширная, требующая делателей добрых духовная нива.

Выходите же на творческую, созидательную работу русские люди и пред лицом всего мира покажите, что вы достойные потомки предков, освободивших Россию от боярской крамолы, воровства служилых людей, иезуитских замыслов, буйного своеволия черни и иноплеменного порабощения. Да послужит нам всем путеводной звездой великий образ нижегородского «говядаря», в силу пламенной любви к Церкви Православной и Родине сделавшегося «выборным всея земли человеком» и спасителем России!

2.

Во всех странах пробуждение национального самосознания вело к появлению духовного голода, к стремлению получить умственную пищу, которая давала бы утоление жгучим вопросам современности и питала бы стихийно сложившиеся чувства и убеждения их разумным обоснованием. Всюду национальное движение встречало в знатных и богатых людях поддержку, и чешская, польская, греческая, итальянская родовая и денежная аристократия вписала свои имена в историю освобождения родного народа. Бедный люд также вносил и вносит свою лепту на общенародное дело; множество мелких взносов давало и дает борющимся за национальные начала постоянный прилив средств, необходимых для отстаивания родных устоев. Опыт показал, что важнее всего упорство, настойчивость и постоянство стремления. Громадные жертвования быстро испарялись благодаря необъятным нуждам, и только непрерывный прилив мел-

ких капель восполнял пробелы, создавал «матицы» и другие общепользные предприятия. Они держались и держатся на самообложении, которое имеет крупное нравственное значение: наше воспитание не развивает воли, а потому у нас «широкие, благие порывы» преобладают над «маленькими делами». Нам надо развить в себе волю, и в этом отношении даже незначительное самообложение является пробным камнем: надо ежемесячно исправно вносить свою лепту на какое-либо общепользное народное русское дело. Для громадного большинства внесение одной копейки в день отнюдь не обременительно, но зато весьма полезно для развития живого интереса к той или иной задаче, для выработки характера, для установления воли.

Судьба «Мининской копейки» показывает, что лишь немногие, по преимуществу женщины, обладают постоянством и твердостью решений. Незвестная никому вдова исправно каждый месяц доставляет ежемесячную «лепту вдовицы»; заведомо малосостоятельные женщины также выполняют свое самообложение и даже «извиняются», когда по внезапной болезни или какому-либо чрезвычайному расходу не могут вовремя внести свой обычный взнос, просят «обождать». Эти чистые души вселяют несказанную отраду в сердце и придают мужество в упорной борьбе за просвещение русского народа, за распространение в его среде здоровых и трезвых понятий в противовес революционной пропаганде.

Конечно, в общем средства малы, рвение многих жертвователей ослабело, многие «забывают», но вся сила в том, чтоб наша душа *всегда помнила* раз принятые обязанности, всегда горела любовью к братьям своим, всегда протягивала им посильную руку помощи. Помощь эта нужна, ибо с разных мест России присылают просьбы о присылке книжек и листов, описывают благотворное воздействие полученной патриотической

литературы и просят еще и еще, сетуя на бедность отделов, на скудость их средств.

Но эти средства есть всюду, ибо в мирской копейке кроется несокрушимая сила; нужно только, чтоб она действовала неуклонно и постоянно, ибо и океан состоит из капель, слившихся воедино. Так и русские люди, установив для себя размер своей ежемесячной капли, могут без особого обременения собрать море необходимых средств и взаимной, неустанной поддержкой сохранить добрые и полезные начинания. Надо только, не смущаясь размерами лепты, помнить всегда о ней и о питаемом ею великом общем деле.

КАИНОВО ОТРОДЬЕ

Столетня годовщина рождения (25 февр. 1914 г.) известного «украинского» поэта Т. Г. Шевченко ознаменовывается рядом торжественных чествований в разных городах России и освящением места для постановки ему памятника в Киеве. В повременной печати уже раздалась, однако, голоса, горячо протестующие против этих торжественных поминок и указывающие на запрещенные произведения «Кобзаря» как на причину такого протеста. А потому на каждом общественном деятеле и самостоятельно мыслящем гражданине лежит прямая обязанность посылно разобраться в этом спорном и жгучем вопросе. Выполняя этот долг, я пришел к иным выводам, чем харьковская городская дума, уже постановившая отметить торжественным чествованием столетие рождения Т. Г. Шевченко¹, и считаю своей нравственной обязанностью во всеуслышание сказать то, что мне говорит властный голос моей совести.

Как потомок чугуевских казаков и уроженец Харьковской губернии, я еще в раннем детстве с увлечением и наслаждением читал произведения Квитки², Котляревского³, Шевченко, и моему сердцу милы и дороги как малороссийские «думы», так и песни бродячих лирников, с которыми у меня связано столько отрадных, незабываемых воспоминаний...

Поэтому мое «особое мнение» вовсе не является выпадом против малорусской литературы, а плодом мучительного перелома в моей душе, вызванного ближайшим знакомством с полным «Кобзарем⁴» Т. Г. Шевченко. Оно разрушило взлелеянный с детства образ поэта-народника, страдающего за малых, слабых и обиженных, но среди

несчастий сохранившего «теплое религиозное чувство и страх Божий», которые, по мнению проф. Н.Ф. Сумцова⁵, «проникают весь «Кобзарь». Конечно, я и раньше знал о существовании запрещенных стихотворений Т.Г. Шевченко, но до последнего времени не был с ними лично знаком и смотрел на них как на «ошибки» и увлечения молодости, искупленные раскаянием поэта и уже прощенные Самодержавным Царем. Одним словом, я стоял на такой же точке зрения, какую и ныне защищает проф. Н.Ф. Сумцов в своей последней статье «Т.Г. Шевченко и его зарубежная литература» («Южн. Край», 24 января 1914 г.), где, между прочим, говорится: «Т.Г. Шевченко давно уже прощен за свои зарубежные произведения; он отбыл за них десятилетнюю ссылку и прощен самими властями; ныне эти зарубежные стихотворения остаются снова только зарубежными; не стоит о них и вспоминать, тем более что сам поэт неоднократно в письмах к друзьям и в стихах сожалел, что подчас писал необдуманно и накликал на себя много горя и лишений. Так, в стихотворении «Чи ты недоля, чи неволя» 1850 г. Шевченко бросил глухой укор тем, которые внушили ему мысль писать «погани вирши». «Вы, говорит он, положили на пути моей жизни тяжкий камень и разбили на нем мое маленькое убогое сердце», а немного позднее, в 1853 году, в горестно-шутливом письме к одному своему другу Т.Г. Шевченко говорит: «Ех, та то-б було Тарасе не писать поганих вірш, а то посивів, оголомозів»...

Таким образом, проф. Н.Ф. Сумцов и теперь изображает Т.Г. Шевченко «раскаявшимся грешником», который еще в ссылке, прослышав о Высочайшем помиловании, писал Кухаренку: «Добрый царь уже дав приказ разбивать мои кайданы, і плачу, і молюсь, і все таки не вірю. Десять літ! Вимовить страшно». А вернувшись из ссылки, уже в Петербурге Т.Г. записал в своем дневнике: «Одно воспоминание о прошедшем приводит меня в трепет... Но мимо, пройдем мимо, забудем и простим, обра-

тимся к светлому и тихому)... «Забвение прошедшему», пишет он в другом месте Дневника, «забвение прошедшему, мир и любовь прошедшему»...

Увы, действительность не оправдывает этих уверений Т.Г. Шевченко, как показывают его же произведения, вошедшие в состав полного «Кобзаря», выдержавшего с 1907 по 1911 год четыре издания и беспрепятственно разошедшегося по всей России в десятках тысяч экземпляров. В 1911 году все четыре издания были объявлены запрещенными, и это обстоятельство побудило меня вновь обратиться к творениям любимого поэта моего детства. Тяжко мне было перечитывать страстную проповедь ненависти к «поганым москалям», братьям по вере и крови, призывы к дикой кровавой расправе с властью имущими и даже цареубийству, но невыразимым гнетом на мою душу легли кощунственные выходки Т.Г. Шевченко против самых заветных святынь христианства: богохульная поэма «Мария» заглушила во мне всякие колебания и последние сомнения, ибо для моей совести не всуе звучат непререкаемые евангельские глаголы: «Кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь и Я от того перед Отцем Моим Небесным» (Мф. 10, 33). «Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин. 3, 36)...

Узнав мучительным путем правду, я не смею ее утаивать, ибо верую, что «открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою» (Рим. 1, 18) и памятую назидание Спасителя: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновый камень на шею и бросили его в море» (Мк. 9, 42).

Для каждого искренне верующего человека грозным предостережением является апостольское назидание: «Если бы даже мы, или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, — да будет анафема»...

Между тем Т.Г. Шевченко в целом ряде своих произведений подрывает главные устои христианства и совершенно расходится с евангельским благовествованием, причем самые кощунственные и богохульные произведения написаны им не до ссылки, а именно после возвращения из нее, что совершенно разрушает построение проф. Н.Ф. Сумцова. «Раскаяние» и «умиротворение» Шевченко существовали напоказ в его «Дневнике», а в действительности Высочайше помилованный в 1857 году Шевченко, будучи уже в Нижнем Новгороде, пишет в том же году полное злобы глумления над Царем и богохульства стихотворение «Юродивий».

Революционное настроение пропитывает грубые «вирши» «Я не нездужаю», написанные в ноябре 1858 года в Петербурге. К 1859 году относятся переполненное ненавистью и зовущее к кровавой расправе подражание «Осии гл. XIV» и самое мерзкое и богохульное из произведений Шевченка — поэма «Мария», гнуснейшим образом искажающая евангельское повествование о Благовещении и Рождестве Христовом, равно как изображающая Успение Божией Матери так, что должно содрогнуться от негодования и омерзения сердце не только всякого верующего христианина, но и просто уважающего чужие верования человека. Каждый культурный «интеллигент» после знакомства с этой действительно «поганой» поэмой Шевченко не сможет забыть его наглое глумление над священными церковными и народными верованиями, ибо истинная культурность развивает в людях взаимную терпимость и уважение к исповедуемой другими вере, тогда как только грубый духовный дикарь может позволить себе издевательство над «святыми» целых миллионов людей.

Наконец, последний (1860) год жизни Т.Г. Шевченко особенно богат произведениями, изъятыми ныне, по государственному соображению, из свободного обращения. Так, в мае он пишет «Молитви», в коих резко высту-

пает против царей, в июне составляет кощунственный «Гимн Черничий», и в стихотворении «Світе ясний, світе тихий» предлагает «з багрянниць онучі драти, люльки з кадил закуряти, «явленними» піч топити, кропилами нову хату вимітати». В сентябре следует новый выпад против царей («І Архимед і Галілей»); в октябре те же мысли проводятся в «Сауле» и в стихотворении «Хоча лежачого», где воспевается, как «люди тихо, без всякого лихого лиха царя до ката поведуть»... В ноябре «благодарный» за помилование Шевченко опять обрушивается на царскую власть («О, люди, люди небораки»), отрицает бытие Божие («Якось то йду я у ночі») и высмеивает Галагана⁶, Киселя⁷ и Кочубея⁸, выражая надежду на наступление времени, когда «розтрощить трон, порве порфиру»... («Бували війни»).

Одним из последних произведений Шевченко является отвратительное ругательство над женской чистотой в известном стихотворении «Великомученице куме», призывающем к блуду хранившую «ціломудріє» девушку, которая якобы «гнівіла Матір Божію своїм смиренієм лукавим».

Таким образом, хронологическая справка показывает полную несправедливость утверждения проф. Сумцова, будто Т.Г. Шевченко, подобно Пушкину, отрекся от своих «зарубежных произведений» и окрестил их в письме к другу «погаными виршами»: письмо это написано еще в 1853 году, а громадное большинство запрещенных и ныне стихотворений падает на 1857–1860 годы, тогда как из ранних произведений остается под запретом лишь стихотворение «Царі», написанное еще в ссылке в 1848 году. Стоит его сопоставить с указанными выше творениями Шевченко, и тогда каждый беспристрастный читатель убедится, что проф. Сумцов жестоко ошибается, ставя рядом «отречение» Пушкина и «раскаяние» Шевченко, который, очевидно, не мог предшествовать ссылке искупить последующие

оскорбления им религиозных чувств своих соотечественников.

При таких условиях чествование Т.Г. Шевченко приобретает характер нового оскорбления, бросаемого в лицо верующей и верноподданнической России. Верные алтарю, престолу и семейному очагу люди, без различия в оттенках своих общественных и политических взглядов, не могут примириться с мыслью, что в стольном граде св. Владимира сооружается памятник кощуннику и богохульнику, который забросал грязью многие страницы нашего славного прошлого.

К сожалению, по цензурным условиям нет возможности раскрыть всю омерзительную пошлость выпадов Шевченко, но все-таки необходимо отметить, что он издевался над известным киевским генерал-губернатором Бибиковым⁹ («Юродивий»), над императором Николаем I (см. также «Слава», «Я не нездужаю»), Великим Князем Владимиром («Царі»), Богданом Хмельницким¹⁰ («Розрита могила», «Як би то ти Богдане п'яний»), т. е. именно над теми историческими деятелями, чьи памятники уже воздвигнуты в Киеве. Среди них не место изображению того, кто глумился над ними, кто является разрушителем их исторического подвига и предтечей мазепинства, вносящего рознь и вражду в единую великую семью русского народа. Нет места памятнику хулителю Пречистой Девы Марии в городе, где издревле высится славная обитель Печерская. Ее храмовый праздник, день Успения Пресвятыя Богородицы, дерзко поруганного Шевченко, сугубо чтится всем православным людом, во множестве стекающимся из разных мест России в старый Киев именно к 15 августа. Неужели же необходимо вливать отраву в души многочисленных богомольцев, воздвигая среди вековых религиозных и исторических святынь памятник тому, кто попирает их ногами? Не будет ли это чествование посевом ветра, сулящего бурю, источником вечных насмешек и издевательством для еретиков, сек-

тантов и евреев над святой православной верой и русской государственностью?

Св. апостол увещевает нас «не подавать брату случая к преткновению или соблазну» (Рим. 14, 13). Но чествование богохульного и кощунственного писателя при участии православного духовенства несомненно будет опаснейшим соблазном, чреватый неисчислимыми последствиями. Нельзя в месте святе ставить «соблазн нечестия», нельзя трусливо и малодушно молчать, когда ввергаются в великое искушение сонмы слабых, неосведомленных, неготовых к отпору братий по вере и крови. И я потерял бы всякое уважение к себе самому, если бы заглушил голос своей свободной совести, которая немолчно повелевает мне открыто и гласно протестовать против соблазнительного, легкомысленно принятого одними и тонко задуманного другими празднования столетней годовщины рождения врага главной опоры Св. Руси — христианской веры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Чествование члена Государственной Думы проф. А. С. Вязигина

1. 22 октября 1907 года

Третьи выборы в Государственную Думу во многих местах России дали в члены Думы истинно русских людей, до самозабвения преданных родной вере, народу и Государю; всюду верные сыны Святой Руси радовались каждому новому истинно русскому члену *Государевой Думы*, но вряд ли где это ликование русского населения достигало таких размеров, как в Харькове. Здесь был избран основатель и вдохновитель первого Отдела Русского Собрания и Харьковского Союза Русского Народа проф. Андрей Сергеевич Вязигин, известный всей России как выдающийся ученый, как человек с твердой волей и незыблемыми убеждениями, «столп черносотенства», как выразился даже «Товарищ», — как же было русским людям не ликовать и не радоваться?!

Члены Союза не только поздравляли друг друга с «победой», но и целовались друг с другом как на светлый праздник, а некоторые, узнав об избрании А. С., со слезами на глазах, восторженно, из глубины души воссылали благодарственные молитвы Творцу, сподобившему их совершить великое дело: послать в помощь своему Царю-Страстотерпцу действительно *лучшего* человека, более того — самого лучшего, незаменимого и необходимого им самим человека, одна мысль о разлуке с которым причиняла им душевную боль. Неудивительно поэтому, что 22 октября, когда было назначено торжественное со-

единенное заседание Харьковского Русского Собрания и Союза для чествования вновь избранного члена Государственной Думы и своего главы, — огромный зал Дворянского Собрания был переполнен, подобное скопление народа бывало прежде только на первых диспутах, да и то не в такой степени; было очевидно, что каждый русский человек хотел принять участие в чествовании любимого вождя, но, к сожалению, многим не пришлось попасть на заседание именно по недостатку мест.

Немедленно по прибытии профессора Вязигина в зал Дворянского Собрания началось благодарственное Господу Богу молебствие с напутственными молитвами отъезжающему. Служил молебен член Государственного Совета прот. Т. И. Буткевич в сослужении с св.[ященником] П. Н. Скубачевским¹ и от.[цом] иеромонахом Сергием. Надо было видеть, с какой верой и искренностью молились присутствовавшие, прося у Господа всякого споспешествования, духовной бодрости и физических сил рабу Божию Андрею, моля сохранить его от всяких скорбей, зол и болезней, чтобы понять всю важность пережитого момента.

Но вот молебен кончился; певчие пропели «Тебе Бога хвалим»; отец Тимофей Буткевич взял на руки богато украшенный образ Озерянской Божией Матери, которым Союз решил благословить своего учителя на новый подвиг, и обратился к собранию:

— Православные русские люди! — сказал он. — Ныне совершаются торжественные празднования в честь Казанской иконы Божией Матери во всей России, а особенно — в Казани — в женском монастыре — месте явления Чудотворной иконы, в С.-Петербурге — в Казанском соборе, в Москве — в Казанском соборе. Праздник этот — исключительный, не церковный только, но и гражданский день, неприсутственный и неучебный во всей России; в честь Казанской иконы Б.[ожией] М.[атери] русским народом созданы величественные монастыри

(есть даже и в Харьковской епархии — Высочиновский); соборы, церкви, приделы, часовни... Что это значит? Это значит, что через Казанскую икону Б. [ожией] Матери Господь обильно излил свои благодеяния и до сих пор не перестает изливать их на русских людей, на русское царство... Где же теперь находится эта святыня всероссийская, всенародная? Ее нет; злыми людьми она похищена три года тому назад. Известие об этом в свое время опечалило всех благочестивых русских людей. Чем? Бриллиантов жаль? Камней драгоценных? Нет, икона сияла чудотворениями и тогда, когда на ней еще не было ни одного бриллианта, ни одного драгоценного камешка. Да кроме того щедрые руки русских благочестивых людей скоро украсили бы эту дивную святыню и новыми драгоценными камнями, новыми бриллиантами. Страшен был самый смысл этого прискорбного события. История учит нас, что пред гибелью царств, пред утратой народами их политической самостоятельности Господь прежде всего лишал их своих великих святынь. Так, у евреев, пред их пленением и отведением в Вавилон, сразу исчезли все их святыни: ковчег Завета, скрижали закона, сосуд с манной, жезл Аарона прозябший! Спросите у современных нам евреев: где их предки девали эти святыни и когда они их лишились? У греков были редкие и дивные святыни: подлинный крест, на котором был распят Спаситель и который обретен св. Еленю, убрус с нерукотворенным образом Спасителя, риза Богоматери, гвозди, которыми были прибиты ко кресту пречистые руки Господа... Где эти святыни? Их лишились греки вместе с утратой своей политической самостоятельности. Грузин вспомните... И у них были чудные христианские святыни. Достаточно назвать один хитон Спасителя. А где он? Когда его лишились грузины? А у нас за исчезновением св. Казанской иконы Божией Матери какое горе охватило всю Россию — революция! Сколько крови пролито? Сколько дорогих жизней отнято? Сколько вдов и сирот

оставлено? Неужели мы не видим угрожающего нам перста Божия? Подумаем об этом. Всмотримся внимательно в то, что у нас делается, и куда мы идем... За благочестие и веру наших предков к нам Господь милостив, и мы можем питать надежду, что Он не прогневается на нас до конца, что Он еще только предостерегает нас роковыми знаменами, но еще не карает окончательно. Безгранично тяжело становится на душе при одной мысли о похищении чудотворной Каз.[анской] иконы Б.[ожией] Матери. Но утешение мы можем получить в вере, что благость Божия и любовь Царицы Небесной изливаются на наше Отечество в незаслуженном нами изобилии. Мы лишились святыни; но сколько копий ее прославлено не меньшим количеством чудотворений, чем и подлинная икона? Нет города, в котором бы не было чудотворной или, по крайней мере, особо чтимой копии Каз.[анской] иконы Б.[ожией] Матери. А сколько есть еще других чудотворных икон той же Небесной Заступницы нашей — Иверская, Владимирская, Смоленская, Тихвинская, Печерская, Черниговская, Утоли моя печали, Всех скорбящих радости, Нерушимой стены, Неопалимой Купины... Да возможно ли их все перечесать? Как звезды небесные они сияют по всему обширному Отечеству нашему — по городам и селениям. Вот и в нашем городе есть две иконы Божией Матери, прославленные обильными чудотворениями, — Елецкая и Озерянская. Озерянскую икону вы, православные русские люди, по совету нашего досточтимого А. С. начертали даже на своем знамени, избрав ее своей особенной святыней, как образ нашей общей Покровительницы и Заступницы...

Достопочтеннейший А.С! Мы знаем, какую веру и какое благоговение Вы питаете к Матери Божией, теплой Ходатайнице нашей пред Богом. Припомните, что Вы говорили нам, приглашая нас принять участие в молитве в день Покрова Пресв.[ятой] Богородицы. После этого Вы поймете, почему именно Ваши единомышленники

и друзья — члены Харьк. Союза Русского Народа — избрали именно этот св. образ Б.[ожией] Матери для благословения Вам на великое Государево дело. Примите же его с любовью после нашей молитвы пред ним о Вашем здравии. Заступница усердная да охраняет Вас на всех путях Ваших...

Так закончил свою речь от.[ец] Тимофей и благословил св. иконой народного избранника, смиренно преклонившего колени пред честным образом Покровительницы Земли Русской.

Разоблачившись, прот. Т. И. Буткевич занял председательское кресло, объявил Торжественное заседание открытым и предоставил первое слово председателю Х.С.Р.Н. Григорию Константиновичу Уткину², сказавшему небольшую, но прочувствованную приветственную речь. Вот она:

Дорогой и глубокоуважаемый Андрей Сергеевич!

В настоящий исторический момент С.Р.Н. переживает события чрезвычайной важности. Еще 5 лет тому назад Вы, Андрей Сергеевич, как бы предвидя все великие события, какие постигли Россию в 1905 и 1906 г., организовали кружок русских людей, сплотившихся под знаменем: Православие, Самодержавие, Народность. Не буду указывать на те трудности и гонения, какие претерпела небольшая группа лиц, смело отстаивавших свои святыни. Все это еще живо в памяти у нас. Но с Вами, Андрей Сергеевич, никакие невзгоды страшны не были. День за днем Ваши смелые и правдивые воззрения все более и более завоевывали души истинно-русских людей. Ваша громкая проповедь облетала всю Русь и везде находила себе живой отклик. На Ваш призыв все те, в ком билось еще русское сердце, стали собираться и устраивать Союз Русского Народа, сознавая, что в единении сила.

Теперь Вы, Андрей Сергеевич, волей Господа Бога вступаете на новое поле деятельности. Теперь Вы, как

депутат Думы, призванный Государем Императором, так же смело и твердо будете отстаивать интересы нашей Родины пред натиском ужасной гидры, именуемой революцией. Как нам ни тяжело расстаться с нашим дорогим руководителем столь великого дела, но мы чувствуем, что Ваша работа там — в Государственной Думе, еще более будет нужна, чем здесь. Да поможет же Вам Господь Бог и укрепит Вас в Вашем трудном и великом деле. Мы же с чувством глубокого волнения будем переживать те минуты, когда Ваша речь станет раздаваться в стенах Государственной Думы, и своими мыслями и сердцем будем всегда с Вами!

Глубокая искренность и задушевность этой речи видимо вполне гармонировали с настроением Собрания, восторженно ее одобrivшего.

Затем от лица Русского Собрания выступил старейший сотрудник проф. Вязигина по этому обществу проф. Я. А. Денисов со следующим приветствием вновь избранному члену Государственной Думы:

Дорогой Андрей Сергеевич! Не с кликами торжества, не с ликованием по поводу блестящей победы, одержанной над противниками, а с тяжелым сердцем отпускает Вас ныне Харьковское Русское Собрание в стены Таврического дворца.

Ни для кого ведь не тайна, что в лице Вашем мы теряем и своего зодчего, и своего первого работника, который, не покладая рук, и сам трудился над постройкой общего нам здания и нас всех увлекал своим примером.

Вместе с тем мы ясно понимаем, как много нам остается доделывать и как далеки мы еще от поставленной желанной цели, когда творческие начала, положенные нашим Собранием во главу угла своей храмины, проникнут в сознание и сделаются неотъемлемым духовным достоянием каждого русского человека.

Единственным нашим утешением при расставании с Вами служит мысль, что теперь Вас ожидает новое

бесконечно широкое поприще, вполне достойное Вас, на котором найдут себе применение и Ваши богатые дарования и неистощимая трудоспособность, и врожденное Вам чувство меры, и обширная ученость в области исторических знаний, и приобретенный Вами жизненный и политический опыт.

Да удесятерит же Господь Вседержитель Ваши силы на благо Родины и на радость всем нам. Да ниспошлет Он Вам крепость душевную и телесную и да возвратит Он Вас здоровым и невредимым в среду любящих и почитающих Вас сограждан, по исполнении той высокой чреды, на которую Вы ныне призываетесь

А как наказ для руководства в Вашей будущей деятельности в Государственной Думе мы просим принять вот это Св. Евангелие.

При этих словах оратор передал проф. Вязигину превосходно переплетенный том Нового Завета.

После этих приветственных речей председатель предоставил слово представителю граждан г. Харькова, очень любимому и уважаемому согражданами, — городскому судье Ивану Михайловичу Бич-Лубенскому³, одному из выборщиков по спискам Х.С.Р.Н.

«Много раз порывался я, сказал он, прийти поблагодарить вас за оказанное мне вами доверие при трех выборах в Государственную Думу, но обилие всяких служебных и общественных занятий и повседневных забот мешали этому. Сегодня же, в день нашего общего праздника, душа разгорелась, не стерпела, и вот я с вами, чтоб поздравить дорогого Андрея Сергеевича и вас с победой. Победа ваша не в одном том, что на выборах по г. Харькову нам удалось провести союзный список выборщиков; а на выборах в Государеву Думу избрать членом ее нашего дорогого и уважаемого Андрея Сергеевича. Победа в том, что работа Андрея Сергеевича и созданных им Русского Собрания и Союза Русского Народа над закреплением русских национальных начал

приковала к себе внимание населения всей губернии, вызвала сочувствие, и результат этого сочувствия выразился в избрании населением уездов выборщиками если и не единомышленников ваших, то лиц, во многом разделяющих вашу программу, — людей, в груди которых бьется русское сердце и которые рано или поздно будут здесь — вместе с вами.

Это не все: после выборов было чествование новых членов Государственной Думы, на этом чествовании один из выборщиков, заканчивая свою речь, сказал следующее: «Гг. члены Государственной Думы, мы убеждены, что вы неусыпно будете работать на благо Родины, но помните наш завет: *«как бы вы ни работали, помните — не отдавайте ни одной пяди русской земли ни внешним, ни внутренним врагам»*. На слова эти собрание ответило бурным «ура» и нашим гимном, повторенным без перерыва много раз. Когда общий восторг несколько стих, раздался голос: *«Господа, члены Думы, у нас нет вам другого наказа, как тот, что вы только что слышали: «Боже, Царя храни»*. (Здесь речь оратора прерывают бурные рукоплескания, громовые раскаты «ура» и пение гимна).

И там слова эти вызвали такой же взрыв энтузиазма и ура, и гимн, повторенный много раз. Вот какой наказ получили и приняли наши избранники, вот какой ответ земских людей прозвучал на призыв Русского Собрания и Союза Русского Народа, созданных Андреем Сергеевичем. Поклон ему за это.

Держитесь же крепко друг за друга, чтоб не на одних только выборах в Государственную Думу, а во всяком общественном деле Союз мог сказать: *«Стой, красноглазые, ни одной мирской копейки больше в ваши дырявые карманы не попадет!»*

Кто нашего Царя и Родины чурается и служить им по присяге верой и правдой не хочет, тому не место за нашим столом». И слово то будет властно.

В добрый же час, друзья мои, стойте крепко под святым знаменем: «За Веру, Царя и Отечество».

И доколе наш завет будем свято хранить —
Нашей Руси родной никому не сломить.
И не будет тогда в мире царства сильней;
И народы придут и поклонятся ей.

Простое и сердечное слово Ивана Михайловича вызвало восторженную овацию со стороны собрания и неоднократно прерывалось пением народного гимна.

Председатель провозгласил очередь отца Петра Скубачевского, который обратившись к чествуемому, сказал следующее:

Дорогой наш собрат, наш союзник
Андрей Сергеевич!

Радуетя ныне, ликует Харьковский Союз Русского Народа — и радость его чиста, светла, чужда злорадства и даже тени вражды к тем, которые нас считают своими врагами, но которых мы считаем своими заблудшими братьями; они обозвали нас Черной сотней, в своей злобе желая оттенить ту мысль, что под наше знамя пошел простой народ, живущий тяжелым, *черным* трудом, не имевший счастья родиться в палатах белокаменных... И мы не отрекаемся от этого народа, он дорог нам и, слившись с ним в чувстве братской любви, мы принимаем название — Черная сотня... Да, мы — Черная сотня!.. И радуетя, ликует теперь Черная сотня! Чувствует она, что крепнет не по дням, а по часам! Радуетя потому, что рассеивается тот мрак лжи, клеветы и инсинуаций, которым окутали русских людей кадетствующая интеллигенция и продажная печать! Многие уже поняли, что мы не темная сила, желающая поворотить колесо русской истории назад, а что мы прежде всего русские люди, оскорбленные до глубины души в своих священнейших чувствах — любви к Церкви Православной, Царю Само-

державному и нашей несчастной Родине! Многие поняли, что мы не приверженцы старого режима, приведшего нашу Родину на край гибели, а сторонники самых широких реформ, но *в русском духе*, без нарушения исконных устоев, на которых строилась и крепла Русская земля! Многие поняли это, присоединились к нам и обеспечили нам победу на выборах... Успех наш, нравственный успех — громадный!..

Но этот успех возможен был только потому, что во главе нашей патриотической организации стал человек мужества непоколебимого, с русской душой, поборник свободы в самом благородном значении этого слова, любящий страстно свою Родину, верящий в ее самобытное развитие, в ее могущество, в ее будущую славу! Дорогой Андрей Сергеевич! Я знаю, Вы не любите похвал; но в настоящую торжественную минуту долг мне повелевает говорить чистую правду: таким человеком, таким мужественным нашим вождем являетесь Вы! Ваша жизнь, Ваши труды на пользу Родины свидетельствуют, что я говорю правду! Да, мы помним дни харьковской революции, когда «сознательные товарищи» захватили у нас власть и стали командовать городом... Мы помним, как цвет российской интеллигенции позорно склонил свои интеллигентные головы пред этой мнимой силой и готов был признать ее вершителем судеб России!..

В это время громко раздался Ваш голос, призывавший всех честных русских людей объединиться на защиту поправленных прав русского народа, на защиту его святынь: Веры Православной, Царя Самодержавного, как выразителя высшей правды, и Русской Народности! И откликнулись на Ваш благородный призыв все русские люди, не утеревшие любви к своей несчастной, истерзанной, опозоренной Матери-Родине! Откликнулись на Ваш призыв те немногие из интеллигенции, которые не струсили пред грубой и нахальной силой! Тысячами откликнулись те из народа, которые не пошли на посулы

обманщиков, желавших в крови междуусобия утопить Родину, которые не желали стать холопами инородцев, а желали быть честными, свободными русскими людьми, хозяевами в своей родной земле! Они окружили Вас и под священным знаменем, которое подняли Вы, поклялись лучше умереть, чем видеть позор своей Родины, видеть погранными свои святыни!..

С восторгом они внимали Вашим речам, в которых сказывалась русская душа, и вступили в упорную борьбу с теми, кто готов был продать Россию! И решили они во что бы то ни было добиться того, чтобы Ваши речи, полные страстной любви к Родине, раздавались не здесь только, в Харькове, но и там, в столице, под сводами Таврического дворца. Три раза они ходили на выборы, объединенные любовью к вам, своему знаменосцу, и наконец одержали победу! Ликует теперь Черная сотня! *От г. Харькова* в Государственную Думу идет *ее представитель*, ее любимец, ее вождь!

Дорогой Андрей Сергеевич! Черная сотня не даст Вам никакого наказа. Она знает, что Вы мужественно будете стоять за святыни, начертанные на ее знамени: Веры Православной, Царского Самодержавия и Русской Народности! Верим мы, что когда гг. парламентаристы вздумают надеть на русский народ ярмо парламентаризма, Вы со всей мощью своего слова, со всем пылом своей любви к меньшему брату, станете на защиту бедного русского люда! За Ваши труды, за Вашу любовь к Родине и бедному люду от Черной сотни Вам, дорогой Андрей Сергеевич, глубокий поклон.

Еще одна просьба к Вам, Андрей Сергеевич, от Черной сотни. Если удостоит Вас Господь в ряду других избранных народа предстать пред светлые царские очи, вспомните Черную сотню, вспомните, как она любит, обожает Царя-Батюшку, Великого страдальца за землю русскую, и поклонитесь Царю, земно поклонитесь, страданию Его за нашу несчастную Родину поклонитесь!

Да хранит же Вас Господь и Пречистая Богородица!
Любовь наша будет с Вами; мы будем молиться за Вас!

Отца Петра сменили представительницы русских женщин, причем А.Г. Троицкая от лица их произнесла следующее трогательное по своей задушевности приветствие:

Глубокоуважаемый Андрей Сергеевич!

Позвольте мне сказать Вам несколько слов от лица русских женщин, собравшихся здесь чествовать своего дорогого учителя. Прославлять Вас лично, восхвалять Ваши дела и заслуги пред Родиной и народом мы не будем!

Все мы знаем, что «свои труды, надежды, помышления» Вы отдали Отчизне дорогой. Как народному избраннику, гражданину-патриоту в этот знаменательный день, благословляя Вас на великий подвиг служения народу, мы, русские женщины, можем сказать Вам только одно: Смело! с Богом! спешите, куда зовет Вас «подвиг благородный»! Туда... к Царю, и там «в столице шумной», перед лицом других избранников народных, поведайте всем, как исстрадалась Русь родная, как жаждает она света, правды, обновления и примиренья. Скажите, что все мы, русские люди, не в силах уж больше терпеть обид, горя и позора, укажите им, как говорил Минин: «на слезы, на все слезы, что льются по лицу Руси широкой; на слезы Новгородские, Псковские, с Оки и Клязьмы, с Дона и Москвы, от Камы до Невы глубокой». И пусть слова ваши, как Божий гром, гремят по всей стране из края — в край, «рвут сердца, всем душу жгут огнем и слабый дух на подвиг утверждают. Восстань за Русь — на то есть воля Божья»!

После речи А.Г. Троицкой г-жа И. Бабенко поднесла от имени русских женщин шейный образок с изображением Св. Великомученика Георгия и надписью: «спаси и сохрани», сопровождая свое подношение следующим безыскусственным стихотворением:

Ты прими сей образ
От сердец простых!
В сих сердцах таится
Много чувств святых!
Будем мы молиться,
Матерь Божию просить,
Чтоб Она тебя хранила
От напастей злых!..

Русских женщин сменили русские студенты, т. е. те, которым утрата проф. А. С. Вязигина должна быть особенно тяжела, так как в наше время каждый рядовой работник науки дорог, не говоря уж о таком ученом, как новый народный избранник. Первым от лица студентов выступил г. Кокорев.

Глубокоуважаемый профессор! — начал он. — Несмотря на обстановку разлуки, на тяжелые минуты расставанья, эти мгновения мы можем считать рождением первого академического праздника. Ваше отсутствие в здешнем университете означает для нас деятельность там, где Вас ценят как профессора и как человека. Мы говорим о предстоящей деятельности Вашей в Государственной Думе, на обязанности которой лежит прежде всего выработать новые рамки течения научной мысли — без предвзятых тенденций, без перевеса над действительным знанием личных качеств, приятно-необходимых тем, для кого смысл профессорского служения заключается в фразе, сказанной с высоты подмостков аудитории. Наука не терпит фразерства, доставляя жалкую роль политиканствующим ординарным и экстраординарным, боящимся мнения студенчества, давно потерявшего смысл своих речей, боящимся своих тщательно замаскированных, но плохо прикрытых инстинктов, — обывателя на кафедре. *Nomina sunt odiosa*, но и без фамилий мы знаем этих «мужей совета». Нам, профессор, необходимо неподдельное высшее образование,

без которого не имеет полной цены среднешкольное; оно необходимо для сознания, а не бессмысленного заучивания терминов политической веры, данной нам историей, — страданиями наших предков. Вам мы вручаем судьбу грядущих поколений, которым, надеемся, удастся пройти уже здоровую школу долга и правды, где будут учить презрению к громким словам и минутному успеху, этим кумирам недавно окончившихся дней. Последним *Русская Дума* не позволит вернуться в обманчивой мишуре космополитизма, и Вас, — борца за национальный идеал чести «да будет мне стыдно», — мы назовем виновником этого, теперь лишь *желаемого* успеха...

Затем говорил студент-технолог В. Н. Станков:

Уважаемый профессор!

Позвольте и нам, Вашим младшим товарищам — студентам, присоединить и наш голос к числу тех, кто так искренно радуется Вашему избранию в помощники Русского Государя.

Мы переживали и переживаем такое печальное время, что и вера, и патриотизм, и все святое перестало цениться. Мы переживаем тот ужасный период, когда наша Родина-мать, обесславленная, израненная, смотрит с мольбой и надеждой на Единого Помощника. Еще не так давно казалось, что темные силы нашей русской действительности возьмут верх и сломят те основы, благодаря которым только держалось и держится Русское Государство.

Но вот несколько смелых борцов, представителей лучшей части нашего мыслящего общества, выступило на защиту идей русской государственности.

К числу самых первых борцов принадлежали и Вы, уважаемый профессор! Ваша неустанная энергия, Ваше презрение к угрозам, столь щедро расточаемым Вам нашими «товарищами», сделали то, что малочисленное вначале «Русское Собрание» разрослось ныне в грозную армию поборников народных идеалов. Выроненный Рос-

сией меч могущества, видим, поднимается ее верными сынами, каким являетесь Вы, раны ее залечиваются, одежды надеваются праздничные.

Но мы, студенты, рады особенно избранию Вашему в Государственную Думу. Мы боялись того, что в Думу вновь будет избран один из тех, кто приведет и отдаст нас, своих сыновей, в кабалу хищных инородцев и безжалостных тиранов, капиталистов. Но этого не случилось.

И мы верим, мы глубоко верим в то, что люди, подобные Вам, профессор, сумеют отстоять нас, Ваших детей, от порабощения и что они сумеют передать нам, молодому поколению, нашу дорогую Родину еще более могучей, еще более великой и еще более славной!

После этих речей, характеризующих главным образом самих представителей студенчества, говорили от рабочих гг. Наливайко и Коняев.

В их речах красной нитью проходило глубокое упование на то, что наконец-то население вверяет свою судьбу истинно достойному, постоянной заботой коего было улучшение положения трудящегося класса, тех маленьких людей, положение которых всегда незавидно, которые больше всех нуждаются в защите их интересов и которые постоянно находили защитника в лице проф. А. С. Вязигина.

Много было сказано в этот вечер задушевных речей гг. членами Союза, хоть и не явившимися представителями отдельных групп, но изливавшими, так сказать, одушевляющие их чувства, их стремления и надежды; особенно выделялись из этих речей речи гласного Харьковской городской думы В.Ф. Колодяжного и члена Совета Союза Ив.Д. Бабенко. Вот что сказал В.Ф. Колодяжный.

Глубокоуважаемый Андрей Сергеевич!

Здесь так много было высказано Вам приветствий, что едва ли можно к ним что-либо прибавить. С своей

стороны позвольте выразить пожелание, чтобы Вами были затронуты наиболее волнующие в настоящее неустойчивое время всех и каждого, — о подрастающем поколении.

Вы посмотрите, на что похожи наши школы, каких они дают учеников? Дети разнузданы, не почитают родных, не уважают старших, на улице ходят с папиросами в зубах, от них нередко слышится площадная брань, религиозное настроение у них вышибается изгнанием Закона Божия из преподавания или же изложением его на свой лад освободительными батюшками.

А что делается в средних мужских и женских учебных заведениях? Химические и другие обструкции, бойкоты и прочие прелести современного движения. Душа разрывается от этих милых занятий!

Что можно сказать об университетах, которые из храмов науки превратились в очаги революции, склады бомб и других продуктов освободительного движения? Митинги и политика вытравили знание из этих будущих граждан, долженствующих решать судьбу России. Потерявши знания в ничегонеделании, они стремятся получить дипломы, угрожая независимым профессорам разной мерзостью, вплоть до убийства, если им не будут поставлены хорошие отметки.

Может ли и дальше продолжаться такое безотрадное, безысходное положение? Нет, оно должно быть прекращено... и если Вам удастся остановить эту вакханалию, сколько польется благодарности и признательности от несчастных отцов, матерей, сестер, братьев и самих учащихся, которые действительно хотят учиться, но которым не дают этого их сознательные товарищи.

Мы бы желали и просили Вас отстаивать в Государственной Думе истинную свободу, а не ту свободу, которая царилла вообще на Руси со времени знаменитого забастовочно-баррикадного движения и отчасти у нас в Харькове, где мы были живыми свидетелями грубо-

возмутительных сцен озверелой толпы. Как на пример укажу на присутствующего здесь глубокоуважаемого выборщика Дмитрия Петровича Леонова, который по своему мягкому характеру и природной сердечной доброте едва ли имеет врагов. Но достаточно было ему встретиться с этой озверелой толпой с красным флагом, чтобы она его избила до полусмерти, проломила голову и во славу освободительного движения ограбила находившуюся при нем крупную сумму денег. И за что же? Только за то, что он иначе мыслит, чем эта толпа.

Избавьте же нас от такой свободы!
Добрый час вам в путь-дорогу!

И.Д. Бабенко не касался общегосударственных вопросов, он просто излил одушевлявшие Собрание чувства и указал в своей речи на ту сторону деятельности проф. А. С. Вязигина, которая была мало оттенена предшествующими ораторами.

— Дорогой *наш профессор*, Андрей Сергеевич! — начал г. Бабенко. Сей день — великий день. Он является для нас, русских людей, *желанным* днем, потому что мы все, русские люди, глубоко уважаем Вас за Ваши истинно христианские убеждения, которые и побудили всех нас воедино собраться в этом здании, в этой *аудитории нашего народного университета*, в этом *храме науки*, в котором Вы неоднократно поучали нас быть верными своему долгу, быть честными исполнителями всех русских заветов христианской добродетели. Мы все, русские люди благодарим Вас за Ваши неустанные труды, и за Ваш высокий подвиг, которым Вы подвизались для благополучия дорогой нашей Отчизны. Все Ваши драгоценные поучения, которыми Вы делились с нами, надолго останутся в наших сердцах; мы все, как послушные дети, следовали за Вами, как одна семья, унося из этой аудитории самые чудные воспоминания; мы все, объеди-

ненные Вами, *жили вместе*, питаюсь самыми лучшими надеждами будущего, и ныне мы собрались сюда, чтобы излить свои чувства благодарности собственно Вам, дорогой *наш учитель* — Андрей Сергеевич! Мы приносим Вам глубочайший привет и добрые наши душевные и сердечные пожелания, Вы наш отец, и мы любим вас, как дети. *Вы для нас родной и дорогой человек!* Мы всегда благословляем Вас в душе, и будем молиться Господу во дни и в ночи, чтобы Он, Великий Создатель, хранил бы Вашу жизнь на многие лета. Да благословит Он Вас на Вашем новом поприще, и даст Вам силу и мужество мирно и спокойно исполнять свой долг, для чего Вы призваны нашим дорогим Монархом и Отцом всей русской земли! Да благословит Вас Матерь Божия на доброе дело. Да здравствует наш дорогой Монарх и с ним Его драгоценная семья! Да здравствуете и Вы, на радость нам, дорогой наш Андрей Сергеевич, на многие лета!

В ответ на все эти речи скромный, как всегда, в оценке своих трудов и заслуг Андрей Сергеевич сказал только следующее:

— Земно кланяюсь моей дорогой Харьковской Черной сотне и сердечно благодарю ее за благословение, молитвенное напутствие и добрые пожелания. Вы приписали мне слишком много, забыв русскую пословицу: «один в поле не воин». Что бы я мог сделать, не имея вашей постоянной и неизменной поддержки?

Много испытаний мы вместе пережили с той поры, как начали нашу совместную деятельность, и горсть верных собиралась в соседней комнате еще в то время, когда кругом бушевало революционно-освободительное движение, когда на кресте Божьего храма развевалась красная тряпка, а в храме науки устроили баррикады темные силы, враги русского народа и его заветных святынь. Дружными усилиями, непрерывной борьбой за правду мы завоевали в Харькове совершенно особое положение, доказали свою стойкость, заставили с собой считаться

и, наконец, одержали избирательную победу и притом в той среде, где у нас меньше всего членов. Я убежден, что и по второму съезду успех остался бы на нашей стороне, если бы все русские избиратели исполнили свой долг перед Богом, Царем и родным народом. Но еще очень многие не прониклись сознанием необходимости отстаивать каждому общественный мир и устои России, не пуская в Таврический дворец еврейских прислужников, сеятелей смуты, врагов порядка и законности. Меньше всего отрезвление коснулось рабочей среды, которая в сущности осталась без представителя, ибо теперешний избранник социал-демократической партии не будет по совести защищать интересы трудового люда, но действовать по партийной указке. Вообще «маленькие люди» в Думе нуждаются в особой защите, ибо «сильные» сами за себя постоят и себя в обиду не дадут, тогда как «слабые», только объединившись, могут составить могучую силу. Поэтому продолжайте начатое дело сплочения и объединения русских жителей Харьковской губернии, цепко держитесь за достигнутое и притягивайте к себе новых и новых единомышленников. Помните, что вражды и распрей не любит Бог, и Его благословение почит на сынах мира. Неустанно работайте над общим делом — ростом и укреплением русского самосознания, всегда и везде исповедуя верность Св. Православной Церкви, Самодержавному Царю и интересам русского народа. Этим вы поможете своему избраннику свято выполнить принятый им на себя долг — отстаивать русскую правду и интересы угнетаемых ныне инородцами маленьких русских людей — рабочих, крестьян и всех труждающихся и обремененных.

Этим вы мне придадите и сил и бодрости в трудном деле, на которое мне приходится идти по воле Божьей. Меня вы отсылаете на далекий север, на службу царскую, зная мои взгляды и убеждения. Значит, говорить мне о них, делать вам «посулы» нечего. Могу ска-

зять только одно, что и перед Царским Престолом, как и здесь, «крепкой правдой постою!»

В ответ на эту речь любимого вождя и учителя Собрание устроило ему бурную овацию. Во время устроенного затем председателем Собрания 20-минутного перерыва проф. Вязигин все время был окружен огромной толпой членов Союза и гостей, по преимуществу простого народа, и когда один член Русского Собрания стал их уговаривать разойтись и дать отдохнуть Андрею Сергеевичу, какой-то по виду ремесленник недовольно отозвался: «Да дайте нам хоть посмотреть-то на него последний раз!». Пришлось покориться.

После перерыва председательствующий довел до сведения собрания, что получена масса приветственных телеграмм со всех концов России, но А. С. ввиду позднего времени просил не оглашать их. После этого проф. Я. А. Денисов прочел стихотворение «Народному Избраннику». Вот оно:

Ты в храм идешь, к живому соучастью
в святых трудах, намеченный толпой.
Иди ж туда, как ты идешь к Причастью:
правдив и чист, со страхом и мольбой.
Священный стяг величья, славы, счастья
земли родной держа перед собой,
иди вперед разумный, чуждый страсти,
творя добро и с злом вступая в бой.
Блюди и чти обычай предков славный:
держись Царя и Веры православной
и крепко стой за Русь, за нашу мать!
Узакони разумную свободу,
и мир, и труд, и правду дай народу —
и будет он твой труд благословлять.

После него читала стихи А. Г. Троицкая (стих. А. Плещеева «Вперед! без страха и сомненья»)...

нец, И. А. Аносов⁴ прочел следующее свое стихотворение, посвященное им А. С. Вязигину и озаглавленное:

ВОЖДЮ

Была пора, и подлый враг
В чаду слепого озлобленья
Чернил твой каждый смелый шаг,
Грозил невзгодами отмщенья!..
На смену дням бежали дни —
Враги злорадно ликовали...
Но день настал, — и вот они, —
Теперь уже они — в печали!
И этот день, как все, пройдет...
И много в будущем, быть может,
Таится горя и невзгод...
Но нас сомненье не тревожит:
Укор толпы, укор людей
Души высокой не печалит!
Пускай шумит волна морей, —
Утес гранитный не повалит!..

Чтение этих стихотворений вызвало шумное одобрение Собрания, достигшее своего апогея, когда, в заключение, Андрею Сергеевичу был поднесен от имени союзников его большой фотографический портрет. Вся масса лиц, присутствовавших на заседании, вдруг заволновалась как море, и председатель, водворив по возможности порядок, объявил заседание закрытым. После пения молитв и народного гимна ничем более не сдерживаемая народная волна «хлынула на эстраду и на руках хотела нести своего любимого руководителя. С большим трудом удалось отговорить союзников от этого намерения, и долго даже по отбытии профессора из дворянского собрания у входа все еще раздавались восторженные клики «ура», благословения и сердечные пожелания.

II. 28-ое октября 1907 года*

28 октября перрон Харьковского вокзала перед отходом скорого поезда Севастополь — Петербург представлял совершенно необычайную картину: огромная толпа, в более чем тысячу человек, собралась проводить члена Государственной Думы, председателя Харьковского Русского Собрания и учредителя Харьковского Союза Русского Народа профессора Андрея Сергеевича Вязигина.

Проводить отъезжающего прибыли почти в полном составе Советы Харьковского Русского Собрания и Харьковского Союза Русского Народа, г. вице-губернатор В.Н. Крейтон с супругой, гласный городской думы И.М. Бич-Лубенский и огромное количество членов Союза и Русского Собрания. От имени г. Начальника Губернии А. С. Вязигина приветствовал действительный статский советник К.И. Безсонов, остававшийся на вокзале вплоть до отхода поезда.

Как дружная, любящая семья расстается с отцом родным, так провожала харьковская Черная сотня проф. А. С. Вязигина. Всевозможные пожелания, сердечные приветствия и благословения раздавались почти непрерывно, в особенности со стороны простых людей, так что присутствовавший при этом кадет П.П. Оленич-Гнененко вынужден был сознаться, что отъезжает «подлинный *народный* избранник». Иногда отдельные голоса заглушались тысячеголосным пением народного гимна, криками «ура» и молитвой «Спаси, Господи, люди Твоя». Русские женщины поднесли Андрею Сергеевичу цветы, союзники, близ стоящие, обнимали и целовали своего дорогого вождя и учителя, наконец, вся эта тысячная масса, не имея возможности на прощанье поцеловать своего

* Эти проводы были отмечены газетами «Русская Речь», «Набат», «Русское Знамя», «Вече», «Вестник Русского Собрания», «Харьковские Ведомости», «Черная Сотня» и другие.

избранника, просила супругу А. С. Вязигина передать от нее тут же поцелуй, что и было исполнено.

Как же при этом было обидно видеть, что из всего университета, учреждения, которому отданы были лучшие годы жизни отъезжающего, присутствовали, в качестве друзей, только два профессора. Ни ректор, ни декан, ни даже «профессорская коллегия» не сочли нужным откликнуться на честь, оказанную народом, на деньги коего они существуют, их товарищу и сослуживцу на ниве народного образования... Хотя, пожалуй, они последовательны: они ведь всегда «бойкотировали» не только избранника народного, но и самый *русский народ*...

Андрей Сергеевич Вязигин краткой, но прочувствованной речью благодарил всех собравшихся и просил членов Союза и Русского Собрания держаться твердо друг за друга, жить тесной и дружной семьей и неустанно работать на местах на благо Родины и Государя.

Перед самым отходом поезда, по предложению о. Петра Скубачевского, тысячная толпа как один человек перекрестилась, осенила крестным знаменем своего дорогого отца, наставника и руководителя и дружно пропела ему «многая лета».

Третий звонок, и под дивные звуки «Боже Царя храни!» тронулся поезд, увозя к подножью трона на далекий холодный север *излюбленного лучшего человека*...

«Русское Знамя», отмечая факт избрания А. С. Вязигина в Государственную Думу, говорит: «Да, проф. А. С. Вязигин действительно народный герой, вождь; если не с японцами боролся все время он, то с врагами еще похуже, коварней и одержал, можно сказать, в Харькове блестящую победу. Теперь он идет продолжать бой в Таврическом дворце; идет с молитвой святой, как воин Христов перед тяжелой битвой, по древнему христианскому обычаю отговев и отслужив напутственный молебен, с благословением Архипастыря и всей Черной Сотни, —

идет отдать все силы свои на спасение многострадальной Матушки-Руси!»

Все это несомненно справедливо; русский народ по местам проснулся и послал Царю истинных богатырей мысли и дела.

А между тем, так еще недавно и из Харькова ехали проф. Гредескул и Познанский, и только теперь Волею Божьею любящая и благодарная Харьковская черная сотня посылает Царю-Батюшке *достойнейшего* и *самого лучшего* работника в Думу, напутствуя самыми благими пожеланиями. Это волнующееся море голов, эти единодушные благословения, эта пестрота толпы, в коей представлены все группы населения, показывали, что провозагается действительно *народный* избранник, в самом избрании коего глас народный стал указующим голосом Божиим.

Ив. Александров

III. Отклики русских людей на избрание проф. А. С. Вязигина в члены Государственной Думы

Высокопреосвященнейший Арсений, Архиепископ Харьковский и Ахтырский⁵ благословил нового народного избранника на трудное служение иконой Казанской Божией Матери.

Преосвященнейший Иоанникий⁶, епископ Белгородский прислал следующее письмо:

Милостивый Государь,
Достоуважаемый Андрей Сергеевич!

Честь имею приветствовать Вас с избранием в члены Государственной Думы. Правительственное учреждение в Вашем лице приобретает убежденного и разумного поборника за веру, Царя и Отечество. Бог в помощь Вам!

Да пребывает на Вас и Вашем труде Божие вседействующее благословение!

С совершенным почтением — Ваш покорнейший слуга и богомолец Иоанникий, Епископ Белгородский.

1907 года, 23 окт. Белгород.

Кроме того, получены приветственные телеграммы и письма со всех концов России; помещаем здесь наиболее интересные:

От Председателя Русского Собрания Князя Михаила Львовича Шаховского.

«Русское Собрание приветствует с избранием, желая сил и здоровья яркому борцу за русское дело. Примите и от меня сердечные поздравления.

Председатель Князь Шаховской».

«Одесский Союз Русских Людей восторженно приветствует Ваше избрание, желает сил для великой созидательной работы. Родзевич».

«Тамбовский Серафимовский Союз Русских Людей приветствует мужественного поборника Православия, Самодержавия и русской народности и молит Бога ниспослать благословение трудам Вашим на пользу Родины.

Председатель Союза Михаил Попов⁷».

«Киевский Отдел Союза Русского Народа радостно приветствует Вас с победой и от всей души желает Вам сил и здоровья для оздоровляющей Родину работы в Государственной Думе.

Гневушев⁸, Мищенко⁹, Розмитальский¹⁰».

От Белопольского Отдела Харьковского Союза Русского Народа.

«Глубокоуважаемый Андрей Сергеевич!

Позвольте принести Вам поздравление по поводу избрания Вас Членом Государственной Думы и выразить нашу искреннюю глубокую радость, что Ваш смелый честный голос будет раздаваться в Таврическом дворце и будить к жизни русский патриотизм. Да сохранит Вас Господь Бог от всех опасностей, которыми обильно посыпан путь стойкого борца за наше святое русское дело.

Председатель Белопольского Отдела Харьковского Союза Русского Народа Константин Ральф.

Секретарь Отдела Сергей Кононенко».

От Сумского Отдела Харьковского Союза Русского Народа.

«Милостивый Государь!

Совет Сумского Отдела Союза Русского Народа с искренней радостью поздравляет Вас с избранием в Члены Государственной Думы, как стойкого борца за русские исконные начала; мы счастливы, что Ваш родной нам голос отныне будет слышен на всю Россию. Молим Всевышнего, да поможет Он Вам в этом трудном, но Святом деле. Всегда готовые к услугам Вашим. По уполномочию Совета

Председатель Ник. Скубенко».

От Д.А.Хомякова.

«Поздравляю, выручайте. Хомяков».

От профессора П.Н. Буцинского.

«Поздравляю и радуюсь за Отечество. Буцинский».

От В.В. Ермолова и Д. Муретова.

«Поздравляем! Трудно русскому коню в английской упряжи.

Ермолов, Муретов».

От Алексея Семеновича Шмакова¹¹.

«Радуюсь! Поздравляю! Дай Господи Вам душевных сил.

Шмаков».

От Председателя Патриотического Общества в Тифлисе.

«Душевно рад. Поздравляю! Молюсь».

Протоиерей Сергей Городцев»¹².

От С.Н. Карманова.

«Поздравляю Собрание и Союз с победой. Карманов».

От г. Плещеева (из Евстратовки).

«Сердечно приветствую, искренно радуюсь всем моим русским сердцем. Да хранит Вас Бог.

Александр Плещеев».

От Леонида Сергеевича Вязигина.

«Поздравляю дорогого брата, шлю русское: *«Бог на помощь!»*... Леонид Вязигин».

От В.А. Задонского.

«Искренно огорчен, что болезнь лишает возможности приехать. Молюсь о нашем избраннике, да поможет ему Господь постоять за правду. В. Задонский».

От Е.В. Озеровой.

«С восторгом приветствуем дорогого Члена Государственной Думы, да благословит Вас Господь.

Озеровы».

От графини Толь¹³.

«Сердечно поздравляю нового депутата.

Графиня Толь».

От г. В. Долгарева.

«Приветствую достойного избранника, да огласятся, наконец, своды Тавриды неподкупной русской речью, бьющей из уст Сына Руси. Глаголом жги сердца людей, сынов Отечества буди на обновление исстрадавшейся нашей Матушки-Руси; с Богом! За труд неутомимый, за мирный труд с Царем для родины Святой.

Долгарев».

От С.Ф. фон-Дитмар.

«Горячо приветствую дорогого избранника.

Сергей Дитмар».

От крестьянина В. Бобровского.

«Позвольте Вас поздравить с почетным званием Члена Государственной Думы. Пошли Вам Бог послужить на славу и благоденствие Царя и России.

Крестьянин В. Бобровский».

Кроме приведенных здесь, приветствия прислали председатель Главного Совета С.Р.Н. А. И. Дубровин¹⁴, проф. В. П. Бузескул¹⁵, проф. П. М. Мухачев, Лапины,

проф. Я. Анфимов, св. Виктор Власовский, А. П. Донской, Б. Е. Кромиды, Евстафий Воронец, К. Мердер, Н. В. Крестовоздвиженский, С. А. Павловский, М. Домбровская, В. Овечкин и множество других.

Прощальный завет

Моя дорогая многотысячная харьковская Черная сотня! Еще раз шлю тебе свой низкий поклон и сердечную благодарность за ласку, за любовь, за неизменную поддержку и усердно прошу верно пестовать наше общее детище — «Харьковский Союз Русского Народа». Ведь он еще не имеет и двух лет от роду, хоть и приобрел почетную известность по всей Руси великой и святой. Необходимо младенца богатыря холить и лелеять, чтоб он стал славным и могучим богатырем, сокрушителем всякой неправды, смирителем всех темных сил — современных Соловьев-разбойников, Змеев Горынычей и Жидовинов поганых.

Много еще испытаний и ков вражеских ждет русского витязя впереди, а потому первая просьба моя ко всем харьковским черносотенцам: следуйте завету апостольскому — «будьте единокорны и единомысленны», «храните единство духа в союзе мира» и «стойте в одном духе, подвизаясь единокорно за веру евангельскую». «Любовию служите друг другу», дабы не было у вас «раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков».

Бог благословил наши начинания: разросся, не по годам, Союз наш потому, что мы всегда избегали насилий, погромов, избиений иномыслящих. Единственным нашим оружием всегда было живое и печатное слово. Оно служило семенем добрым и, по неизреченной милости Господа, мы видим уже зеленеющие обильные всходы — берегите их и взаимной поддержкой охраняйте от «лукавых слуг князя века сего», от волков, которые

могут облечься и в овечьи шкуры, дабы соблазнить вас и совратить с пути правого. Свято храните в сердце грозный глагол апостольский: «Если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема». Лучше своевременно отсечь загнивший член, чем погибнуть всему телу, надо вырвать с корнем плевелы, дабы не загнушили они бурным ростом своим пшеницу.

Оставаясь сплоченными и единомышленными, вы будете грозной сдерживающей силой для всех врагов Веры Православной, Царя Самодержавного и многострадального народа русского.

Поэтому необходимо закончить внутреннюю организацию Союза, точно распределить обязанности всех членов, разбитых на десятки. Не может Совет — глава Союза, быть и глазами, и ушами, и руками. Не сваливайте же все на Совет, ибо всякий должен работать над общим делом и «все члены должны одинаково заботиться друг о друге». Объединенными усилиями стремитесь к истинному просвещению в духе веры Христовой и экономической взаимопомощи и поддержке. Только тогда вы сбросите с себя тяжелую зависимость от инородцев, вытесняющих русских людей отовсюду, когда, по возможности, будете иметь дело только со своими, покупая у своих, заказывая своим, беря на места, на службу только своих, подавая всегда голоса только за своих.

Связанная духовными и материальными узами Черная сотня восторжествует над всеми вражескими ковами, и никакая сила не одолеет ее.

Великому делу сплочения черносотенцев в тесную, любящую и Богом благословенную семью больше всех должны послужить русские женщины, ибо без женщины нет семьи, нет домашнего очага, нет уютного угла для отдыха от житейских невзгод и превратностей. Вот почему обращаюсь к русским женщинам с сердечной мольбой: поддержите малютку-Союз и создайте всем членам се-

мейную обстановку, поддерживайте впадающих в нужду и болезнь членов, помогайте им воспитывать детей и охраняйте наш внутренний мир, наше единение, наше общее служение возрождению Родины.

Никакое дело не может продолжаться без прилива свежих сил, без смены отошедших и усталых работников новыми трудниками. Поэтому союзная молодежь должна выступить прямыми продолжателями нашей работы и готовить себя упорным трудом, приобретением знаний и выковкой собственных убеждений к подвигу благородному, к прославлению и возвеличению Отечества — великой и неделимой России, к уврачеванию ее ран, к победе над всеми ее врагами, которые насмеялись и надругались над ней, благодаря подлой измене и гнусному предательству.

Россию ждет много испытаний, но и конечное торжество, если все мы окажемся достойными сынами наших предков и сомкнутыми рядами дадим грозный отпор наглým притязаниям супостатов и недругов. Многократно они поднимались на Св. Русь, но каждый раз ложились под ее пяту, повергнутые в прах. Та же участь ждет их и ныне!..

А. Вязигин.

Памяти ученика, профессора-страдальца

Из Орла возвратилась часть харьковских заложников, увезенных большевиками. Но профессоров Харьковского университета, наших коллег, нет среди них: говорят, они погибли — расстреляны или зарублены — в Орле в ночь с 10 на 11 сентября. С трудом верится этому: зачем такая изощренная, бессмысленная жестокость? За что страдали и погибли незлобивый Яков Андреевич Денисов, редкий знаток греческой метрики, оторванный от своей работы по гомерическому эпосу, которой

он так увлекался в последние годы? Николай Семенович Стеллецкий¹, профессор богословия, мирный служитель церкви, стоявший вне политики и политической борьбы? Андрей Сергеевич Вязигин?.. Может быть, последнему мстили за его прошлую политическую деятельность? Но вот уже несколько лет, как он со свойственным ему пылом и рвением всецело отдавался науке и преподаванию в университете и на высших женских курсах. По своей специальности, как всеобщий историк и как мой ученик, он из троих был мне наиболее близок; его памяти я и посвящаю эти строки.

В его лице погиб выдающийся ученый, большой знаток Средних веков, в особенности эпохи борьбы пап с императорами, превосходный профессор.

Еще студентом, кроме сочинения на золотую медаль о борьбе за инвеституру, А. С. Вязигин написал прекрасный популярный биографический очерк папы Григория VII², напечатанный в коллекции Павленкова «Жизнь замечательных людей». Целый ряд его статей относится к этой же области. Некоторые из них стоят целой диссертации, если не по объему, то по содержанию. В них во всех ярко обнаруживаются самостоятельность, тонкий критический анализ, замечательное знание источников и литературы предмета. Теми же качествами отличаются и обширные его рецензии, являющиеся в сущности самостоятельными исследованиями, дающие ряд замечаний, поправок и наблюдений, освещающих вопрос с новой точки зрения. Таковы, например, рецензия на монографию кн. Е. Н. Трубецкого³ «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI в.» и ст. «Международное право в Средние века» по поводу книги барона Таубе: «Принципы мира и права в международных столкновениях Средних веков».

Но наиболее крупный труд А. С. — его диссертация «Очерки из истории папства в XI в.» (1898)⁴. До тех пор не было такого обстоятельного исследования о пре-

образовательных стремлениях пап XI ст. и о начальной деятельности Гильдебранда, тут А. С. многое осветил с небывалой полнотой и с новой точки зрения, проявил удивительное знание источников и новой литературы; по отзыву кн. Е. Н. Трубецкого, «яснее и глубже, чем его предшественники, раскрыл преемственную связь между эпохой преобразований и предшествовавшей ей стадией; выдвинул влияние канонов и школ и свое исследование облек в живую, увлекательную форму». Книга А. С. обращает на себя внимание и в методическом отношении: в ней он выступает против излишнего скептицизма и гиперкритики; конечной целью здоровой критики он ставит не одно только отрицание, разрушение, а воссоздание прошлого. Недаром проф. кн. Е. Н. Трубецкой, сам работавший в той же области, приветствовал книгу А. С. горячими похвалами в особой статье, в «Русской Мысли», и собирался нарочно приехать из Киева в Харьков на диспут А. С. Вязигина.

Другой большой труд А. С. — «Идеал “Божьего царства” и монархия Карла Великого» (1912), составившийся из ряда статей, которые печатались в «Журн. Мин. Нар. Просвещ.» в течение многих лет, с 1901 г., с большими перерывами. Автор отвлечен был политической деятельностью, как член Государственной Думы — на этой деятельности я не останавливаюсь; скажу только, что А. С. был искренний, убежденный человек, предполагал вновь переработать свой труд, но этому не суждено было осуществиться. Здесь особенно сказывается историческое мирозерцание А. С. В противовес «историческому материализму», сводящему все в истории к экономике и низводящему идеальные стремления до ничтожной роли, причем творчество личности тонет в окружающей среде, он выдвигает идейную сторону. Историческим деятелям он вменяет в обязанность идти «к немеркнущим идеалам, завещанным человечеству его духовными вождями, — идеалам единства, мира и правды»; они обязаны

«поднимать толпу на горние высоты, а не опускаться до уровня животных стремлений лишь к всеобщей сытости, достигаемой хотя бы только на одно мгновение, даже ценой потоков крови и разрушения исторического здания, непрерывно создаваемого целые века, и утраты всех сделанных доселе человечеством культурных завоеваний» (писано в 1912 г.).

Как профессора А. С. высоко ценили его слушатели и слушательницы. «Горячо увлекаться Вашим курсом стало как бы традицией нашего студенчества» — говорилось в студенческом приветствии ему по поводу 25-летней его деятельности. «... Та проникновенность, ясность и широта мысли, с коими подходите Вы в своих научных работах к разъяснению сложных вопросов жизни и идеологии Средневекового общества, так же отчетливы и в Вашем устном изложении. Мастерское, увлекательное, подчас драматическое изображение идейной жизни людей далекой поры нас глубоко волнует, они становятся понятны, порой близки нам...» Как известно, большевистские комиссары отстранили проф. А. С. Вязигина от преподавания и, прежде всего, в Народном университете. Тогда слушатели обратились с просьбой вернуть им профессора, которым они очень дорожат. Но просьба не была уважена...

Особенно ценно было руководство А. С. при практических занятиях. В связи с этими занятиями находится издание А. С. пособия — сборника «документов», иллюстрирующих историю Средних веков (2 выпуска), по отзыву такого компетентного судьи, как московский профессор Д. Н. Егоров⁵, едва ли не лучшее, что у нас пока издавалось в этом роде.

И мы дорожили проф. А. С. Вязигиным не только как ученым, преподавателем, но и как членом факультетской коллегии, за ту подчас смелую откровенность и прямоту, с которой он высказывал свое мнение; не раз употребляли все старания, чтобы удержать его среди

нас, когда его приглашали и в Юрьев, и в Киев. Но А. С. был вырван из нашей среды: в начале апреля лишен профессуры «Сквюзом» (советом комиссаров высш. учебн. завед.), а 13 мая (стар. ст.) арестован, заточен. Революционный трибунал не нашел за ним вины; тем не менее его продолжали держать в заточении в Харькове, в Сумах, в Орле, — четыре месяца мучительной жизни, непрерывных страданий, в особенности от голода и ожидания мучительной смерти. Но и в заточении мысль о науке не покидала А. С. На второй день Троицы он пишет мне письмо из Харьковской тюрьмы: «... Сердце подсказывает мне, что вы не забыли своего старого ученика, попавшего неведомо за что в узилище, потому я чувствую потребность высказаться перед вами», и он говорит об исследовании, которое он подготавливал относительно писем известного современника Карла Вел., Алквина⁶: тут ему удалось сделать ценные, совершенно новые выводы, можно сказать — открытие. Его заботит судьба исследования еще не вполне обработанного, которое он просит опубликовать, если ему не суждено будет это сделать. «Жаль мне, что я не в силах придать ему вполне обработанный и законченный вид. Но вы, дорогой учитель, отнеситесь понисходительнее, принимая во внимание мое намерение и мою обстановку».

В Орле, несмотря на доброе отношение тюремной администрации, жизнь была по-прежнему мучительная для узников: томил голод; несколько дней подряд, случалось, нельзя было умыться за неимением воды; по неделям не менялось белье; насекомые не давали спать... Говорят, А. С. в заточении, на суде пред революционным трибуналом и пред лицом смерти держал себя с достоинством, с непоколебимым мужеством, как герой. Сохранился дневник его с 3-го по 10-сентября — несколько маленьких листков, исписанных карандашом, твердым, убористым почерком; самая большая запись — под роковым 10 сентября. Поражает мужество и сила духа. А. С.

был глубоко религиозный человек, и вера поддерживала его. И тут, в этом дневнике, — мысли о Боге, о науке и университете, о семье...

Он пишет, что уже сентябрь, начинаются занятия в университете, а его нет там; как бы он желал поработать на ниве науки! В тюрьме А. С. читает лекции по средней истории «союзникам».

Лекции производят впечатление. Это дает ему нравственное удовлетворение. Я. А. Денисов шутливо замечает, что лектора надо вознаградить за затраченную им энергию, и А. С. в виде гонорара получает ... гнилое яблоко и, кажется, кусочек полусырого бурака.

В ночь с 10 на 11 сент. кончились страдания.

Обыкновенно ученик поминает учителя. Мне выпало на долю помянуть ученика-страдальца...

Да обретет он вечный покой в жизни бесконечной, в которую он так глубоко верил!

В. П. Бузескул

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является первой (после 1917 г.) публикацией из наследия А. С. Вязигина.

В сборник включены основные публицистические произведения А. С. Вязигина (статьи, доклады, речи) за 1902–1914 гг., изданные при его жизни с сохранением (в основном) пунктуации автора.

Орфография изменена в согласии с современными правилами написания. Цитаты оставлены без изменений.

Материал из книги «В тумане смутных дней» (Харьков, 1908), расположен практически в том же порядке, а из журнала «Мирный Труд» — в хронологической последовательности.

В Приложении помещены материалы: «Чествование члена Государственной Думы проф. А. С. Вязигина», «Памяти ученика, профессора-страдальца».

Примечания к неоднократно встречающимся именам, фактам даются при первом упоминании.

Даты везде приводятся по «старому стилю».

Названия статей, отмеченные звездочкой, даны редакцией издательства. См. примечания к конкретным статьям.

Созидательный национализм*

Печатается (в сокращении) по предисловию к книге: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. —

С. V-XVI и по статье «Программа “Мирного Труда”» из той же книги, см.: С. 1–8. Ссылки Вязигина сохранены, в том числе и на статьи, не вошедшие в настоящее издание, страницы в ссылках на издание 1908 г. опущены.

¹ *Маркс Карл* (1818–1883) — экономист, философ, публицист, деятель революционного движения, автор «Манифеста коммунистической партии», «Капитала» (не закончен) и др. сочинений, организатор I Интернационала — первой международной террористической организации.

² «*Мирный Труд*» — научно-литературный и общественный журнал национально-патриотического направления, издававшийся в Харькове А. С. Вязигиным и ставший со временем лучшим провинциальным «толстым» журналом правого толка. Первый номер вышел в феврале 1902 г. В течение первого года вышло 5 выпусков журнала. В 1903 г. выпуск был приостановлен. С 1 января 1904 г. журнал стал выходить в обновленной форме с постоянным штатом сотрудников. В 1904–1906 годах «Мирный Труд» выходил 10 раз в год, а с 1907 г. и до конца 1914 г., когда издание было прекращено, выходил 12 раз в год.

³ «*Харьковский Листок*» — ежедневная газета, выходившая в Харькове в 1901–1905 гг.

⁴ *Потебня Александр Афанасьевич* (1835–1891) — выдающийся филолог, профессор Харьковского университета.

⁵ «*Вестник Европы*» — историко-политический и литературный журнал либерально-западнического направления.

⁶ *Гредескул Николай Андреевич* (1865–1941) — профессор кафедры гражданского права Харьковского университета, кадет, депутат I Гос. Думы от Харькова. В советское время преподавал в ленинградских вузах, написал книгу «Россия прежде и теперь» (1926), неоднократно обвинялся в моральной нечистоплотности.

⁷ *Портсмутский мирный договор* завершил Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Договор был подписан 22.08[5.09].1905 г. в Портсмуте (США). Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и права на Ляодунский п-ов с городами Порт-Артур и Дальний.

⁸ *Буткевич Тимофей Иванович* (1854–1925), протоиерей, профессор богословия Харьковского университета, член Государственного Совета, активный участник монархического движения.

⁹ *Остроумов Михаил Андреевич* (1847–1920?) — заслуженный ординарный профессор по кафедре церковного права Харьковского университета, редактор «Церковных ведомостей», «Харьковских губернских ведомостей» и др. изданий, один из инициаторов создания Харьковского отдела Русского Собрания.

¹⁰ *Денисов Яков Андреевич* (1862–1919) — профессор Харьковского университета, один из учредителей и активных деятелей Харьковского отдела Русского Собрания. Некоторое время редактировал «Харьковские губернские ведомости». Близкий друг А. С. Вязигина, оба были взяты в заложники, вместе и погибли.

¹¹ «*Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык*» — цитата из стихотворения в прозе И.С.Тургенева «Русский язык» (1882).

¹² *Но, следуя завету нашего великого национального поэта* — «на поприще ума нельзя нам отступить» — цитата из стихотворения А. С.Пушкина «Послание цензору» (1822).

¹³ *Недаром наш широко образованный мыслитель и поэт* «все зовет народы в духовный мир, в Господень храм» и «*благословляет всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное*» — автор имеет в виду А. С. Хомякова, первая цитата взята из стихотворения Хомякова «Не терпит Бог людской гордыни».

¹⁴ *Хомяков Алексей Степанович* (1804–1860) — выдающийся богослов, философ, поэт, публицист, один из основоположников славянофильства.

В борьбе за национальную Россию*

Печатается по статье «Итоги первого года» из книги: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. — С. 8–52.

¹ *Голицын Дмитрий Петрович* (1860–1928), тайный советник, член правой группы Государственного Совета, писатель (литературный псевдоним Муравлин), общественный деятель, один из учредителей и первый председатель Совета Русского Собрания. Умер в эмиграции. См. о нем статью в настоящем издании.

О денационализации России*

Печатается по статье «От редакции» из книги: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. — С. 90–92.

¹ *Святой Иоанн Златоуст* (347–407) — архиепископ Константинопольский, Отец и Учитель Церкви.

² *Овсянко-Куликовский Дмитрий Николаевич* (1853–1920) — лингвист, литературовед, профессор нескольких университетов, в т.ч. Харьковского.

Русское Собрание*

Первая часть печатается по статье «Русское Собрание в Петербурге» из книги: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. — С.99–106.

Вторая часть печатается по статье «Речь при открытии Харьковского отдела “Русского Собрания”» из книги: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. — С.107–109.

¹ *Русское Собрание в Петербурге* — первая русская общественная правомонархическая организация.

Создана в конце 1900 — начале 1901 гг., запрещена в феврале 1917 г.

² *Васильев Афанасий Васильевич* (1851–1929), государственный и общественный деятель, публицист неославянофильского направления, член-учредитель и член Совета Русского Собрания. Умер в эмиграции.

³ *Петров Григорий Спиридонович* (1866–1925) — священник-расстрига, популярный проповедник, редактор различных церковных периодических изданий, профессор богословия Санкт-Петербургского политехнического института, участник Религиозно-философских собраний. Перешел на революционные позиции, в 1906 г. сослан в Черминецкий монастырь. Избран депутатом II Государственной Думы, самовольно покинул монастырь, лишен сана (1906). Умер в эмиграции.

⁴ *Макиавелли Никколо* (1469–1527) — итальянский политический деятель, историк, поэт эпохи Возрождения. Автор трактата «Государь» (1532), в котором провозгласил в качестве нормы политического действия принцип «цель оправдывает средства». Символ цинизма в политике.

⁵ *Владимир Всеволодович Мономах* (1053–1125) — великий князь Киевский (с 1113 г.), по матери внук византийского императора Константина Мономаха. «Поучение» написал на склоне лет, в нем дается идеальный образ христианского правителя.

⁶ *Гоббс Томас* (1588–1679) — английский философ-материалист.

⁷ *Эмерсон Ралф Уолдо* (1803–1882) — американский философ-идеалист, основоположник трансцендентальной школы.

По заветам Святой Руси*

Печатается по статье «Ближайшие задачи Харьковского отдела “Русского Собрания”» из книги: *Вязи-*

гин А. С. В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С.110–117.

¹ *Киреевский Иван Васильевич* (1806–1856) — религиозный мыслитель, критик, один из основоположников славянофильства.

² *Самарин Юрий Федорович* (1819–1876) — религиозный мыслитель, публицист, один из главных представителей славянофильства.

³ *Аксаковы* — семья писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859). Его сыновья Константин Сергеевич (1817–1860) и Иван Сергеевич (1823–1886) были видными деятелями славянофильства.

⁴ *Каролинги* — королевская и императорская династия во Франкском государстве, получившая название по имени Карла Великого; в 751 г. сменила Меровингов; прекратила существование в X в.

⁵ *Оттоны* — германские короли и императоры «Священной Римской империи» (X–XIII вв.).

⁶ *Гете Иоганн Вольфганг* (1749–1832) — великий немецкий поэт, писатель, философ.

⁷ *Шиллер Фридрих* (1759–1805) — выдающийся немецкий писатель.

⁸ *Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (1770–1831) — великий немецкий философ.

⁹ *Кант Иммануил* (1724–1804) — великий немецкий философ.

¹⁰ *Тютчев Федор Иванович* (1803–1873) — выдающийся русский поэт, публицист консервативного направления, дипломат.

¹¹ *Киреев Александр Алексеевич* (1833–1910) — военный и общественный деятель, публицист неославянофильского направления.

¹² *Леонтьев Константин Николаевич* (1831–1891) — выдающийся русский мыслитель, писатель, публицист, дипломат.

¹³ *Катков Михаил Никифорович* (1818–1886) — публицист, редактор-издатель журнала «Русский вестник».

¹⁴ *Достоевский Федор Михайлович* (1821–1881) – великий русский писатель, мыслитель и публицист.

¹⁵ *Крестовский Всеволод Владимирович* (1840–1895) – писатель, с 1892 г. редактор газеты «Варшавский дневник».

¹⁶ *Данилевский Николай Яковлевич* (1822–1895) — выдающийся русский мыслитель, ученый-естествоиспытатель, публицист.

¹⁷ *Страхов Николай Николаевич* (1828–1896) — выдающийся русский философ, публицист, критик.

¹⁸ *Грановский Тимофей Николаевич* (1813–1855) — историк, профессор Московского университета.

¹⁹ *Герцен Александр Иванович* (1812–1870) — писатель, критик, публицист.

²⁰ *Белинский Виссарион Григорьевич* (1811–1848) — критик.

²¹ *Чернышевский Николай Гаврилович* (1828–1889) — писатель, публицист.

²² *Градовский Александр Дмитриевич* (1841–1889) — историк, публицист.

²³ *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853–1900) — выдающийся русский философ, поэт, публицист.

²⁴ *Святой благоверный князь Ярослав Мудрый* (ок. 978–1054) — великий князь Киевский, государственный деятель и полководец.

²⁵ *Святой Григорий Двоеслов* (ок. 540–604) — папа римский с 590 по 604 г.

²⁶ *Надлер Василий Карлович* (1840–1894) — историк-монархист, профессор Харьковского университета.

²⁷ *Софья Алексеевна* (1657–1704) — царевна, дочь царя Алексея Михайловича от брака с М.И.Милославской. Управляла государством в 1682–1689 гг. Была пострижена в монахини Новодевичьего монастыря, где и умерла.

²⁸ Устав Харьковского императорского университета был принят в ноябре 1804 г., а официально он начал действовать 17 января 1805 г.

«Спасут нас крест, святыня, вера, трон!»*

Печатается по статье «Новый оплот православия в Харькове» из книги: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 118–120.

¹ *Харьковское Епархиальное Озерянское Братство* было открыто 25 января 1904 г. в храме Озерянской Божией Матери Харьковского Покровского монастыря. Архиепископ Арсений (Брянцев) взял под свое покровительство заботу харьковского духовенства об организации Озерянского Братства. В декабре 1903 г. Владыка согласно предоставленному ему Св. Синодом праву утвердил Устав Братства. Братство открыло доступ для деятельности «всем вообще ревнителям религиозно-нравственного просвещения народа», ибо по Уставу «братчиками могут быть лица православного исповедания, сочувствующие целям Братства, обоюга пола, всех званий и сословий», имеющие, конечно, на это право, любовь и усердие. Членство в братствах было почетным, пожизненным, действительным и соревновательным. При открытии Братства записалось 212 человек (20 пожизненных и 192 — действительных). Очередные заседания проводились не реже 1 раза в месяц, экстренные — по мере надобности. Все духовенство города Харькова и Харьковского уезда, настоятели и настоятельницы всех монастырей, все монашествующее духовенство епархии, учителя и учительницы церковно-приходских школ входили в состав центрального Братства Озерянской Божией Матери в качестве обязательных членов. В 1906/07 отчетном году в уездных отделениях состояло 2250 членов.

² *Anima humana — natura christiana* (душа человека по природе христианка) — афоризм Отца Церкви Тертуллиана (полное имя Квинт Септим Флорент Тертуллиан, ок. 155–245). Вязигин использует нетрадиционное написание, обычно пишут: *Anima naturaliter christiana*.

В конце статьи Вязигин цитирует стихотворение Ф. М. Достоевского «На европейские события в 1854 году».

Замалчиваемый русский писатель*

Печатается по статье «Кн. Дмитрий Петрович Голицын» из книги: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. — С.130–137.

Венок на могилу Василия Львовича Величко*

Печатается по статье «Василий Львович Величко» из книги: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. — С.138–154.

¹ *Апраксин Петр Николаевич* (1876–1962) – государственный и общественный деятель, действительный статский советник, гофмейстер Высочайшего Двора, флигель-адъютант, один из руководителей Русского Собрания.

² *Бурнашев Сергей Николаевич* (? — после 1917) — статский советник, камергер Высочайшего Двора, публицист, член Совета Русского Собрания.

³ «*Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III*» было основано 23 мая 1866 г. в Санкт-Петербурге, первым председателем Общества был избран академик и поэт, сенатор, член Государственного Совета князь П.А.Вяземский. Император Александр II согласился назначить почетным председателем Общества Великого Князя Александра Александровича, будущего Императора Александра III (после его кончины общество стало именоваться «в память Императора Александра III»). Эмблемой Общества было утверждено изображение московского памятника гражданину Минину и князю Пожарскому. Почетным председателем Общества был и Император Николай II. Членами Общества были все выдающиеся русские историки.

⁴ *Муретова Мария Георгиевна* (?–1912) — литератор (псевд. Мария Маро), соавтор В. Л. Величко, член Русского Собрания.

⁵ *Человек, прямо созданный для Маньчжурской дороги*, т. е. жулик и казнокрад. Хищения во время строительства Китайско-восточной железной дороги (КВЖД) стали в свое время притчей во языке.

⁶ *Писарев Дмитрий Иванович* (1840–1868) — публицист, литературный критик, революционный демократ. С июля 1862 г. по ноябрь 1866 г. отбывал заключение в Петропавловской крепости.

⁷ *Шелгунов Николай Васильевич* (1824–1891) — средней руки писатель и публицист демократического направления.

⁸ *Михайловский Николай Константинович* (1842–1904) — публицист, литературный критик, социолог, один из идеологов народничества.

⁹ *Мещерский Владимир Петрович* (1839–1914) — князь, беллетрист, публицист консервативного направления, основатель и издатель журнала-газеты «Гражданин».

¹⁰ *Грингмут Владимир Андреевич* (1851–1907) — педагог, публицист, редактор газеты «Московские Ведомости», один из лидеров право-монархического движения, организатор и руководитель Русской Монархической Партии.

¹¹ *Нордау (Сюдфельд) Макс (Симон Максимилиан)* (1849–1923) — один из основателей Всемирной Сионистской организации, философ, писатель, оратор и врач.

¹² *Ницше Фридрих* (1844–1900) — знаменитый немецкий философ и поэт.

¹³ *Алквиад* (ок. 450–404 до Р.Х.) — афинский политический деятель и полководец, воспитанник Перикла, ученик Сократа.

¹⁴ *Перикл* (ок. 490–429 до Р.Х.) — политический деятель, вождь афинской демократии.

¹⁵ *Будучи близок к такому выдающемуся мыслителю, как покойный Вл. Соловьев, Величко составил прекрасное обозрение его жизни и творений.* Величко был старинным другом Вл.С.Соловьева, после кончины друга он написал о нем книгу «Владимир Соловьев. Жизнь и творения», выдержавшую два издания в 1902 г. и в 1904 г.

Величие самодержавия*

Печатается по статье «По поводу пребывания царя в Харькове» из книги: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 155–163.

Государь Император Николай II произвел 4 мая 1904 г. в Харькове смотр войск, отправлявшихся на Дальний Восток.

¹ *Д.Х.* — *Дмитрий Алексеевич Хомяков* (1841–1919), сын А. С. Хомякова, действительный статский советник, православный мыслитель и общественный деятель, один из основателей Союза Русских Людей, член Предсоборного Присутствия.

Русские люди, объединяйтесь!*

Печатается по статье «Новые отделы “Русского Собрания”» из книги: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 164–171.

¹ *Спенсер Герберт* (1820–1903) — английский философ и психолог.

² *Родзевич Николай Николаевич* (?–1919), педагог и общественный деятель, один из руководителей правомонархического движения в Одессе, председатель Одесского Союза Русских Людей.

³ *Архимандрит Анатолий* — *Анатолий (в миру Каменский Алексей Васильевич)*, архиеп. Иркутский (1863–1925), активный участник правомонархического движения в Одессе, член фракции правых IV Государственной Думы, товарищ председателя Главного Совета Союза Русского Народа.

⁴ *Грибовский Вячеслав Михайлович* (1867–1924), доктор государственного права, профессор, публицист и беллетрист, общественный деятель, активный участник Академического движения.

⁵ *Завитневич Владимир Зенонович* (1853–1927) — историк и археолог, профессор Киевской духовной академии, публицист, председатель Киевского отдела Русского Собрания.

Поворот молодежи в сторону христианских идеалов*

Печатается по статье «О настроении русской молодежи» из книги: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 189–197.

Надежда России — православный царь*

Печатается по статье «Надежда России» из книги: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 198–203.

¹ *Плеве Вячеслав Константинович* (1846–1904) — правый государственный деятель, действительный тайный советник, министр внутренних дел, член Русского Собрания. Убит террористами 15 июля 1904 г. в разгар Русско-японской войны.

А. С. Вязигин приводит исторические примеры, когда убийство государственных деятелей не изменило ход истории. *Цезарь Гай Юлий* (100–44 до Р.Х.) — римский государственный и политический деятель, фактически первый римский император. Убит заговорщиками-республиканцами. *Генрих III* (1551–1589), французский король, последний монарх династии Валуа. Заключил военный союз с протестантами-гугенотами. 1 августа 1589 смертельно ранен католическим монахом Жаком Клеманом. *Генрих IV* (1553–1610) — французский король, основатель династии Бурбонов. Издал Нантский эдикт 1598 г. о веротерпимости, уравнивший в правах католиков с протестантами-гугенотами. Убит 14 мая 1610 г. католическим монахом Франсуа Равальяком. *Вильгельм I Оранский* (1533–1584) — первый штатгальтер Голландии,

лидер борьбы за независимость Нидерландов. Убит 10 июля 1584 г. католиком Бальтазаром Жераром. *Линкольн Авраам* (1809–1865) — 16-й президент США (1861–1865). В годы его правления началась Гражданская война. Смертельно ранен 14 апреля 1865 г. через несколько дней после окончания войны, в ложе театра южанином, актером Джоном Уилксом Бутом. *Марат Жан Поль* (1743–1793) — публицист, идеолог и деятель так называемой Великой французской революции конца XVIII в. 13 июля 1793 г. заколот кинжалом Шарлоттой Корде.

² *Св. страстотерпец Цесаревич Алексей* родился 30 июля (12 августа) 1904 г.

³ *Алексей Михайлович Тишайший* (1629–1676), второй царь династии Романовых. Судебник (Соборное Уложение) был принят в 1649 г., воссоединение Малороссии с Россией состоялось в 1654 г.

⁴ Выдающиеся деятели эпохи царствования Алексея Михайловича Тишайшего: *Ртищев Федор Михайлович* (1625(1626?)–1673) — государственный деятель, возглавлял ряд приказов, получил название «милостивого мужа»; *Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич* (?–1680) — дипломат, возглавлял Посольский приказ; *Матвеев Артамон Сергеевич* (1625–1682) — выдающийся государственный деятель, дипломат, преемник Ордина-Нащокина на посту главы Посольского приказа. Убит во время стрельцкого бунта.

⁵ *Высочайший Манифест от 11 августа 1904 г.* был издан по случаю крестин Цесаревича Алексея, содержал ряд традиционных милостей (прощение недоимок, смягчение наказаний и т. д.), а также отменял телесные наказания для крестьян по приговорам волостных судов.

Нищета парламентаризма*

Печатается по статье «Мнимая спасительность парламентаризма» из книги: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 204–217.

¹ *Меньшиков Михаил Осипович* (1859–1918) — критик, публицист, сотрудник газеты «Новое время», идеолог русского национализма. У Меньшикова были сложные отношения с черносотенцами, которые упрекали его в либерализме. Расстрелян ЧК.

² *Тацит Корнелий Публий* (ок. 55 — ок. 117) — один из крупнейших историков Древнего Рима.

³ *Чаадаев Петр Яковлевич* (1794–1856), русский философ, публицист, идеолог западничества. В 1836 г. опубликовал в журнале «Телескоп» вызвавшее негодование патриотической части общества «Философическое письмо», в котором сформулировал западнический взгляд на Россию.

⁴ *Ибсен Генрик* (1828–1906) — выдающийся норвежский драматург.

⁵ *Бурже Поль* (1852–1935) — французский публицист, общественный деятель, беллетрист.

⁶ *Лабанд П.* — немецкий ученый, профессор, один из родоначальников (наряду с г.Еллинеком) юридической школы государственоведения.

⁷ *Брюсов Валерий Яковлевич* (1873–1924) — русский поэт и публицист.

⁸ *Гартманн, Эдуард фон* (1842–1906) — философ и психолог, автор книги «Философия бессознательного».

⁹ *Дрейфуса дело* — судебное дело (1894–1900) по обвинению в шпионаже в пользу Германии офицера французского Генерального штаба еврея Альфреда Дрейфуса (1854–1935).

¹⁰ *Тэн Ипполит* (1828–1893) — французский литературовед, теоретик искусства, философ, историк.

¹¹ *Аксаков Иван Сергеевич* (1823–1886) — поэт, публицист, издатель, общественный деятель, славянофил.

Опасности нового закона о браке*

Печатается по статье «Опасные стороны нового закона о браке» из книги: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 218–223.

¹ *Модестин Геренний* — римский юрист III в., ученик одного из крупнейших римских юристов Ульпиана. Имел в числе немногих право давать свои решения по гражданским спорам как бы от имени императора. В 426 законом о цитировании сочинениям 5 юристов, в том числе и сочинениям Модестина, была придана обязательная юридическая сила.

² *Кормчая книга* — сборник правил Церкви, касающихся ее государственных постановлений, пришедший на Русь из Константинополя.

³ *Филевский Иоанн Иоаннович* (1865—после 1923) — протопресвитер, преподаватель Харьковского университета, после 1917 г. активный участник «обновленческого раскола».

⁴ *Розанов Василий Васильевич* (1856—1919) — известный русский мыслитель, консервативный публицист. Проповедовал сомнительные взгляды на вопрос о браке.

⁵ *Амфитеатров Александр Валентинович* (1862—1938) — сын протоиерея, писатель, либеральный публицист. Автор получившего широкое хождение пасквиля «Господа Обмановы».

⁶ *Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907) — выдающийся русский мыслитель и государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода (1880—1905).

⁷ *Тирш Генрих Вильгельм* (1817—1885) — немецкий протестантский теолог.

⁸ *Лютард (Лутгардт) Христофор Эрнст* (1823—1902) — немецкий протестантский теолог.

⁹ *Алкоран* — Коран, священная книга мусульман.

Православие — Самодержавие — Народность*

Печатается по статье «Десятилетие правления государя императора Николая II» из книги: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 224—235.

¹ *Манифест 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».* В Манифесте Государь призвал «к тесному единению всех верных сынов Отечества для усовершенствования государственного порядка установлением прочного строя в местной жизни». Манифест отменял принцип круговой поруки у крестьян, провозглашал основы веротерпимости и др. меры.

² *Толстой Лев Николаевич* (1828–1910) — граф, великий русский писатель, публицист и общественный деятель. В конце жизни за пропаганду еретического учения отлучен от Церкви.

³ *Комб Луи Эмиль* (1835–1921) — французский политический деятель. В июне 1902 — январе 1905 г. возглавлял кабинет министров, который подготовил закон об отделении церкви от государства, принятый в конце 1905 г.

Россия и революция

Печатается по книге: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 236–248.

¹ *Февральский взрыв (1848 г.)* — революция 1848 г. во Франции, результатом которой стало свержение монархии Луи-Филиппа.

² *Штраус Давид Фридрих* (1808–1874) — немецкий философ-младогегельянец, теолог, отрицал достоверность евангельских событий.

³ *Подвиги коммуны в 1871 году* — Парижская коммуна просуществовала всего 72 дня (с 18 марта по 28 мая 1871 г.), но была одной из самых кровавых революций.

⁴ *Жорес Жан* (1859–1914) — французский журналист и политический деятель, лидер Социалистической партии.

⁵ *Знаменитое воззвание Маркса также призывало к объединению пролетариев всех стран* — словами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» заканчивал-

ся «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф.Энгельса (1848).

⁶ *Карл Великий* (742–814) — король франков с 768 г., император с 800 г. По его имени названа династия Каролингов.

⁷ *Европа трактатов 1815 г.* — договоры, заключенные в рамках Венской мирной конференции 1815 г., собравшейся по окончании наполеоновских войн в Европе (в том числе Отечественной войны 1812 года), привели к созданию Венской геополитической системы.

⁸ В заключении статьи А. С. Вязигин приводит отрывки из стихотворений Ф. И. Тютчева «Славянам» (1867) и «К.В.Нессельроде» (1850).

Начало русской смуты*

Печатается по статье «От редакции» из книги: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. — С. 273–281.

¹ *Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович* (1826–1889) — писатель-сатирик, государственный деятель.

Гонения на русскую молодежь

Печатается по книге: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. — С. 282–300.

¹ *Иловайский Дмитрий Иванович* (1832–1920) — тайный советник, историк, педагог, автор учебника истории для гимназий, публицист консервативного направления, общественный деятель, участник правомонархического движения.

² *Картины студенческих нравов и интересов, нарисованные в известной книжке Гегидзе* — речь идет о книге Бориса Гегидзе «В университете. Наброски студенческой жизни», выдержавшей в 1903–1905 гг. 6 изданий.

³ *Кит Китыч* — персонаж комедии А.Н.Островского «В чужом пиру похмелье».

⁴ *Кантемир Антиох Дмитриевич* (1708–1744) — русский поэт, дипломат.

⁵ *Фонвизин Денис Иванович* (1744(1745?)–1792) — русский писатель, драматург. Митрофанушка — персонаж комедии «Недоросль».

⁶ *Фамусов Павел Афанасьевич* — персонаж комедии А. С.Грибоедова «Горе от ума».

⁷ *Соловьев Сергей Михайлович* (1820–1879) — знаменитый историк, профессор Московского университета, автор многотомной «Истории России с древнейших времен».

Нужен ли России Земский собор?*

Печатается по статье «Мертвое учреждение» из книги: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. — С. 301–309.

¹ *Земские Соборы* — центральные сословно-представительные учреждения в России серед. XVI–XVII вв.

² *Нечаев Сергей Геннадиевич* (1847–1882) — революционер, идеолог терроризма, умер в Петропавловской крепости.

³ *Желябов Андрей Николаевич* (1851–1881) — революционер-террорист, один из организаторов убийства императора Александра II, казнен 3 апреля 1881 г.

⁴ А. С. Вязигин цитирует в конце статьи заключительные строки стихотворения В.А.Жуковского «Торжество победителей».

Россия для русских* (Ответ Г. А. Щечкову)

Печатается по статье «Ответ Г. А. Щечкову» из книги: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. — С. 343–348.

¹ *Щечков Георгий Алексеевич* (1856–1920) — юрист, политический и общественный деятель, член правой фракции Государственной Думы III и IV созыва, публицист, активный участник правомонархического движения.

Идеалы русского самодержавия.* Является ли «Русское Собрание» противником всяких преобразований?

Печатается по книге: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 323–342.

¹ *Виктория* (Александрина Виктория) (1819–1901) — королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии с 1837 г., императрица Индии с 1876 г., последний представитель Ганноверской династии.

² *Вильгельм II* (1859–1941) — Германский император и Прусский король (1888–1918), старший сын императора Фридриха и Виктории, дочери королевы Виктории.

³ *Старокатолики* — течение в Католической церкви, возникшее в 1870 г. Старокатолики отвергают нововведения Римской церкви: догмат о папской непогрешимости, догмат о непорочном зачатии Божией Матери, а также прибавку в Символ Веры о филиокве.

⁴ *Евсевий Памфил*, епископ Кесарийский (263–339) — христианский мыслитель и писатель, первый историк Церкви, отец церковной истории.

⁵ *Святой благоверный царь Юстиниан I Великий* (ок. 482(483?)–565) — Византийский император с 527 г. В его правление империя достигла наивысшего могущества.

⁶ *Василий II Васильевич Темный* (1415–1462) — великий князь Московский (с 1425 г.). В 1446 г. в борьбе за престол был ослеплен Дмитрием Шемякой.

⁷ *Иоанн III Васильевич* (1440–1505) — великий князь Московский, сын Василия II Темного.

⁸ *Святой равноапостольный Константин Великий* (ок. 274–337) — император в 306–337 гг., с 325 г. правил

единолично. Прекратил гонения на христиан и сделал христианство государственной религией.

⁹ *Данте Алигьери* (1265–1321) — итальянский поэт.

¹⁰ *Гуттен Ульрих фон* (1488–1523) — немецкий публицист.

¹¹ *Монофизитство* — ересь, провозглашавшая, что Иисус Христос обладал только одной божественной природой. Осуждена Халкидонским собором (451).

¹² *Монофелитство* — ересь, сложившаяся в VII в. в Византии и провозглашавшая, что Иисус Христос обладал двумя природами (человеческой и божественной), но одной волей и одной «энергией» (богочеловеческой). Осуждена в 680–681 гг. на Константинопольском (6-м Вселенском) соборе.

¹³ *Несторианство* — ересь, возникшая в Византии в V в. Названа по имени основателя Нестория, патриарха Константинопольского в 428–431 гг. Несториане отвергли понятие «богочеловека», утверждая, что дева Мария родила человека, который впоследствии, преодолев человеческую слабость, возвысился до Мессии. Осуждена на Эфесском соборе (431).

¹⁴ *Погодин Михаил Петрович* (1800–1875) — историк, писатель, публицист, профессор Московского университета, академик.

¹⁵ *Петр I Алексеевич Великий* (1672–1725) — сын Царя Алексея Михайловича от второго брака с Н.А.Нарышкиной, Царь с 1682 г., первый Император Всероссийский с 1721 г.

¹⁶ *Наполеон I Бонапарт* (1769–1821) — французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799–1804), император французов (1804–1814 и март — июнь 1815).

¹⁷ *Александр II Николаевич Освободитель* (1818–1881) — Всероссийский Император с 1855 г. Сын Императора Николая I.

¹⁸ *Александр III Александрович Миротворец* (1845–1894) — Всероссийский Император с 1881 г. Сын Императора Александра II.

¹⁹ *Николай I Павлович* (1796–1855) — Всероссийский Император с 1825 г., третий сын Императора Павла I.

Государственная Дума как инструмент разрушения России*

Печатается по статье «Государственная Дума» из книги: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. — С. 349–360.

В статье А. С. Вязигин анализирует содержание Манифеста 6 августа 1905 г., который был опубликован одновременно с двумя другими документами: «Учреждение Государственной Думы» (устав и устройство) и «Положение о выборах в Государственную Думу». Этими актами провозглашалось создание законосовещательной, так называемой «булыгинской» Думы. Публикация Манифеста была нарочито приурочена к празднику Преображения Господня. Однако после Манифеста 17 октября 1905 г. положение о выборах в Думу было изменено в декабре 1905 г.

Химеры гражданских свобод*

Печатается по статье «По поводу Высочайшего манифеста от 17 октября 1905 года» из книги: *Вязигин А. С. В тумане смутных дней.* — Харьков, 1908. — С. 361–368.

¹ *Берлинский конгресс* — международный конгресс, созванный в июне — июле 1878 г. для пересмотра условий Сан-Стефанского договора, завершившего Русско-турецкую войну 1877–1878. Инициатива созыва Берлинского конгресса принадлежала Австро-Венгрии и Англии.

На конгрессе условия Сан-Стефанского мира были существенно изменены не в пользу России, что вызвало недовольство со стороны общества действиями российской дипломатии.

² *Витте Сергей Юльевич* (1849–1915) — граф, государственный деятель; в 1892–1903 гг. — министр финансов, с августа 1903 г. — председатель Комитета министров. Подписал со стороны России Портсмутский мирный договор. За успешное проведение переговоров с японцами был пожалован титулом графа (от правых получил ядовитую кличку граф Полусахалинский). С октября 1905 г. по апрель 1906 г. — глава правительства. Именно Витте правые с полным основанием считали виновником «злосчастного» Манифеста 17 октября 1905 г. и последующего государственного нестроения.

Кровавые уроки*

Печатается по статье «Уроки жизни» из книги: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 380–383.

Неотложные нужды России*

Датировано автором: 4 ноября 1905 г. Печатается по статье «К избирателям в Государственную Думу от сторонников прочного порядка и законности» из книги: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 384–390.

Рост русского самосознания*

Датировано автором: 1905 г. Печатается по статье «Первая годовщина Х.О.Р.С.» из книги: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 391–399.

¹ *Глинка Сергей Николаевич* (1776–1847) — писатель, публицист и издатель.

² *Свт. Митрофан Воронежский* (1623–1703) — первый епископ Воронежский (с 1682 г.).

³ *Стефан (в миру Архангельский Николай Павлович)* (1861–1914) — архиепископ Курский и Обоянский, духовный писатель, церковный и общественный деятель, участник право-монархического движения. Епископ Сумской (1902–1904), епископ Могилевский и Мстиславский (1904–1911).

⁴ *Буцинский Петр Никитич* (1853–1916) — историк, профессор Харьковского университета, один из учредителей Харьковского Отдела Русского Собрания.

⁵ *Ростовцев Яков Иванович* (1804–1861) — граф, один из руководителей подготовки Крестьянской реформы 1861 г.

⁶ *Черняев Николай Иванович* (1853–1910), писатель, театральный и литературный критик, правый публицист, член Харьковского Отдела Русского Собрания.

⁷ *Страхов Николай Николаевич* (1852–?) — преподаватель философских предметов в Харьковской духовной семинарии, затем инспектор той же семинарии.

⁸ *Вицинский Владимир Павлович* — член Харьковского медицинского общества (с 1900), полковой врач на Русско-японской войне, член Харьковского отдела Русского Собрания.

⁹ *Бродович Иосиф Александрович* (1871–?) — профессор по кафедре истории Церкви Харьковского университета.

¹⁰ *Альбицкий Василий Иванович* (1850–после 1917), профессор Харьковского технологического института, один из активных деятелей Харьковского Отдела Русского Собрания и Союза Русского Народа в Харькове.

¹¹ *Шаховской Михаил Львович* (1846–1912) — общественный деятель, один из руководителей монархического движения в 1907–1908 гг., председатель Совета Русского Собрания.

¹² *Оленич-Гнененко П.П.* — член Харьковского Отдела Русского Собрания, критик, публицист. Публиковался в журнале «Мирный Труд».

¹³ *Савинов Михаил Петрович* (1863–?) — стипендиат Харьковского университета (1898–1900) для приготовления к ученой степени по славянской филологии, поэт, писатель, критик. Публиковался в журнале «Мирный Труд».

Борьба за Русь*

Датировано автором: 14 ноября 1905 г. Печатается по статье «О деятельности “Харьковского отдела Русского собрания” за 1904-1905 гг.» из книги: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 400–410.

¹ *Линевич Николай Петрович* (1838–1908) — генерал от инфантерии, главнокомандующий русской армией во время Русско-японской войны (после отставки А.Н.Куропаткина).

² *Задонский Василий Андреевич* (1861–1909) — активный сотрудник Харьковского отдела Русского Собрания, один из учредителей Харьковского Союза Русского Народа.

³ *Пичета Иоанн Христофорович* — протоиерей, настоятель Харьковской Иоанно-Усекновенской кладбищенской церкви.

⁴ *Булацель Павел Федорович* (1867–1919) — присяжный поверенный, публицист и общественный деятель, член Главного Совета Союза Русского Народа, редактор газеты «Русское знамя». Расстрелян ЧК.

⁵ *Мордвинов Николай Львович* (?–1907) — директор Дворянского департамента МВД, товарищ председателя Русского Собрания.

Что теперь делать русским людям?*

Датировано автором: 24 июня 1905 г.; впервые опубликовано: «Мирный Труд». — 1905. — №6. Печатается по книге: *Вязигин А. С.* В тумане смутных дней. — Харьков, 1908. — С. 450–454.

Мининская копейка

Первая часть печатается по: «Мирный Труд». — 1906. — №9. — С. 202–206.

После появления этой статьи в «Мирном Труде» периодически стали появляться «Отчеты по приходу и расходу «Копейки Минина» с подробным изложением, от кого поступали средства и на что расходовались. В частности, отправлялась печатная продукция (противореволюционные издания) во многие города России различным монархическим организациям и церковным братствам.

Вторая часть печатается по: «Мирный Труд». — 1908. — №5. — С. 206–207

Эта заметка была вызвана уменьшением поступлений. В помещенном тут же «Отчете по приходу и расходу «Копейки Минина» говорилось, что за март — апрель 1908 г. (когда А. С. Вязигина уже не было в Харькове из-за отъезда в Санкт-Петербург) приход составил 7 руб. 48 коп., а вместе с поступившими на 1-е марта того же года средствами — 876 руб. 54 коп.

¹ *Минин Кузьма Минич* (?–1616) – нижегородский посадник, торговец мясом («говядарь»), организатор освободительной борьбы русского народа против польской и шведской интервенции в период Смуты начала XVII в.

Каиново отродье*

Печатается по статье «Особое мнение о чествовании Т.Г. Шевченко» из журнала «Мирный Труд». — 1914. — №.1–2. — С. 75–80.

¹ *Шевченко Тарас Григорьевич* (1814–1861) — малороссийский поэт и художник.

² *Квитка-Основьяненко* (настоящая фамилия Квитка) Григорий Федорович (1778–1843) — малороссийский писатель.

³ *Котляревский Иван Петрович* (1769–1838) — малороссийский писатель.

⁴ *Кобзарь* — народный певец. Такое название Т.Г. Шевченко дал первому сборнику своих стихотворений объемом в 114 страниц.

⁵ *Сумцов Николай Федорович* (1854–1922) — профессор кафедры русского языка и словесности Императорского Харьковского университета, автор целого ряда работ о Т.Г. Шевченко, в том числе «Религиозность Т.Г. Шевченко» (Харьков, 1914) и др.

⁶ *Галаганы* — малороссийские помещики, происшедшие из казацкой старшины.

⁷ *Кисель Адам Григорьевич* (1580–1653) — брацлавский кастелян (с 1646 г.), киевский воевода (с 1651 г.).

⁸ *Кочубей Василий Леонтьевич* (1640–1708) — генеральный судья Левобережной Украины. Вместе с полтавским полковником И.Искрой пытался раскрыть подготовку измены И.Мазепы, гетмана Левобережной Украины, казнен Мазепой.

⁹ *Бибииков Дмитрий Гаврилович* (1792–1870) — Киевский генерал-губернатор (с 1837 г.), министр внутренних дел (с 1852 г.).

¹⁰ *Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович* (около 1595–1657) — гетман (1648–1657), руководитель освободительной войны русского народа, инициатор воссоединения Малороссии с Россией.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Чествование члена Государственной Думы проф. А. С. Вязигина

Печатается по: «Мирный Труд». — 1907. — №11. — С. VII–XXXII.

¹ *Скубачевский Петр Николаевич* (1864—не ранее 1919), протоиерей, один из организаторов Харьковского Отдела Союза Русского Народа, вошел в состав Совета СРН, а также стал председателем просветительной комиссии отдела. Непрерывно трудился в «Кружке ревнителей святой православной веры» при Харьковском Обществе русских людей.

² *Уткин Григорий Константинович* — купец, потомственный почетный гражданин, гласный Харьковской городской думы, председатель Харьковского Отдела Союза Русского Народа.

³ *Бич-Лубенский Иван Михайлович* (1867–1919), почетный мировой судья, один из активных деятелей Союза Русского Народа в Харькове. В сентябре 1914 г. избран городским головой г. Харькова, но уже в октябре отказался от должности. До 1917 г. оставался председателем Харьковского съезда мировых судей. Член Всероссийского Церковного собора. Расстрелян большевиками рядом с кафедральным собором («где он произносил свою горячую речь после убийства Царя-Мученика») (Архиеп. Никон (Рклицкий)).

⁴ *Аносов Иван А.* — поэт, публицист, критик, активный деятель Союза Русского Народа в Харькове и других правых организаций. Редактор еженедельной газеты «Черная сотня», органа Харьковского Отдела Союза Русского Народа (1907 г.).

⁵ *Арсений (в миру Брянцев Александр Дмитриевич)*, архиепископ Харьковский и Ахтырский (1839–1914) — почетный член Харьковского Отдела Союза Русского Народа.

⁶ *Иоанникий (в миру Ефремов Иоанн)* (1863–1914) — епископ Белгородский, викарий Курской епархии в 1905–1913 гг.

⁷ *Попов Михаил Тимофеевич* (ок. 1860–1861–после 1917), педагог, действительный статский советник, общественный деятель, один из руководителей правомонархического движения в Тамбовской губернии, председатель Тамбовского Союза Русских Людей.

⁸ *Гневушев — Макарий (в миру Гневушев Михаил Васильевич)*, сщмч., епископ Орловский и Севский (1858–1918), выдающийся проповедник и духовный писатель, общественный деятель, участник правомонархического движения, товарищ председателя Русского Монархического Союза, член Совета Монархических Съездов.

⁹ *Мищенко Николай Саввич* (1856–1916), товарищ председателя Киевского губернского отдела Союза Русского Народа.

¹⁰ *Розмитальский Виктор Эдуардович* (1850–1919), коммерсант, видный киевский монархист, товарищ председателя Киевского отдела Союза Русского Народа, председатель отдела Русского Народного Союза им. Михаила Архангела. Расстрелян ЧК.

¹¹ *Шмаков Алексей Семенович* (1852–1916), присяжный поверенный, публицист и общественный деятель, активный участник право-монархического движения.

¹² *Протоиерей Сергей Городцев — Варфоломей (в миру Городцев Сергей Дмитриевич)*, митрополит Новосибирский и Барнаульский (1866–1956), общественный деятель, участник право-монархического движения, почетный председатель Тифлисского патриотического общества.

¹³ *Толь София Дмитриевна* (1854–1917), писательница и общественная деятельница, член Русского Собрания, автор работ о масонстве.

¹⁴ *Дубровин Александр Иванович* (1855–1921), детский врач, статский советник, вождь Черной Сотни, организатор и руководитель Союза Русского Народа. Расстрелян ЧК.

¹⁵ *Бузескул Владислав Петрович* (1858–1931) — профессор всеобщей истории Харьковского университета, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук.

В. П. Бузескул. Памяти ученика, профессора-страдальца

Печатается по: Новая Россия. — 1919. — 10 октября.

Новая Россия — ежедневная газета (декабрь 1918 — декабрь 1919).

¹ *Стеллецкий Николай Семенович* (1862–1919) — протоиерей, профессор богословия Харьковского университета, настоятель Антониевской университетской церкви.

² *Григорий VII Гильдебранд* (между 1015–1020–1085) — римский папа (с 1073 г.).

³ *Трубецкой Евгений Николаевич* (1863–1920) — князь, историк, религиозный мыслитель. Ко времени защиты докторской диссертации «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI в. Миросозерцание папы Григория VII и публицистов — его современников» (Киев, 1897) относятся его сохранившиеся письма к А. С. Вязигину.

⁴ *Трубецкой Евгений, кн.* Новый труд по истории папства. *А. Вязигин.* Очерки из истории папства в XI веке. Петербург, 1898 // Русская мысль. — 1899. — №2. — С. 121–128.

Диспут А. С. Вязигина состоялся 13 декабря 1898 г. Официальными оппонентами были заслуженный профессор по кафедре истории церкви Харьковского университета А. С. Лебедев (1833–1910) и проф. В. П. Бузескул. В качестве постороннего оппонента выступал проф. кафедры церковного права М. А. Остроумов.

⁵ *Егоров Дмитрий Николаевич* (1878–1931) — историк-медиевист, профессор всеобщей истории Московского университета.

⁶ *Алвин (Алкуин) Флакк Альбин* (ок. 735–804) — англосаксонский средневековый ученый, приближенный Карла Великого. С 796 г. аббат, выступал против еретических учений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Господа Иисуса Христа святое Евангелие:

Мф. — от Матфея святое благовествование

Мк. — от Марка святое благовествование

Лк. — от Луки святое благовествование

Ин. — от Иоанна святое благовествование

Деян. — **Деяния святых апостолов**

Соборные послания апостолов:

Иак. — послание Иакова

1 Пет. — первое послание Петра

2 Пет. — второе послание Петра

1 Ин. — первое послание Иоанна

2 Ин. — второе послание Иоанна

3 Ин. — третье послание Иоанна

Иуд. — послание Иуды

Послания апостола Павла:

Рим. — послание к Римлянам

1 Кор. — первое послание к Коринфянам

2 Кор. — второе послание к Коринфянам

Гал. — послание к Галатам

Еф. — послание к Ефесянам

Флп. — послание к Филиппийцам

Кол. — послание к Колоссянам

1 Фес.; 1 Сол. — первое послание к Фессалоникийцам (Солунянам)

2 Фес.; 2 Сол. — второе послание к Фессалоникийцам (Солунянам)

1 Тим. — первое послание к Тимофею

2 Тим. — второе послание к Тимофею

Тит. — послание к Титу

Флм. — послание к Филимону

Евр. — послание к Евреям

Откр.; Апок. — Откровение ап. Иоанна Богослова (Апокалипсис)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Созидательный национализм	34
В борьбе за национальную Россию	53
О денационализации России	57
Русское Собрание	61
По заветам Святой Руси	72
«Спасут нас крест, святыня, вера, трон!»	81
Замалчиваемый русский писатель	84
Венок на могилу поэта и публициста Василия Львовича Величко	93
Величие самодержавия	111
Русские люди, объединяйтесь!	120
Поворот молодежи в сторону христианских идеалов	129
Надежда России — православный царь	139
Нищета парламентаризма	145
Опасности нового закона о браке	159
Православие — Самодержавие — Народность	165
Россия и революция	177
Начало русской смуты	191
Гонения на русскую молодежь	200
Нужен ли России Земский собор?	220
Россия для русских (Ответ Г.А. Шечкову)	229
Идеалы русского самодержавия. Является ли «Русское Собрание» противником всяких преобразований?	235

Государственная Дума как инструмент разрушения России	256
Химеры гражданских свобод	269
Кровавые уроки	277
Неотложные нужды России	281
Рост русского самосознания	288
Борьба за Русь	298
Что теперь делать русским людям?	310
Мининская копейка	315
Каиново отродье	323
Приложение	330
Чествование члена Государственной Думы проф. А. С. Вязигина	330
Памяти ученика, профессора-страдальца	359
Примечания	365
Список сокращений	395

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*

Русское Православие *(выйдет в 2008 г.)*

Русское государство *(вышел)*

Русский патриотизм *(вышел)*

Русское мировоззрение *(вышел)*

Русский образ жизни *(вышел)*

Русская география

Русское хозяйство *(вышел)*

Международные отношения

Национальные отношения

Русская литература *(вышел)*

Русское искусство

Русский театр

Русская музыка

Русская наука

Русская школа

Русское воинство

Памятники Отечества

Русские за рубежом

Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником института был научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа», а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма.

Корректор А. Г. Мартынова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-499-242-50-80.

Подписано в печать 19.12.2007 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 28,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.